ПУШКИН * ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

14

ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1941

ПУШКИН

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ПЕРЕПИСКА
1828—1831

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1996

ББК 84.5
П 91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

10 июня 1941 г. Президент академик *В.Л.КОМАРОВ*

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Максим ГОРЬКИЙ, Д.Д.БЛАГОЙ, С.М.БОНДИ, В.Д.БОНЧ-БРУЕВИЧ, Г.О.ВИНОКУР, академик А.М.ДЕБОРИН, П.И.ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, Б.В.ТОМАШЕВСКИЙ, М.А.ЦЯВЛОВСКИЙ, Д.П.ЯКУБОВИЧ

Заведующий редакцией *В.Д.Бонч-Бруевич*

РЕДАКТОРЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ТОМА:
Л.Л.Домгер, Н.В.Измайлов, Л.Б.Модзалевский, Д.П.Якубович

Общий редактор тома:
Н.В.Измайлов

Переизданию Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина, приуроченного к 200-летию со дня рождения поэта, содействуют:
Комитет РФ по печати,
Российское акционерное общество "Газпром",
Российская московская телерадиовещательная компания "Москва",
Открытое акционерное общество «ГАЗ» (г. Нижний Новгород),
«Российская газета»,
Московский акционерный коммерческий банк "Возрождение",
банк "Огни Москвы".

С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А.С.
П 91 Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 14 / Художник С.Богачев. — М.: Воскресенье, 1996. — 578 с; ил.
ISBN 5—88528—081—9 (т.14)
ISBN 5—88528—052—5

В четырнадцатый том Собрания сочинений входит переписка А.С.Пушкина за 1828 — 1831 гг.

П $\frac{4702010106 — 017}{К 56 (03) — 96}$ подписное

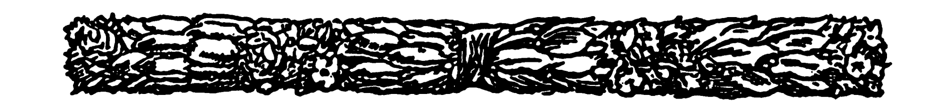

В настоящий том входит переписка Пушкина за 1828—1831 годы.

Тексты писем Пушкина за 1828—1830 гг. (кроме №№ 377, 402, 441, 443, 449, 509 и „деловых бумаг") приготовлены Д. П. Якубовичем; письма Пушкина за 1831 год, а также перечисленные выше №№ и все „деловые бумаги" приготовлены Н. В. Измайловым; письма к Пушкину за 1828—1830 гг. — Л. Б. Модзалевским, за 1831 г. — Л. Л. Домгером и Л. Б. Модзалевским. Алфавитный указатель составлен Л. Л. Домгером и Н. В. Измайловым.

Переводы иноязычных текстов выполнены К. С. Павловой, под редакцией А. А. Смирнова.

Редактор тома — Н. В. Измайлов. Контрольный рецензент — Д. Д. Благой.

ПЕРЕПИСКА
1828—1831

1828

359. П. А. Осиповой.

24 января 1828 г. Петербург.

Je suis si honteux, Madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume: ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera éternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre existence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette existence est assez sotte, et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrai encore à Михайловское. Cependant c'eût été mon désir. Je vous avoue, Madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout à fait étranger — je les supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, Madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, Madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon cœur toute votre charmante famille. Comment se trouve Mlle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes?

A. P.

24 Janv.

Адрес: Madame Ossipof.

360. Е. М. Хитрово.

6 февраля 1828 г. Петербург.

Que vous êtes aimable d'avoir songé à consoler de votre souvenir l'ennui de ma réclusion. Toute sorte d'embarras, de chagrins, de désagréments etc., m'avaient tenu plus que jamais éloigné du monde, et ce n'est que malade moi-même, que j'ai appris l'accident de Mlle la Comtesse. Arnt a eu la bonté de m'en donner des nouvelles et de me dire

qu'elle allait beaucoup mieux. Dès que mon état me le permettra, j'espère, Madame, avoir le bonheur de venir de suite vous présenter mes respectueux hommages, en attendant je m'ennuie, sans avoir même la distraction d'une souffrance physique.

Lundi. Pouchkine.

Je prends la liberté, Madame, de vous envoyer la 4 et 5 partie d'Онегин, qui viennent de paraître; je souhaite de bien bon cœur qu'elles vous fassent sourire.

Адрес: Madame
Madame Hitrof.

361. Е. М. Хитрово.

10 февраля 1828 г. Петербург.

Un aussi triste malade que moi ne mérite guère d'avoir une sœur grise aussi aimable que vous, Madame. Mais je suis[1] bien reconnaissant de cette charité toute chrétienne et toute charmante. Je suis charmé que vous protégiez mon ami Онегин; votre remarque critique est aussi juste que fine, comme tout ce que vous dites; je me serais empressé d'en venir recueillir d'autres, si je ne boitais encore un peu, et si je ne craignais les escaliers. Jusqu'à présent je ne me permets que le rez de chaussée.

Daignez recevoir, Madame, l'hommage de ma reconnaissance et de ma parfaite considération.

Vendredi. Pouchkine.

Адрес: A Madame
Madame Hitrof.

362. М. П. Погодин — Пушкину.

14 февраля 1828 г. Москва.

С ответными замечаниями Пушкина.

19 февраля 1828 г. Петербург.

Третий нумер выйдет завтра, и только из великого [п‹очтения›‹?›] личного (без всяких отношений)[2] моего почтения к Пушкину я не печатаю следующего объявления, — *чтоб не употребить имени его всуе.* Процензуруйте прежде, — прибавьте и убавьте, что вам угодно:

---

[1] *Переделано из* vous

[2] (без всяких отношений) *вписано.*

ной и наконецъ в Петровне со [illegible]×

Итак отвечать Г. Издателям несообразности ваши

Вам непростительны, и несообразно перепечатывать

изъ за них сотни стихов. — Неугодно ли поручить

теперь Пушкину у почтенных Лица переписать

[illegible] все в сочинении, потому что он все на

печатаны с [illegible] ошибками. — Может

Быть он и согласится. —

М. П.

Это слишкомъ придирчиво — См. замечания Изд. Моск. Вѣстн. и замечания Изд. М. Тел. (М. Т. 1828 № 2) Вотъ как замечено [illegible]

× [illegible]

× Въ [illegible], напечатано въ М. Вѣст, как было в рукописи автора. [illegible]

(×) а [illegible]? а [illegible], Москва?

Письмо М. П. Погодина Пушкину, 14 февраля 1828 г., с ответными замечаниями Пушкина, 19 февраля 1828 г. (2-я страница).

Собрание Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, № 3516, стр. 34.

В 17 № Сев.<ерной> Пчелы перепечатано стихотворение Москва, помещенное в 1 № Мос.<ковского> Ве<стник>а, [с следу<ющим>]. „В одном журнале, говорят издатели, сей отрывок напечатан был с непростительными ошибками. По желанию (?) почтенного автора помещаем оный с поправками в Сев.<ерной> Пчеле. — Повторение стихов А. С. Пушкина (NB с его позволения, NB?) никогда не может быть излишним".

Стихотворение *Москва* сам Пушкин продиктовал мне в бытность мою в Петербурге, потом дал мне свою черную тетрадь для поверки, и — наконец я показал ему свою копию. — Каково же было мое удивление, когда после всего этого нашли в нем еще какие-то[1] непростительные ошибки! Я вооружился терпением и стал сличать, — что же нашел?

Вместо Финмуша в М.<осковском> В.<естнике> напечатано Флимуш.*

Между третьею и четвертою строфою поставлены знаки пропуска.**

Сани вместо дрожки, магазины моды без запятой и наконец [о] Петровна с именем.***

И такие опечатки гг. издатели называют[2] непростительными, и не совестятся перепечатывать из-за них сотни стихов! — Не угодно ли попросить теперь позволения у почтенного автора перепечатать *все* его сочинения, потому что они все напечатаны с такими ошибками. — *Может быть он и согласится.* —

М. П.

<Замечание Пушкина:>

Это слишком сериозно. См. замечание изд.<ателя> Моск.<овского> Вестн.<ика> о замечании Изд.<ателя> М.<осковского> Тел.<еграфа> (М.<осковский> В.<естник> 1828 № 2). Вот как должно их доезжать!

---

* Об этой одной букве, которую не разобрал мой сотрудник, надзиравший за печатанием в мое отсутствие,[3] я писал особливое письмо к автору — доказательство, как я [стар<аюсь>] дорожу стихами Пушкина. *Изд.*[4]

** Об них автор сказал мне поздно, и письмо мое дошло в Москву, когда нумер был уже отпечатан.[4]

*** Всё это, *[5] утверждаю смело,[6] напечатано в Мос.<ковском> Вест.<нике>, как было в рукописи автора.

<Замечание Пушкина:>

* а Флимуш проклятый? а Магазины, Моды?

---

[1] еще какие-то *вписано.*

[2] *Переделано из* не совестятся называть

[3] которую не разобрал ~ в мое отсутствие *вписано.*

[4] *Примечание зачеркнуто Пушкиным (?) поперечными чертами.*

[5] *Знак сноски поставлен Пушкиным.*

[6] утверждаю смело *вписано.*

363. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Около (не позднее) 18 февраля 1828 г. Харьков.

Ваше Поэтическое[1] высокопревосходительство, честь имею донести вам, что я уже 10 дней нахожусь в г. Харькове. Где непрестаю говорить об вас с г.г. професорами, судящими о[б] вас по рекомендации Фадея Венедиктовича. Наприм. слышал я от них, что вышепомянутая персона ставит Цыганов выше всех произведений европейских муз. Горько мне было молчать, но подумав, что великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить,[2] оставил я намерение возражать[3] противу сего афоризма. При том же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя во граде Харькове и да скажет он, услыша, как здесь верят в слова его: „веры такой и в Израиле не обретох“. — Проезжая первопрестольный град Москву, ходил я на поклонение к поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитриеву и приложился к мощам преподобного дядюшки вашего. Почтенные братья князь Петр и Евгений представили меня всей низшей братии московской. Видел я поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих. Шевырев пел, вопиял и взывал, но не глаголил; гнев противу Северной Пчелы носил его на крилиях ветра, он не касался до земли, разве изредка носками сапожными. Раич благоухал анисовою водкою и походил на отпущенника или на домо̀вого пиниту. Хвалился милостию Вашею и проч. Благослови, святый Александр, брата младшего твоего Антония и посети будущие Северные Цветы его духом животворящим, яко же посещал их прежде. Здравие и долгоденствие желает тебе, брат любезнейший,

твой Дельвиг
и супруга его — София.

Адрес: Его высокоблагородию
Николаю Ивановичу
Павлищеву.
В С. Петербург.
На Владимирской улице, в доме Кувшинникова. Доставьте А. С. Пушкину.

‹Приписка другой рукой:›
М.‹алой› Морской д. Колержи в трактир Париж.

364. М. П. Погодину.

19 февраля 1828 г. Петербург.

Вы всеконечно правы, и угадали, что я в *примечании* Булгарина совсем не участвовал — ни делом, ни словом, ни согласием, ни вѐдением. Когда б я видел его корректуру, то верно б уж [его] не пропустил выходку, которая так Вас беспокоит. Печатайте ваше возражение, если Вы думаете, что Сев.‹ерная› Пч.‹ела› того стоит — а я не

[1] *Переделано из начатого* вы‹сокопревосходительство›
[2] *Переделано из* стать
[3] *Переделано из* возразить

вмешиваюсь, ибо мое правило: не трогать чего знаете. Впрочем, здесь никто не заметил замечания.

О герой Шевырев! О Витязь Великосердый! — подвизайся, подвизайся! — А вы, любезный Михайло Петрович, утешьтесь, и, как говорит Тредьяковский, плюньте на суку Сев.<ерную> Пчелу.

19 февр.

На днях пришлю вам прозу — да Христа ради, не обижайте моих сирот-стишонков опечатками и т. под.

Шевыреву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского — но бог ему судья.

365. С. А. Соболевскому.

Вторая половина февраля 1828 г. Петербург.

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р. мною тебе должных, а пишешь мне о Mde Kern, которую с помощию божией я на днях <- - ->.— Вот в чем дело: хочешь ли оную сумму получить с Моск.<овского> Вес.<тника> — узнай, в состоянии ли они мне за нынешний год выдать 2100? и дай ответ — если нет, то получишь их с Смирдина в разные сроки. Что, душа моя Калибан? как это тебе нравится? Пиши мне о своих делах и планах. Кто у вас производит, кто потребляет? Кто этот Атенеической [дурак] Мудрец, который так хорошо разобрал IV и V главу? Зубарев? или Ив.<ан> Савельич? Я собирался к Вам, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всяком[1] случае в П.<етер>-Б.<урге> не остаюсь.

366. Е. А. Баратынский — Пушкину.

Конец февраля — начало марта 1823 г. Москва.

Давно бы я писал к тебе, милый Пушкин, ежели бы знал твой адрес и ежели бы не поздно пришла мне самая простая мысль написать: Пушкину в Петербург. Я бы это наверно сделал, ежели б отъезжающий Вяземский не доставил мне случай писать к тебе — при сей верной оказии. В моем Тамбовском уединении я очень о тебе беспокоился. У нас разнесся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил. Спустя некоторое время я с радостью услышал, что ты увозил, а не тебя увозили. Я теперь в Москве сиротствующий. Мне, по крайней мере, очень чувствительно твое отсутствие. Дельвиг погостил у меня короткое время. Он много говорил мне о тебе: между прочим передал мне

---

[1] *Переделано из* на всякой

одну твою фразу, и ею меня несколько опечалил. — Ты сказал ему: „Мы нынче не переписываемся с Баратынским, а то бы я уведомил его“ — и проч. — Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомясь в Москве, мы стали с тех пор более чуждыми друг другу? — Я, по крайней мере, люблю в тебе по-старому и человека, и поэта.

Вышли у нас еще две песни Онегина. Каждый о них толкует по своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и разумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностию вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его всё-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие. Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе. Василий Львович пишет романтическую поэму. Спроси о ней у Вяземского. Это совершенно балладическое произведение. Василий Львович представляется мне Парнасским Громобоем, отдавшим душу свою романтическому бесу. Нельзя ли пародировать балладу Жуковского? Между тем прощай, милый Пушкин! Пожалуйста, не поминай меня лихом.

367. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

5 марта 1828 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал Шестую главу Евгения Онегина.

Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: „Друзьям“, то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано.

Препровождая при сем рукописи сих двух сочинений, из коих первая скреплена надлежащим образом в III Отделении собственной его императорского величества канцелярии, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,

ваш покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 945.
5 марта 1828.

Его высокоблагородию А. С.
Пушкину.

368. А. Х. Бенкендорфу.

5 марта 1828 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович

Позвольте мне принести Вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобрение государя императора есть лестнейшая для меня награда, и почитаю за счастие обязанность мою следовать высочайшему его соизволению.

С чувством глубочайшего почитания и сердечной преданности, честь имею быть

5 марта
1828.
С. П. Б.

милостивый государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

Осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбою: лично узнать от Вашего превосходительства будущее мое назначение.

369. П. А. Осиповой.

Около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г. Петербург.

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онегин, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour Mlle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question. Je ne sais, Madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est-il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsk et de Зуево. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, Madame, vous et toute votre famille, l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait dévouement.

370. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

10 марта 1828 г. Петербург.

Генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя совершенное свое почтение Александру Сергеевичу, покорнейше просит его пожаловать к нему, завтрашнего числа, в воскресение, в 4 часу по полудни.

№ 1052.
10 марта 1828.
Его высокобл.‹агородию› А. С.
Пушкину.

371. П. А. Катенин — Пушкину.

27 марта 1828 г. Шаево.

Посылаю тебе, любезнейший Александр Сергеевич, множество стихов, и пылко желаю, чтоб ты остался ими доволен, как поэт и как приятель. Во всяком случае, прошу мне сообщить свое мнение просто и прямо, и признаюсь, что я даже более рад буду твоим критическим замечаниям, нежели общей похвале. И повесть и приписка деланы *во-первых для* тебя, и да будет над ними твоя воля, то есть ты можешь напечатать их когда и где угодно; я же ни с кем из журналистов и альманахистов знакомства не вожу. Теперь только принужден был обратиться к Погодину (не зная даже как его зовут), чтобы через него отыскать тебя. Сделай дружбу, извини меня перед ним s'il se formalise, да во избежание подобного впредь пришли мне свой адрес; мой же Костромской губернии в город Кологрив. Я читал недавно третью часть Онегина и Графа Нуллина: оба прелестны, хотя без сомнения Онегин выше достоинством. Как твой портрет в Северных Цветах хорош и похож: чудо! Что ты теперь поделываешь? верно что-нибудь веселее, чем я, который то и знаю, что долги плачу: какая тоска! К слову о тоске, ради бога поскучай и ты немножко, чтобы меня и еще кое-кого одолжить; я ведь тебя слишком уважаю, чтобы считать в числе *беспечных* поэтов, которые кроме виршей ни о чем и слушать не хотят. Не льзя ли тебе справиться о неком Афанасие Петровиче Тютчеве, полковнике и командире второго учебного карабинерного полка? не льзя ли его лично, или через другого, отыскать и допросить: получил ли он мое письмо и что он долго не отвечает? Совестно мне отчасти затруднять тебя делом, которое до тебя не касается, но что делать? неволя; теперь у меня в Москве ни души знакомой нет. Встречаешься ли ты с Шаховским? что он делает? каков тебе кажется его Аристофан? по мне, в нем точно есть много вещей умных и хороших; но зачем наш князь пускается в педантство? право, совестно за него. Случилось ли тебе видеть новое театральное учреждение? оно достойно стоять рядом с новым цензурным уставом: кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всех до последнего отвадить от охоты писать для театра; за себя по крайней мере я твердо ручаюсь. О варвары, полотеры придворные, враги всего русского и всего хорошего! Прощай, умница; да вспомни обо мне: ведь не похвально так приятелей забывать. Весь твой

Павел Катенин.

Шаево. Марта 27-го.
1828.

372. И. Е. Великопольскому.

Конец марта 1828 г. Петербург.

Любезный Иван Ермолаевич.

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться.

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

и ваше примечание — конечно личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие очень милы. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю гл.‹аву› Онегина? NB. Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите.

Весь ваш А. П.

Адрес: Евгению Абрамовичу Баратынскому, в Чернышевском переулке, в доме Энгельгарда, в Москве. Пр.‹ошу› дост.‹авить› И. Е. Великопольскому.

373. М. Риччи — Пушкину.

Март — первая половина апреля 1828 г. Москва.

Depuis quelque temps, aimable Mr Pouchkin, je me suis adonné à un des fléaux (au dire de Byron) des écrivains,[1] à la traduction. Votre grand talent ne pouvait pas m'échapper, aussi je vous envoie un petit échantillon de la manière dont je vous estropie.

Écrivez-moi ce que vous en pensez, et si vous me trouvez plus fidèle que vous en amour, soyez assez bon pour m'indiquer les pièces ou fragments que vous voudriez voir passer dans notre langue. Ce qui vous rendrait adorable à mes yeux, ce serait de m'envoyer quelques morceaux de votre Boris Godounoff, que je ne confierai à personne. Madme la Psse Zénéide a envoyé à Mr Kasloff une Ode de Derjavin traduite par moi. Vous me feriez grand plaisir d'y jeter les yeux, et de m'en parler sans phrases. Mon éditeur, toujours la Psse Zénéide, veut absolument vous faire connaître deux pièces de vers de mon *cru,* que le Pce *Abalienski* recevra d'elle. Si *Onéghin-Boyan*-Pouchkin veut arracher un moment à son *dolce far niente* (ce qui ne l'empêche pas de faire beaucoup) — en ma faveur, je lui en serai bien reconnaissant.

Votre tout devoué

Ricci.

‹*Приложение:*›

Il Genio Malefico.

Nei dì che nuovi eran per me beato
De l'esistenza i moti, e il dolce incanto
D'un guardo, e della selva il fremer grato,
De l'usignuolo ed il notturno canto;

---

[1] *Переделано из* littérateurs

Allor quando i sublimi sentimenti,
La libertà, la gloria, l'amore,
E de l'arti gli inspiratori accenti
Fluire il sangue fean con tanto ardore;
L'ore de la speranza, e del diletto
D'angoscioso oscurando e pronto allarme,
Allor tal genio di malizia infetto
Occultamente diessi a visitarme.
Fu il nostro incontro ognor tristo ed acerbo;
L'amaro suo sorriso, e lo suo fosco,
E strano sguardo, il velenoso verbo
[Mi versavan nel sen] Versavanmi nel cuor gelido tôsco.
D'inesausta calunnia traboccante
La providenza lo suo ardir tentava;
Illusion lo di beltà brillante
Era per el; l'inspirazion spregiava.
Ad amor non credeva, a libertate;
Su la vita volgea maligni i rai;
E di natura ne l'immensitate
Ei nulla benedicer volle mai.

---

374. А. Х. Бенкендорфу.

18 апреля 1828 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться.

Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность.

С истинным, глубочайшим[1] почтением и сердечной преданностию, честь имею быть

Вашего превосходительства
милостивый государь
покорнейшим слугою,
Александр Пушкин.

18 апреля.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
Александру Христофоровичу
Бенкендорфу.

---

[1] *Переделано из начатого* С истинным по‹чтением›

375. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

20 апреля 1828 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Я докладывал государю императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; его императорское величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в армии, поелику все места в оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной; но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества. — Сообщая Вам, милостивый государь, сие высочайшее решение, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,
покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 1603.
20. Апреля 1828.
Его высокоблагор‹оди›ю А. С. Пушкину etc. etc.

376. А. Х. Бенкендорфу.

21 апреля 1828 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцов остаюсь я вероятно в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, в последствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга.
Александр Пушкин.

С. П. б. 1828
21 апреля.

377. П. А. Вяземский и **Пушкин — В. Ф. Вяземской.**

21—22, 23, 24 и 26 апреля 1828 г. Петербург.

‹*П. А. Вяземский:*›

Слава богу и Горголи, ты на месте, дома без беды. Хорошо же ты загулялась. Если ты прожила 12 дней в Пензе, то я могу прошататься 12 месяцев; во-первых я муж, а ты жена, следовательно, мне всё можно, а тебе почти ничего, после этой причины другие не нужны. А смерть хочется, приехав, с Вами поздороваться и распроститься, возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж, а в августе месяце быть снова у твоих Саратовских прекрасных ножек, смотри же у твоих, а не у ножек умытых. Вчера были мы у Жуковского и сговаривались пуститься на этот Европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах как Жирафы, или Осажи — не шутка видеть четырех русских литтераторов. Журналы верно говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный манускрипт своего путешествия которому-нибудь книгопродавцу, или *например Полевому*, деньги верные. Не так ли, моя сударушка? Рассудок, или лучше сказать любовь моя к тебе держит меня за полу, а ‹- - - -›[1] и ноги так и зудят. В два месяца собрать воспоминаний на десять лет, материалов на два тома in-8. Да это клад карманный и сердечный. Вы видно очень поладили с Горголи. Он сюда пишет о тебе старухе Вяземской, у которой был я сегодня и видел красный-день Завадовскую. У нее видел я и Голицыну, la princesse Michel, la princesse de Charenton, бывшую Шувалову. Она меня позвала к себе на вечер и мне жаль, что я с нею поздно познакомился. У нее[2] мне очень понравилось. Она презабавная и преживая, молодая хозяйка Голицына — Балк очень мила, другая Голицына — Суворова также показалась мне, или только послышалась очень мила и приветлива. Я с нею не знаком. Встретил я там Юсупову, саратовскую Голицыну, которая на лето едет в Ревель. Он выезжает в четверг, если не солжет, возьмет от меня несколько посылок. Хорош Ваш Сабуров. Я нарочно заезжал к нему, оставил записку, прося его дать мне знать когда поедет, и он уехал, не сказавшись мне. Ты меня разорила своими покупками, тем более, что покупая для тебя твои перкали, бук-муселины, соблазнился и я, и накупил для себя разной дряни. Слава богу, свадьба в пятницу, то есть, 27-го. Мне душно здесь, я в лес хочу. Мне душно здесь, в Париж хочу. Пушкину отказали ехать в армию. И мне отказали самым учтивым образом. Только и разговора, что об La Roche-Jacquelin, сыне героини. Он, говорят, едет волонтером. Я видел его издали в театре. Он едет 24-го. Pétersbourg est devenu la Vendée. La Roche-Jacquelin est son héros. У Голицыной видел я Polier, мужа Шуваловой. Высокий, видный, черноватый мужчина. Что-то в роде Риччи. По последним известиям княгине Софье Волконской лучше. Княжна Алина вероятно приедет летом в Одессу, где будет отец ее. Твой приятель St-Priest застрелился; говорят, в Италии, в Риме, в церкви в самое светлое воскресение. Впрочем эти подробности слухи, а самоубийство его, кажется, достоверно, по крайней мере графине Остерман уже объявили о его

---

[1] *Это слово густо зачеркнуто.*

[2] *Начато:* И она у‹...› *Слова* И она *не зачеркнуты.*

смерти. Рассказывают, что он проигрался, другие, что он был влюблен в Юлию Самойлову, узнал о ее измене и проч. и проч. Вероятно, всё это шитье по канве; по несчастию канва есть, то есть смерть. Вчера слышал я и о смерти своей приятельницы, Нелидовой. Ты знаешь ли, что и муж ее умер. Нелидова была в Польше, больна горячкою, узнала нечаянно о смерти мужа, и болезнь ее усилилась. Вот как мне сказывали. Был у меня Кожухов, говорит о своей невинности, о своем несчастии: впрочем, несчастлив он, во всяком случае. Дело его уже более года продолжается и не кончается. Дочери его в пансионе у Madame Jarni. Он, кажется, отдает их сюда в институт. И я ему то же советовал. В их положении нет им лучшего пристанища. Здесь Шепелев, едет также в Константинополь; я его еще не видал, но завтра буду обедать с ним у Кутайсовой. Он говорит, что едет на войну для детей; разве с надеждою, что его убьют, и что смерть его спасет имение от совершенного расстройства. Кутайсова-мать говорила ему, что он едет в армию маркитантом, vivandier: и в самом деле, вероятно проку только и будет, что станет он кормить и поить главную квартеру. Вчера выехал великий-князь. Государь выезжает в середу, государыня в пятницу. А я когда? Бог весть, а скоро, особливо же, если поеду в Париж через Мещерск. А право брюхом хочется в Париж, но не ниже, следовательно, не ревнуй. Надобно же мне утешиться, что не берут в Царь-Град: я свой найду Царь-Град в Париже. То Константинополь, Стамбул, а настоящий Царьград Париж, после Пензы, или прежде Пензы, или рядом с Пензою; а особливо же на моей карте сердечной, потому что рвусь и в тот и в другой город и никак не желал бы отправиться в Париж, не заехав в Пензу. 24-го. Вчера был я у Новосильцовой-Апраксиной: она приняла меня, но я слышу, что доктор ее отчаивается в ее жизни. Она в сильной чахотке, однако же собирается в Ревель. Обедал я у Кутайсовых с Шепелевым и Дурновой, которая говорит que vous êtes très jolie: неправда ли, что она очень мила? Хотя только глаза остались у нее прежние, а то всё прочее скомкалось. Шепелев едет на войну, для него настоящий *военный пир*, со всею горячностью буйной молодости. А меня на этот пир не пустили. От того-то я на других и скалю зубы. Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что как русский дворянин имеет он право ехать за границу, но что государю будет это неприятно. Грибоедов же вместо Парижа едет в Тегеран чрезвычайным посланником. Я не прочь ехать бы и с ним: но теперь мне и проситься нельзя. Эх, да матушка Россия! попечительная лапушка ее всегда лежит на тебе: бьет ли, ласкает, а всё тут, никак не уйдешь от нее. Я тебя замучил своими недомолвками и жгу твое любопытство на малом и на большом огне. Ну так узнай же всё, слушай: Киселев, как был здесь, втянул меня в желание проситься быть при нем. Он взялся за это, думая, что дело не повлечет за собою никаких затруднений: начал, и затруднения обступили. Между тем он уехал и поручил мне кончить с Бенкендорфом. После нескольких переговоров незначительных и о коих писать нечего, подал я Бенкендорфу письмо, и вот ответ его. Своего письма вероятно не пришлю тебе, лень списывать, да и главное в ответе. Мне тут больно, что я в ином не поступил по собственным вдохновениям, а следовал советам приятелей: советы эти не помогли, потому что дело не состоялось: следовательно и по моему было бы не хуже. Я сперва хотел писать прямо к государю и писать прямо; меня своротили на Бенкендорфа, он человек добрый, я в этом уверен: но что может быть у нас с ним общего и зачем мне ехать на Бенкендорфа, когда дорога моя на Россию и на царя? Удивляюсь неудаче своей и не понимаю ее. Понимаю, что государь не хотел бы принять меня в службу, но раз соглашаясь

принять: не хотеть дать мне такое-то, или другое место, дело странное. Впрочем, я тут не узнаю государя, то-есть могущества его, а вижу только мелкие предубеждения и возню нижних чинов. По крайней мере, мне известно, что хотя я весьма немногим говорил о своем желании и то необходимым, в то же время все государственные мужи знали о нем и без сомнения все перечили. Я имел случай узнать на верное, что наш возлюбленный племянник, вице-канцлер и действительная свинья, Нессельроде, был в этом деле одним из моих противных ветров, то есть попросту <------> отца своего. Бог с ними! Я тут собою доволен тем, что это мне крови не вскипетило и не взбудорожило желчи: стало я стал благоразумнее, или здоровее, и то и другое очень хорошо. Теперь мое дело сделано: я возвращаюсь в ряды бездейственной, но грозной оппозиции. У нас ничего общего с правительством быть не может. Je n'ai plus ni chants pour toutes ses gloires, ni larmes pour tous ses malheurs. Ответ Бенкендорфа похож на жеманство старой <---->: je ne sais pas filer le parfait amour et surtout avec le gouvernement. Сказав свое мнение о недоброжелателях, что скажу о доброжелательных приятелях: в них нашел я точно горячее желание, но большую трусость в исполнении. И после того, они удивляются, что трудно делать у нас добро. Да, я думаю, будет трудно, когда малейшая морщина на печеной роже Нессельроде кажется им грозною тучею. Они хотят провести немощного приятеля через дорогу и точно желают от доброй души: но вдруг видят на дороге щепку и обращаются назад, боятся заносить ногу, говорят приятелю, подождем: неравно ты заденешь эту щепку и упадешь, хуже будет. Вот что со мною было. Аминь. Чтобы доказать тебе, что я лучший родственник, чем Нессельроде, спешу сказать тебе, что я послал по почте тетушке Кожиной пластырь, о котором мне она писала. Куда хочет она приложить его? Вчера умер князь Салтыков, муж Катиши Долгоруковой, кажется, после тяжкой и долговременной болезни. Говорят, он для жены ничего не сделал, то-есть не только *при жизни*, но и по смерти. Государь выехал вчера в ночь. Государыня едет сегодня. Веймарскую Марию Павловну ожидают сюда на днях. Наконец наша свадьба завтра. Я рад, что уже не будут встречные и поперечные спрашивать у меня сто раз на день: когда же Ваша свадьба? Кажется, в городе много было толков об ней за медлением. Мицкевич здесь: тоже хочет проситься в чужие краи для поправления здоровья; но вероятно и ему откажут: такая полоса. Ты найдешь перевод его последней поэмы в Московском Вестнике. Он сказывал мне, что у Зенеиды начинают немного распеваться. Я послал к саратовскому Голицыну покупки для тебя, и вот счет Английского гамазея. Барышни уверили меня, что там купить вернее, а я уверяю их, что они пополам с англичанами хотели поддеть меня на верное рублей на 50 лишних. Всё приданое висит и лежит теперь на виду. Говорят, что во всем много вкуса, а для меня во всем много грусти. Невесте, однако же, кажется весело смотреть на свое добро. О женщины! когда в Вас есть ребячество, то никакое дитя не перещеголяет Вас. Третьего дни был для меня великий день: давали Gazza ladra и хотя не Замбони играл роль отца и не он сказал: nepur l'estreme amplesso, questo troppo crudeltá (так ли, Матушка Ваше сиятельство, ученица г-на Галли?), а я был в восхищении. Дебютантка, здешняя певица Шауберлекнер, была в роле Нинеты, голос у нее хорош и приятен, есть искусство, но грудь слаба и на нее надеиться нельзя. Марколини в роле отца был хорош, хотя он еще и новичек на сцене и в пении: но маркиз Николини в роле Перуцци мне вовсе не нравится. В первый раз видел я театр полный и публику жаркую. Прощай, моя душа. Постараюсь еще прислать тебе с Голицыным тюль для Прасковьи Юрьевны и твои очки и твоему любовнику.

Благословляю и цалую Вас от всей души. Когда обойму на яву? Пора, пора, А куда же после поеду? Бог с Вами и со мною.

В письме к Бенкендорфу просился я быть при главной квартире, или при графе Палене, нашем знакомом, который будет управляющий княжествами Молдавии и Валахии, когда наши войска в них вступят; а то по письму, то-есть по ответу, можно подумать, что я просил бригады в действующей армии.

‹Пушкин:›

26 апреля 1828 г. Петербург.

Ваше сиятельство! Его сиятельство, не смотря на свою ревность, позволил моему благородию написать вам несколько строф — (т. е. строк). Во-первых позвольте повергнуться мне к ножкам Вашего сиятельства и принести всеподданнейшую мою благодарность за собачку (символ моей к Вам верности), вышитую на канве собственными вашими ручками и присланную мне в мое чухонское уединение. — Что делаете вы, бесподобная княгиня, в вашей саратовской степи, и что делает е.‹го› с.‹иятельство› Павел, которого письма составляют единственное утешение наше? En second lieu je vous remercie pour la charmante lettre dont vous m'avez honoré. Je ne l'ai pas pour le moment sur mon cœur (c.‹'est› à d.‹ire› dans ma poche), c'est pourquoi je me réserve pour un autre temps le plaisir de babiller et de vous faire la confession pleine et entière que vous me demandez. Salut. A. P.

‹Приложение:›

А. Х. Бенкендорф — П. А. Вяземскому.

20 апреля 1828 г. Петербург.

Милостивый государь,
князь Петр Андреевич!

В следствие доклада моего государю императору о изъявленном мне Вашим сиятельством желании, содействовать в открывающейся против Оттоманской Порты войне, его императорское величество, обратив особенно-благосклонное свое внимание на готовность Вашу, милостивый государь, посвятить старания Ваши службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может определить Вас в действующей против турок армии, по той причине, что отнюдь все места в оной заняты. — Ежедневно являются желающие участвовать в сей войне, и получают отказы. — Но его величество не забудет Вас, и коль скоро представится к тому возможность, он употребит отличные Ваши дарования для пользы отечества. —

С совершенным почтением и истинною преданностию, честь имею быть

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
А. Бенкендорф.

№ 1602.
20 апреля 1828.
Его сият‹ельст›ву князю П. А.
Вяземскому
etc. etc.

378. М. Риччи — Пушкину.

1 мая 1828 г. Москва.

Que de remerciements ne vous dois-je, Monsieur Pouchkin, pour l'aimable et vraiment flatteuse lettre que vous m'avez écrite? Vous avez lu mes vers avec l'œil toujours philanthropique de l'homme à grand talent qui cherche toujours et en toutes choses le bon côté; tandis que la médiocrité fait étalage de son savoir pédantesque en glissant sur ce qui pourrait être loué, et appuyant de toutes ses forces sur le côté *critiquable*. Vous ne pouviez donc pas porter d'autre jugement; mais quant aux prières que je vous adressais, vous avez complètement éludé la question, et c'est de cela que je ne vous sais nullement gré. Laissons de côté la demande peut-être indiscrète que je vous avais faite, quoique très décidé à garder inviolablement le secret; mais pour la faveur que je vous demandais de m'indiquer les *Poésies légères et fragments* des pièces déjà publiées que vous préféreriez voir traduits, je ne vous ferai pas grâce, et je réitère ma demande. En choisissant moi-même, je crains de faire comme Alfiéri, quand à trois reprises il a entrepris de faire des extraits du Dante, et qu'il s'est trouvé à la fin l'avoir, toutes les trois fois, copié en entier. Je ne serais nullement éloigné de le faire; mais m'étant engagé pour le moment à donner un recueil de différents Poètes Russes, je ne puis pas m'adonner à un travail qui me mènerait trop loin; ainsi point de quartier: indiquez seulement: je ne vous demande pas de faire copier; cela serait inutile. Je joins ici la traduction de *Державин* et votre *Prophète*. De grâce, donnez-moi votre avis bien sincère là-dessus; je vous jure par Apollon que je prendrai votre critique comme une marque d'estime et d'amitié.

Avez-vous lu mon printemps? C'est un souvenir de ma jeunesse et de ma belle patrie. La Poésie, cette magicienne, par un charme puissant donne à ses adeptes le pouvoir de fouiller dans les ruines des temps, et d'y apercevoir encore les ombres des jouissances passées. Vous allez donc, nouvel Ossian, la lance et la lyre en main, chanter la gloire et les combats; peut-être, comme le Poète de Ferrare, *cantar l'armi pietose e il capitano, — che il gran sepolcro liberò di Cristo*. Toujours, et pour sûr, puiser de nouvelles inspirations et ajouter à l'éclat dont vous avez déjà orné la poésie Russe. Gloire et plaisir, voici les vœux que je forme pour vous, et pour moi, votre agrément aux sentiments d'admiration et de dévouement que je vous porte.

C. Ricci.

Moscou. 1 mai 1828.

P. S.

Je viens d'apprendre que vous avez changé de projets: je m'en réjouis pour mon compte. Ne pourrions-nous pas espérer de vous voir? Mme la P[sse] Wolkonski me charge de vous rappeler votre promesse et de lui envoyer votre portrait.

⟨Приложения:⟩

Il Profeta

Da spiritual sete tormentato
I'mi traeva in un tristo deserto:
Allor che un Serafin sei volte alato
D'innanzi al guardo mio mi si fu offerto.

Lievi qual sogno, a fior de gli occhi miei
Passò sue dita, e, nel futur veggenti,
Spalancaronsi gli occhi, uguali a quei
D'aquila che *sul nido** si spaventi.
Egli di tanger le mie orecchie assunse,
E di suono riempi elle, e di frastuolo:
E fin de' Cieli il fremito a me giunse;
E de gli Angioli l'elevato volo;
Fra l'acque e il gir del popolo marino;
E ne le valli il crescer de le piante.
Ed egli fè si a le mie labbra chino,
E ne strappò[1] la lingua mia peccante,
E mensognera, e frivola, e maligna;
Ed il dardo del savio serpente
Innestò, con la destra sua sanguigna,
Ne le mie labbra assiderate, e spente.
Ed ei fendèmi, con la spada il petto,
E palpitante il cuor fuori n'emerse,
E de l'aperto vedovo vicetto
Infuocato carbon nel vano immerse.
I' nel deserto, qual cadaver, steso
Giacea, e la voce scossemi de l'Alto:
„Sorgi, o profeta, e [miro e ascolta] vide, et audi, disse.
Adempi ciò che mia mente prefisse
E i mar scorrendo, e lo terrestre spalto
Ognunque[2] cuor sia da tue verba acceso.

---

* Nota. Je vous prie, Monsieur, de remarquer que ce n'est pas une cheville. La langue italienne n'a pas de mot pour définir le sexe de l'aigle. *Aquila* se dit du mâle, comme de la femelle, ce qui m'a décidé, pour rendre la beauté de votre image, à mettre l'aigle dans une position qui indique son sexe, et la possibilité d'éprouver la frayeur, qui génériquement n'est pas dans le caractère fier et courageux de ce noble animal. Voici mes raisons: cependant votre opinion sur cela, comme sur le reste de cette traduction, plus elle sera franchement énoncée, plus elle me prouvera que vous en faites quelque cas et que vous honorez de votre amitié votre traducteur et avant tout le[3] véritable admirateur de votre grand génie, qui *sovra gli altri qual aquila vola.*

Verbo dei tempi de bronzi rimbombo
Oh qual mi turba tua tremenda voce!
Me chiama me lo tuo gemente rombo,
Me chiama, e spinge ver l'estrema foce.
La luce appena lo mio ciglio vide,
E gia ringhia la morte; sfolgoreggia
Sua falce, qu'al balen, che l'aere feggia,
E come l'erba i giorni miei recide.

---

[1] *Переделано из* Ed istrappò
[2] *Переделано из* [Dei <?>] E l'ogni
[3] *Переделано из* votre

E nulla e niun da l'unghie sue possenti,
E fatali si salva. Il prigioniero,
E l'rege a vermi è pasto. Gli elementi
Rode l'avello dispietato, e fero.
Lo tempo a star la gloria apre la gola:
Qual van rapide l'onde ai mar tiranni,
Così a l'eternità li giorni, e gli anni:
Insaziabil la morte i regni ingola.
Sbrisciando andiam del gorgo in su lo stremo,
Del gorgo ove a piombar ne dannoi il fato;
Insiem con vita nostra morte avemo;
E solo per la tomba è l'uom creato.
Morte senza pietà tutto distrugge:
Spezza le stelle la sua man furente:
Ella de soli le fiamme fa spente,
E i mondi tutti minacciando, rugge.
Credesi lo mortal quasi immortale,
E di morte'l pensier non cura, o evita;
Giunge la morte a lo ladrone uguale,
Ed inattesa a lui fura la vita.
O'me! dove minor tema ne punge
Morte colà più facilmente fere:
Di lei, da l'alte, ed orgogliose sfere,
Il fulmine più rapido non giunge.
Del lusso figlio, e de la voluttate
Ove se' tu Mesccerski? Ti celasti?
Son da te queste sponde abbandonate:
Da le rive mortali lunge andasti.
Tua polve è qui, ma lo spirto non èe
Dov'egli è mai?.. Colà — Dove? Non sassi...
Lo gemer, l'ulular a noi sol dassi.
Oh miseria a chi vita al mondo dee!
Ove l'amor, le gioje, ed i contenti
Brillavano al vigor congiunti in pria,
La'l sangue a tutti ghiacciasi e le menti
Agita, e turba omai la doglia ria...
Or fredda bava, a lauta mensa, è stata.
A de banchetti le festose grida,
S'alzan di tomba le lugubri strida;
E la squallida morte tutti guata.
Tutti guata la morte, ed i sovrani,
Cui parvo è l'mondo per lo scettro loro;
Guata i fastosi, i di ricchezze vani,
Ch'idoleggiando van l'argento, e l'oro;
Guata la forza baldanzosa, e audacce,
E de la cruda falce il taglio arruota.
Morte de la natura orror, tristezza,
Di miseria, e d'orgoglio oh qual complesso!

Oggi un nume doman polve: accarezza
Lusinghiera la speme, e molce adesso;
E doman — dove egro mortale? Appena
Lo fine attinser l'ore al gir, prefisso.
E del Caos gia fuggiron ne l'abisso.
Qual sogno andò del viver tuo la mena.
Qual sogno, qual soave illusione
Disparve già la primavera mia;
Sua possa a me blandir beltà depone,
Nè vien me gioja a inebriar qual pria;
Non piu qual pria la spirto in abbandono
Al gioir folle, ne qual pria beato.
Degli onor dal disio solo agitato,
Me chiama, il sento de la gloria il suono
Sparir dovrà cosi l'età matura,
E con lei de la gloria l'ardore,
Dei ricchi acquisti la bramosa cura.
L'una appò l'altra spariran dal core
Le tempestose passioni insorte.
Lunge da me felicita fallaci.
Voi tutte siete incostanti, mendaci.
Calca mio piè d'eternità le porte.
Oggi o doman l'inesorabil fato,
Perfilieff, à morir tutti ne sforza.
Crucciarsi a che, s'è al caro tuo, negato
Eterno star ne la mortale scorza?
Del Ciel la vita è momentaneo dono.
Scorrerla in pace fia tua savia cura,
Edistua benedici, anima pura,
Il fatal colpo, al sommo voler prono.

---

379. П. А. Вяземский — Пушкину и А. А. Оленину. (С пометами Оленина и Пушкина)

21 мая 1828 г. Петербург.

Да будет известно честным господам, что я завтра еду в Царское Село и предлагаю в четверг вечером, или в пятницу в обеденное время, или в ужинное, составить прощальный пикник, где, как и у кого угодно. Вот предлагаемые или лучше сказать предполагаемые собеседники:

Алексей Оленин junior.
Грибоедов,
Киселев,
Пушкин.
К.‹нязь› Сергей Голицын —
Шиллинг,
Мицкевич.

Если проект мой будет одобрен честными господами, то приглашаю их приступить к принятию потребных мер в отношениях личных, местных и съестных, а тем паче питейных. Я за ранее даю на всё свое согласие. В четверг явлюсь за ответом.

‹А. А. Оленин:›

Читал junior. —

‹Пушкин:›

Читал Пушкин и лапку приложил.

380. Н. М. Языкову.

14 июня 1828 г. Петербург.

К тебе сбирался я давно
В немецкий град тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю Невских берегов —
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня
И на Неве, хоть нет охоты,
Окованным остался я.
Ах юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев избегая,
Готов я всюду был лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников
И тяжесть денег и годов,
Остепенившись, проклинаю.

Прости, Певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Простите, желал бы сказать до свидания.

14 июня
С. П. Б.

Адрес (неизвестною рукою):
Н. М. Языкову.
В Дерпт.

381. М. П. Погодину.

1 июля 1828 г. Петербург.

Простите мне долгое мое молчание, любезный Михайло Петрович; право всякой день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякой день собирался к Вам писать и всё не собрался. По сему самому не присылал вам ничего и в *Моск.‹овский› Вестн.‹ик›*. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку — осень у ворот; я заберусь в деревню и пришлю Вам оброк сполна. Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностию, благородством и особенно настойчивостию оправдать ожидания истинных друзей словесности и ободрение великого Гете. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего Германского Патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина и Федорова. Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гете. За разбор *Мысли*, одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего[1] их и Шевырева, каждого по достоинству. Вперед! и да здравствует Моск.‹овский› Вес.‹тник›! Растолковали ли вы Телеграфу, что он дурак? Ксенофонт Телеграф, в бытность свою в С.-П‹етербур›ге, со мною в том было согласился (но сие да будет между нами; Телеграф добрый и честный человек[2] и с ним я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану. На днях пишу к нему. Пришлю ему денег, а Вам стихов. За сим обнимаю Вас от сердца.

1 июля.

---

[1] *Переделано из* осудивших

[2] *После* человек *скобка была закрыта.*

К стати: похвалите Славянина, он нам нужен, как навоз нужен пашне, как свинья нужна кухне, а Шишков русской Академии. На днях читал я стихи Языкова, где говорит он о своих стихах

Что ж? в Белокаменную с богом,
В Моск.<овский> Вестн.<ик>. — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, строг, Аристократ —
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, Парнасским Демогогом.
Ну, в Афиней. — Что Афиней?
Журнал казенно-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
Благонамеренный Московский.

382. С. А. Соболевскому.

3 июля 1828 г. Петербург.

Посылаю тебе что мог пока собрать: 1750 р. Из коих отошли, ради Христа, 250 Зубкову. Писать пока некогда. Прощай, обжирайся на здаровье.

3 июля.

Мой адрес: на имя Плетнева Петр.<а> Алекс.<андровича> — в Екатер.<ининский> Инст.<итут>.

383. В. К. Кюхельбекер — Пушкину и А. С. Грибоедову.

10 июля 1828 г. Динабург.

Любезные друзья и братья,
поэты Александры.

Пишу к Вам вместе: с тем, чтобы вас друг другу сосводничать. — Я здоров и, благодаря подарку матери моей — Природы, легкомыслию, не несчастлив. Живу du jour au jour, пишу. — Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлюссельбурге. Свидания с тобою, Пушкин, ввек не забуду. — Получил ли Грибоедов мои волоса? Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, пиши к С. Бегичеву: я на днях переслал ему[1] их несколько. Простите! Целую вас.

В. Кюхельбекер.

Дюнабург
10. Июля 1828.

---

[1] *Переделано из* им

384. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Первая половина (после 8) июля 1828 г. Чернь.

Хлопочи, хлопочи обо мне, брат Пушкин, и пожалей меня. Добрый отец мой умер. Скажи о моей печали почтеннейшему Сергею Львовичу и Надежде Осиповне. Я уверен, они примут живое участие в горе моем. Целую ручки у Надежде Осиповне, Ольге Сергеевне, Павлищеву кланяюсь. В августе увижусь с тобой. Жена моя целует тебя в гениальный лоб. Будь здоров.

Твой Дельвиг.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.

385. П. А. Вяземский — Пушкину.

26 июля 1828 г. Пенза (?).

26-го июля

Где ты, прекрасный мой, где обитаешь?
Там ли, где песни поет князь Голицын,
Ночи певец и картежник?

В самом деле где ты, как ты, что ты? С самого отъезда из Петербурга не имею о тебе понятия, слышу только от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты игрэешь не на живот, а на смерть. Правда ли? Ах! голубчик, как тебе не совестно. — Ради бога, облегчи меня: вот уже второй день что меня пучит и пучит стих:

Быть может, некогда восплачешь обо мне,

который ты же мне натвердил. Откуда он? чей он? Перерыл я всего Батюшкова, Озерова, тебя и нигде не нахожу, а тут есть что-то Озеровское, Батюшковское. Помнится мне, что это перевод стиха французского, который кончается так:

l'amant qu'elle a perdu.

Да и подлинника сыскать не могу, ни припомнить. Ради бога, сжалься и наведи меня на след. В нашем соседстве есть Бекетов, двоюродный брат Сонцева, добрый и образованный человек: у него я нашел за столом лафит 10-рублевый и шампанское во льду (Нравственно-политико-экономическое наблюдение à la Lomonossoff). Но всего лучше то, qu'il entend malice à votre vers:

С благонамеренным в руках

и полагает, что ты суешь в руки дамские то, что у нас между ног. Я сказал ему, что передам тебе этот комментарий и уверен, что ты полюбишь семейство Сонцевых за догадку двоюродного брата. А название *благонамеренный* великолепное. К стати, что делает *благонамеренный* у Junior? У этого Бекетова есть сестра *Золотарева*, баба молодец, с рожи похожая на Сонцева, все главы Онегина знает наизусть и представляла мне в лицах, как Сонцева жаловалась ей на тебя за стихи *Жил да был петух Индейский* и заставляла *Алину* на распев их читать. Ты прыгал бы и катался от смеха. Приезжай зимою к нам в гости и поедем недели на две в Пензу.

Здесь тебе покланяются и тебя обожают. Шутки в сторону, приезжай. Что тебе стòит прокататься. А лучше всего приезжай в конце августа в Нижний на *ярмарку*, или *ярмонку* (как лучше?) и возвратимся вместе в Пензу. Что тебе сиднем прирости к гранитам Петербургским, или к <- - - -> какой-нибудь без<- - - - - -> красавицы? Я всю зиму проведу в здешнем краю. Я говорю, что я *остепенился*, потому что зарылся в *степь*. Я говорю, que je suis dans la Saratovie *pétrée* (от Петра Александровича Кологривова), que je me suis *empêtré* по тому же словопроизводству. Здесь есть милая бабочка, Всеволожская, *Пелагея Николаевна*, и один Вигель, который влюблен в нее: его в Пензе прозвали: *Мосье Финмуш* от твоих стихов:

У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг Мосье Финмуш.

В провинциях прелесть. Здесь только, как в древности или в Китае, поэт сохраняет свои первобытные права и играет свою роль не хуже капитана-исправника, или дворянского заседателя. В столицах мы считаемся *по армии* в человеческом роде. Вот портрет Всеволожской, на днях написанный.

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ;

Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на нее,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возмет свое.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью и шутя
Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным и богам.

У них во всем одни приемы,
В сердца играют за одно:
Кому глаза ее знакомы,
Того уж сглазил он давно.

Ее игрушка: сердцеловка.
Поймает сердце и швырнет:
Простоволосая головка
Всех поголовно поберет.

7

Это да будет между нами

ты зовешь меня в Пензу, а того
и гляди что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась ~~[illegible]~~ на шею
преглупая шутка. До прав. дошла
наконец Гавриилиада; приписывают
ее мне; донесли на меня, и я
вероятно отвечу за чужие проказы,
если кн. Дм. Горчаков не явится
с того света отстаивать права
на свою собственность. Все это
не весело, но критика Ин. Павла
веселит меня, как прелестные
цветы обвиняющей современной моды.
Попроси его прислать мне свои
замечания; я буду на них отве-
чать непременно. Благодарю спѣк
умом и сердцем, т. е. вздохом

Письмо П. А. Вяземскому, 1 сентября 1828 г. (3-я страница).
Собрание Гос. Архива феодально-крепостнической эпохи, ф. 195, № 131/152, л. 7.

Сделай милость, на эту тему напиши мне что-нибудь и на листочке формата письма моего: я обещал ей дать твоего письма в альбум, да пришли еще что-нибудь своего неизданного для того же альбума. Только прошу не убивать меня в своем ответе: тебе прибыли из дали никакой не будет, а меня только погубишь. Приезжай же зимою в Пензу: я здешней публике обещался показать тебя. Дай мне похвастаться твоею дружбою ко мне. Я у Павлуши нашел в тетради: *Критика на Евгения Онегина* и по началу можно надеяться, что он нашим критикам не уступит. Вот она: И какой тут смысл: *Заветный вензель О да Е.* В другом же месте он просто приводит твой стих: *Какие глупые места.* L'enfant promet. Булгарин и теперь был бы рад усыновить его Пчеле. — Прости, моя милая душа. Я в гостях у Сабурова, а жена дома, а то верно и она написала бы тебе, хотя ты у нее всё в долгу. Пиши к нам прямо и просто в *Пензу*, только пиши.

Что Киселев, Сергей Голицын? Скажи Николаю Муханову, что в нем нет совести.

Ольге Сергеевне мое дружеское рукожатие, а Родионовне мой поклон в пояс.

386. А. Х. Бенкендорфу.

Вторая половина (не ранее 17) августа 1828 г. Петербург.

(Черновое)

В следствии высочайш‹его› ‹повеления› г.‹осподин› обер-пол‹ицеймейстер› требовал от меня подписки в том, что я впредь без предвар.‹ительной› обычной цензуры[1] [Я дал оную] повинуясь священной для меня воле; тем не менее прискорбна мне сия мера. Госуд.‹арь› имп.‹ератор› в минуту для меня незаб‹венную› изволил освободить меня от цензуры, я дал честн‹ое› слово государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности к царю и человеку. Требование полицейской подписки унижает меня в собств.‹енных› мо‹их› глазах, и я твердо чувствую, ‹что› того не заслуживаю, и дал бы и в том честное мое слово, если б я смел еще надеиться, что оно имеет свою цену. Что касается до ценз.‹уры›, если госуд.‹арю› имп.‹ератору› угодно уничтожить милость мне оказанную, то, с горестью приемля знак царственного гнева, прошу В.‹аше› превосход.‹ительство› разрешить мне, как надлежит мне впредь п‹оступать› с моими сочинениями, которые, как вам известно, составляют одно мое имущество.

Надеюсь, что Ваше ‹превосходительство› поймете и не примите в худую сторону смелость, с которою ‹решаюсь›‹?› объяснить. Она знак искренн‹его› уважения человека, который [чувствует себя]

[1] *Фраза не окончена.*

387. П. А. Вяземскому.

1 сентября 1828 г. Петербург.

Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода. Отвечаю на скоро на все твои запросы.

Быть может некогда восплачет обо мне

стих Гнедича (который теперь здесь) в переводе его Вольтерова Танкреда:

Un jour elle pleurera l'amant qu'elle a trahi;
Ce cœur qu'elle a perdu, ce cœur qu'elle déchire.

Успокоился ли ты? Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они
часто.
Гнули, ‹----› их ‹---›! от 50-ти
на 100.
И выигрывали и отписывали
мелом.
Так в ненастные дни занимались они
делом.

Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии; Junior в деревне; Голицын возится с Глинкою и учреждает родственно-аристократические праздники. Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не [Закревс‹кая›] твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники, (к чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынешнее состоянье моего Благонамеренного, о коем можно сказать то же, что было сказано о его печатном тезке: ей ей[1] намерение благое, да исполнение плохое).

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась [новая‹?› п‹...›‹?›] на шею преглупая шутка. До прав.‹ительства› дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм.‹итрий› Горчаков не явится с того света отстаивать права

---

[1] ей ей *вписано.*

на свою собственность. Это да будет между нами.[1] Всё это не весело, но критика кн. Павла веселит меня, как прелестный цвет, обещающий со временем плоды. Попроси его переслать мне свои замечания; я буду на них отвечать непременно. Благодарю тебя умом и сердцем, т. е. вкусом и самолюбием — за портрет Пел.<а-геи> Ник.<олаевны>. Стихов ей не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки. Перед княгиней Верой не смею поднять очей; однакож вопрошаю, что думает она о происшедствиях[2] в Од.<ессе>[3] (Рае<вский> и гр.<афиня> В.<оронцова>).

Addio, idol mio — пиши мне всё в П.<етер>Б.<ург> — пока —

1 сент.

388. П. А. Вяземский — Пушкину.

18 и 25 сентября 1828 г. Остафьево.

Остафьево. 18-го сентября 1828.

Молодой Пашков уверял меня, что он тому несколько недель видел у тебя на столе запечатанное письмо на мое имя. Да решись же прислать его. Ты, неблагодарный, не отвечаешь мне на мои письма, а я по всем великороссийским губерниям сводничаю для тебя и горячу воображение и благородные места молодых дворянок. Вот тебе послание от одной костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душою. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи в Северных Цветах: надобно побаловать женский пол, тем более, что и он нас балует, а еще тем более, что весело избаловать молодую девицу. Вот и мои к ней стихи: мы так и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодеями. А приииска Бартенева, умного, образованного и великого чудака, настоящего квакера. Что ты делаешь, моя радость? В Костроме узнал я, что ты проигрываешь деньги Каратыгину. Дело не хорошее. Он же приятель Сибирякову. По скверной погоде, я надеялся, что ты уже бросил карты и принялся за стихи. Я разъезжаю по губерниям и пленяю дворянство своим известным талантом, как столичные артисты, которые спадут с голоса и выезжают на провинции. Знаешь ли, что ремесло не худое. Самолюбие как пьяница: сперва пои его хорошим вином, Моетом, а там, как хмель позаберет, подавай и полушампанское и Цымлянское, на старые дрожжи всё покажется хорошо. Пьянство одно, назюзься Варною или Костромою, дело в голове, а не в бутылке, из которой пил. Спроси у Junior: менее ли он сладко блаженствовал на пароходе от водки и пива, чем за роскошным столом, где, по выражению Ломоноссова, также Junior, [где] за уряд стоит Лафит 12-ти-рублевый. Был ли ты наконец у Карамзиных: у них золотый анекдот про золотый мундир Сонцова.

---

[1] *Последние пять слов написаны по полю, вдоль отчеркнутых предыдущих строк* (Мне навязалась ~ свою собственность)

[2] *Переделано из* происшедствии

[3] в Од.<ессе> *вписано.*

Я отдал его Софии, чтобы заманить тебя этим золотом. Василья Львовича я еще не видал и потому ничего не могу сказать тебе о твоем новом двоюродном брате, капитане Храброве. Надобно теперь тебе и этого двоюродного братца официально признать, как и Буянова. Что делает Авраамово лоно? Бываешь ли на нем хотя во сне? Я пробуду в Москве дней 15-ть, а там возвращусь в свои степи довершать победы и раздавать стихотворческие знаки отличия заслуженым красавицам. На днях доставлю я тебе эти знаки, выбери из них что вздумаешь и отдай в Цветы. — 25-го сентября. Сей час получил я твое письмо от 1-го сентября. Спасибо за успокоение поэтического недоумения моего... Дельвиг здесь: мы были с ним у дяди, который по доброте сердца своего и дружбе к нам читал кое-что из Капитана Храброва, с которым познакомишься и породнишься в Цветах. Сердечно жалею о твоих хлопотах по поводу Гавриила, но надеюсь, что последствий худых не будет, и что Фон-Фок скажет Музе твоей: Стихородица, дево радуйся, благословенна ты в женах и прочее. Я уже слышал, что ты вьешься около моей медной Венеры, но ее ведь надобно и пронять медным благонамеренным. Спроси у нее от меня: как она поступает с тобою, так ли как со мною: на другую сторону говорит и любезничает, а на мою кашляет. Так расстался я с нею за обедом у Белосельской, где она сидела между мною и Экеном. Ты говоришь, что ты *бесприютен*: разве уже тебя не пускают в Приютино? Мы на днях занимались текущею словесностью у Полевого с Дельвигом и Баратын<ски>м. Тут был цензор Глинка, который уморителен и сто̀ит Снегирева, отказывается от Минина, Пожарского и Гермогена и говорит: Чорт знает за что наклепали на меня какую-то любовь к отечеству: чорт бы ее взял! и тому подобное. Он нас смешил черезвычайно и я жалел, что тебя нет с нами. Ты что ли накормил Воейкова бешеною травою? Он точно с цепи сорвался. Il a atteint le sublime de l'impertinence. Ума тут нет, но это лучше ума: так например Потемкин <------> при генералах, стоящих у него почтительно. Кстати о <------->. Вот несколько эпиграмм, <---------> мною.

Племяннику дядя.

[(Ведь<?> он<?> по<?> <---><?> своей и моей мне племянник)]

Да исправится эпиграмма моя, яко кадило перед тобою!

1-ая.

Нечистый дух собаку съел
Нам строить козни и подкопы:
Кто выдохся из внутренности <--->
Попал [в мин<истры>] у нас в министры внешних дел.

2.

<-----> известного потомок;
Ты для своей породы слишком громок.
Но знать отцу-<------> раз <------> удалось,
И исключение в твой образ облеклось.

3.

Куда Ваш вице-канцлер плох,
Он кажется мне <---->, а не министр Европы.
— О нет, был <----> отец, а из отцовской <--->
Он воплощенный <---->.

4.

Не по своей пошел ты части;
Не иностранных дел приказ
Быть должен у тебя во власти:
Тебя пронюхают как раз.
Тебе по самой родословной
Открыт к делам духовным след:
Тебя отец ведь <------> в свет,
Ты стало человек духовный.

Доволен ли ты? Мне, кажется, можно признать эти стихи моими. Тут счеты фамильные. Какие твои стихи, где ты сравниваешь медную Грацию (а не медную Венеру) с беззаконною кометою. Покажи их. Я из них знаю, и то ошибочно, только четыре стиха.

389. А. Лестрелен — Пушкину.

Сентябрь 1828 г. Москва.

Monsieur,

Permettez que les premiers accords d'une muse naissante, soient consacrés à vous exprimer l'admiration que m'ont inspirée vos ouvrages. Dans le printemps de votre vie, vos écrits vous ont assuré une gloire éternelle; déjà votre nom se répète avec enthousiasme dans le monde littéraire et la Russie s'enorgueillit de vous avoir donné le jour; mais l'admiration ne tient pas lieu de talent. et mes vers, sans doute, Monsieur, sont incapables de vous louer dignement; cependant, accueillis par vous, votre seule approbation peut les sauver de l'oubli.

J'ai l'honneur d'être <...>

Épitre

à M. Alexandre Pouschkine.

Qui retient donc tes chants, qui suspend tes accords,
Ton luth harmonieux, tes sublimes transports?
En vain tes doigts hardis abandonnent la lyre;
Les Muses sur ton cœur n'ont-elles plus d'empire?
De ce repos fatal repousse la langueur,
Reprends ton luth divin, et dans ta noble ardeur,
Que le frémissement de ses cordes flexibles,
Anime encor l'écho de ces rives paisibles.

Jadis en son essor, ton esprit créateur,
Osant franchir l'espace où se perd un auteur,
Enfantait chaque jour de divines pensées,
Et plaçait avec art des phrases cadencées;
L'harmonie, en tes vers écrits éloquemment,
A l'oreille vibrait mélodieusement:
Ainsi la douce voix d'une amante chérie,
Ramène l'espérance en notre âme flétrie.

Le vulgaire, il est vrai, rend justice aux savants,
Lorsqu'ils sont effacés du nombre des vivants;
C'est sur leur tombe, alors, qu'on pose la couronne;
Leur trône est un cercueil que l'honneur environne:

Tel le chantre d'Achille a vécu méprisé;
Ainsi l'on vit Ovide à Tomes déposé,
Camoëns dans l'exil eut le destin d'Homère,
Il revit sa patrie, y mourut de misère;
Persécuté longtemps, le Tasse infortuné,
S'avance au Capitole et n'est point couronné;
Milton dans le malheur a fini sa carrière,
Méconnu des savants, méprisé du vulgaire.

Qu'est le mérite hélas! qu'est-il donc ici bas,
Si l'envie et le sort s'attachent à ses pas!
Pour éblouir le monde il faut de la richesse,
Des titres éclatants, beaucoup de hardiesse,
Un brillant équipage et d'effrontés laquais,
Insultant les passants aux portes du palais;
Cela tient lieu d'esprit à la cour, à la ville,
Et des écrits d'un fat, fait admirer le style,
Fait un homme d'honneur, d'un fourbe, d'un larron,
D'un être sans aveu, le plus loyal baron.

Le poète au grenier trouve un réduit tranquille,
Oui, c'est là, qu'oublié dans ce modeste asile,
Son esprit créateur, planant sur l'univers,
Inspiré par la gloire enfante d'heureux vers;
C'est là que son crayon par un trait satirique,
Couvre tous nos abus d'une juste critique;
Là, sa lyre savante en ses divins accords,
Peut immortaliser les vivants et les morts.

Que de héros fameux, célébrés dans l'histoire,
Sans l'heureux art des vers, auraient péri sans gloire!
Que de Rois oubliés, dignes de notre encens!
Et ces tombeaux brisés, renversés par le temps,
La lyre anime encor leur dépouille poudreuse,
Et cherche un nom caché sous la pierre orgueilleuse;
Ulysse, Achille, Hector, sortez de vos tombeaux,
L'Iliade éternise Homère et vos travaux.

Sous un Bourbon la France à jamais immortelle,
Au sévère Boileau dut sa gloire nouvelle;
La prise de Namur, le passage du Rhin;
Aux siècles sont transmis par son docte burin.
L'émule de Sophocle en surpassant Corneille,
A la scène légua sa Phèdre sans pareille.
Le chantre de Henri composa l'Orphelin,
Zaïre et Mahomet naquirent sous sa main;
Mais Corneille et Racine en partageant sa gloire,
N'ont point de monument au temple de mémoire.*

* Au panthéon.

Les poètes pourtant, sont la gloire des Rois,
Lorsqu'ils sont accueillis, protégés sous leurs lois.
Encor faut-il flatter pour être un homme utile;
On voit plus d'un Auguste, il est plus d'un Virgile!
Mille fois plus heureux, laissant ses vains succès,
Le simple laboureur cultive ses guérets;
Oui, là, point d'envieux, là, maître en sa demeure,
Il vit paisiblement jusqu'à sa dernière heure,
Sans chagrins, ni soucis, sans compter d'ennemis,
Il peut dire en mourant: j'avais quelques amis.

En butte à la critique envieuse et méchante,
Je brave la tempête, et ma main indolente,
Traçant dans mes loisirs quelques vers imparfaits,
Sans pouvoir t'imiter, lance en vain quelques traits:
Tel on voit un vautour en son essor rapide,
Chercher à suivre un aigle aux régions du vide,
Inutiles efforts; ainsi mon chalumeau,
Dans l'art d'écrire en vers est encore au berceau.

L'avenir est à toi, le présent au vulgaire,
Peu t'importe un critique injuste ou trop sévère,
Par ton hardi génie un chemin t'est tracé,
Foule aux pieds ce censeur par tes vers terrassé.
Pourtant, ton luth sonore au cri de la victoire,
A de plus nobles chants doit consacrer ta gloire;
Célèbre tes guerriers; ces vainqueurs du Persan;
Ont renversé les murs de l'antique Erivan;
Déjà de ses remparts les ruines fumantes,
Gémissent sous le poids des aigles triomphantes,
Et la triste Arménie en ses profonds déserts,
Aux Ismaëliens a vu donner des fers.

D'un sublime transport que ta lyre saisie
Chante le double affront des peuples de l'Asie,
A l'Europe étonnée annonce ces exploits,
Célèbre le héros qui fait chérir ses lois;
Mais ton cœur se consume et ta lyre est muette,
Tu brûles dans ces lieux d'une flamme secrette;
Pouschkine, ces liens sont des chaînes, des fers,
Romps ce joug oppresseur, crains ces charmes pervers;
Si l'amour embellit les lauriers de la gloire,
Seul, il ne peut guider au temple de mémoire,
Le guerrier, le poète immolent à l'honneur
Ces plaisirs passagers, ces éclairs de bonheur;
Laisse aux simples mortels ces plaisirs et ces peines,
Le génie est vainqueur des passions mondaines,
Fils chéri d'Apollon, vois l'immortalité,
L'amour! qu'est-il?... un songe est sa réalité.

Achille Lestrelin

390. Е. М. Хитрово.

Август — первая половина октября 1828 г. (?) Петербург.

Mon Dieu, Madame, en disant des phrases en l'air, je n'ai jamais songé à des allusions inconvenantes. Mais voilà comme vous êtes toutes et voilà pourquoi les femmes comme il faut et les grands sentiments sont ce que je crains le plus au monde. Vive<nt> les grisettes. C'est bien plus court et bien plus commode. Si je ne viens pas chez vous, c'est que je suis très occupé, que je ne puis m'absenter que tard, que j'ai mille personnes que je dois voir et que je ne vois pas.

Voulez-vous que je vous parle bien franchement? Peut-être suis-je élégant et comme il faut dans mes écrits; mais mon cœur est tout vulgaire et mes inclinations toutes tiers-état. Je suis soûl d'intrigues, de sentiments, de correspondance, etc. etc. J'ai le malheur d'avoir une liaison avec une personne d'esprit, maladive et passionnée — qui me fait enrager, quoique je l'aime de tout mon cœur. En voilà bien assez pour mes soucis et surtout pour mon tempérament.

Ma franchise ne vous fâchera pas? n'est-ce pas? Pardonnez-moi donc des phrases qui n'avaient pas le sens commun et qui surtout ne vous regardaient en aucune manière.

Адрес: Madame Hitrof.

391. Е. М. Хитрово.

Август — первая половина октября 1828 г. (?) Петербург.

D'où diable prenez vous que je sois fâché? mais j'ai des embarras par-dessus la tête. Pardonnez mon laconisme et mon style de jacobin.

Mercredi.

Адрес: Madame Hitrof.

392. Н. В. Путяте.

Январь — середина октября 1828 г. (?) Петербург.

M'étant approché hier d'une dame qui parlait à Mr de Lagrenée, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le. Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de Mr de Lagrenée et de lui parler en conséquence.

Pouchkine.

Адрес: A Monsieur
Monsieur Poutiata.
R.S.V.P.[1]

---

1 R.<éponse,> s.<'il> V.<ous> p.<laît>.

393. А. Н. Вульфу.

27 октября 1828 г. Малинники

Тверской Ловелас С. Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает.

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, всё обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностию. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения на счет вашего П.‹етер›Бургского поведения дал я с откровенностию и простодушием — от чего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* но я притворился, что их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Марья Василиевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукожатие баронессе etc.

27 окт.

Адрес: Алексею Николаевичу
Вульфу.

394. П. А. Осиповой.

3 ноября 1828 г. Малинники.

Mille remerciements, Madame, pour l'intérêt que vous daignez prendre à votre tout dévoué serviteur. Je serais venu chez vous absolument, mais la nuit m'a surpris je ne sais trop comment au beau milieu de mes rêveries. Ma santé est aussi bonne que possible.

A demain donc, Madame, et veuillez encore une fois recevoir mes tendres remerciements.

3 novembre.

395. А. А. Дельвигу.

Середина ноября 1828 г. Малинники.

Ответ Катенину.

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить на здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед.

Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой.
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый; мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнасса.
Пред делом кубок наливай,
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

А. П.

Вот тебе в цветы ответ Катенину вместо ответа Готовцевой, который не готов. Я совершенно разучился любезничать: мне так же трудно проломать мадригал, как и <- - - - ->. А всё Софья Остафьевна виновата. Не знаю, долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году вероятно явлюся к Вам в Чухландию. Здесь мне очень весело. Пр.<асковью> Алекс.<андровну> я люблю душевно; жаль, что она хворает и всё беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это гр.<афу> Хвостову. Петр Марк.<ович> здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу, и думала тихонько от них убраться. Но Петр Марк.<ович> их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! мать Вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись: Не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили. Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович), я с ними вожусь платонически, и от того толстею и поправляюсь в моем здоровьи — прощай, поцалуй себя в пупок, если можешь.

Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай. Vale et mihi favere, как Евг.‹ений› Онегин. Баронессе не говорю ничего — однакож целую ручку, но весьма чопорно.

396. А. А. Дельвигу.

26 ноября 1828 г. Малинники.

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет Харит и Красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О сколько [б] [слез] мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан [будет] был бы он, [но] а ты
[Всегда] была [б] всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

Вот тебе ответ Готовцевой (чорт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants. Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает —? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или [уж] в беспорядочном поведении? Господь ее знает. Правда ли, что ты едешь зарыться[1] в смоленской крупе? видишь, какую ты кашу наварил. Посылаешь меня за Баратынским, а сам и драла. Что мне с тобою делать? Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина и стращают мною ребят как букою. А я езжу по пороше, [до] играю в вист по 8 гривн роберт — [сентиментальничаю] и таким

---

[1] *Первые две буквы переделаны из* въ

образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока — скажи это нашим дамам; я приеду к ним [омолодившийся<?> и телом и душою] — — — полно. Я что-то сегодня с тобою разоврался.

26 нояб.

Что Илиада и что Гнедич?

Адрес: Барону Антону Антоновичу Дельвигу в [Москву] С. Петербург во Владимирской в доме Кувшинникова.

397. А. А Дельвиг — Пушкину.

3 декабря 1828 г. Петербург.

Два письма со стихами получил от тебя, друг Пушкин, и скажу тебе, что не смотря на мое красноречие, город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною; 2-ой уверяет,[1] что ты для материалов 7-ой песни Онегина отправился, [а] 3-ий утверждает, что ты остепенился и [хочешь исправиться] в Торжке думаешь жениться, 4-ый же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву. Я ничего не думаю, а желаю тебя поскорее увидеть и вместе с Баратынским, который, если согласится ехать в Петербург, найдет меня в оном. В противном же случае закопаюсь в смоленскую крупу, как Мазепа в Войнаровском закутался в плащ. Благодари любезнейшую Прасковью Александровну за добрые воспоминания. Воспользуюсь первыми солнечными днями, отпечатую свою фигуру и пришлю ей несколько экземпляров; желал бы оригиналом попасть к ней. Но нельзя. Бал отпечатан, в пятницу будет продаваться. Цветы цветут славно. Жуковской дал слишком [восемь] 800 стихов; Крылов 3 басни, твоих 16-ть пьес и пр. и пр. Гнедич классически обнимает романтическую фигуру твою, жена приседает на чопорный поклон твой, я просто целую тебя и желаю здравие. Прощай.

Твой
Дельвиг.

3-го декабря
1828. С. Петербург.

Адрес (рукою С. М. Дельвиг):
Александру Сергеевичу *Пушкину*
Тверской губернии в *Торжок.*

---

[1] *Переделано из* говорит

1829

398. П. А. Вяземский, Д. Н. Бологовской, Пушкин и С. Д. Киселев — Ф. И. Толстому.

Конец декабря 1828 г. — начало января 1829 г. Москва.

‹П. А. Вяземский:›

Сей час узнаём, что ты здесь, сделай милость приезжай. Упитые винами, мы жаждем одного: тебя.

‹Собственноручные подписи:›
Бологовской.
Пушкин.
Киселев.

399. Ф. И. Толстой — Пушкину, П. А. Вяземскому, Д. Н. Бологовскому и С. Д. Киселеву.

Конец декабря 1828 г. — начало января 1829 г. Москва.

О пресвятая и животворящая троица, явлюсь к вам, но уже в пол-упитой. Т. Не вином, а наливкой, кою примите, яко предтечу Толстова.

400. П. А. Вяземскому.

5 или 7 января 1829 г. Москва.

Баратынской у меня — я еду часа через 3. Обеда не дождусь, а будет у нас завтрак в роде en petit couragé. Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники — а так, чтоб быть en petit couragé, под куражем. Приезжай, мой ангел.

401. П. А. Вяземскому.

около 25 января 1829 г. Петербург.

Уехал ли ты из Москвы? не думаю — на всякой случай пишу тебе в Пензу, где ты когда-нибудь да прочтешь мое послание. Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, Арзамаское — не придворное. Он было хотел, получив первое известие

от тебя, прямо отнестися письмом к г.‹осударю›, но раздумал, и кажется прав. Мнения, слова Ж.‹уковского› должны иметь большой вес, но для искоренения неприязненных предубеждений нужны объяснения и доказательства — и тем лучше, ибо кн.‹язь› Д.‹митрий› может представить те и другие. Ж.‹уковский› сказывал мне о совете своем отнестися к Б.‹енкендорфу›. А я знаю, что это будет для тебя неприятно и тяжело. Он конечно перед тобою не прав; на его чреде не должно обращать внимания на полицейские сплетни и еще менее с укоризною давать знать об них aux personnes qui en sont l'objet. Mais comme au fond c'est un brave et digne homme, trop distrait pour vous garder rancune et trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tâchez de lui parler tout franchement. Сделай милость, забудь выражение *развратное его поведение*, оно просто ничего не значит. Ж.‹уковский› со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов конечно ‹--------›, а его бабочка конечно рублевая, парнасская Варюшка, в которую и жаль и гадко что-нибудь нашего всунуть. Впрочем если б ты вошел и в не-метафорической [1] ‹-------›. Всё ж не беда.

Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.

Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюдничать ему не пристало. Аминь, поговорим о другом. Я в П.‹етер›Б.‹урге› с неделю, не больше. Нашел здесь всё общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т. е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору. С моей стороны, я от роутов [2] в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов [3] Зинаиды. (Дай бог ей ни дна ни покрышки; т. е. ни Италии, ни графа Риччи!) Я не читал еще журналов. Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу? — Читал *Цветы*? Каково море Жуковского — и каков его Гомер, за которого сердится Гнедич, как откупщик на контра-банду. Прощай, нет ни времени ни места.

---

[1] *Переделано из* и не-в-метафорической

[2] *Переделано из* роутах

[3] *Переделано из* обедах

402. В. Ф. Вяземской.[1]

Около (не позднее) 6 февраля 1829 г. Петербург.

Адрес: Ее сиятельству
княгине Вере Федоровне
Вяземской
в Пензу.

403. М. Шимановской.

Июль — август 1828 г. или конец января — февраль 1829 г. Петербург.

C'est avec bien de l'empressement que j'accepte votre charmante invitation. J'ai eu des nouvelles indirectes du Prince Wiazemsky; il doit être à l'heure qu'il est chez la Princesse.

Agréez, Madame, l'hommage de ma parfaite considération.

A. Pouchkine.

Адрес: Madame Schimanovska.

404. Неизвестной.

Конец 1828 г. — 4 марта 1829 г. Петербург.

(Черновое)

Certainement, Madame, l'heure qui vous conviendrait sera toujours la mienne. A demain donc, et [puisse le 7me chant d'Онегин méri‹ter›]

405. П. А. Вяземский, В. Ф. Вяземская и Е. А. Карамзина — Пушкину.

23 февраля 1829 г. Мещерское и 10 марта 1829 г. Петербург.

‹*П. А. Вяземский:*›

23-го.

Спасибо за письмо, которое меня нашло уже здесь больного, или по крайней мере нездорового. Теперь ты уже должен знать от Жуковского о том, что я сделал. Что из этого выдет? Увидим. Может быть и ничего: и то в порядке. Смешон ты мне, говоря: забудь *развратное поведение.* О том всё и дело. Не будь этого обвинения и мне нечего спорить. Что мне за дело, когда запрещают мне издавать газету, о которой мне и во сне не снилось. Всё равно, как бы вдруг запретили мне въезд в Пекин; но, если по поводу Пекина, или газеты, при сей верной оказии наговорят мне тьму оскорбительных ругательств, то дело другое. Тут уже вступаешься не за запрещение, а за следствия. — А мы, то-есть я и Баратынской, танцовали в Москве с Олениною и, кажется, у них были элегические выходки. Каков Раич? Булгарин из плутовства хвалит меня, а тот из глупости меня ругает. Хорошо

---

[1] *Первый полулист с текстом письма утрачен; сохранился лишь второй полулист с адресом.*

напечатал он и твои стихи к Ушаковой. Мы заметили с Баратынским и с Дмитриевым, что Башилов иначе речи не начинает как: а Полевой, а Шаликов, а Невский Альманах. Ce sont des idées fixes en lui. Какова твоя Татьяна пьяная в Невском Альманахе с титькою на выкате и с пупком, который сквозит из-под рубашки? Если видаешь Аладьина (хотя на блинной неделе) скажи ему, чтобы он мне прислал свой Невский Альманах в Пензу: мне хочется вводить им в краску наших пензенских барышень. В Москве твоя Татьяна всех пугала. Да, скажи также Плетневу, чтобы он прислал мне последнее издание Озерова. Имею же я право на экземпляр, когда меня печатают. Прости, я слаб и глуп, как Галатея, потею как Раич. Дай собраться с силами.

Пиши сюда, не давай нищим, не давай стихов альманашникам, а пиши к нам бедным заключенным. Скажи и Сергею Голицыну, чтобы он написал мне. Что делает Киселев юнейший? — Мой сердечный поклон Дельвигу. Правда ли, что он издаст к красным яицам *Подснежник*? Если нет, то пускай возвратит он мне стихи оставшиеся мои. — Мы хотели также с Баратынским издать к маию нечто альманашное, периодическое. Ведь и ты пойдешь с нами. Обнимаю.

‹В. Ф. Вяземская:›

Mon mari me dit qu'en parlant ou bien écrivant, vous ajoutez à mon sujet: На княгиню Веру не смею глаз поднять, faites mieux, levez la main et..... écrivez-moi de temps en temps, si vous connaissiez l'immensité de ce bienfait, vous vous l'accorderiez, j'en suis sûre, non pour sauver votre âme, mais pour arracher[1] un instant la mienne à l'ennui qui s'en empare de temps à autre.

A quel propos m'avez vous fait dire par Sophie Ladamirsky que j'étais une étourdie, en vérité je ne mérite plus cette jeune épithète.

‹П. А. Вяземский:›

Мое почтение княгине Нине. Да, смотри, непременно, а не то ты из ревности и не передашь.

Адрес (рукою П. А. Вяземского):
Александру Пушкину.

‹Приписка Е. А. Карамзиной после адреса:›

Bon voyage Mr Pouchkin.
10 mars.

406. С. Д. Полторацкому.

25 марта 1829 г. Москва.

Ты совершенно забыл меня, мой милый.

А. П.

Адрес: Сергею Дмитриевичу
Полторацкому.

---

[1] *Переделано из* sauver

407. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 марта 1829 г. Петербург.

29 марта, 1829.
С.п.бург.

Поздравляю тебя, душа, с почетным званием. Желаю, чтобы и про тебя какой-нибудь новый поэт сказал, что ты всё Английского клуба член. Радуюсь, что тебя веселят в Москве живые литературные сплетни. А у нас теперь одна занимает всех литературная сплетня, под названием: И. Выжигин. Верно и у вас она скоро займет всех. Не скажешь ли ты чего-нибудь о ней дельного? Это, кажется, не хуже процесса С. Глинки. Элегическая эпиграмма Баратынского очень мила. Поцелуй его от меня за нее. Посылаю тебе 10 экз.<емпляров> Полтавы. По твоему распределению я *всем* экземпляры доставил, даже и Мицкевичу, хотя он еще в Москве. Дельвиг в здоровье плох, хотя и выходит. Проект твой нового издания хорош, только не выгоден ни для публики, ни для тебя: для публики потому, что ей нет никакой причины снова тратиться на первые два тома, которые она у себя уже имеет; а для тебя потому, что ты сбудешь один третий том. Если уж действительно надобно такое издание; то приготовь к тому времени или две новые трагедии, или две новые поэмы, или что-нибудь большое в двух частях. Тогда мы и напечатаем так: в I томе всё тобою предполагаемое, да штуку новую; во II томе опять всё прежнее, да новую штуку, в III новостию будет Годунов. Таким образом мы по 15 рублей возмем с публики за каждую новую штуку, а в знак привязанности нашей и благодарности ей подарим всё прежнее безденежно и сожжем все экземпляры прежде напечатанные: мелких стихотворений, Онегина, Полтавы, и проч. и проч. Только я в этом великодушии не вижу цели, которая по логике должна состоять или в славе, или в деньгах, или сугубо. Ты же вернее достиг до всего по прежнему, т. е. с меньшими усилиями: а зачем такая сложность в машине?

Ради Христа, не пиши на адресе: в Военно-Сиротском Отделении, а пиши: *В Екатерининском Институте.*

408. И. М. Снегиреву.

9 апреля 1829 г. Москва.

Милостивый государь
Иван Михайлович

Сделайте одолжение объяснить,[1] на каком основании не пропускаете вы мною доставленное замечание в М.<осковский> Телеграф? Мне необходимо, чтоб оно было напечатано, и я принужден буду в случае отказа отнестись к высшему начальству вместе с жалобою на пристрастие не ведаю к кому.

Поручаю себя в ваше благорасположение и прошу принять уверения в искреннем моем уважении и преданности.

А. Пушкин.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Ивану Михайловичу
Снегиреву.

---

[1] объяснить *вписано.*

409. И. И. Дмитриев — Пушкину.

9 апреля 1829 г. Москва.

Всем сердцем благодарю вас, милостивый государь Александр Сергеевич, за бесценный для меня ваш подарок. Сей же час начинаю читать, уверенный, что при личном свидании буду благодарить вас еще больше. Обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

Апреля 9-го
1829.
М.

Адрес: Его высокоблагородию,
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

410. А. Лаптев — Пушкину.

29—30 апреля 1829 г. Москва.

М.‹илостивому› г.‹осударю› Алекс.‹андру› Сергеевичу Пушкину.

Ура драгоценнейший [приятель] друг, Ура дражайший приятель; Ура несравненный из стихотворцев. Мне крайне жаль, что пророчество твое не сбылось, à t'entendre dire, Фоминая неделя не должна была пройти без того, чтоб страдалец Александр Лаптев не был сопряжен неразрывными узами с Елизаветой Ушаковой, unique objet de toute sa tendresse.

Hélas! tout est donc fini sans que la sept cent cinquante millionième partie de ce que j'ai à dire à la flamme des flammes soit parvenue à son oreille.

Sait-elle qu'elle m'est non seulement destinée, mais bien prédestinée et que toutes les épreuves par lesquelles l'on me fait passer sont autant de précautions inutiles. (Je m'étonne fort qu'eux qui ont tant de piété s'imaginent pouvoir résister à ce qui est écrit là-haut).

Allons au fait, mon incomparable des incomparables, et puisque l'orgueil est un crime, qu'on m'arrache les yeux comme à un autre Œdipe, mais qu'elle, elle me serve d'Antigone, que je sente son haleine, que sa voix vienne souvent retentir à mes oreilles, que sa touche élégante et facile fasse vibrer le piano forte en s'accompagnant elle-même pour n'être point esclave d'un accompagnateur. Quel chant cela doit être que son chant, car dans le son de sa voix il y a tout autant d'expression que dans sa tenue, sa démarche, enfin son angélique physionomie. Il ne lui manque que d'avoir vu, connu et entendu ********.

Qu'elle se presse de choisir et de se fixer, la jeunesse comme la gentillesse [sont] passent comme la rosée du matin. Dites-lui qu'un ami aimant, tendre, dévoué, capable de la conduire dans le monde vaut bien un ami aimé.

La douceur d'aimer, mon incomparable des incomparables, est sans doute plus grande que celle d'être aimé, voilà probablement pourquoi on nous a mis tous les deux au régime, car nos aînés savent que le mal est contagieux. Hélas! c'est pourquoi on me sèvre de sa présence.

Ma bien-aimée n'ose plus lever les yeux sur moi; elle les baisse même en me rencontrant. Qu'elle a de charme en les baissant. (Le dernier dimanche de Подновинска je voulais passer sans la saluer, как вдруг моя возлюбленная устремила свой прекрасный взор, лице и всю головку с живейшим изъяснением чего-то единственного и удивления, что я проходил не поклонясь. Я, подумавши, отвесил свой поклон и надеюсь, что в моем поклоне было нечто за меня предстательствующее). Enfin il est dit que quoi qu'elle fasse il est impossible qu'elle me devienne indifférente.

Que je me suis senti reconnaissant pour ce signe enchanteur de [piété] compassion. Que la volonté du père soit donc faite. [Que l'exemple de mon Idole soit donc fait] Que l'exemple de mon Idole soit ma suprème loi. — Plus âgé, je suis honteux de m'être laissé surpasser en raison [par] et en modération par une jeune personne de 17 ans. Que l'on dise à présent que les jeunes personnes ne sont pas précisément celles sur lesquelles l'on puisse compter le plus. Quelle perspective de sécurité et de bonheur pour l'heureux mortel qui l'obtiendra de son père.

Un russe de qualité refuser sa fille à un autre russe de qualité. Un Ouschakoff à un Lapteff, quand ces deux noms с испокон веку sont une seule et même chose, sont identiques. Sans doute j'ai tort de ne m'être point adressé à l'auteur des jours de Благое Сокровище, Таинство всем Таинствам. Невеста неневестная, mais aussi je me sens capable de m'amender et je jure par tout ce qu'il y a de plus cher au monde, par Zoé mou sas agapo que bien loin de la détourner de ses devoirs je saurais l'y raffermir.

Plus l'emploi que je prends sur moi est difficile, plus il est digne de moi. Je suis prêt à devenir son lecteur, son bibliothécaire, sa Vsadnik, son écuyer, le tout pour la servir sans en attendre ni oui, ni non.

Que l'on passe l'éponge sur tout ce qui s'est passé, qu'une nouvelle ère recommence, que l'on soit persuadé que si on me la confie pour un [long] voyage de long haleine, je veillerai sur elle comme sur la prune le de mes yeux, que pour mieux la défendre je me mettrai incessamment à réapprendre à tirer les armes, étant persuadé qu'elle-même y prendra une part active et qu'elle ne se laissera pas prendre toute vive en temps et lieu, que je parerai les coups qui lui seront portés et que l'on me verra plutot affronter mille morts que de la céder. Ma santé exigeant que je dois absolument me fier à mon expérience des eaux de Wisbaden que j'ai à m'y rendre le plutöt possible, il serait fort à désirer que l'on nous mariât secrètement, pour me faire jouer ce role par intérim en attendant qu'il se présente quelqu'un digne de l'affection d'une telle créature. Dans ce cas nous pourrions nous mettre en route et il est possible qu'en voyageant mes amours, me connaissant mieux, consente à me prendre tout de bon, alors nous nous arrêterions chez quelque bon curé pour subir le restant de la cérémonie, sanctionnant le mariage tout de bon sans nulle omission. Adieu donc.

P. S. Il y a trois ou quatre jours que j'étais gai comme un pinson et je sautais de joie comme un autre Archymède. Je ne me possédais pas de joie en pensant à un moyen tout simple fait pour avancer nos affaires sans retards ni remises. C'est bien, mon illustre, de courir les chances des armes et au lieu de serrer le bouton à un innocent de mettre le père au pied du mur et la fille au pied du lit, car tous deux ont trop à se reprocher envers nous deux, surtout envers moi, pour leur passer toutes leurs irrésolutions, simagrées<?>, mignardises etc. — Citoyen, aux armes, trève aux poursuites, trève aux procédés délicats, aux armes, citoyen, il est temps de terminer.

411. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

Март — апрель 1829 г. Москва.

Mon vœu le plus ardent, mon ami, est de vous voir initié au mystère du temps. Il n'y a pas de spectacle plus affligeant dans le monde moral que celui d'un homme de génie méconnaissant son siècle et sa mission. Quand on voit celui qui doit dominer les esprits, se laisser dominer lui-même par les habitudes et les routines de la populace, on se sent soi-même arrêté dans sa marche; on se dit, pourquoi cet homme m'empêche-t-il de marcher, lui qui doit me conduire? C'est vraiment ce qui m'arrive, toutes les fois que je songe à Vous, et j'y songe si souvent que j'en suis tout fatigué. Laissez-moi donc marcher, je vous prie. Si vous n'avez pas la patience de Vous instruire de ce qui se passe dans le monde, rentrez en vous-même et tirez de votre propre intérieur la lumière qui se trouve inmanquablement dans toute âme faite comme la vôtre. Je suis convaincu que vous pouvez faire un bien infini à cette pauvre Russie égarée sur la terre. Ne trompez pas votre destinée, mon ami. Depuis quelque temps on lit le russe partout; vous savez que M. Boulgarine a été traduit, et placé à la suite de M. de Joui; quant à vous, il n'y a pas de cahier de la Revue où il ne s'agisse de vous; je trouve le nom de mon ami Goulianof prononcé avec respect dans un gros volume, et le fameux Klaproth lui décernant une couronne Egyptienne; je crois vraiment qu'il a fait chanceler les pyramides sur leurs bases. Voyez ce que vous pouvez Vous faire de gloire. *Jettez un cri vers le ciel*, — il vous répondra.

Je vous dis tout cela, comme vous voyez, à l'occasion d'un livre que je vous envoie. Comme il y a là un peu de tout, il réveillera peut-être en vous quelques bonnes idées. Bonjour, mon ami. Je vous dis comme ce Mahomet disait à ses Arabes, — ah si vous saviez!

Адрес: Monsieur Pouchkine.

412. И. А. Яковлеву.

Вторая половина марта — апрель 1829 г. (?) Москва.

Любезный Иван Алексеевич.

Тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться, тем более, что знаю твою delicacy of gentlemen. Ты едешь на днях, а я всё еще в долгу. Должники мои мне не платят, и дай бог, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 т.‹ысяч›. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги. Надеюсь еще их заплатить перед твоим отъездом. Не то позволь вручить их Алексею Ивановичу, твоему батюшке; а ты предупреди, сделай милость, что эти 6 т.‹ысяч› даны тобою мне в займы. В конце мая и в начале июня денег у меня будет кучка, но покамест я на мели и карабкаюсь.

Весь твой А. П.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г.
Ивану Алексеевичу
Яковлеву.

413. Н. И. Гончаровой.

1 мая 1829 г. Москва.

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû Vous écrire, à présent que le Comte Tolstoy m'a rapporté Votre réponse: cette réponse n'est pas un refus, Vous me permettez l'espérance. Cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude; je conçois la prudence et la tendresse d'une Mère! — Mais pardonnez à l'impatience d'un cœur malade et ‹ivre›‹?›[1] de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être céleste qui Vous doit le jour. — Si Vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au Comte de Tolstoy, qui me les fera parvenir.

Daignez, Madame, accepter l'hommage de ma profonde considération

Pouchkine.

1r Mai
1829.

414. Б. Г. Чиляеву.

24 мая 1829 г. Коби.

(Черновое)

Несколько путеше‹ственников› след‹ующих› по каз.‹енной› надоб.‹ности› находятся здесь в самом затрудн‹ительном› положе‹нии› и зная по слухам Вашу снисходитель[ность], решились прибегнуть к Вашему покрови‹тельству›.

Сделайте милость послать к старш‹ине› ароб‹щиков›. О сем просят убедительнейше арт‹иллерии› под‹полковник› Бауман, гр.‹аф› Му.‹син›-Пушкин и я.

Прими‹те›

415. Ф. И. Толстому.

27 мая — 10 июня 1829 г. Тифлис.

(Черновое)

Сей час узнаю, что было здесь на мое имя письмо, полагаю, любезный граф, что от тебя. Крайне жалею, что оно уже отпра‹влено› в дей‹ствующий› отря‹д›, куда еще я не так легко и не так скоро попаду — делать нечего. Путешествие мое было довольно скучно.

---

[1] *В копии в этом месте пропуск.*

Начать, что поехав на Орел а не прямо на Воро<неж>, сделал я около 200 <верст лишних>, зато видел Ермо<лова>. Хоть ты его не очень жалуешь, принуж<ден> я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выраже<нии>. Он был до крайности мил. Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дн<евку> ночевал — за то видел Казбек и Терек, которые стоят Ермолова. Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения гр.<афа> Паск<евича>.

416. Н. Н. Раевскому-сыну (?).

30 января или 30 июня 1829 г. Петербург или Арзрум.

(Черновое)

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist.<oire> de ce temps-là[1], comme nos sous-œuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre *sine qua non*.

A l'exemple de Sheks.<peare> je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romanesque etc... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers — quant aux grosses indécences, n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était[2] une drôle[3] de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventuriers en aventuriers — partager tantôt[4] le lit dégoûtant d'un juif, tantôt[5] la tente d'un cosaque, [et] toujours prête à se livrer à [celui qui] qui-

---

[1] à l'hist.<oire> de ce temps-là *вписано.*

[2] *Переделано из* c'est

[3] *Переделано из начатого* une des âmes

[4] tantôt *вписано.*

[5] tantôt *вписано.*

conque peut lui présenter [une] la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps[1] traiter avec le roi de Pologne de [puissance à puissance] couronne à couronne — et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise, comme le disait [la cousine de M^de^ Lubaumirska].

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouïe. Après je l'ai retrouvé à Moscou, [parmi] l'un des 7 chefs qui la défendaient[2] en 1612, puis en 1616[3] dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis воевод‹а›[4] à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire, comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорелое Городище — ville qu'il fit[5] brûler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des [comissaires] proconsuls de la Convention Nationale...

Je compte revenir aussi sur Шуйский. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace,[6] de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du côté de Дмитрий. Il est le premier [qui l'accuse[7]] qui conspire, [qui] et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйский qui avait frisé [le supplice] [et] de si près la hache et le billot?[8] il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de

---

1 en même temps *вписано.*

2 *Переделано из* défendait

3 en 1616 *вписано.*

4 воевод‹а› *вписано: в подлиннике описка:* Voеводъ

5 *Переделано из* fut

6 *Переделано из начатого* de ‹...›

7 *Было:* qui accuse

8 *Было:* frisé le supplice de si près? *Слова* la hache et le billot *вписаны.*

garder dans sa chute plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eut pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрий. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tous deux abjurant leur foi pour cause politique, tous deux aimant les plaisirs et la guerre, tous deux donnant dans des [chimères] projets chimériques — [tout] tous deux en butte aux conspirations... Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксения — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire. —

Грибоедов a critiqué le personnage de Job — le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов[1] j'ai réfléchi sur la tragédie et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, censées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?

2) *la langue.* Pa.<r> ex.<emple> le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre[2] vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle des 24 h.<eures>? Soit. Et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a parte,* il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface.

A. P.

1829
[S. Pb.] *30 j<нрзб.>*[3]

---

[1] *Переделано из начатого* t<ragédie>
[2] une *вписано; было:* souciés d'autre
[3] ja<nvier> *или* ju<in>

2-e

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'hist. de ce temps là, comme nos sous-entendus de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre sine que non.

A l'exemple de Shaksp. je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romantique &c... Le style en est mélangé — Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers — quant aux grossières indécences, n'y faites pas attention, cela a été écrit au courant de la plume, & disparaîtra à la première copie

Письмо Н. Н. Раевскому-сыну (?), 30 января или 30 июня 1829 г. (1-я и 8-я страницы).
Собрание Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, № 302.

Voyez comme Corneille abrovement mis
le Cid: Ne vous voulez la règle des 24h!
Soit. Cela dure et vous entasse des
événements pour 4 mois. Rien de plus ridi-
cule que les petits changements des règles
récentes. Alfieri est profondément frappé
du ridicule de l'*aparte*, et le supprime
et la dure allonge le monologue.
Quelle puérilité!!

Ma lettre est bien plus longue
que je ne l'avais voulu faire —
Gardez la, je vous prie car
j'en aurai besoin, si [illegible]
[illegible] de faire une préface

1829

36 jours

417. М. П. Погодину.

Конец сентября — 12 октября 1829 г. (?) Москва.

Извините меня, ради бога — обязанность так сказать священная..... До свидания. Извините еще раз.

А. П.

418. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

14 октября 1829 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же, с своей стороны, покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие.

В ожидании отзыва Вашего для доклада его императорскому величеству, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

милостивый государь,
ваш покорный слуга
А. Бенкендорф

№ 4360.
14. Октября 1829.
Его высокоб<лагороди>ю А. С.
Пушкину.

419. Пушкин и Анна Н. Вульф — А. Н. Вульфу.

16 октября 1829 г. Малинники.

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в старицкой уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы баронов и простых дворян! по крайней мере, честь имею представить Вам подробный отчет о делах наших и чужих. I) *В Малинниках* застал я одну Ан.<ну> Ник.<олаевну> с флюсом и с Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностию, и объявила мне следующее:

a) Евпр.<аксия> Ник.<олаевна> и Ал.<ександра> Ив.<ановна> отправились в Старицу [п]осмотреть новых уланов.

b)[1] Ал.<ександра> Ив.<ановна> заняла свое воображение отчасти талией и задней частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева.

---

[1] *Переделано из* NB)

c) Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее.* (Сей час А.<нна> Ник.<олаевна> объявила, что она того не находит).

II) *В Павловском* Фридерика Ив.<ановна> страждет флюсом; Пав.<ел> Ив.<анович> стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) *В Бернове* я не застал уже толсто<- - - - -> Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. За то *Netty*, нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам; но она сим не тронулась. Вот уже третий день как я в нее влюблен.

IV) *Разные известия.* Поповна (ваша Кларисса) в Твери. Писарева кто-то прибил и ему велено подать в отставку. Кн.<язь> Максютов влюблен более чем когда-нибудь. *Ив.<ан> Ив.<анович>* на строгом диэте (<- - - - - - - - - - -> своих одалиск раз в неделю). Недавно узнали мы, что *Netty*, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный... Сим позвольте заключить поучительное мое послание.

16 окт.

Адрес: Алексею Николаевичу
Вульфу.

<Приписка Анны Н. Вульф, после адреса:>

Не подумай, что я из любопытства распечатала Пуш.<кина> письмо [Слышал<?> ли<?> ты<?> новость<?> литературную<?>], а от того что неловко сложено было.

Пришли мне пожалоста твой адрес, когда вы придете на место.

420. А. Х. Бенкендорфу.

10 ноября 1829 г. Петербург.

Mon Général,

C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa majesté était mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt qu'elle a toujours daigné me témoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au désir de voir mon frère qui sert dans le régiment des dragons de Nigni-novgorod et dont j'étais séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvai plus l'armée. J'écrivis à Н.<иколай>[1] Раевской, un ami d'enfance, afin qu'il obtînt pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivai le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarrassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devaient avoir lieu et c'est ainsi que j'assistai à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourrait l'attribuer à tout autre motif me serait insupportable. J'aimerais mieux éprouver la disgrâce la plus sévère que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existence, et ceci n'est pas une phrase.

Je supplie Votre excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération

Mon Général
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

10 novembre
1829.
St-P.

421. С. Д. Киселеву.

15 ноября 1829 г. Петербург.

Любезный Сергей Дмитриевич,

На днях приехал я в П.<етер>Б.<ург>, о чем и даю тебе знать, ибо может быть твой поверенный приятель был уже здесь без меня. Адрес мой у *Демута*. Что ты? что наши? В Петербурге тоска, тоска......

Если ты увидишь еще Вяземского, то погоняй его сюда. Мы все ждем его с нетерпением. Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из П.<етер>Б.<урга> в Hôtel d'Angleterre мимо Карса! по крайней мере мочи нет хочется.

15 ноября
П. Б.

Весь твой
Пушкин.

Адрес: Его высокородию
Сергею Дмитриевичу
Киселову
В Москве,
в Английском клобе.

---

[1] Н.<иколай> *вписано.*

422. О. М. Сомов — Пушкину.

20 ноября 1829 г. Петербург.

Возлюбленному о Хрістѣ Брату радоватися!

Послахъ азъ отрока моего (иже не отрочати подобно, паче же мужеобразно сложеніе имать), да абіе принесетъ ти книги твоя, еже во спасеніе души и на потребу, отъ Святыхъ отецъ начертана суть. Тѣмъ же молю тя, да усладиши слухъ твой духовный отъ словесъ Богодухновенныхъ, и да будетъ мысленнымъ ноздремъ твоимъ въ воню аромата душеспасительное мvро чудесъ, ихъ же Гдь Бгъ показа на угодникахъ своихъ. Обаче да некакоже преидеши молчаніемъ таковая, но да воспоеши пѣснь о тѣхъ отъ сплетеній риторскихъ, ими же всещедрый Бгъ ущедри тя веліе, и сицевымъ же поганыи язычницы хитростію пітійскою глаголютъ быти, злочестивіи же латиняне Poësis нарекоша. Паче же всѣхъ да воспоеши красноглаголивую пѣснь о житіи преподобнаго Іоанна Новогородскаго, иже на хребтѣ бѣсовѣ, аки на сѣдалищи констѣмъ, возсѣдѣ, и во Свтый градъ Іерусалимъ потече спѣшно, утреневати утреннюю глубоку въ день пасхи Гдни. Не точію же о томъ, но и о сітѣмъ угодници печерстѣмъ Іереміи Прозорливѣмъ, иже зрѣ бѣса, предъ утренней на свиніи гонзающа и на спящихъ во храмѣ Бжіи молельцевъ вѣтвіемъ нѣкіимъ отъ былій тмы кромешныя метающа. Сія убо повѣждь намъ во стіхирахъ (иже грѣхъ нашихъ ради Баллады днесь и присно нарицаются), гласомъ сладкопѣнія, ликовъ аглскихъ достойнымъ; но да не выну оскверниши устнѣ твоя, воспѣвая пѣснь дѣвамъ и блудницамъ языческимъ, нижѐ кумиромъ ихъ: якоже Киѳиріи, скверную похоть плотскую на блудъ разжизающей, ни Кинѳіи, студная своя обнажающей и со псами на ловитву гонзающей: ни Еvфросиніи, юже нечестивіи Еллины Χαρῆτες, сирѣчь *лѣпота* нениуютъ быти.

Сице преклоняя колѣна, молю Сердцевѣдца всѣхъ Бга, да дастъ ти разумѣніе охотно и слышаніе бодрственно, воеже внити словесемъ моимъ во ушію твоею, и да послетъ ти ревнованіе и хотѣніе тéпло, воеже сотворити, о нихъ же рѣхъ азъ многогрѣшный. Тѣмъ же цѣлýя тя любóвнѣ, есмь и пребуду выну

Смиренный грѣшникъ и бгомóлецъ

Скитникъ Орстъ

Мѣсяца Ноéмвріа въ К҃ день,

Лѣта отъ сотворенія ҂ЗТЛД, отъ
Рждства же по плоти Гда Бга и Спаса нашего

І.‹исуса› Х.‹риста›, ҂АѠКѲ.

Ещеже молю: да начертаеши словеса сія тростію памяти твоея на скрижалѣхъ сердца твоего, и да сокрыеши я̀ въ тайбницѣ души твоея; абіе же, раздравъ рукописаніе сіе, да потребиши ѐ на потребу студную: но да не како же вдаси оное кощуномъ и богоотступнымъ чáдомъ міра сего, глумленія [ради] надъ святынею и скверныхъ словесъ изблеванія ради. Писано бо есть: не мещите бисера предъ свиніями, да не убо поперутъ его ногами. Обаче вѣмъ вéліе благочестіе твое, и упованіе твердо на тя̀ возлагаю.

Здѣ же обрящеши и комедію отъ сложенія твоего: О Міхаилѣ Трандафилѣ, о Николаи, рекомомъ Полевый, о Сергіи Скудельничи (Глинкѣ), и о прочихъ; въ ней же первая персона Франталпéй, сирѣчь Міхаилъ Трандáфилосъ, иже тобою заушенный, злѣ пострада.

Сіе же посланіе благолѣпне да вручится честному Брату Александру, иже во схимницѣхъ Аполлонъ нарицается.

423. О. М. Сомову.

Первая половина декабря 1829 г. Петербург.

Отрывок из Евг.‹ения› Онег.‹ина› глава VIII. Пришлите мне назад листик этот.

424. Неизвестной.

Конец (до 26) декабря 1829 г. Петербург.

(Черновое, отрывок)

[Écrivez à Olga sans rancune. Elle vous aime beaucoup et elle serait consolée par votre souvenir].

1830

425. Е. Ф. Тизенгаузен.

1 января 1830 г. Петербург.

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б Судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Bien entendu, Comtesse, que vous serez un vrai Cyclope. Acceptez cette platitude comme une preuve de ma parfaite soumission à vos ordres. Si j'avais cent têtes et cent cœurs, ils seraient tous à votre service.

Agréez l'assurance de ma haute considération

Pouchkine.

1 janvier.

Адрес: à[1] Mademoiselle
la Comtesse de Tiesenhausen.

426. П. А. Вяземский — Пушкину.

2 января 1830 г. Москва.

2-го января 1830.[2]

Сделай милость, откажись от постыдного членства Общества Люб.‹ителей› Русс.‹кого› Слова. Мне и то было досадно, то-есть не мне, потому что я на заседание не поехал, но жене моей, менее меня благопристойной и ездившей на святошные игрища литтературы, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Верстовским, а вчерашние Московские Ведомости довершили мою досаду: тут увидишь: *Предложение об избрании в члены общества Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и отечественного Композитора Музыки А. Н. Верстовского.*

NB. Это написано не Шаликовым, потому что в этой статье хвалят историю Полевого. Воля твоя, не надобно спускать такие наглые дурачества. Мы худо

---

1 à *вписано.*

2 1830 *переделано из* 1829

делаем, что пренебрегаем званием литтераторским: это звание не то что христианина. Тут нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поедем к вельможе, который станет нас принимать наравне с канальями, с Булгариными и другими нечистотами общественного тела. Разве здесь не то же. Гордиться приемами наших вельмож и наших литтературных обществ смешно и невозможно человеку с здравым смыслом: но не спускать ни тем, ни другим, когда они поступают с нами невежливо, должно, неотменно должно. Сатурналы нашей литтературы дошли до того, что нельзя, по крайней мере отрицательно, если не действительно, не протестовать против этих исступлений бесчинства. Читал ли ты предисловие Полевого к Истории: *„Когда же думал историк?"* говорит он о Карамзине. И в чем же находит он свидетельства *недумания*? В том, что первые четыре главы 12-го тома были уже переписаны, а 5-ая глава еще не дописана. Во-первых вся жизнь Карамзина была обдуманием истории его, он не выкидывал как Полевой, он рожал после беременности здоровой, исполнившей законный срок свой; во-вторых, если переписка на-чисто отрывков отдельных до написания тома целого и есть свидетельство чего-то такого, которого не понимаю, то и тут есть другое объяснение: Карамзин давал обыкновенно государю, цензору своему, тетрати на дорогу, потому что в дороге он имел более свободного времени, и эти четыре главы были переписаны к отъезду в Таганрог. Сделай милость, сообщи эти замечания в редакцию Литтературной Газеты и просматривай то, что в ней будут говорить про Полевого. Я никак не могу решиться писать против него: огрязненный своею журнальною полемикою и лобызаниями с Булгариным, он сделался неприкосновенным. Другие плюют на блюдо, чтобы оно никому не досталось, а он себя оплевал поступками и [делами] словами, да и вышел с историею своею говоря: ну-ка суньтесь! — Впрочем нам позволено быть брезгливыми, за то должно других за себя ставить, которые не боялись бы ослюниться. Вот однако же и моя маленькая дань:

Есть Карамзин, есть Полевой,
В семье не без урода.
Вот Вам в строке одной
Исторья русского народа.

А что за картина была в картинах Гончарова! Ты <-------> бы от восхищения. Прощай, милая <------>. Обнимаю тебя.

Адрес: Пушкину.

427. Н. И. Гнедич — Пушкину.

6 января 1830 г. Петербург.

Любезный Пушкин! Сердце мое полно; а я один: прими его излияние. Не знаю, кем написаны во 2-м номере Лит.<ературной> Газеты несколько строк об Илиаде; но едва ли целое похвальное слово, в величину с Плиниево Траяну, так бы тронуло меня, как эти *несколько строк!* Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, кое<?> было бы сказано так благородно, и было бы мне так утешительно и сладко! Это лучше царских перстней. Обнимаю тебя. — Не ешь ли ты сегодня у Андрие пирога с бобом?

Твой Н. Гнедич.

Адрес: Его высокоблагородию
Александру Сергеевичу
Пушкину.

428. Н. И. Гнедичу.

6 января 1830 г. Петербург.

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко наброшенных мною в Газете, могли тронуть вас до такой степени. Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному[1] разбору Иллиады вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России. Обнимаю Вас от сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь с Вами прежде.

Весь ваш Пушкин.

Адрес: Его высокородию
милостивому государю
Николаю Ивановичу
Гнедичу.

429. А. Х. Бенкендорфу.

7 января 1830 г. Петербург.

Mon général,

M'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permise de lui faire.[2]

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence, Mr Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15[aine] de mille roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à Votre bienveillance, je suis, Mon Général,

de Votre Excellence
le très-humble et très-obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

7 janvier
1830.

---

1 полному *вписано.*

2 *Переделано из начатого* adr<esser>

430. М. Н. Загоскину.

11 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь
Михайло Николаевич,

Прерываю увлекательное чтение Вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить Вас за присылку Юрия Милославского, лестный знак Вашего ко мне благорасположения.[1] Поздравляю Вас с[2] успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. *В Лит.‹ературной› Газете* будет о нем статья Погорельского. Если в ней не всё будет высказано, то[3] постараюсь досказать. Простите. Дай бог Вам многие лета — т. е. дай бог нам многие романы.

С искренним уважением и преданностию, честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою

А. Пушкин.

11 января
1830
С. П. Б.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Михайлу Николаевичу
Загоскину.
В Москве.

431. Е. М. Хитрово.

Первая половина января 1830 г. Петербург.

Vous devez me trouver bien ingrat, bien mauvais sujet. Mais je vous conjure de ne pas juger sur l'apparence. Il m'est impossible aujourd'hui de me rendre à vos ordres. Quoique sans parler du bonheur[4] d'être chez vous il suffirait de la[5] curiosité pour m'y attirer. Des vers d'un chrétien, d'un évêque Russe en réponse à des couplets sceptiques! c'est vraiment une bonne fortune.

A. P.

Адрес: Madame Hitrof.

---

1 *Переделано из* расположения

2 с *переделано из начатого* у‹спехом›

3 *В подлиннике:* до (*вероятно, начатое* до‹скажу›).

4 *Было:* Quoique malgré le bonheur

5 de la *переделано из* d'un

432. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

17 января 1830 г. Петербург.

Monsieur,

En réponse à la lettre que Vous m'avez adressée en date du 7 de ce mois, je m'empresse de Vous annoncer que S.‹a› M.‹ajesté› l'Empereur n'a pas daigné acquiescer à Votre demande d'aller visiter les pays étrangers, croyant que cela dérangerait trop Vos affaires pécuniaires et Vous détournerait en même temps de Vos occupations. Votre désir d'accompagner notre mission en Chine de même ne peut pas être accompli, car tous les employés sont déjà désignés et ne peuvent être changés sans en avertir la cour de Pékin. Ce qui concerne la permission d'imprimer Votre nouvelle tragédie, je ne manquerai pas de Vous faire savoir ces jours-ci une réponse définitive.

Je profite de cette occasion pour Vous prier d'agréer l'assurance de la considération distinguée avec laquelle j'ai bien l'honneur de Vous saluer.

A. Benkendorf.

Ce 17 Janvier, 1830.
Mr A. Pouschkine.

433. А. Х. Бенкендорфу.

18 января 1830 г. Петербург.

Mon général,

Je viens de recevoir la lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru Son mécontentement.

Je prends bien mal mon temps, mon Général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve du Général Raievsky vient de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur, auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est dénuée d'amis, d'espérances et de ressources. La moitié de la famille est exilée, l'autre à la veille d'une ruine complète. Les revenus suffisent à peine pour payer les intérêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, réversible sur ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la préserver de la mendicité. En m'adressant à vous, Général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'état,

que j'espère intéresser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agréer, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect
Votre très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

1830
18 janvier
St P.

434. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

21 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Возвращая при сем два рукописные экземпляра Комедии Вашей о царе Борисе, покорнейше прошу Вас, м.‹илостивый› г.‹осударь›, переменить в оной еще некоторые, слишком тривияльные места; тогда я вменю себе в приятнейшую обязанность снова представить сие стихотворение государю императору.

С истинным почтением и преданностию, имею честь быть

милостивый государь
покорнейший слуга
А. Бенкендорф.

№ 296.
21. Января 1830.
Его высок‹облагородию› А. С.
Пушкину.

435. М. О. Судиенке.

22 января 1830 г. Петербург.

Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionaire, qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout à fait oublié son nom, et vos 4000 vous attendaient tout cachetés, depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Pétersbourg, je vous avais écrit à Чернигов (?) pour savoir au juste votre adresse, pour vous féliciter avec votre mariage et pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appétit et que vous ne déjeunez plus comme en temps jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à P.‹éters›b.‹ourg›, et cela reviendra. Здесь у нас, мочи нет, скучно: игры нет, а я всё-таки проигрываюсь. Об Яковлеве имею печальные известия. Он в Париже. Не играет, к девкам не ездит и учится по-английски. Долгорукий

приехал на днях. Этот подает надежду. Покамест умираю со скуки. Приезжай, мой милый, или с горя я к тебе приеду. Прощай, душа моя; будь счастлив и прости мне невольное несдержание слова.

А. Пушкин.

22 января 1830.
С.-Петербург.

Адрес: Его высокоблагородию Михаилу Осиповичу Суденке.

436. П. А. Вяземский — Пушкину.

15—25 января 1830 г. Москва.

Дельвиг просил меня написать статью о московских журналах. Вот она. Кажется, слишком растянута: перетяни ее как хочешь, выкинь частности, одним словом делай что хочешь.

Вчера ночью возвращались мы с Болховским с бала, говорил он о романах В.‹альтер›-Скотта, бранил их: вот романы, прибавил он, *les liaisons dangereuses, Faublas,* это дело другое: читая их так и глотаешь дух их, глотаешь редакцию. —

Хорошо. Доволен ли? Захохотал, поблагодари же меня.

Стихи Хвостова выписаны из издания 1813-го года. Есть издание старшее 1807. Справьтесь: не лучше ли там стихи?

Ты прелестно проглотил *Редакцию Вестника Европы.* Мы с Дмитриевым читали твой отрывок и радовались.

Бумага Литтературной Газеты очень дурна. Зачем не поместить хорошей рецензии иностранной на какую-нибудь новую замечательную книгу? Статья *Смесь* во 2-м листе ужасно слаба. — Возьмите у Жуковского писем Александра Тургенева и напечатайте извлечениями.

437. М. Н. Загоскин — Пушкину.

20—25 января 1830 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

Не нужно кажется уверять вас, что я с сердечною благодарностию и величайшим удовольствием прочел обязательное письмо ваше. — Вам грешно — и даже смешно бы было принять за комплимент, если я вам скажу: что читая ваши похвалы моему роману, я несколько минут был причастен тяжкому греху — гордости. — Да, почтенный Александр Сергеевич! — до последнего вашего приезда в Москву, мы были только *знакомы* с вами; но из всех ваших задушевных приятелей, никто верно не уважал более моего превосходные произведения ваши и даже (упрекайте меня, если хотите, в самолюбии) не все приятели ваши умели ценить высокой ваш талант, как человек, которого вы полагали, может быть, в числе литературных врагов ваших. — Мне очень приятно, что г-н Погорельской хочет написать рецензию на мой роман; но признаюсь, был бы еще довольнее, если б этот разбор вам не понравился и вы бы сделали то, о чем мне намекнул в своем письме Филипп Филиппович Вигель.

Прощайте! — Как жаль, что не могу обнять вас иначе как мысленно; но если я прикован к Москве, то вы не век будите жить в Петербурге — и я уверен, что приехав[1] сюда, захотите показать мне новый знак драгоценной для меня приязни вашей — то-есть: пришлете мне сказать, что вы в Москве. —

Будьте здоровы, продолжайте быть украшением словесности нашей, — и полюбите, хотя когда-нибудь, искренно[2] вас уважающего — и от души готового быть другом вашим

покорнейшего слуг‹у› М. Загоскина.

NB. Сей час прочел рецензию на меня в Северной Пчеле. Может быть Булгарин и прав — да не хорошо кричать: „пожалуйте к нам, господа! — милости просим! — наш товар лучше! — "

438. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

28 января 1830 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Государь император заметить изволил, что Вы находились на бале у французского посла во фраке, между тем как все прочие приглашенные в сие общество были в мундирах. Как же всему дворянскому сословию присвоен мундир тех губерний, в коих они имеют поместья, или откуда родом, то его величество полагать изволит приличнее русскому дворянину являться в сем наряде в подобные собрания.

Извещая о сем Вас, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию,

милостивый государь,
ваш покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 377.
28. Январь 1830.
Его б‹лагоро›дию А. С. Пушкину.

439. П. А. Вяземскому.

Конец января 1830 г. Петербург.

Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать Газету одному с помощию Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболее. Ты бранишь Милославского, я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтенье его Истории заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа. Как бы Каченовского взбесить? стравим их с Полевым.

---

[1] *Переделано из* приехавши

[2] *Переделано из начатого* душев‹но›

Правда ли, что моя Гончарова выходит за Архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться. Я напечатал твое *к Ним* противу воли Жуковского. Конечно я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного. Но элегическую ‹-----›-‹----› позволено сказать, когда не в терпеж приходится благородному человеку. Кланяюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше.[1] Я было написал на него ругательскую Антикритику, слогом Галатеи — взяв в эпиграф *Павлуша медный лоб приличное названье!* собирался ему послать, не знаю куда дел.

Адрес:[2] Князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
в Москву
в Чернышевском переулке
в собств. доме.

440. П. А. Вяземский и А. А. Дельвиг — Пушкину.

1 февраля 1830 г. Москва.

‹*П. А. Вяземский:*›

Вот и вторая статья. Справься, так ли стих:

Les gens que vous tuez etc.

Разделите статью по журналам в ней рассмотренным: для каждого листа по особенному журналу, а целиком много. — Должно бы сказать в примечании, что этот журнальный смотр один раз на всегда, а не будут следовать за каждою новою книжкою журналов, разве в каком-нибудь экстренном случае. — Отыщи эпиграмму мою на Булгарина, где я жалуюсь на похвалы его, она, говорят, у барона Розена, и напечатайте ее в Газете.

1-го февраля.

‹*А. А. Дельвиг:*›

Напрасно вы изволили под статьею на Историю Полевого напечатать: продолжение обещано: все ждут его и не дождутся. Обнимаю тебя, душа моя, через неделю увидимся. Прощай

Дельвиг.

441. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

(Черновое)

C'est aujourd'hui le 9 anniversaire du jour où je vous ai vu pour la première fois. Ce jour a décidé de ma vie.

---

[1] Павлуше *вписано.*

[2] *На отдельном конверте.*

Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la vôtre; je suis né pour vous aimer et vous suivre — tout autre soin de ma part est erreur ou folie; loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que j'abandonne tout, et que je vienne tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en Crimée‹?› est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là je pourrai venir en pélerinage errer autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir...

442. К. А. Собаньская — Пушкину.

2 февраля 1830 г. Петербург.

J'ai oublié l'autre jour que c'était à dimanche que j'avais remis le plaisir de vous voir. J'ai oublié qu'il fallait commencer sa journée par la messe et que je devais la continuer par des visites et courses d'affaires. J'en suis désolée car cela va retarder jusqu'à demain soir le plaisir de vous voir et celui de vous entendre. J'espère que vous n'oublierez pas la soirée de lundi et que vous ne m'en voudrez pas trop de mon importunité en faveur de toute l'admiration que je vous porte.

C. S.

Ce dimanche matin.

Адрес: Monsieur Alexandre Poushkine.

443. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

(Черновое)

Vous vous jouez de mon impatience, vous semblez prendre plaisir à me désappointer, je ne vous verrai donc que demain — soit. Cependant je ne puis m'occuper que de vous.

Quoique vous voir et vous entendre soit pour moi le bonheur, j'aime mieux vous écrire que vous parler. Il y a en vous une ironie, une malice qui aigrissent et découragent. Les sentiments deviennent pénibles et les paroles du cœur se tournent en pures plaisanteries en votre présence. Vous êtes le démon, c'est à dire *celui qui doute et nie*, comme le dit l'Écriture.

Dernièrement, vous avez cruellement parlé du passé. Vous m'avez dit ce que je tâchais de ne pas croire — pendant 7 ans entiers. Pourquoi cela?

Le bonheur est si peu fait pour moi, que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi. Ne m'en parlez donc plus, au nom du Christ. Le remords, si tant est que je l'eusse connu, le remords aurait eu sa volupté — un regret pareil ne laisse à l'âme que des pensées de rage, de blasphème.

Chère Ellénore, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rappelle et les lectures brûlantes de mes jeunes <?> années et le doux fantôme qui me séduisait alors, et votre propre existence si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être. Chère Ellénore, vous le savez, j'ai subi toute votre puissance. C'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce [que l'ivresse] de l'amour a de plus convulsif et de plus doulou<reux> comme tout ce qu'elle a de plus stupide. De tout cela il [ne] m'est resté qu'une faiblesse de convales<cent>, <un> attachement bien doux, bien vrai, et qu'un peu de crainte qu'il m'est impossible de surmonter.

Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserez — que de maladresse — il est humilié du passé, voilà tout. Il mérite bien que je le joue encore. Il a toute la fatuité de Satan son maître. N'est-ce pas.

Cependant en prenant la plume je voulais vous demander quelque chose — je ne sais plus quoi — ha oui — c'est de l'amitié. Cette demande est bien vulgaire, bien... C'est comme un mendiant qui demanderait du pain — le fait est qu'il me faut votre intimité.

Et cependant vous êtes toujours aussi belle que le jour de la traversée ou bien celui du baptême, lorsque vos doigts me touchèrent le front. Cette impression me reste encore — froide, humide. C'est elle qui m'a rendu catholique. Mais vous allez vous faner; cette beauté va pencher tout à l'<heure> <?> comme une avalanche. Votre âme restera debout quelque temps encore, au milieu de tant de charmes tombés — et puis elle s'en ira et peut-être jamais la mienne, sa <?> timide esclave, ne la rencontrera dans l'infini de l'éternité.

Et bien, qu'est-ce qu'une âme? Ça n'a ni regard, ni mélodie — mélodie peut-être...

444. К. М. Бороздину.

Около (после) 4 февраля 1830 г. Петербург.

(Черновое)

Изд.<ателям> Лит.<ературной> Газ.<еты> вместо К. С. Сер<биновича> дали недавно в цензоры профессора Щегл<ова>, который своими замечаниями поминутно напоминает лучшие времена Биру<кова> и Красов<ского> — в доказательство позвольте привести вам один из тысячи примеров: Давы<дов> в одном<?> посл<ании> [говорит Зай<цевскому> и Каз<арскому>

О будьте <вы оба отечества щит,
Перун вековечной державы!>

Черновое письмо К. М. Бороздину, около (после) 4 февраля 1830 г.
Собрание Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, тетрадь № 2382, л. 84 об.

Цензор усомнился, можно ли допустить гов<орить> таковым [образом] <о> двух кап<итан>-лей<тенантах> и вымарал приветствие не по чину.

Издатели решились прибегнуть к В<ашему> пок<ровительству>, и просить, если только то возможно, дать другого, менее своенравного цензора, если уже не возможно возвратить г-на Сербин<овича>.

445. М. О. Судиенке.

12 февраля 1830 г. Петербург.

Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4000 r. en question vous attendaient tout cachetés depuis le mois de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de votre homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un mois que Mr Lerch est venu revendiquer la somme et qu'il l'a touchée tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerai probablement l'été à la campagne. Peut-être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permettrez, j'espère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres e. в. Петру Александровичу Плетневу в Екатерининском Институте. Addio, a rivederla.

A. Pouchkine.

12 Février 1830.

Адрес: Его высокородию милостивому государю, Михаилу Осиповичу Судиенке, в Стародуб, в Черниговской губернии.

446. Д. Ф. Фикельмон — Пушкину.

8 или 15 февраля 1830 г. Петербург.

Décidément nous ferons notre expédition *masquée* demain soir — nous nous rassemblerons à 9 h.<eures> chez Maman. Venez-y avec un *domino noir* et un *masque noir* — nous n'aurons pas besoin de votre voiture, mais bien de votre domestique, — les nôtres seraient reconnus. Nous comptons sur votre esprit, cher Mr Pouschkine, pour animer tout cela. Vous souperez ensuite chez moi et alors je vous renouvellerai mes remerciements.

D. Ficquelmont.

Ce samedi.

Si vous voulez, Maman vous fera préparer votre domino.

Адрес: Mr Pouschkine.

447. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

17 февраля 1830 г. Петрозаводск.

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Прочитав с большим наслаждением (в Лит.‹ературной› Газ.‹ете›) отрывок из путевых записок Ваших, я заключил, что вы должны уже находиться в столице, и не мог отказать желанию написать к вам несколько строк. Из глубины Карельских пустынь, я посылал вам (чрез б.‹арона› Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием [1]) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, вашею беседою и, как мне казалось, приязнию вашею, для меня драгоценною. И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева, мы часто, и с любовию, об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали *живое* стереотипное издание творений ваших — вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостию и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот.

Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии. $^1/_8$ времени моего здесь пребывания провел я в ближайшем сотовариществе с двумя молодыми медведями, моими воспитанниками. Далее, ознакомясь с делами и лицами, по обязанностям службы, стал ближе к людям. У меня есть ваш портрет. Только жаль, что вы в нем представлены с какою-то пасмурностию: нет той веселости, которую я помню в лице вашем. Ужели это следствие печалей жизни? — В таком случае, молю жизнь, чтобы она, заняв всё лутшее у Муз и Славы, утешала [бы] вас с таким же усердием, с каким я читаю ваши пленительные стихи. —

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться!) препроводить к Вам мою *Карелию*, — произведение лесное и горно-каменное. Наши критики читают *глазами* то, что написано от души. Но вы, которому далась и природа внешняя, со всем великолепием своего разно-образия, и природа внутренняя человека с ее священною таинственностию, вы, может быть, заметите в Карелии чувствования, незаметные другим или другим‹и› пренебрегаемые.

Примите же благосклонно мою лесную сироту и верьте искренней преданности и совершенному почитанию, с коими имеет честь быть,

милостивый государь!

ваш покор‹нейший› слуга

Ф. Глинка

старший советник Олонецкого губернского правления!

P. S. Филимонов, из Архангельска, прислал мне свой: „Дурацкий Колпак“ и прекрасные стихи ваши к нему.

1830-го февраля 17-го. Г. Петро-Заводск.

Адрес: Его высокоблагородию,
милостивому государю,
Александру Сергеевичу,
Пушкину!
В собственные руки с препровожденнием книжки.
В С-т Петербурге.

---

[1] *Переделано из* воспоминаниями

448. Ф. В. Булгарин — Пушкину.

18 февраля 1830 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *ограбил* вашу трагедию *Борис Годунов*, переложил *ваши стихи* в прозу, и взял из *вашей трагедии* сцены для *моего* романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такие небылицы? Я не читал вашей трагедии,* кроме отрывков печатных, а слыхал только о ее составе от читавших, и от вас. В главном, в характере и в действии, сколько могу судить по слышанному, у нас совершенная *противоположность*. Говорят, что вы хотите напечатать в Литер.‹атурной› Газете, что я *обокрал вашу* трагедию! Что скажет публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мне хочется верить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва роман, а после скажите! Он вам послан другим путем. Для меня непостижимо, чтоб в литературе можно было дойти до такой степени! Неужели, обработывая один (т. е. по именам только) предмет, надобно непременно *красть* у другого? У кого я что выкрал? Как мог я красть по наслышке? — Но я утешаю себя одним, что Олин говорит на обум. Не могу и не хочу верить, чтоб вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составил себе такое понятие об вас, что эту весть причисляю к сказкам и извещаю вас, как о слухе, вредном для вашей репутации.

С истинным уважением и любовью
есмь
ваш навеки
Ф. Булгарин.

18. Февраля 1830
СПб.

---

* в этом честью уверяю. Мне рассказали содержание, и я, признаюсь, не согласился в многом. Представлю тех, кои мне рассказывали. —

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину
etc.

449. П. А. Вяземский, Пушкин и Е. А. Карамзина — В. Ф. Вяземской.

1 марта 1830 г. Петербург.

‹*П. А. Вяземский:*›

1-го марта у.‹тро.›

Вот я и в Петербурге. Долго собирался, за то долго и ехал. Я приехал сюда вчера вечером. Чуть было не пришлось тебе раскаиваться, что ты целые четыре месяца торопила меня ехать. Несколько раз дорогою думал я занемочь не на шутку, но всё отделалось кашлем и болью в голове от кашля же, потому что первая половина дороги ужасно была ухабиста, и ухабы и кашель так разбили мне голову, что я должен был на станциях отдыхать по четырнатцати часам. Признаюсь,

часто приходили мне на мысль наш обед сам-тринатцать и книга к Набокову. Но по счастью, я доехал не к нему, а в Петербург. Карамзиных и Мещерских нашел здоровыми. Пушкина видел, он собирается в Москву. Что болезни в Остафьеве? Сделай милость, ни под каким видом не переезжай в Остафьево прежде апреля. Дети всю зиму были больны, перевезти их зимою в дом, который несколько лет не был топлен и к тому же при болезнях там свирепствовавших, было бы дело непростительное, тем более, что сберегло бы всего пятьсот рублей. Толмачев Вам кланяется. Прости, моя милая, обнимаю и благословляю Вас всех от души. Ну, Машенька и Пашенька, стыдно бы Вам было посмотреть на братцев, об Андрюше и говорить нечего, он почти с меня ростом, но и Николинька чуть ли не выше Машеньки. Смотрите же, ростите умом, если бог не даст Вам другого роста. Кланяйтесь от меня Mr Robert и Mlle Julie и засвидетельствуйте мое нижайшее почтение их сиятельствам князю Павлу и княжне Надежде Петровным.

‹Пушкин:›

Виноват я перед Вами, княгиня. Простите великодушно. На днях явлюсь к Вам с повинною. Цалую Павлушу.

А. П.

‹П. А. Вяземский:›

Что ребенок Голицыной? Пошли узнать о нем.

‹Е. А. Карамзина:›

Je vous embrasse de tout mon cœur, chère et bonne Pcesse Véra, en vous remerciant de nous avoir envoyé à la fin notre cher voyageur, Dieu merci je l'ai trouvé beaucoup mieux [que] qu'un billet de lui daté de Poméranié ne me l'annonçait, un peu de toux et de fatigue, voilà tout son mal qui, j'espère, dans quelques jours de repos n'y paraîtra plus rien, мы будем его баловать и за ним ухаживать. Mille tendresses à toute la chère et aimable famille. Adieu, je suis toute entourée de comptes, comme une хозяйка doit l'être pour le 1er du mois. Bonjour, chère amie.

450. П. А. Вяземскому.

14 марта 1830 г. Москва.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки[1] попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне на встречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера; а вслед за ними братья Полевые. Приезд государев сделал большое впечатление. Арестованные были призваны к Бенкендорфу, который от имени царя и при Волкове и Шульгине объявил, что всё произошло от неразумения, что государь очень обо всем этом жалеет, что виноват Шульгин etc. Волков прибавил, что он радуется оправданию своему пред Московским дворянством, что ему остается испросить прощения, или лучше примирения,[2] графини Потемкиной — и таким образом всё кончено и все довольны.

---

1 *В подлиннике:* из кибитка

2 *В подлиннике:* примѣренія

Княгиня Вера очень мило и очень умно говорила о тебе Бенкендорфу. Он извинялся перед Потемкиной: Quant à M^{de} Карцов tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, Général, qu'elle chantait faux. Отселе изъяснения. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, Général, de vous répéter la demande de la C^{sse} Potemkine: la réhabilitation de mon mari. — Он сказал ей, что недоволен твоим меморием. Я не читал его: что такое? Ты жалеешь о том, что тебя не было в Москве — а я так нет. Знаешь разницу между пушкой и единорогом? Пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Потемкин и Сибелев сами по себе, а ты сам по себе. Не должно смешивать эти два дела. Здесь ты бы был конечно включен в общую амнистию, но ты достоин и должен требовать особенного оправдания — а не при сей верной оказии. Но это всё безделица, а вот что важно: Киселев женится на Л.‹изавете› Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости. Вчера обедал я у Дмитриева с Жихаревым. Дмитриев сердит на Полевого и на цензора Глинку: я не теряю надежды затащить его в полемику. Дай срок. Прощай, помяни меня на вечере у Катерине Андреевне и пиши мне к Копу.

14 марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину Театральному.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу Вяземскому, *в С.-Петербург* на Моховой, в доме Межуева.

‹*Приписка ниже адреса:*›

Вот тебе и другое письмо.

451. Пушкин и Ф. И. Толстой — П. А. Вяземскому.

16 марта 1830 г. Москва.

У меня есть на столе письмо, уже давно к тебе написанное — я побоялся послать его тебе по почте. Жена твоя вероятно полнее и дельнее расказала тебе, в чем дело. Государь уезжая оставил в Москве проект новой организации, контр-революции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение[1] дворянства, подавление[2] чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу.

[1] *Переделано из* Ограждения

[2] *Переделано из* подавления

Что твое здоровие? Каков ты с министрами? и будешь ли ты в службе новой? Знаешь ли ты, кто в Москве возвысил свой опозиционный голос выше всех? Солнцев. Каков? Он объявил себя обиженным в лице Сибелева и цугом поехал к нему на съезжу, не смотря на слезы Лиз.<аветы> Львовны и нежные просьбы Ольги Матвеевны. Москва утихла и присмирела. Жду концертов и шуму *за проект*. Буду тебе передавать свои наблюдения о духе Моск.<овского> Клуба. Прощай, кланяюсь твоим. Не могу еще привыкнуть не у них проводить вечера мои. Кажется мне, что я развращаюсь.

16 марта.[1]

<Ф. И. Толстой:>

При сей верной оказии, не мог я преминовать, что бы и мне не засвидетельствовать вам покорного почтенья, мой любезнейший князь Петр Андреевич. Желал бы писать гораздо и пространнее, но истинно так, так утомлен удовольствиями, которые нам, счастливым москвичам, доставило внезапное прибытие государя императора. Право, князь, еще не могу отдохнуть и опомниться.

452. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

17 марта 1830 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич.

К крайнему моему удивлению, услышал я, по возвращении моем в Петербург, что Вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня Вас просить о уведомлении меня, какие причины могли Вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины Вас побудившие к сему поступку будут довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вменяю себя в обязанность Вас предуведомить, что все неприятности, коим Вы можете подвергнуться, должны Вам<и> быть приписаны собственному вашему поведению.

С совершенным почтением имею честь быть

м.<илостивый> г.<осударь>
Ваш покорнейший слуга
А. Бенкендорф.

№ 993.
17 марта 1830.
Его бл.<агородию> А. С.
Пушкину.

453. Е. М. Хитрово — Пушкину.

18, 20 и 21 марта 1830 г. Петербург.

18 mars.

Quand je commence à être rassurée sur votre séjour à Moscou — il faut que je tremble sur votre santé — on m'assure que vous êtes malade à *Torjok*. Votre pâleur est une des dernières [sensat<ions><?>] impressions qui me soit restée. — Je vous vois sans

---

[1] *Цифра* 16 *переделана из* 15

cesse à cette porte, en croyant vous revoir peut-être le lendemain, je vous regardais avec bonheur — mais vous, pâle, ému, sans doute, de cette douleur que vous saviez m'être réservée encore le même soir — vous m'avez fait trembler déjà alors sur votre santé. Je ne sais à qui m'adresser pour savoir la vérité — c'est la quatrième fois que je vous écris. Demain il y a quinze jours que vous êtes parti — il est inconcevable que vous n'ayez pas écrit un mot. Vous ne connaissez que trop ma tendresse et inquiète et déchirante pour moi. Il n'est point dans votre noble caractère de me laisser sans aucunes nouvelles à votre sujet. Défendez-moi de vous parler de moi, mais ne me privez pas du bonheur d'être votre commissionaire. Je vous parlerai grand monde, littérature étrangère — probabilité d'un changement du ministère en France, hélas, je suis à la source de tout, il n'y a que le bonheur qui me manque!

Je vous dirai cependant que ma joie a été parfaite avant-hier soir. Le *G.‹rand› D.‹uc› Michel* est venu passer la soirée avec nous — à la vue de votre portrait, ou de vos portraits, il me dit — „Savez-vous que je n'ai jamais vu Poushkin de très près. J'avais de grandes préventions contre lui, mais d'après ce qu'il m'en revient je désire beaucoup le connaître et surtout je tiens à avoir une longue conversation avec lui“ — il finit par me demander *Poultava.* — Comme j'aime qu'on vous aime!

Malgré que je sois avec vous (malgré l'antipathie que cela vous donne) et douce et inoffensive et résignée — accusez au moins de temps en temps mes lettres. Je serai radieuse, rien que de voir de votre écriture! Je veux aussi savoir de vous-même, mon cher Poushkin, si je suis condamnée à ne vous revoir que dans des mois.

Que de choses dures, [même] déchirantes, même dans cette idée! — Eh bien, voyez-vous, j'ai l'intime conviction que si vous saviez à quel point j'ai besoin de vous revoir — vous auriez pourtant pitié de moi et vous reviendriez pour quelques jours! Bonne nuit — je suis horriblement fatiguée.

Le 20. Je reviens de chez Philareth — il m'a raconté un événement nouvellement arrivé à Moscou dont on vient de lui avoir fait le rapport — il ajouta — *раскажити это Пушкину.* — Je viens donc de l'écrire avec mon mauvais russe, telle que l'histoire m'a été racontée et je vous l'envoie *n'osant pas lui désobéir.* — Grâces soient à Dieu, on vous dit heureusement arrivé à Moscou. Soignez-vous, soyez raisonnable — comment jette-t-on une aussi belle vie par les fenêtres?

21. Hier soir à la répétition du carrousel on a beaucoup parlé de votre septième Chant — il a eu un succès bien général. L'Impéra‹trice› *ne monte plus à cheval.*

Et bien, écrivez-moi la vérité, quelque douloureuse qu'elle soit. — Vous reverrai-je à Pâques?

454. А. Х. Бенкендорфу.

21 марта 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Александр Христофорович

В 1826 году получил я от государя императора позволение *жить в Москве*, а на следующий год от Вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я *каждую зиму* проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предвари-

тельного дозволения и не получая никакого[1] замечания. Это отчасти было[2] причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастие заслужить неудовольствие начальства.

В Москву намереваясь приехать еще в начале зимы, и встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастие о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: [que] vous êtes toujours sur les grands chemins.

Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

С искренним[3] и глубоким почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

21 марта
Москва
1830.

455. А. А. Писарев — Пушкину.

21 марта 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Общество Любителей Российской Словесности, уважая любовь Вашу к отечественной словесности и труды, в пользу оной подъятые, избрало Вас в действительные члены. Имея честь поздравить Вас с избранием, на общем мнении об отличных достоинствах Ваших основанном, препровождаю к Вам при сем диплом на новое ученое Ваше звание. Общество удостоверено, что Вы с сим избранием изволите принять участие в деле, близком сердцу каждого русского; ибо успехи отечественного языка и словесности служат знамением степени народной образованности и вместе с сим народного благоденствия.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим,

милостивый государь,
покорнейший слуга
Александр Писарев.

1830 года марта 21.

456. А. Х. Бенкендорфу.

24 марта 1830 г. Москва.

Mon Général,

La lettre dont vous m'avez honoré m'a causé un chagrin véritable; je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence et d'attention.

[1] *В подлиннике описка:* никаго

[2] *Переделано из* была

[3] *Переделано из начатого* исти‹нным›

Mon Général,

La lettre dont vous m'avez honoré m'a causé un chagrin véritable; je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence & d'attention. Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon & la malveillance. Pardonnez-moi, mon Général, la liberté de mes doléances, mais au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position & voyez combien elle est embarrassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis

11

Письмо А. Х. Бенкендорфу, 24 марта 1830 г. (1-я страница).
Собрание Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, № 513.

Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon et la malveillance. Pardonnez-moi, mon Général, la liberté de mes doléances, mais, au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position et voyez combien elle est embarrassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prévoir ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas essuyé quelque disgrâce, je le dois, non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à votre bienveillance personnelle. Mais que demain vous ne soyez plus ministre, après-demain je suis coffré. Mr Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infâme article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini.

Je comptais de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava, je supplie Votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agréez, Mon Général, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur.
Alexandre Pouchkine.

24 mars
1830
Moscou.

457. Н. А. Полевому.

27 марта 1830 г. Москва.

Сделайте одолжение, милостивый государь Николай Алексеевич, дайте мне знать, что делать мне с Писаревым, с его обществом и с моим дипломом? Всё это меня чрезвычайно затрудняет.

Весь Ваш
А. Пушкин.

Адрес: Николаю Алексеевичу
Полевому.

458. Н. А. Полевой — Пушкину.

27 марта 1830 г. Москва.

Ничего, совершенно ничего, милостивый государь Александр Сергеевич. Мы все, старые члены, ничего не делаем, по крайней мере, а из этого и выводится закон, так как по *старым решениям* иностранные юристы составляют законы. Избрание

Ваше сопровождалось рукоплесканиями и показало, что желание Общества украсить список своих членов вашим именем было согласно с чувствами публики, весьма обширной. За диплом взносят члены (т. е. за пергамент) 25 рублей. Если в самом деле решатся поднять Общество, как было хотели, вы, я уверен в этом, не отказались бы участвовать. Но, теперь.... Бог знает, что̀ сделается с Обществом, и не будет ли оно иметь участи Общества Соревнователей — никто не ручается.

С почтением есмь всегда Ваш
покорный слуга
Н. Полевой.

Адрес: Monsieur
Monsieur Pouchkine.

459. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не ранее 18) марта 1830 г. Москва.

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, *надорванный* вероятно в присутствии и вероятно сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в *Лит.‹ературную› Газ.‹ету›*. Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у к.‹нягини› Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефреихи. Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться не льзя, но побить его можно и думаю должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякой день. Наше житье бытье сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил. Зубков член клуба. Ушаков крив. Вот тебе просьба: Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтиться без вспоможения, но всё-таки лучше бы. Поговори об этом с Блудовым, да пожарче. Строев написал tables des matières Истории Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и об этом. Прощай. Мой сердечный поклон всему семейству.

В доносе пропущено слово *оскорбляя*.

Батюшков умирает.[1]

---

[1] *Приписка карандашом, в обратном тексту направлении.*

460. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

3 апреля 1830 г. Петербург.

Monsieur,

Je m'empresse de faire réponse aux deux lettres que Vous avez bien voulu m'adresser de Moscou, et je m'acquitterai de cette tâche avec ma franchise ordinaire.

Je ne vois pas trop pourquoi Vous Vous plaisez à trouver Votre position précaire; je ne la trouve pas telle et il me semble qu'il ne dépendra que de Votre propre conduite de lui rendre plus d'assiette encore. Vous avez aussi tort de me croire influencé en Votre défaveur par qui que ce soit, car je Vous connais trop bien. Quant à Mr Boulgarin, il ne m'a jamais parlé de Vous, par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et que je ne l'ai vu ce dernier temps que pour le réprimander. Mais je dois Vous avouer que Votre dernier départ précipité pour Moscou a dû éveiller des soupçons.

Pour ce qui regarde la demande que Vous m'avez adressée, si Vous pouvez aller à Poltawa, pour y voir Nicolas Rayeffski? je dois Vous avertir qu'en ayant soumis cette question à l'Empereur, Sa Majesté a daigné me répondre qu'Elle Vous défendait nommément ce voyage, parce qu'Elle avait des motifs d'être mécontente de la dernière conduite de M. Rayeffski. —

Vous Vous persuaderez donc, par cette même circonstance, que mes bons conseils Vous feront éviter les faux pas auxquels Vous Vous êtes exposé si souvent sans me demander mon avis.

Recevez les assurances de ma parfaite considération.

№ 1310.
ce 3. Avril 1830.

A. Benkendorf.

461. Н. И. Гончаровой.

5 апреля 1830 г. Москва.

Maintenant, Madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému, en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandai, votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire; je partis la même nuit pour l'armée; demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous jure que je n'en sais rien, mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou; je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit; j'espérais, j'attendais une réponse — elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu, malheureusement, popu-

laire. Vous pouviez y ajouter foi, je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! Votre silence, votre air froid, l'accueil de Mademoiselle N.<atalie> si léger, si inattentif... je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allais à Pétersbourg la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule, j'avais été timide pour la première fois de ma vie et ce n'est pas la timidite qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de Mlle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant que quelques paroles gracieuses que vous avez daigné m'adresser auraient dû me combler de joie—je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de Mlle votre fille; je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire; si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son cœur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette [séduction<?>] tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêchée de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle,—peut-être ces propos seront-ils sincères, mais à coup sûr elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari — cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune; j'en fais peu de cas. La mienne m'a suffi jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? je ne souffrirai pour rien au monde que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une existance toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas si sa position dans le monde ne sera pas aussi brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désiré?

Telles sont, en partie, mes anxiétés. Je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier. — —

Daignez agréer, Madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération.

Samedi. A. Pouchkine.

462. Н. О. и С. Л. Пушкиным.

6—11 апреля 1830 г. Москва.

(Черновое)

Mes très chers parents, je m'adresse à vous dans un moment qui va fixer mon sort pour le reste de ma vie.

[Je veux me marier à une jeune personne que j'aime depuis un an] — Mlle Natalie Gontchar<of>. [J'ai son consentement, celui de sa mère]. Je vous demande votre bénédiction non comme une vaine formalité, mais dans l'intime persuasion que cette bénédiction est nécessaire à mon bien-être — et puisse la dernière moitié de mon existence être pour vous plus consolante que ne le fut ma triste jeunesse.

[La fortune de M^de G.<ontcharof> étant très dérangée] et dépendant en partie de celle de son beau-père, cet article est le seul obstacle qui s'oppose à mon bonheur. Je n'ai pas la force de songer à y renoncer. Il m'est bien plus aisé d'espérer que vous viendrez à mon secours. Je vous en conjure, écrivez-moi ce que vous pouvez faire pour[1]

463. А. Х. Бенкендорфу.

16 апреля 1830 г. Москва.

Mon Général,

Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'Autorité dans une circonstance purement personnelle, mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à Mlle Gontcharof que vous avez dû voir à Moscou, j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle était suffisante, grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle était fausse et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs qui me revenaient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me serait maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairait de mes occupations littéraires qui

[1] *Конец письма не сохранился.*

me font vivre et ne ferait que me donner des tracasseries sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M[de] Gontcharof est effrayée de donner sa fille à un homme qui aurait le malheur d'être mal vu de l'Empereur... Mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: En 1826 j'apportai à Moscou ma tragédie de Годунов, écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'Auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier*, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une œuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi. Mais votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute

de Votre Excellence

le très humble et obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine.

16 avril
1830
Moscou.

Je vous supplie, Mon Général, de me garder le secret.

464. С. Л. и Н. О. Пушкины — Пушкину.

16 апреля 1830 г. Петербург.

‹С. Л. Пушкин:›

16 avril 1830.

Béni soit mille et mille fois le jour d'hier, mon cher Alexandre, pour la lettre que nous avons reçue de toi. Elle m'a pénétré de joie et de reconnaissance. Oui, mon ami. C'est le mot. — Depuis longtemps j'avais oublié la douceur des larmes que j'ai versées en la lisant. Que le Ciel répande sur toi toutes ses bénédictions, et sur l'aimable compagne qui va faire ton bonheur. — J'aurais désiré lui écrire, mais je n'ose encore le faire, crainte de n'en avoir pas le droit. J'attends Léon avec plus d'impatience que jamais, pour lui parler de toi ou plutôt pour qu'il m'en parle. — Olinka s'est trouvée chez nous au moment que ta lettre nous a été remise. Tu peux juger de l'effet que cela a fait sur elle......

Venons à ce que tu me dis, mon bon ami, au sujet de ce que je puis te donner. Tu connais l'état de nos affaires. — J'ai mille paysans, il est vrai, mais les deux tiers de mes terres sont engagés à la Maison des Enfants-trouvés. — Je donne à Olinka environ 4000 r. par an. Il me reste de la terre qui m'est échue en partage après feu mon frère 200 paysans entièrement libres, je t'en donne en attendant la jouissance pleine et entière. Ils peuvent donner 4000 r. de revenu annuel et peut-être avec le temps t'en donneront-ils davantage.

Mon bon ami! J'attends ta réponse avec la même impatience que tu pourrais éprouver en attendant l'assurance de ton bonheur de la bouche de Mlle Гончаров elle-même, car si je suis heureux c'est de votre bonheur, fier de vos succès, calme et tranquille quand je vous crois tels. Adieu! Puisse le Ciel te combler de ses bénédictions, mes prières journalières ont été et seront toujours pour implorer de lui votre bien-être. Je t'embrasse bien tendrement et te prie, si tu le juges à propos, de me recommander à Mlle Гончаров comme un ami bien et bien tendre.

A jamais ton père et ton ami
Serge Pouchkine.

‹Н. О. Пушкина:›

Ta lettre, mon cher Alexandre, m'a comblée de joie, que le Ciel te bénisse, mon bon Ami, puissent les prières que je lui adresse pour ton bonheur être exhaussées, mon cœur est trop plein, je ne puis exprimer tout ce que je sens, je voudrais te serrer dans mes bras, te bénir et t'assurer de vive voix combien ton bien-être tient à mon existence. Sois persuadé que si tout se termine au gré de tes désirs Mademoiselle Gantcheroff me sera aussi chère que vous tous mes enfants. J'attends Léon avec impatience pour lui parler de toi. Nous serions venus tout de suite à Moscou si cela dépendait entièrement de nous. Je t'embrasse bien tendrement.

465. В. Ф. Вяземской.

15—18 апреля (?) 1830 г. Москва.

Chère Princesse, voilà vos livres — je vous les renvoie les larmes aux yeux. Quelle idée avez-vous de partir aujourd'hui — и на кого вы нас покидаете? Je viens chez vous dans un moment.

Адрес: К.‹нягине› В. Ф. Вяземской.

466. Е. М. Хитрово.

Середина (15—20) апреля 1830 г. Москва.

Je vous demande, Madame, un million d'excuses d'avoir été si effrontément paresseux. Que voulez-vous, c'est plus fort que moi—la poste est pour moi une torture. Permettez-moi de vous présenter mon frère et veuillez lui accorder une partie de la bienveillance que vous daignez m'accorder.

Recevez, Madame, l'assurance de ma haute considération

Адрес: Madame Hitrof. A. Pouchkine.

467. М. П. Погодину.

26 апреля 1830 г. Москва.

Пушкин приходил поздравить Вас с новоселием.

468. П. А. Вяземский — Пушкину.

26 апреля 1830 г. Петербург.

26-го апреля.

Я сей час с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует и что ты точно жених. Гряди жених в мои объятья! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому. — Поздравляю тебя от всей души. Дай бог тебе счастия и засияй отныне в жизни твоей новая эра. Я слышал, что ты будто писал к государю о женитьбе. Правда ли? Мне кажется, что тебе в твоем положении и в твоих отношениях с царем необходимо просить у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать Бориса, представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние. Может быть царь и вздумает[1] дать приданое невесте твоей. Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее. Где ты будешь жить? Я вероятно по крайней мере на год останусь в Петербурге. Что вперед будет, бог весть. Надобно бы нам затеять что-нибудь литтературное в прок. Тебе с женою, мне без жены, а с Канкриным в Петербурге предстоят новые издержки. Должно их прикрыть. На Литтературную Газету надежды мало. Дельвиг ленив и ничего не пишет, а выезжает только sur sa bête de somme ou de Somoff. В мае приеду на несколько времени в Москву: тогда переговорим. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь к ней приехать. Прости, обнимаю тебя от всего сердца. Прошу рекомендовать меня невесте, как бывшего поклонника ее на балах, а ныне преданного ей дружескою преданностью моею к тебе. Я помню, что говоря с старшею сестрою, сравнивал я Алябьеву avec une beauté classique, а невесту твою avec une beauté romantique. Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения. — Признаюсь, хотел бы хотя в щелочку посмотреть на тебя в качестве жениха.

[1] *Переделано из* подумает

469. В. Ф. Вяземской.

Конец (не позднее 28) апреля 1830 г. Москва.

Vous avez raison de trouver l'*Ane* délicieux. C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* où il y en <a> beaucoup. Quant à la phrase qui vous a embarrassée — je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut[1] bête, et plus il laisse de souvenirs délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez-vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin. Mais je n'en ai guère le temps. Mon mariage avec Natalie (qui par parenthèse est mon cent-treizième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au lombard, et vous, chère Princesse, je vous engage à être ma посаженая мать.

A vos pieds A. P.

Erratum,[2] variante: après *200 paysans:*

Je les engage au lombard, et vous, divine Princesse, à être ma посаженая мать.

470. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

28 апреля 1830 г. Петербург.

Monsieur.

J'ai eu le bonheur de soumettre à l'Empereur la lettre que Vous avez bien voulu m'écrire en date du 16 de ce mois. Sa Majesté Impériale, ayant appris avec une bienveillante satisfaction la nouvelle du mariage que Vous allez contracter, a daigné observer à cette occasion, qu'Elle se plaît à croire que Vous Vous êtes certainement bien examiné Vous-même, avant de faire ce pas, et que Vous Vous êtes trouvé les qualités de cœur et de caractère nécessaires pour faire le bonheur d'une femme, et surtout d'une femme aussi aimable et aussi intéressante que l'est mademoiselle Gontschareff.

Quant à Votre position individuelle vis-à-vis du gouvernement, je ne puis que Vous répéter tout ce que je Vous ai dit tant de fois; je la trouve parfaitement dans Vos intérêts; il ne peut y avoir rien de faux ni de douteux, si toutefois Vous ne voulez pas la rendre telle Vous-même. Sa Majesté l'Empereur, par une sollicitude toute paternelle pour Vous, Monsieur, a daigné charger moi, le général Benkendorff, non le chef de la gendarmerie, mais l'homme dans lequel il se plaît à mettre sa confiance, de Vous observer et de Vous guider par ses conseils; jamais aucune police n'a eu ordre de Vous surveiller. Les avis que je Vous ai donné de temps en temps, comme ami, n'ont pu que Vous être utiles, et j'espère que Vous Vous en convaincrez toujours davantage. Quel est donc l'ombrage qu'on peut trouver dans votre position

[1] *Переделано из* est

[2] Erratum *вписано.*

sous ce rapport? Je Vous autorise, Monsieur, de faire voir cette lettre à tous ceux à qui Vous croirez devoir la montrer.

Pour ce qui regarde Votre tragédie de Godounoff, S.‹a› M.‹ajesté› l'Empereur Vous permet de la faire imprimer sous Votre propre responsabilité.

Recevez, finalement, mes vœux les plus sincères pour Votre bonheur futur, et croyez-moi toujours avec des sentiments distingués

№ 1642
le 28 d'Avril 1830.
à Mr Alex.‹andre› Pouchkin.

Votre très devoué
A. Benkendorff.

471. М. П. Погодин, А. С. Пушкин и др. — С. П. Шевыреву.

29 апреля 1830 г. Москва.

‹М. П. Погодин:›

1830. Апр.‹еля› 29. Москва. № 27.

Поздравь меня на новоселье, любезнейший Степан Петрович! я купил дом и совсем уже в него перебрался и разобрался, и пишу теперь к тебе с высокого Парнасса, с которого виды на несколько верст кругом. Приезжай — кабинет для тебя чудо. — Не знаю, как удастся мне эта спекуляция? Вот в чем дело. Дом на прекрасном месте (князя Тюфякина, где был пансион Перне), на стрелке четырех улиц (двух частей Мясницкой, переулко‹в› Златоустенского и Лубянского), большой, каменный, с верными жильцами. Указал мне его мой приятель Юрцовский, кондитер и любитель литературы. Я тотчас отнесся к князю, который живет в Париже, и он, не получая никакого дохода от дурного управления, согласился, при посредстве Новосильцовых, уступить мне его за 31000 р.,—между тем как в дому несгораемого материала: камня, земли и железа, больше этой суммы. — Я положил своих 14000 р. и 17000 занял (12 у Геништы и 5 у дядина знакомого), предполагая заложить дом в Комиссии строений и взять оттуда тысяч 15 без процентов на 15 лет для заплаты долга. [Эти] Такие ссуды Комиссия делает по своему постановлению, на которое твердо надеясь я и решился занять. — Поправок немедленных дом требует немного, а по времени, сбирая с жильцев и из собств.‹енных› доходов, можно всё отделать. Пансионеров у меня теперь 12, кои платят по 1500, 1200 и 800 руб. — Теперь, при большем месте, и еще возму. — Отдавать в наймы буду бель-этаж и несколько комнат во флигелях. — Устроивши всё это, я успокоюсь: что со мной ни сделалось бы, у семейства моего всегда будет насущный хлеб.—Если б я и сию минуту умер, то зять и брат легко по верному предначертанному плану могут кончить начатое. — В своем мезонине я теперь царь: ни один звук до меня не доходит, и я, окруженный книгами, [смотря вокруг] имея пред глазами живые картины, занимаюсь в сласть. Дай бог силы и здоровья!—Теперь вопрос о путешествии. На свои деньги я разумеется уж не могу нынеш.‹ний› год, но твердо надеюсь, что если княгиня в своем предложении университету назовет меня, то меня пошлют ей в помощь при закупке и отправлении статуй на полгода. Дошло ли мое письмо к вам: № 26, апреля 10? На всякой случай повторю содержание: ваш проэкт пришлите прямо в унив.‹ерситет› Моск.‹овский› (который может употребить 25, а не 5 т.‹ысяч› на музей — и потому непременно назначьте статуй и картин в проэкте по крайней мере на 15 или 10 т.).—Доброхотные датели должны только пособить распрост‹ранению и› [1]

[1] *Прорвано.*

умножению музея, а основание должен положить университет. — Жду с нетерпением ‹Ва›шей ‹....... ко›торая[1] может доставить мне счастие быть в сентябре в Риме и обнять те‹бя.›[1] Теперь ‹о делах княги›ни‹?›.[1] Письмо твое к Дьяконову я по получении к нему не отправил, узнав решение триумвирата (Ел.‹изаветы› Фед.‹оровны›, Зубк.‹ова› и Венев.‹итинова›), что управитель не нужен, а дела все в Москве принимает Зубков; в начале нынеш.‹него› месяца я ‹виделся›‹?›[1] с Зубковым, который сказал мне, что управитель в деревню непременно нужен и чтоб я послал за Дьяконовым. Я тотчас это и исполнил. — На прошедшей неделе Елиз.‹авета› Фед.‹оровна› присылает мне сказать, чтоб я написал опять к Дьяк.‹онову›, дабы он остановился, ибо г. Буш, как сказывал мне ее управляющий, принимает на себя управление делами московскими княгини.—Но я к Дьяконову отказа не написал и вот почему: человеку предложить, потом отказать, потом опять (может быть) предложить — не годится: какую доверенность будет он иметь к прочности места? А мне кажется, судя по известиям Зубкова о состоянии деревни, там необходим личный присмотр, и 1500 р. жалованья сугубо им вознаградятся; пусть московск.‹ими› делами будет заведывать г.г. Буш или Зубков, но в деревне должен быть другой. — Мое мнение: княгиня непременно должна решиться на одно что-нибудь, а у семи нянек дитя бывает без глазу. — Что лучше следующего решения: по судам г. Буш, а в деревне Дьяконов (часть моск.‹овских› дел, чтоб не затруднять Буша, то-есть паспорты, пересылку денег охотно возьмется Зубков). — Если Дьяко́нов по твоему и моему письму приедет без фраз‹?›, то видно судьба ему управлять деревнею княгини. — Переезжая я не мог быть у Ел.‹изаветы› Фед.‹оровны› на прошлой неделе, а ныне (понед.‹ельник›) сей час еду, кончив письмо твое, и на следующей почте, т. е. в четверг, напишу [об остальном] что узнаю. — Вообрази — какая досада! Перед переездом я перебрал все твои письма и выписал все вопросы, — и потерял записочку. — В четверг опять перечту все, и напишу еще длинное письмо. — От маменьки твоей и мы не получали долго писем: она была в гостях, а теперь получаем часто. Письмо ее прилагаю. — [Мы] Плачу̀ за пересылку по большей части по 3 р. и за получение кажется по столько же, а за большие по 6 р. — Пушкин всё здесь: он прикован, очарован и оганчарован, как говорит.—Да неужели вы не получили нашего[2] Вестника. Письма твои об Италии всем приносят удовольствие: преживые и пиитические. Напечатано твое 1 и 2 письмо о Помп.‹ее›, 4 о карнавале; стихи Тибр, Стансы Риму (Каразин от них в восхищении, как пишет, и надписал ими часть Гиббона), Преображение, Петроград. До четверга. Прощай. Твой М. П.

Ты дурно печатаешь свои письма. Я получаю распечатаны. Братья здоровы и занимаются. Я доволен ими. Новых ссор не было.

Вот тебе красное яичко от всех твоих знакомых и друзей.

‹П. А. Муханов:›

С восторгом читал ваше письмо из Рима. Проэкт Эстетического Музея в Москве — мысль счастливейшая! — а всех счастливее вы, ибо находитесь на развалинах мира классического — и *всё изящное столь к вам близко!* Наслаждайтесь! — и возвратитесь к нам скорее *со всем изящным*, которое столь необходимо для чистых радостей Москвы! —

Весь ваш Павел Муханов.

---

1 *Прорвано.*

2 *Переделано из* моего

‹Ю. И. Венелин:›

Право, славное дельцо видеть классическую странище, какова Италия! Наблюдайте, почтеннейший Степан Петрович, рисуйте всё с натуры на месте; а по воображению можно и в Москве. После-завтра еду и я в страну классическую, классическую для Руси, Литвы и Венгрии — в Болгарию, отечество Бояна, славянского Оссиана, отечество священного нам языка и т. д. Еду на счет Российской Академии. Цель великая, позволили б только местные обстоятельства. Прошу вас, от имени всех славянолюбцов, на возвратном пути не оставить без внимания славянских жителей Краина, Каринтии, Карниолии, Штирии и даже живущих по ту сторону реки Isonzo в Венецианском королевстве от Горицин к Cividale и т. д. в горах, о коих до сих пор не могли еще добиться верных сведений. Я думаю, что даже в самом Риме вы можете найти уроженцев Венецианских, Фиумских, Чивидальских, Капо д'Истрийских, от коих могли бы почерпнуть многие сведения о наших соплеменниках тех стран. Можете сделать себе статьи особенные: 1) о пространстве их жилищ, 2) об оттенках их наречия, 3) нравы, обыкновения, костюмы, 4) домоводство, 5) собрать то, что печатано на их языке. Побывайте в Риме в русском униатском монастыре, в Ватиканской осмотрите славянские рукописи, их содержание вообще etc. Это для VI тома моих Болгар будет весьма нужно. В нем-то вас поблагодарю.

‹А. С. Хомяков:›

Сколько вам препоручений! да не спрашивайте у итальянцев об славянах: мы для них варвары. Любезный Степан Петрович, полюбите Италию, наберитесь ее воздуха, ее воспоминаний и привезите их нам. Я не много ее видел и мало времени удалось мне ею напитываться; за то теперь с горем чувствую, что я ее уже утратил. Но проезжая через Славянские земли в южной Австрии, говорите как можно более с жителями; вас будет веселить их радость, и хорошо напоминать им иногда об России. Они своих Северных братьев редко видят. Прощайте, веселитесь, благодарите судьбу и пожалейте об нас. Здесь ужасное однообразие. Ваш от души

А. Хомяков.

‹Ю. И. Венелин:›

Не слушайтесь нашего любезного Хомякова; хотя бы славян Италийские латыняне и почитали варварами, то если они сами просвещенны, непременно сумеют сказать об них свое просвещенное мнение [которое пов‹...›]; это для того, ибо может быть, что не возвратитесь чрез землю славян; у обстоятельств свои причуды. В Москве нет новостей, кроме того, что на днях праздновали пасху: ergo целую вас Ю. Венелин.

‹Х. И. Герке:›

Я очень рад, что имею случай прибавить строчку. — Вы верно о многих забыли, а мы вас все помним. Х. Гёрке.

‹Н. А. Мельгунов:›

И мне дали место в общем письме, но не более как на пару строк. Мне остается повторить тебе мои уверения в дружбе, поздравить с святой, русской неделей, и попомнить о моей посылке через Татищева. Прощай, будь здоров, весел и не забывай тебе преданного

Н. Мельгунова.

‹О. С. Аксакова:›

Христос воскресе! наш любезнейший Степан Петрович, благодарю вас от души, что вы и в Италии не забываете Аксаковых. Дети вас очень помнят и Петроград наизусть читают.

‹А. Ф. Томашевский:›

Вот и я тут же пристроиваюсь, любезнейший Степан Петрович. Христос воскресе! Любите и помните Томашевского.

‹С. Т. Аксаков:›

Христос воскрес, возлюбленный Степан Петрович! Желаем вам всего наилучшего, как близкому родному всего нашего семейства. Вы верно узнали руку жены моей. Обнимаю вас. Не забывайте преданного вам душою С. Аксакова.

‹П. Г. Фролов:›

Христос воскрес! — Давно я не беседовал с вами, любезнейший друг, и очень жалею, что не могу при сем случае наговориться с вами досыта; а сколько нового, нового для сердца и ума!.. Но, кроме изъявления вам искренней моей дружбы, которая вам и без того известна, варвар Погодин не позволяет писать ничего и кричит: довольно, довольно; уже пять строчек! — Прощайте, будьте здоровы. Фролов.

‹В. П. Андросов:›

Поздравляю Вас, любезнейший Степан Петрович, с нашим старостильным праздником; примите труд передать мое поздравление Папе и Риму. По гроб Андроссов.

‹А. П. Елагина:›

Когда дело идет о том, чтобы рассказывать, кто милого Шевырева любят, помнит, кто им радуется, кто всякой всячины ему желает, кто ждет от него стихов, прозы, писем и благословенного возвращения, то мне, Авдотье Елагиной, непременно надобно дать первое, или подле первого место. — Пишут ли к вам Киреевские? пишете ли вы к ним? увидитесь ли вы где-нибудь? Не возвращайтесь прежде их, вам будет здесь несносно скучно; а пока можно, веселитесь, набирайтесь добра и берегите теплоту души, чтобы не озябнуть на родине.[1] Это значит — бог с вами!

‹А. А. Елагин:›

Елагин вас обнимает — в этом объятии заключается всё: воспоминание, любовь, дружба, споры, Телеграф, Вестник, и всё хорошее и пакостное, что собственно и составляет нашу жалкую жизнь. —

‹Пушкин:›

Примите и мой сердечный привет, любезный Степан Петрович; мы, жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, надеясь на дружбу вашу. Возвратитесь обогащенные воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями, возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу. А. П.*

‹В. М. Рожалин:›

Здравствуйте, любезнейший Степан Петрович; В. Рожал‹ин›.

‹Н. М. Языков:›

Христос воскрес! Н. Языков.**

---

* Это Пушкин. *(Приписка сбоку, рукой Погодина.)*

** А это Языков. *(Приписка сбоку, рукой Погодина.)*

---

[1] *Здесь в подлиннике поставлен крестик.*

‹С. Е. Раич:›

В письме две-три строки
Увидите вы и моей руки —
Прочтите их вдали — у стен Капитолийских
И вспомните об нас — душой к вам близких.

Раич.

Адрес (рукою М. П. Погодина):

Italie. Rome.
A Son Excellence
Madame la Princesse Zénéide de Wolchonsky
via di Monte Brianza palazzo Ferucci, № 20
à Rome
pour remettre à M. Schéwireff.
Ее сиятельству
милостивой государыне
княгине Зинаиде Александровне
Волхонской
в Риме.
Для доставления г. Шевыреву.
Рим. Италия.

472. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 апреля 1830 г. Петербург.

29 апреля, 1830.
С.п.бург.

Поздравляю тебя, душа моя. Теперь смотрю на тебя с спокойствием; потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя кроме рассудка твоего и совести: а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдумано; ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать что-нибудь слишком выгодного. Вот, что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться всё старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких не трудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина; литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то собственно не в накладе: потерпят для него одни библио-

маны. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7 глав Онегина, 2 томов Стихотворений, Полтавы, Цыганов и Фонтана, не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов Стихотворений, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением Руслана и Пленника, о коих сам ты сделал условия). Поскорей ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение? Где тебе жить? Разумеется, чем ближе к друзьям, тем лучше им: они советники пристрастные. Издавать ли что нового? Сам теперь суди, смотря по моему отчету.

Прошу тебя и сделай это непременно: поцелуй за меня ручку у твоей невесты-прелести.

Прочие твои поручения приведены будут в исполнение.

473. П. А. Вяземскому.

2 мая 1830 г. Москва.

Благодарю тебя, мой милый,[1] за твои поздравления и мадригалы — я[2] в точности передам их моей невесте. Правда ли, что ты собираешься в Москву? Боюсь графини Ф.‹икельмон›. Она удержит тебя в П.‹етер›Б.‹урге›. Говорят, что у Канкрина ты при особых поручениях и настоящая твоя служба при ней. Приезжай, мой милый, да влюбись в мою жену, а мы поговорим об газете иль альманахе. Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его Газета хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покаместь нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто-литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но не уж то Булгарину отдали монополию политических новостей? Не уж то кроме Сев.‹ерной› Пчелы ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетресение, и что Камера депутатов закрыта до сентября? Не уж то нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшедствий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься.

Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем изд.‹ании› Фонтана? Не уж то мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и за чем.

---

[1] *Далее тщательно зачеркнуто одно слово.*

[2] *Переделано из* и

Сегодня везу к моей невесте Солнцева. Жаль, что представлю его не в прежнем его виде, доставившем ему [кар] камер-герство. Она более благоговела бы перед родственным его брюхом. Дядя В.‹асилий› Л.‹ьвович›[1] также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет. — Сказывал ты Катерине Андр.‹еевне› о моей помолвке? я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому. Прощай, мой милый — обнимаю тебя и Жуковского.

2 мая.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *В С.-Петербурге* на Моховой в доме Межуевой.

474. Н. О. и С. Л. Пушкиным и О. С. Павлищевой.

3 мая 1830 г. Москва.

Mes chers Parents, j'ai reçu encore deux de vos lettres. Je ne puis vous répondre que ce que vous savez déjà: que tout est arrangé, que je suis le plus heureux des hommes et que je vous aime de toute mon âme.

Sa Majesté m'a fait la grâce de me témoigner sa bienveillante satisfaction du mariage que je vais contracter. Elle m'a permis d'imprimer ma tragédie comme je l'entendais. Dites-le à mon frère pour qu'il le redise à Pletnef — qui m'oublie par paranthèse ainsi que Delvig.

J'ai remis votre lettre à M[de] Gontcharof, je suppose qu'elle va vous répondre aujourd'hui. Mon oncle Матв.‹ей› Мих.‹айлович› s'est présenté chez elle avant-hier. Lui et ma tante ont pris la plus grande part *à mon bonheur* (je suis tout étourdi [de] d'employer cette expression). Il y a quelques jours que je n'ai vu mon oncle Вас.‹илий› Льв.‹ович›. Je sais qu'il va mieux.

Merci, ma chère Olga, de votre amitié et de vos compliments. J'ai lu votre lettre à Natalie, qui en a ri et qui vous embrasse.

Je vous embrasse aussi, mes chers Parents. Peut-être ces jours-ci ferai-je un voyage à Kalouga chez le grand-père de Natalie. Je voudrais bien que la noce se fît avant le carême qui va venir. Adieu encore une fois.

3 mai.

---

[1] В. Л. *вписано.*

475. А. Н. Гончарову.

3 мая 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Афанасий Николаевич!

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к Вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталию Николаевну, благословили вы и меня. Вам обязан я больше нежели чем жизнию. Счастие Вашей внуки будет священная, единственная моя цель и всё, чем могу воздать Вам за Ваше благодеяние.

С глубочайшим уважением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

3 мая
1830
Москва.

476. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 5 мая 1830 г. Москва.

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте: вот что пишет мне Бенкендорф:

„Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S.‹a› M.‹ajesté› vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité“.

Слушай же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к Ф.‹он› Ф.‹оку› и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал.‹ександру› Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется не прилично. Как ты думаешь? реши.

Скажи: имело ли влияние на расход Онегина, отзыв Сев.‹ерной› Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста отпиши.

Ах, душа моя, какую женку я себе завел! —

Сей час получил письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо 4 лет 3 года —

выторгуй хоть 6 месяцов. Не продать ли нам Смирдину и Трагедию? Поручение твое к моей невесте исполнено. Она заочно рекомендуется тебе и жене твоей. Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю — кажется от П.<етер>Б.<урга> не отделаюсь. Царь со мною очень мил.

Адрес: Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге в Екатерининском Институте.

477. А. Х. Бенкендорфу.

7 мая 1830 г. Москва.

Mon Général,

C'est à la sollicitude de Votre Excellence que je dois la grâce nouvelle dont l'Empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon cœur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portait Sa Majesté, jamais je n'ai mal interprêté l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner; ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avait encore effarouchée.

Veuillez recevoir, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Votre très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

7 mai 1830
Moscou.

478. А. А. Дельвиг — Пушкину.

8 мая 1830 г. Петербург.

Милый Пушкин, поздравляю тебя, наконец ты образумился и вступаешь в порядочные люди. Желаю тебе быть столько же счастливым, сколько я теперь. Я отец дочери Елизаветы. Чувство, которое надеюсь и ты будешь иметь, чувство быть отцом истинно поэтическое, [однако] не постигаемое холостым вдохновением. Но всё это всторону. Доволен ли ты продолжением Газеты? Булгарин поглупел до того от Видока, что уехал ранее обыкновенного[1] в деревню. Но подл по прежнему. Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству, как пасквиль, и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили,

[1] *Переделано из* обнакновения

как мне объявил цензор, похваля его благородный поступок, разумеется не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он [сообразя] поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не [приписали [это] ее к] нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтом, человеком, делающим противузаконное, я подал в высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, ‹а› [1] тебя прошу оправдаться пред его величеством. Государю, тебя ласкающему, приятно будет найти тебя правым. Вот, как [прош‹...›] искательные подлецы часто могут марать добрых людей, беспечных [противу] по незнанию их мерзостей и уверенных в чистоте своих намерений и действий. Будь здрав. Целую ручку у милой твоей невесты. Жена и дочь тебе кланяются.

Прощай
Дельвиг.

8-го мая.

479. Е. М. Хитрово — Пушкину.

9 мая 1830 г. Петербург.

Je trouve qu'il est indispensable que vous m'écriviez pour m'accuser cette lettre — dorénavant vous n'avez plus d'excuse. Je suis pour vous sans aucune conséquence. Parlez-moi de votre mariage et de vos projets à venir. Tout le monde part et le beau temps n'avance pas. *Doly* et Catherine vous prient de compter sur elles, pour chaperonner votre Natalie. Mr Somoff donne leçons à l'Ambassadeur et sa femme — pour moi je traduis *Marriage in High Life* en Russe, je le vendrai au profit des pauvres!

Élise.

9 au soir.

480. Е. М. Хитрово — Пушкину.

Середина мая 1830 г. Петербург.

C'est le côté prosaïque du mariage que je crains pour vous! [cher‹?›] J'ai toujours pensé aussi que le génie — ne se soutenait que dans une parfaite indépendance et ne se développait que dans une série d'infortunes — qu'un bonheur parfait, positif, continuel et à la longue un peu monotone tuait les moyens, faisait engraisser et rendait bon homme, plutôt que grand Poète!... Et c'est peut-être, après une douleur personnelle, ce qui m'a le plus frappé au premier moment...

.... Dieu a permis, vous ai-je dit, que je n'aie aucun égoïsme dans mon cœur. J'ai réfléchi, combattu, souffert et me voilà arrivée au point de désirer que bien vite vous soyez marié. Établi avec votre belle et charmante femme, dans une jolie petite maison de bois — bien propre, que le soir vous alliez faire la partie des Tantes — que vous reveniez heureux et tranquille et reconnaissant envers la providence du *trésor* qu'il vous a confié — que vous oubliiez le passé et que votre avenir ne soit que pour, votre femme et vos enfants!

Je suis sûre, d'après ce que je sais des idées de l'Empereur sur vous, que si vous désiriez une place de quelque manière auprés de lui on vous la donnerait. Ce n'est point à dédaigner peut-être — cela finira par vous rendre plus indépendant du côté de votre fortune et du côté du Gouvernement.

---

[1] *Прорвано.*

L'Empereur est si bien disposé que vous n'avez besoin de personne — mais vos *amis*[1] se mettront certainement en quarante six mille pour vous — les parents de votre femme pourront aussi vous être utiles. — Je pense que vous avez déjà reçu ma lettre si courte. Rien au fond n'est changé entre nous — je vous verrai plus souvent..... (Si Dieu permet que je vous revoie encore). Désormais — mon cœur, mes pensées intimes — seront pour vous un mystère impénétrable et mes lettres [seront] telles qu'elles doivent être — l'Océan sera entre vous et moi — mais *avant* ou *après* — vous trouverez toujours en moi pour vous — votre femme et vos enfants — une amie — semblable à un Roc — contre lequel tout viendra échouer. — Comptez-y à la vie et à la mort, disposez de moi pour tout et sans délicatesse. Organisée de manière à tout entreprendre pour les autres — je suis un être précieux pour mes amis — rien ne me coûte, je vais parler avec gens en place — je ne me rebute pas, je reviens — le temps, l'époque, rien ne me décourage — mon corps ne se ressent pas de mon cœur fatigué — je ne crains rien — je *conçois beaucoup* et mon activité pour *servir* est autant un bienfait du Ciel que le résultat de la position de mon père dans le monde et d'une éducation chaude, où tout était basé sur la nécessité d'être utile aux autres!

Quand j'aurai noyé mon amour pour vous dans mes larmes — je n'en serai pas moins cet être passionné, doux et inoffensif, qui irait pour vous dans la glace — car c'est ainsi que j'aime, même ceux que j'aime peu!

481. Е. М. Хитрово.

18 мая 1830 г. Москва.

Je ne sais encore si je viendrai à Pétersbourg — les chaperons que vous avez la bonté de me promettre sont bien brillants pour ma pauvre Natalie. Je suis bien à leurs pieds et aux vôtres, Madame.

18 mai.

Адрес: Ее превосходительству
милостивой государыне
Елизавете Михайловне
Хитровой etc. etc. etc.
в С.-Петербурге на Моховой дом Межуевой.

482. М. П. Погодину.

15—20 мая 1830 г. Москва.

Сделайте одолжение, скажите, могу ли надеяться к 30 маю иметь 5000 р. или на год по 10 p‹ou›r c.‹ent› или на 6 мес. по 5 p‹ou›r c.‹ent›. — Что четвертое действие?

А. П.

Адрес: Михаилу Петровичу
Погодину.

---

[1] *Это слово подчеркнуто двумя чертами.*

483. П. А. Плетнев — Пушкину.

21 мая 1830 г. Петербург.

21 маия, 1830.
С.п.бург.

Не дивись, милый, что аккуратный человек так неаккуратно тебе отвечает: у меня на неделе столкнулись разные хлопоты. Теперь, слава богу, всё пришло, кажется, в свою колею. Родилась у меня дочь, которая теперь стала у нас известна под именем Ольги. Ее привели сегодня в христианскую веру. Пройдет еще денька два — и надеюсь, жена подымется на ноги: тогда опять я сделаюсь твоим аккуратнейшим корреспондентом. К делу!

Жду Годунова с поправками. Письменного дозволения брать от Ф.‹он› Ф.‹ока› не считаю нужным; потому что он же подпишет рукопись для печатания.

Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине; следственно (по моему разумению) не сто̀ит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы для̀ чего не поучить, как советует русская пословица: не спускать и в алтаре; но ведь есть другая противная пословица, что с ним и бог не волен. Лучше ты отделай путём романтиков немцев за то, что они не поняли ни испанцев романтиков, ни Шекспира. О классиках-французах, кажется, также тебе непристойно проповедывать с кафедры, когда уж об этом можно много начитаться даже в Северной Пчеле. Хотелось бы мне, чтоб ты ввернул в трактат о Шекспире любимые мои две идеи: 1) Спрашивается, зачем перед публикой позволять действующим лицам говорить непристойности? Отвечается: эти лица и не подозревают о публике; они решительно одни, как любовник с любовницей, как муж с женой, как Меркутио с Бенволио (нецеремонные друзья). Пракситель, обделывая формы статуи, заботится об истине всех частей ее (вот его коран!), а не о тех, кто будет прогуливаться мимо выставленной его статуи. 2) Для чего в одном произведении помещать прозу, полустихи (т. е. стихи без рифм) и настоящие стихи (по понятию простонародному)? Потому, что в трагедии есть лица, над которыми все мы смеялись бы, если бы кто вздумал подозревать, что они способны к поэтическому чувству; а из круга людей, достойных поэзии, иные бывают на степени поэзии драматической, иные же, а иногда и те же, на степени поэзии лирической: там дипломатическая музыка, а здесь военная.

Смирдин упорен был: я не выторговал ни месяца. Когда начать присылку твоего четырехлетнего пансиона, и как ее производить: помесячно, или по третям?

Я отдал Льву 500 р. и через него же Оболенскому 1.000 руб.

Отдай поклон моей знакомке новой,
Так сладостно рифмующей с Кановой.

П.

484. Е. М. Хитрово.

19—24 мая 1830 г. Москва.

D'abord permettez-moi, Madame, de vous remercier pour Hernani. C'est un des ouvrages du temps que j'ai lu avec le plus de plaisir. Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de

l'époque, surtout Sainte-Beuve — et à ce propos, s'il est possible d'avoir à Pétersbourg les *Consolations* de ce dernier, faites une œuvre de charité, au nom du ciel envoyez-les moi.

Quant à mon mariage, vos réflexions là-dessus seraient parfaitement justes, si vous m'eussiez jugé moi-même moins poétiquement. Le fait est que je suis bon homme et que je ne demande pas mieux que d'engraisser et d'être heureux — l'un est plus facile que l'autre. (Pardon, Madame: je m'aperçois que j'ai commencé ma lettre sur une feuille déchirée — je n'ai pas le courage de la recommencer).

Il est bien aimable à vous, Madame, de vous intéresser à ma situation vis-à-vis le maître. Mais quelle place voulez-vous que j'occupe auprès de lui — je n'en vois aucune qui puisse me convenir. J'ai le dégoût des affaires et des *boumagui*, comme le dit le Cte Langeron. Être gentilhomme de la Chambre n'est plus de mon âge, et puis que ferai-je à la cour? ni ma fortune ni mes occupations ne me le permettent. Les parents de ma femme se soucient fort peu d'elle et de moi. Je le leur rends de tout mon cœur. Ces relations sont fort agréables et je ne les changerai jamais.

485. М. П. Погодину

19—24 мая 1830 г. Москва.

Сделайте божескую милость, помогите. К воскресенью мне деньги нужны непременно, а на вас вся моя надежда.

А. П.

Адрес: Михайлу Петровичу
Погодину.

486. И. Ф. Антипину и Ф. И. Абакумову.

27 мая 1830 г. Полотняный Завод.

Александр Пушкин с чувством живейшей благодарности принимает знак лестного внимания почтенных своих соотечественник‹ов›[1] Ивана Фомича Антипина и Фаддея Ивановича Абакумова.

27 мая 1830
П.‹олотняный› Завод.

---

[1] *В подлиннике описка:* соотечественник

487. А. Х. Бенкендорфу.

29 мая 1830 г. Москва.

Mon Général,

Je supplie Votre Excellence de me pardonner encore une fois mon importunité.

Le bisaïeul de ma promise a eu jadis la permission d'élever dans sa terre de *Полотняный завод* un monument à l'Impératrice Catherine II. La statue colossale qu'il en a fait fondre en bronze à Berlin est tout à fait manquée et n'a jamais pu être érigée. Elle se trouve depuis plus de 35 ans ensevelie dans les caves de la maison. Des marchands de cuivre en ont offert 40,000 roubles, mais le propriétaire actuel, Mr Gontcharof, n'y a jamais voulu consentir. Il tenait à cette statue, toute difforme qu'elle était, comme au souvenir des bienfaits de la Grande Souveraine. Il craignait qu'en l'anéantissant il ne perdît aussi le droit d'ériger le monument. Le mariage de sa petite-fille qui s'est décidé inopinément l'a trouvé tout à fait sans ressource et après l'Empereur il n'y a guère que feu son auguste grand'mère qui puisse nous tirer d'embarras. Mr Gontcharof consent, quoiqu'à contre-cœur, à se défaire de la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc Votre Excellence de vouloir bien me faire parvenir, premièrement, la permission de faire fondre la statue en question, secondement, la grâce de conserver à Mr Gontcharof le droit d'ériger dès qu'il le pourra un monument à la bienfaitrice de sa famille.

Agréez, mon Général, l'hommage de mon parfait dévouement et de ma haute considération.

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Pouchkine.

29 mai 1830

Moscou.

488. М. П. Погодину.

29 мая 1830 г. Москва.

Выручите, если возможно — а я за вас буду бога[1] молить с женой и с малыми детушками. Завтра увижу ли Вас и нет ли чего готового? (в Трагедии, понимается).

А. П.

29 мая.

[1] *Переделано из* богу

489. Неизвестному.

Апрель — май 1830 г. Москва.

Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme, c.‹'est› à d.‹ire› que je dormais ‹?› tout le long du jour ‹?›.

490. Н. Н. Гончаровой.

Начало июня 1830 г. Москва.

(Черновое)

Me voilà dans ce Moscou si triste, si ennuyeux lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikit‹skaya›, encore moins de venir demander des nouvelles d'Agra‹féna›‹?›. Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne votre absence, je me repens d'avoir quitté Z.‹avod› — toutes mes craintes me reviennent plus vives et plus noires. Je voudrais pouvoir espérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod — je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous.

491. М. П. Погодину.

20-е числа мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумевает?

А. П.

Адрес: Михаилу Петровичу
Погодину.

492. М. П. Погодину.

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Могу ли к Вам заехать и когда? и будут ли деньги? у бога конечно всего много, но он взаймы не дает, а дарит кому захочет, так я более на Вас надеюсь, чем на него (прости господи мое прегрешение).

А. П.

Post-scriptum et Nota bene: Румянцов *уничтожил* рогатки (chevaux de Frise), а ввел *карреи* Кагульские.

Адрес: Михайлу Петровичу
Погодину.

493. М. П. Погодину.

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Если уже часть, так бо̀льшую, ради бога.

А. П.

494. М. П. Погодину.

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Надеждин хоть изрядно нас *тешит*[1] иногда (*тесать*) или *чешет* etc. но [хор‹ошо›] лучше было бы если он теперь потешил. Две тысячи лучше одной, суббота лучше понедельника etc.

Весь ваш etc.

Адрес: Михайлу Петровичу
Погодину.

495. А. Н. Гончарову.

7 июня 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Афанасий Николаевич,

Каждый день ожидал я обещанных денег и нужных бумаг из Петербурга и до сих пор их не получил. Вот причина моего невольного молчания. Думаю, что буду принужден в конце сего месяца на несколько дней отправиться в П.‹етер›Б.‹ург›, чтоб привести дела свои в порядок.

Что касается до памятника, то я тотчас по своем приезде в Москву писал о нем Бенкендорфу. Не знаю, уехал ли он с государем и где теперь он находится. Ответ его, вероятно, не замедлит.

Позвольте мне, милостивый государь Афанасий Николаевич, еще раз сердечно Вас благодарить за отеческие милости, оказанные Вами Наталии Николаевне и мне. Смею надеяться, что современем заслужу Ваше благорасположение. По крайней мере жизнь моя будет отныне посвящена счастию той, которая удостоила меня своего выбора и которая так близка Вашему сердцу.

С глубочайшим почтением и беспредельной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

7 июня 1830
Москва.

---

[1] *Переделано из начатого* тѣ‹шить› *в* тешить

496. М. П. Погодину.

8—9 июня 1830 г. Москва.

Слава в вышних богу, а на земле Вам, любезный и почтенный! ваши 1800 р. ас.‹сигнациями› получил с благодарностию, а проччие чем Вы скорее достанете, тем меня более одолжите. Впроччем я не обязался именно [к та‹кому-то›] к которому числу.

Весь Ваш
А. П.

Адрес: Михаилу Петровичу
Погодину.

497. М. П. Погодину.

12 июня 1830 г. Москва.

Чувствую, что я вам надоедаю, да делать нечего. Скажите, сделайте одолжение, когда именно могу надеяться получить остальную сумму.

А. П.

Четверг.

Адрес: Михаилу Петровичу Погодину.

498. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

26 июня 1830 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Государь император, всемилостивейше снисходя на просьбу Вашу, о которой я имел счастие докладывать его императорскому величеству, высочайше изъявил соизволение свое, на расплавление имеющейся у г-на Гончарева колоссальной неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженныя памяти императрицы Екатерины II, с предоставлением ему, г. Гончареву, права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей августейшей благотворительнице его фамилии.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию,

милостивый государь,
ваш покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 2506.
26. Июня 1830.
Его высокоб‹лагород›ию А. С.
Пушкину.

499. А. Н. Гончарову.

28 июня 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Афанасий Николаевич,

Только сей час получил я бумагу Вашего поверенного и не успел еще ее пробежать. Осмеливаюсь повторить Вам то, что уже говорил я Золотову: главное дело не вооружить противу себя Канкрина, а никак не вижу, каким образом Вам без него обойтиться. Государь, получив просьбу Вашу, отдаст ее непременно на рассмотрение министра финансов, а министр, уже раз отказавши, захочет и теперь поставить на своем. Временное вспоможение (двумя или тремя стами тыс.) хотя вещь и затруднительная, но всё легче, ибо зависит единственно от произвола государева. На днях еду в П.‹етер›Б.‹ург›, и если бумага Ваша не будет иметь желаемого успеха, то готов (если прикажите) хлопотать об этом вспоможении и у Бенкендорфа и у Канкрина. Что касается до заложения Заводов, то хотя я и уверен в согласии молодых Ваших родственников и в их повиновении Вашей воле, но в их отсутствии не осмелюсь действовать мимо их. Надеюсь, что мое чистосердечие не повредит мне в Вашем ко мне благорасположении, столь драгоценном для меня: мне казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чем обещать и не выполнить.

Ожидая дальнейших Ваших приказаний, препоручаю себя Вашему благорасположению и честь имею быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностию,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

28 июня
1830
Москва.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Афанасию Николаевичу
Гончарову.
В Калугу
на Полотняном Заводе.

500. М. П. Погодину.

Вторая половина июня 1830 г. Москва.

Сердечно благодарю Вас, любезный Михайло Петрович, заемное письмо получите на днях. Как Вам кажется Письмо Чадаева? и когда увижу Вас.

А. П.

501, М. П. Погодину.

Май — июнь 1830 г. (?) Москва.

Когда будет время, заезжайте ко мне поутру, я всегда дома.

А. П.

502. В. С. Огонь-Догановскому.

Май — июнь 1830 г. Москва.

(Черновое)

Я с охотою взялся бы выкупить ваши долги, но срок оным векселям по словам вашим два года, а следующие вам 24800 рублей сбязан я выплатить в течение 4 лет. Я никак не в состоянии, по причине дурных оборотов, заплатить вдруг 25 ты<сяч>. Всё что могу за ваш 25 тысяч.<ный> вексель выдать, 20 с вычитым 10 проц.<ентов> за год — т. е. 18 тысяч рубл.<ей>, в таковом случае извольте отписать ко мне и я не премину чрез Вас или чрез кого Вам будет угодно доставить Вам.

503. А. Х. Бенкендорфу.

4 июля 1830 г. Москва.

Милостивый государь,
Александр Христофорович,

Имел я счастие получить письмо Вашего высокопревосходительства от 26 прошедшего месяца. Вашему благосклонному ходатайству обязан я всемилостивейшим соизволением государя на просьбу мою; Вам и приношу привычную, сердечную мою благодарность.

На днях должен я буду, по своим делам, приехать в Петербург, и буду иметь счастие явиться к Вашему высокопревосходительству.

С глубочайшим почтением и сердечной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

4 июля
1830
Москва.

504. М. Н. Загоскину.

14 июля 1830 г. Москва.

Милостивый государь
Михайла Николаевич

Брат вчерашнего австрийского императора Щепина возъимел сильное желание быть принятым в театральную школу. Препоручаю его высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра еду в П.<етер>Б.<ург> на несколько дней. Надеюсь при своем возвращении найти Вас и всё семейство Ваше в добром здоровии.

Весь Ваш
А. Пушкин.

14 июля
Москва.

Адрес: Его высокородию
милостивому государю
Михайлу Николаевичу
Загоскину.

505. В. Л. Пушкин — Пушкину.

Середина июня — первая половина июля 1830 г. Москва.

А. С. Пушкину.

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости, в стихах поговорил с тобой!
Хоть модный романтизм под час я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твое к вельможе есть пример
Что не забыт тобой затейливый Волтер!
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Ла-Бомель!
Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят,
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят!
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей,
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов не говоря ни слова,
Печатай им на зло скорее Годунова!
Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести, топорныя работы,
Не может, кажется, проситься в Валтер-Скоты.
Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой!

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи?
Счастливцу некогда смеяться даже им!
Благодаря судьбу, ты любишь и любим!
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою!
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй! — Но в часы свободы, вдохновенья,
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогощай,
И вечно с миртами ты лавры съединяй!

Всл. Пушкин.

Je vous envoie mon épitre avec les corrections que je viens d'y faire. Dites-moi, mon cher Alexandre, si vous en êtes content? Je veux que cette Épitre soit digne d'être adressée à un charmant Poète comme vous, et nargue des imbéciles et des envieux!

506. Н. Н. Гончаровой.

20 июля 1830 г. Петербург.

J'ai l'honneur de vous présenter mon frère (qui vous trouve si jolie pour son propre compte et que je vous supplie de bien recevoir malgré cela). Mon voyage a été ennuyeux à périr. Никита Андреевич m'avait acheté un бричка qui s'est brisé à la première station — je l'ai rajusté avec des épingles — à la seconde c'était à recommencer — ainsi de suite. Enfin j'ai trouvé à quelques verstes de Novgorod votre В.<сево-ложский> <?> dont la roue était brisée. Nous avons achevé le voyage ensemble en parlant beaucoup des tableaux du prince G.<alitzine>. Pétersbourg me paraît déjà bien ennuyeux, et je compte abréger mon séjour le plus que je pourrai. — Demain commenceront mes visites à vos parents. Нат.<алья> Кир.<илловна> est à la campagne. Кат.<е-рина> Ив.<ановна> à Парголово (village finois, où demeure la C[sse] Polié). — En fait de très jolies femmes je n'ai encore vu que Mme et Mlle Malinovsky avec lesquelles j'ai été tout étonné de dîner hier.

Je suis pressé. Je baise les mains à Наталья Ивановна que je n'ose encore appeler maman et à vous aussi, mon ange, puisque vous ne me permettez pas de vous embrasser. Mes hommages à Mesdemoiselles vos sœurs. —

20 juillet. A. P.

Адрес: Mlle Natalie Gontcharoff.

507. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Петербург.

Mon frère vous a-t-il remis ma lettre, et pourquoi ne m'envoyez-vous pas le reçu comme vous me l'aviez promis? je l'attends avec impatience et le moment où je l'aurai me dédomagera de l'ennui de mon séjour ici. Il faut que je vous raconte ma visite à Наталья Кириловна. J'arrive, je me fais annoncer, elle me reçoit à sa toilette comme une très jolie femme du siècle passé. C'est vous qui épousez ma petite Nièce? — Oui, Madame. — Comment donc? j'en suis très étonnée; je n'en suis pas informée, Наташа ne m'en a rien écrit. (Ce n'est pas de vous qu'elle parlait, c'était de Maman.) Là-dessus je lui ai dit que[1] le mariage ne s'était décidé que depuis très peu de temps, que les affaires dérangées d'Афанасий Николаевич, celles de Наталья Ивановна etc. etc. Elle n'en a tenu compte: Наташа sait combien je l'aime, Наташа m'a toujours écrit dans toutes les occasions de la vie, Наташа m'écrira — et maintenant, Monsieur, que nous sommes parents, j'espère que vous viendrez me voir souvent.

Puis elle a beaucoup demandé des nouvelles de Maman, de Николай Афанасьевич, de vous; elle m'a répété les compliments de l'Empereur à votre égard — et nous nous sommes séparés très bons amis. — N'est-ce pas que Наталья Ивановна lui écrira?

Je n'ai pas encore vu Иван Николаевич. Il était aux manœuvres et il n'est rentré à Strelna que d'hier. Je viendrai avec lui à Pargolova, car tout seul je n'en ai ni l'envie, ni le courage.

Ces jours-ci j'ai fait écrire mon père à Афанасий Николаеви‹ч›[2] mais peut-être viendra-t-il lu‹i›[2]-même à Pétersbourg. Que fai‹t›[2] la Grand'maman de Zavode, celle de bronze, s'entend? Cette question ne vous engagera-t-elle pas à me répondre? Que faites-vous? qui voyez-vous? où vous promenez-vous? irez-vous à Rostof? m'écrirez-vous? Au reste n'allez pas vous effrayer de toutes ces questions,[3] vous pouvez fort bien n'y pas répondre — puisque vous me prenez toujours pour un сочинитель. — J'ai été ces jours-ci voir mon Egyptienne. Elle s'est beaucoup intéressée à vous. Elle m'a fait dessiner votre profil, elle m'a témoigné le désir de faire votre connaissance, je prends donc la liberté de vous la recommander. Прошу любить и жаловать. Sur ce,

---

[1] *При переносе на другую страницу удвоено:* que que

[2] *Прорвано.*

[3] *Далее до конца написано на обороте первого листа поперек его текста.*

je vous salue. Mes respects, mes hommages à Maman, à vos sœurs. Au revoir.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
В *Москве* на Никитской
в доме Гончарова.

508. Н. Н. Гончаровой.

30 июля 1830 г. Петербург.

Voici une lettre d'Аф.‹анасий› Ник.‹олаевич› que vient de m'envoyer Иван Николаевич. Vous ne vous imaginez pas combien elle m'embarrasse. Il aura la permission [auqu‹el›] à laquelle il tient tant. Mais quant à ce qui regarde Zavo‹de›[1] je n'ai ni le crédit qu'il me croit, ni la volonté d'agir contre le gré de Наталья Ивановна et à l'insu[2] de votre frère aîné. Ce qu'il y a de pis, c'est que je prévois de nouveaux délais — en vérité, c'est impatientant. Je n'ai pas encore vu Кат.‹ерина› Ив.‹ановна›, elle est à Pargolova chez la C[sse] Polier qui est presque folle, qui dort jusqu'à 6 heures du soir et qui ne reçoit personne. Hier M[de] Bagréef, la fille de Spéransky, m'a envoyé chercher pour me laver la tête de ce que je n'ai pas encore rempli les formalités — mais en vérité je n'en ai presque pas la force. Je vais peu dans le monde. On vous y attend avec impatience. Les belles dames me demandent à voir votre portrait, et ne me pardonnent pas de ne pas l'avoir. Je m'en console en passant des heures entières devant une madone blonde qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau, et que j'aurais achetée, si elle ne coûtait pas 40,000 roubles. Аф.‹анасий› Ник.‹олаевич› aurait dû troquer contre elle la vilaine Grand'maman, puisque jusqu'à présent il n'a pu parvenir à la fondre. Sérieusement je crains que cela ne retarde notre mariage, à moins que Наталья Ивановна ne consente à me charger de votre trousseau. Mon ange, tâchez de grâce.

Je suis un étourdi, mon ange: en relisant la lettre d'Аф.‹анасий› Ник.‹олаевич›, je vois qu'il ne songe plus à engager son bien de Zavod, et qu'il[3] veut, d'après mon avis, demander un secours momentané.

---

[1] *Край листа оборван.*

[2] *Переделано из* insue

[3] *Переделано из* que

C'est autre[1] chose. En ce cas-là je vais à l'instant chez mon cousin Канкрин lui demander une audience. Je n'ai pas encore vu B<en>kendorf[2] et tant mieux, je tâcherai d'arranger tout dans une seule audience.

Adieu, мой ангел. Mes hommages à toute votre famille, que j'ose regarder comme mienne.

30 juillet.

M'enverrez-vous un reçu?

Адрес: Ее высокоблагородию
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москве на Никитской
в собств. доме.

509. П. А. Вяземский и **Пушкин — В. Ф. Вяземской.**

4 августа 1830 г. Петербург.

<*П. А. Вяземский:*>

4-го августа
С. Петербург.

Приехал я сюда вчера утром часу в шестом. Здравствуйте. Сегодня же начинаю хлопотать об отъезде. Сердце сжимается, когда думаю, что только несколько дней имеется в виду, а дел обработать довольно. Но бог милостив. А пуще всего не сказывай ни Норову, ни попу. Я нашел здесь твое письмо, отправленное уже в Петерб.<ург>, а с третьим твоим письмом в Ревель я должен был разъехаться и получу его завтра от Карамзиных. Прими мою благодарность и мой поцалуй — куда? дураков цалуют в лоб, следовательно, умниц в <----> — за твою исправность. Всё было сделано, как должно. Я рад, что княжнушки слышали Mlle Sontag, но они говорят о ней как-то очень спесиво. А Пашинька говорит, что она пела увертюру из Фрейшиц. Ах, ты срамница! И кажется Пашиньке г-н Крейн более понравился, нежели Mlle Sontag. — Je remercie beaucoup Mr Robert pour sa lettre à laquelle j'espère donner bientôt une réponse de vive voix. — Купании мне решительно помогли. Мне грустно было расставаться с Карамзиными, морем и Ревелем. Я на это хорош: всякий отъезд садится мне на сердце. Но в этот раз с Петербург.<ом>, кажется, расставаться мне грустно не будет, но и не депитно аморозно. Я вчера попал на детский бал к Бобринской и нашел там свою Елизу и свою Австрию. Пушкина еще не видал; посылал за ним, его дома не было. Здесь находят, что он очень весел и вообще натурален. Хорошо, если пришлось бы мне с ним возвратиться в Москву. Экипажа у меня нет, а дилижанс мне не очень улыбается. Лишний день проедешь и вдвое устанешь. Царя здесь нет. Он в Финляндии. До приезда его порядочно о Франции знать ничего не будем, потому что газеты не получаются. Вчера я видел у Бобринской Валентина Строганова, приехавшего курьером из Карльсбада. Он, кажется, теперь совершенно здоров. — Пока прости.

---

1 *Переделано из начатого* to<ut>

2 *Прорвано.*

Маша, поздравляю тебя и себя с твоими шестьнадцатью годами, даром, что они меня старят. Дай бог, чтобы ты меня еще более постарила и пожаловала, хоть в деды и прадеды. Мне очень жаль, что я не буду твоим гостем в этот день, но нет возможности. Авось буду к 15-му. Целую тебя, сестер и брата от всей души.

Обнимаю и благославляю Вас всех от души. Бог с Вами и со мною. — Спасибо за деньги. Я еще их не получал, потому, что не видал Булгакова. Исполнила ли ты так же усердно и просьбу сестры Флены Ивановны? Нежно целую тебя.

‹Пушкин:›

Здравствуйте, княгиня. Как досадно, что вы не застали меня в Москве; j'avais tant de choses à vous dire. J'avoue à ma honte que je m'amuse à Pétersbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour. Может быть с князем, en tout cas au revoir.

А. Р.

‹П. А. Вяземский:›

Сейчас получаю твое письмо от 30-го. Спасибо. Не имею времени отвечать, буду писать завтра, или послезавтра.

510. М. Я. Фон-Фоку.

9 августа 1830 г. Петербург.

Милостивый государь,
Максим Яковлевич,

Препровождая к Вашему превосходительству записку о деле г. Гончарова, с глубочайшим почтением и благодарностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

9 августа
1830.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
Максиму Яковлевичу
фон Фоку.

511. Ф. Н. Глинке.

12—13 августа 1830 г. (?) Тверь (?).

А. Пушкин просит Ф. Н. Глинку уделить ему несколько минут.

512. А. Н. Гончарову.

14 августа 1830 г. Москва.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

По приказанию Вашему являлся я к графу Канкрину и говорил о Вашем деле, т. е. о вспоможении денежном; я нашел министра довольно неблагосклонным. Он говорил, что сие дело зависит единственно от государя; я просил от него по крайней мере обещания не прекословить государю, если его величеству угодно будет оказать Вам от себя оное вспоможение. Министр дал мне слово.

Что касается до позволения перелить памятник, то Вы получите немедленно бумагу на имя Ваше от генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависит от Вас; осмеливаюсь вновь умолять Вас о разрешении ее. Вся жизнь моя будет посвящена благодарности.

С глубочайшим почтением и сердечной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

14 августа
1830
Москва.

513. В. С. Голицын — Пушкину.

Середина июня — первая половина июля или 14—20 августа 1830 г. Москва.

Князь Вл. Голицын.

Никитушка! скажи, где Пушкин царь-поэт?

Никита.

Давным-давно, сударь, его уж дома нет,
не усидит никак приятель Ваш на месте:
то к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Князь Влад. Г.

а скоро ль женится твой мудрый господин?

Никита.

Осталось месяц лишь гулять ему один.

Voilà ma conversation avec votre valet de chambre, je l'aurais continuée [si] en vers si je ne tenais pas davantage à Vous dire en prose que je suis infiniment fâché de ne Vous avoir pas trouvé chez vous.

Bonjour
Wl. G.

Mille choses à celui d'en haut.

514. Е. М. Хитрово.

21 августа 1830 г. Москва.

Que je vous dois de reconnaissance, Madame, pour la bonté que vous avez eu de me mettre un peu au fait de ce qui se passe en Europe! Personne ici ne reçoit les journaux de France et en fait d'opinion politique sur tout ce qui vient de se passer, le Club anglais a décidé que le Prince Dmitri Galitzin a eu tort d'interdire l'écarté par ordonnance. Et c'est au milieu de ces ourangs-outans que je suis condamné à vivre au moment le plus intéressant de notre siècle. Pour surcroît de peine et d'embarras mon pauvre oncle Василий Львович vient de mourir. Il faut avouer que jamais oncle n'est mort plus mal à propos. Voilà mon mariage retardé encore de 6 semaines, et Dieu sait quand je pourrai revenir à Pétersbourg.

La Parisienne ne vaut pas la Marseillaise. Ce sont des couplets de vaudeville. Je meurs d'envie de lire le discours de Chateaubriand en faveur du Duc de Bordeaux. Ça a été encore un beau moment pour lui. En tout cas le voilà donc encore dans l'opposition. Qu'est-ce que l'opposition du *Temps?* veut-il une république? Ceux qui l'ont voulu dernièrement ont hâté le couronnement de Louis-Philippe; il leur doit des places de chambellan et des pensions. Le mariage de M^de^ de Genlis avec Lafayette serait tout à fait convenable. Et c'est l'évêque Talleyrand qui devrait les unir. C'est ainsi que la révolution serait consommée.

Je vous supplie, Madame, de me mettre aux pieds de[1] Mesdames les Comtesses vos filles et de vouloir bien accepter l'hommage de mon dévouement et de ma haute considération.

21 août
Moscou.

A. Pouchkine.

Адрес: Ее превосходительству
м. г. Елисавете Михайловне
Хитровой
В С.-Петербург
на даче, на Черной речке.

515. В. Д. Карнильев — Пушкину.

Около (не ранее) 20 августа 1830 г. Москва.

Карнильев приезжал разделить горесть о потере лучшего из людей.

---

[1] *Переделано из* des

516. А. Н. Гончарову.

24 августа 1830 г. Москва.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров: я бы за счастие почел сделать что-нибудь Вам угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выдти из долга, как опять принужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

24 августа
Москва.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Афанасью Николаевичу
Гончарову.

517. Н. Н. Гончаровой.

Последние числа августа 1830 г. Москва.

Je pars pour *Нижний*, incertain de mon sort. Si M^{de} votre mère est décidée à rompre notre mariage et vous à lui obéir, je souscrirai à tous les motifs qu'elle voudra en donner, quand même ils seraient aussi raisonnables que la scène qu'elle m'a faite hier et les injures qu'il lui plaît de me prodiguer.

Peut-être a-t-elle raison et moi ai-je eu tort de croire un moment que le bonheur était fait pour moi. En tout cas vous êtes parfaitement libre; quant à moi je vous donne ma parole d'honneur de n'appartenir qu'à vous ou de ne me marier jamais.

A. P.

Адрес: Mademoiselle Natalie
Gontcharof.

518. В. Ф. Вяземской.

Последние числа августа 1830 г. Москва.

Je pars brouillé avec M[de] Gontcharof. Le lendemain du bal elle m'a fait la scène la plus ridicule que vous puissiez vous imaginer. Elle m'a dit des choses qu'en conscience je n'ai pu entendre. Je ne sais encore si mon mariage est rompu, mais l'occasion est là, et j'ai laissé la porte toute grande ouverte. Je n'ai pas voulu en parler au Prince, mais dites-le lui, et gardez-moi tous deux le secret. Ha la maudite chose que le bonheur! Addio, chère Princesse. Écrivez-moi un mot à Лукиянов в село Болдино.

Адрес: Княгине.

519. П. А. Плетневу.

´31 августа 1830 г. Москва.

Хорош!... не хотел со мною проститься и ни строчки мне не пишешь. Сей час еду в Нижний, т. е. в Лукиянов, в село Болдино — пиши мне туда, коли вздумаешь.

Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего, хуже 30-ти лет жизни[1] игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото[2] дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Всё это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостию, которой обязан я был богу и тебе. Грустно, душа моя — обнимаю тебя и цалую наших.

31 авг.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Александровичу
Плетневу
в С.-Петербург
в Екатерин.‹инском› Институте.

---

[1] жизни *вписано.*

[2] *Переделано из* от

520. Н. Н. Гончаровой.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Ma bien chère, ma bien aimable Наталья Николаевна — je suis à vos genoux pour vous remercier et vous demander pardon de l'inquiétude que je vous ai causée.

Votre lettre est charmante et m'a tout à fait rassuré. Mon séjour ici peut se prolonger par une circonstance tout à fait imprévue: je croyais que la terre que m'a donnée mon père était un bien à part, mais elle[1] se trouve faire partie d'un village de 500 paysans, et il faudra procéder au partage. Je tâcherai d'arranger tout cela le plus vite possible. Je crains encore plus les quarantaines qu'on commence à établir ici. Nous avons dans nos environs la Choléra morbus (une très jolie personne). Et elle pourra m'arrêter une vingtaine de jours de plus. Que de raisons pour me dépêcher! Mes respectueux hommages à Наталья Ивановна, je lui baise les mains bien humblement et bien tendrement. Je vais écrire à l'instant à Афанасий Николаевич. Celui-ci, avec votre permission, est bien impatientant. Remerciez bien Mlles Catherine et Alexandrine pour leur aimable souvenir et encore une fois pardonnez-moi et croyez que je ne suis heureux que là où vous êtes.

9 sept. Boldino.

521. А. Н. Гончарову.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Из письма, которое удостоился я получить, с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, мое оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не впору приступая с просьбою к государю или министрам. Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка... Вам угодно было спросить у меня совета на счет пути, по которому препроводить Вам к государю просьбу о временном вспоможении: думаю, всего лучше и короче чрез А. Х. Бенкендорфа. Он человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единствен-

---

[1] *Переделано из* il.

ный вельможа, чрез которого нам доходят частные благодеяния государя.

Препоручая себя Вашему благорасположению, имею счастие быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностию,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

9 сентября
1830
С. Болдино.

522. П. А. Плетневу.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воиным, на щите, le cri de guerre à la bouche! Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его. Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нѐчего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верьхом сколько душе угодно, [сиди<?>] пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов. Прости ж, моя милая.

9 сент. 1830
Болдино.

Что моя трагедия? я написал элегическое маленькое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни однакож, что ты обещал мне свое: дельное, длинное. А цена трагедии? 10 или 12?

Адрес: Его высокоблагородию
Петру Александровичу Плетневу
В С.-Петербург в Екатерининск.‹ом› Институте.

523. П. А. Плетневу.

29 сентября 1830 г. Болдино.

Болдино 29 сент.

Сей час получил письмо твое и сей час же отвечаю. Как же не стыдно было тебе[1] понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский. Вероятно я выразился дурно; но это вас не оправдывает. Вот в чем было дело: *Теща* моя отлагала свадьбу за приданым, а уж конечно не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила [меня] и черные мысли мной овладели. Не уж то *я* хотел иль думал отказаться? но я видел уж отказ, и утешался чем ни попало. Всё что ты говоришь о свете справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене[2] моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна* etc. Баратынский говорит, что в женихах[3] счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я[4] — а тут он будет мы. Шутка! От того-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чорт его побери. Теперь понимаешь ли ты меня? понимаешь, ну, слава богу! Здраствуй, душа моя, каково поживаешь, а я — оконча дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинов. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души, не[5] читая журналов, так что не знаю, что делает Филип [Август] и здоров ли Полиньяк; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся от меня жене и дочери.

Адрес: Е. в. м. г.
Петру Александровичу Плетневу, в С. Петербург
в Екатерининск.‹ом› Институте.

---

[1] *Переделано из* не стыдно бы тебя *(описка?)*
[2] *Переделано из* жены
[3] *Переделано из* что женихом
[4] *Было:* Доселе он один
[5] *Переделано из* но

524. Кистеневские крестьяне — Пушкину.

Вторая половина сентября 1830 г. (?) Кистенево.

Государь

Александр Серьгеевич,

Просим вас государь в том что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться, и выполнять в точности ваши приказании, но только в том просим вас государь, зделайте великую с нами милость, избавьти нас от нынешнего правления, а прикажите выбрать нам своего начальника, и прикажите ему, и мы будем все исполнять ваши приказании,

525. Н. Н. Гончаровой.

30 сентября 1830 г. Болдино.

Me voici sur le point de me mettre en voiture, quoique mes affaires ne soient pas terminées et je suis déjà tout découragé. Vous êtes bien bonne de ne promettre qu'un délai de six jours à Богородецк.[1] On vient de me dire qu'il y a cinq quarantaines établies depuis ici jusqu'à Moscou, et que dans chacune il me faudra passer 14 jours, comptez un peu et puis imaginez quelle chienne d'humeur je dois avoir. Pour surcroît de bonheur la pluie a commencé et comme de raison pour ne plus finir qu'au commencement du traînage. Si quelque chose peut me consoler, c'est la sagesse avec laquelle les routes sont pratiquées d'ici à Moscou: figurez-vous un parapet de chaque côté, point de fossé, point d'issue pour l'eau; ce qui fait que la route est une boîte à boue. En revanche les piétons vont très commodément sur des trottoirs bien secs et se moquent des voitures embourbées. Que maudite soit l'heure où je me décidais à vous quitter pour arriver dans ce beau pays de boue, de peste et d'incendie — car nous ne voyons que ça.

Que faites vous en attendant? comment vont les affaires et que dit le Grand-Papa? Savez-vous ce qu'il m'a écrit? la Grand'maman ne vaut, dit-il, que 7,000 r. et cela ne vaut pas la peine de la déranger dans sa retraite. Ça valait bien la peine de faire tant d'embarras. Ne vous moquez pas de moi, car j'enrage. Notre mariage semble toujours fuir devant moi, et cette peste avec ses quarantaines n'est-elle pas la plus mauvaise plaisanterie que le sort ait pu imaginer. Мой ангел, votre affection est la seule chose de ce monde qui m'empêche de me pendre à la porte cochère de mon triste cheteau (où par parânthèse mon ayeul avait fait pendre un français, un Outchitel, un Abbé Nicole dont il était mécontent), conservez-la moi, cette affection, et croyez que

---

[1] *Переделано из* Богородеск

tout mon bonheur est là. Me permettez-vous de vous embrasser? ça ne tire pas à conséquence à 500 verstes de distance et à travers 5 quarantaines. Ces quarantaines ne me sortent pas de la tête. Adieu donc, mon ange. Mes tendres hommages à Наталья Ивановна; je salue de tout mon cœur vos sœurs et Mr Serge. Avez-vous des nouvelles des autres?

30 sept.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москве
На Никитской в собств. доме.

526. Н. Н. Гончаровой.

11 октября 1830 г. Болдино.

L'entrée à Moscou est interdite et me voilà confiné à Boldino. Au nom du ciel, chère Наталья Николаевна, écrivez-moi malgré que vous ne le[1] vouliez pas. Dites-moi où êtes-vous? avez-vous quitté Moscou? y a-t-il un chemin de travers qui puisse me mener à vos pieds? Je suis tout découragé et ne sais vraiment que faire. Il est clair que cette année (maudite année) notre mariage n'aura pas lieu. Mais n'est-ce pas que vous avez quitté Moscou? S'exposer de gaîté de cœur au beau milieu de la peste serait impardonnable. Je sais bien qu'on exagère [tout jou] toujours le tableau de ses ravages et le nombre des victimes; une jeune femme de Constantinople me disait jadis qu'il n'y avait que la canaille qui mourait de la peste — tout cela est bel et bon; mais il faut encore que les gens comme il faut prennent leurs précautions, car c'est là ce qui les sauve[2] et non leur élégance et leur bon ton. Vous êtes donc à la campagne, bien à couvert de la Choléra, n'est-ce pas? Envoyez-moi donc votre adresse et le bulletin de votre santé. Quant à nous, nous sommes cernés par les quarantaines, mais l'épidémie n'a pas encore pénétré. Boldino a l'air d'une île entourée de rochers. Point de voisins, point de livres. Un temps affreux. Je passe mon temps à griffonner et à enrager. Je ne sais que fait le pauvre Monde, et comment va mon ami Polignac. Ecrivez-moi de ses nouvelles, car ici je ne lis point de journaux. Je deviens si[3] imbécile que c'est une bénédic-

[1] *Переделано из начатого* l'
[2] *Переделано из* sauvent
[3] si *вписано.*

tion. Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к Вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь верст не крюк; а ехать прямо на Москву значит семь верст киселя есть (да еще какого? Московского!). Voilà bien de mauvaises plaisanteries. Je ris jaune, comme disent les poissardes. Adieu. Mettez-moi aux pieds de M[de] votre mère; mes bien tendres hommages à toute la famille. Adieu, mon bel ange. Je baise le bout de vos ailes, comme disait Voltaire à des gens qui ne vous valaient pas.

11 octobre.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой.
В Москве, на Никитской
в собственном доме.

527. В. К. Кюхельбекер — Пушкину.

20 октября 1830 г. Динабург.

20. Окт.

Любезный друг Александр.

Через два года наконец опять случай писать к тебе: часто я думаю о вас, мои друзья; но увидеться с вами надежды нет, как нет: от тебя, т. е. из твоей Псковской деревни до моего Помфрета, правда, не далеко; но и думать боюсь, чтоб ты ко мне приехал...... А сердце голодно: хотелось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? Фризовую шинель? Медвежью шапку? Как ты через семь с половиною лет мог узнать меня в таком костюме? вот чего не постигаю! —

Я слышал, друг, что ты женишься: правда ли? Если *она* стоит тебя, рад: но скажи ей, или попроси, чтоб добрые люди ей сказали, что ты быть молодым лордом Байроном не намерен, да сверьх того и слишком для таких похождений стар. — Стар? Да, любезный, поговаривают уже о старости и нашей: волос у меня уже крепко с русого сбивается на серо-немецкий; год, два, и *Амигдал процветет на главе моей.* Между тем я, новый Камоэнс, творю, творю — хоть не Лузиады — а ангельщины и дьявольщины, которым конца нет. — Мой черный демон отразился в Ижорском: светлый — в произведении, которое назвать боюсь: но по моему мнению оно и оригинальнее и лучше Ижорского — даже в чисто-светском отношении. — К тому же терцины, размер божественного Данте, — слог, в котором я старался исчерпать всё, что могу назвать моим познанием русского языка, — и частная, личная исповедь всего того, что меня в пять лет моего заточения волновало, утешало, мучило, обманывало, ссорило и мирило с самим собою. Это всё вещи, которые в Ижорском не могли иметь места: там же, может быть, годятся. Сделай, друг, милость, напиши мне: удался ли мой Ижорский или нет? У меня

нет здесь судей: Манасеин уехал, да и судить-то ему не под стать, Шишков мог бы, да также уехал: а в бытность свою здесь слишком был измучен всем тем, что делалось с ним. — Напиши, говорю, разумеется, не по почте: а отдашь моим, авось они через год, через два или десять найдут случай мне переслать. Для меня время не существует: через десять лет или завтра для меня à peu près всё равно. — — Кто это у вас печатает пьэсы, очень мне близкие по тому, что в них говорится, хотя бы я не много иначе всё это сказал? — Не Александр ли *О.‹доевский›*? мой и Исандера питомец? — Знал ли ты Исандера? Нет? — Престранное дело письма: хочется тьму сказать, а не скажешь ничего. — Главное дело вот в чем: что я тебя не только люблю, как всегда любил; но за твою Полтаву уважаю, сколько только можно уважать: это конечно тебе покажется весьма не многим, если ты избалован бессмысленными: охами и ахами! которые воздвигают вокруг тебя люди, понимающие тебя и то, чем можешь быть, должен быть и, я твердо уверен, будешь, понимающие, говорю, это так же хорошо, как я язык китайский. — Но я уверен, что ты презираешь их глупое удивление наравне с их бранью, quoiqu'ils font chez nous le beau temps et la pluie. — Ты видишь, мой друг, я не отстал от моей милой привычки приправлять мои православные письма французскими фразами. — Вообще я мало переменился: те же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в Лицее! Стар я только стал, больно стар и потому-то туп: учиться уж не мое дело — и греческий язык в отставку, хотя он меня еще занимал месяца четыре тому назад: вижу, не дается мне! Усовершенствоваться бы только в польском: Мицкевича читаю довольно свободно, Одынца тоже, но Немцевич для меня трудненек. — Мой друг, болтаю: переливаю из пустого в порожное, всё для того, чтоб ты ‹мог› себе составить идею об узнике Двинском: но разве ты его не знаешь? и разве так интересно его знать? — Вчера был Лицейской праздник: мы его праздновали, не вместе, но — одними воспоминаниями, одними чувствами. — Что, мой друг, твой Годунов? Первая сцена: *Шуйский* и *Воротынский*, бесподобна; для меня лучше, чем сцена: *Монах* и *Отрепьев*; более в ней живости, силы, драматического. Шуйского бы расцеловать: ты отгадал его совершенно. Его: „А что мне было делать?“ рисует его лучше, чем весь XII том покойного и спокойного историографа! Но господь с ним! De mortuis nil, nisi bene. Прощай, друг! Должно еще писать к Дельвигу и к родным: а то бы начертил бы тебе и поболе. — For ever your William.

Je ne Vous recommande pas le porteur de cette lettre, persuadé que Vous l'aimerez sans cela et pour l'amitié qu'il m'a [porté] montré pendant son séjour à D.‹unabourg›.

528. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды. Ну уж погода! Знаю, что не так страшен чорт як его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно. Отправляясь в путь, писал я своим, чтоб они меня ждали через 25 дней. Невеста и перестала мне писать, и где она,

и что она, до сих пор не ведаю. Каково? то есть, душа моя Плетнев, хоть я и не из иных прочих, так сказать — но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь. Не знаю, где моя; надеюсь, что уехала из чумной Москвы, но куда? в Калугу? в Тверь? в Карлово к Булгарину? ничего не знаю. Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему[1] явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не окалею. Покаместь он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддержи‹ва›ющего Лит.‹ературную› Газету. Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе[2]

Драгоценной для Россиян[3]
Памяти
Николая Михайловича
Карамзина
Сей труд Гением его вдохновенный
с благоговением и благодарностию[4] посвящает
А. Пушкин.

Адрес: Его высокобла‹городию›
м. г. Петру Александровичу
Плетневу
В С.-Петербург в Екатерининском Институте.

529. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте.

---

1 я к нему *переделано из* я ему

2 *Было:* напечатай заглавный лист

3 *Эта строка вписана позднее остального текста.*

4 и благодарностию *вписано.*

Письмо Ваше от 1-го окт.‹ября› получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы первого октября были еще в Москве давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моих писем. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренесчастное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, пологая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму[1] проколотому; знаешь, что по крайней мере жив — и то хорошо. Если вы в Калуге, я приеду к Вам через Пензу; если вы в Москве, т. е. в Московской деревне, то приеду к Вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей богу не шучу — но напишите мне, где вы, а письмо адресуйте в *Лук.‹ояновский› уезд* в село Абрамово, для пересылки в Болдино. Скорей дойдет. Простите. Цалую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
В Москву
На Никитской в собств. доме.

530. Неизвестный — Пушкину.

Вторая половина (после 16) октября 1830 г. Петербург.

Вот справка, полученная мною от стряпчего, г. Круглова. — Г. Кистер есть один из известнейших спекуляторов города; покупает и перепродает векселя и живет более в передних присутственных мест, чем у себя на квартире. — Если хотите писать к нему, то пришлите письмо на мое имя; оно дойдет исправно по назначению. —

‹*На обороте листа:*›

Выписка из книг Гражданской палаты о запрещениях.

По отношению С.-Петербургского губернского правления от 16-го октября 1830 года за № 2447-м [писано в Се‹нат›] наложено запрещение на имение коллежского секретаря Александра Сергеевича *Пушкина* за не платеж титулярному советнику *Кистеру* по заемному письму, данному 1820 февраля 8-го дня на имя барона Штиглица,[2] от него переданному портному мастеру *Серендену*, а от сего дошедшему по передаточной надписи *Кистеру*, — пятисот рублей.

---

[1] *Переделано из* письмо

[2] *Описка, вместо* Шиллинга

531. Н. Н. Гончаровой.

4 ноября 1830 г. Болдино.

Le 9 vous étiez encore à Moscou! mon père me l'écrit; il m'écrit encore que mon mariage est rompu. En est-ce assez pour me pendre? je vous dirai encore[1] qu'il y a 14 quarantaines depuis Лукоянов jusqu'à Moscou. Est-ce bon? Maintenant je m'en vais vous raconter une anecdote. Un de mes amis faisait la cour à une jolie femme. Un jour qu'il vient chez elle, il trouve sur sa table un album qu'il ne connaissait pas — il veut le voir — Madame se jette dessus et le lui arrache; nous sommes quelquefois aussi curieux que vous autres, belles dames. Mon ami employe toute son éloquence, toutes les ressources de son esprit, pour se faire rendre l'album. Madame tient bon; il est obligé d'y renoncer. Quelque temps après cette pauvre petite femme meurt. Mon ami assiste à son enterrement et vient consoler le pauvre mari. Ils fouillent ensemble dans les tiroirs de la défunte. Mon ami aperçoit le mystérieux album. Il s'en saisit, il l'ouvre, il était tout blanc à l'exception d'un seul feuillet où étaient écrits ces 4 mauvais vers du Кавказский пленник

Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука,
Пройдет любовь, настанет скука

etc... Maintenant parlons d'autre chose. Quand je dis parlons d'autres choses, je veux dire, revenons à nos moutons. Comment n'avez-vous pas honte d'être restées à la Nikitska — en temps de peste? C'est bon pour votre voisin Адриян qui doit faire de bonnes affaires. Mais Наталья Ивановна, mais vous! — en vérité je ne vous conçois pas. Je ne sais comment parvenir jusqu'à vous. Je crois que Вятка est encore libre. En ce cas j'irai par là. Ecrivez-moi cependant à Абрамово для доставления в Болдино. Vos lettres me parviendront toujours.

Adieu, que Dieu vous conserve. Mettez-moi aux pieds de M^de^ votre Mère.

4 Nov

Mes hommages à toute la famille.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Наталье Николаевне
Гончаровой
в Москве
На Никитской в собств. доме.

---

[1] encore *вписано.*

Милостивая Государыня Наталья Нико-
-лаевна, я по французски браниться не
умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить
вамъ по русски, а вы, мой Ангелъ, от-
вѣчайте мнѣ хоть по чухонски, да
только отвѣчайте. Письмо ваше
отъ 1го окт. получилъ я 26го. Оно огор-
чило меня по многимъ причинамъ
во первыхъ потому что оно шло
ровно 25 дней. 2) что вы съ перваго
октября были еще въ Москвѣ
давно уже зачумленной 3) что вы не
получали моихъ писемъ 4) что пись-
мо ваше короче было визитной кар-
точки, 5) что вы на меня видно
сердитесь между тѣмъ какъ я пре
-несчастное животное ужъ безъ
того. Гдѣ вы? что вы? я писалъ
въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ — Братъ
мнѣ пишетъ, полагая что его письмо

ПА

532. А. А. Дельвигу.

4 ноября 1830 г. Болдино.

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого, и занесенного нам крестовыми воинами, т. е бурлаками, то в замке твоем, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но не получая журналов, отстал от века и не знаю в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина. Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я всё-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцаловал бы меня, видя мое осеннее прилежание. Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю.

4 ноября.

Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами. Жду погоды, чтоб жениться и добраться до П.<етер>Б.<бурга> — но я об этом не смею еще и думать.

533. М. П. Погодину.

Начало ноября 1830 г. Болдино.

Из Моск.<овских> Ведомостей, единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я к Вам, но карантины опять отбрасывали меня [в] на мой несносный островок, откуда простираю к Вам руки и вопию гласом велиим. Пошлите мне слово живое, ради бога. Никто мне ничего не пишет. Думают, что я холерой схвачен или зачах в карантине. Не знаю, где и что моя невеста. Знаете ли вы, можете ли узнать? ради бога узнайте и отпишите мне: в Лукояновский уезд в село Абрамово, для пересылки в село Болдино. Если при том пришлете мне вечевую свою трагедию, то вы будите моим благодетелем, истинным благодетелем. Я бы на досуге вас раскритиковал — а то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай бог здаровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешенье мое. Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях —

но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанную... А главного-то и не сказал: срок [день<гам>] моему долгу в следующем месяце, но я не смею надеиться заплатить Вам: не я лгу, и не мошна лжет — лжет холера и прилыгают 5 карантинов нас разделяющих. Прощайте, будьте живы.

Что брат?

534. П. А. Вяземскому.

5 ноября 1830 г. Болдино.

Отправляюсь, мой милый, в зачумленную Москву — получив известие, что невеста ее не покидала. Что у ней за сердце? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооруженна, как у Горациева мореплавателя. Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо. Брат Лев дал мне знать о тебе, о Баратынском, о холере... Наконец и от тебя получил известие. Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем! Ни одной карты налево[!] а мы всё-таки лезем. Поделом, если останемся голы как бубны.[1] — Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться, и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть. Радуюсь, что ты принялся за Ф.<он>Визина. Что ты ни скажешь о нем, или к стати о нем, всё будет хорошо, потому что будет сказано. Об Истинне (т. е. о точности применения истины[2]) нечего тебе заботиться: пуля виноватого сыщет. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подымится. Когда-то свидимся? заехал я в глушь Нижнюю, да и сам не знаю как выбраться? Точно еловая шишка в <- - - ->; вошла хорошо, а выдти так и шершаво. К стати: о Лизе голинькой не имею никакого известия. О Полиньяке тоже. Кто плотит за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку в засос и с подогревцами, т. е. на всякой почте по листу кругом — и читал бы в Нижегородской глуши le Temps и le Globe. Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье. Дай бог вам всем здо-

[1] *Переделано из* бубей<?>

[2] истины *вписано.*

ровья, друзья. Покаместь желать лучшего нечего. Здесь крестьяне величают господ титлом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат.

5 ноября.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москву
в Чернышевском переулке, в собств. доме.

535. П. А. Осиповой.

5 (?) ноября 1830 г. Болдино.

C'est dans la solitude de Boldino, Madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon Père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B.<асилий> Л.<ьвович>. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il paraît que la crainte de la Choléra en <a> remplacé la douleur. Cette maudite Choléra! ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du Sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après-demain et Dieu sait combien de [jours] mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce que c'est que le mot *toujours* qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, Madame. Mais en tout cas ce mot ne peut être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical — et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'égoïsme: nous voyons que, dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur...... c'est un grand *peut-être*, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'Athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serai à P.<éters>bourg, vous recevrez, Madame, tout ce que j'ai imprimé. Mais ici je n'[en]ai pas l<es>[1] moyens de rien vous

---

[1] *Прорвано.*

envoyer. <Je v>ous[1] salue, Madame, de tout mon <cœu>r,[1] vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement.

A. Pouchkine.

Адрес: Ее высокородию
м. г. Прасковие Александровне
Осиповой
в Опочку.

536. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Около (не позднее) 17 ноября 1830 г. Петербург.

С получением сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мне все пьесы, для Северных Цветов тобою приготовленные. Нынче они мне помогут более, чем когда-нибудь. Литературная Газета выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные к своему государю и чистые совестию, ничего не ищут и никому не кланяются, думая, что чувства верноподданические их и совесть защитят их во всяком случае. Не правда, подлецы в это время [вр<?>] хлопочут из корыстолюбия марать честных и выезжают[2] на своих мерзостях. Булгарин верным[3] подданным является, ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слыву карбонарием, я русской, воспитанный государем, отец семейства и ожидающий от царя помощи матери моей и сестрам и братьям. —

Целую тебя, душа моя, и жду от тебя утешения, то-есть не уверений в участии, я знаю, что ты меня любишь, но стихов, стихов, стихов! Мне надо их! Слышишь ли, Болдинской помещик!

Прощай.
Твой Дельвиг.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.

Нижегородской губернии в город *Арзамас,* по Симбирскому тракту в село Абрамово для доставления в сельцо Болдино.

537. Н. Н. Гончаровой.

18 ноября 1830 г. Болдино.

Boldino 18 Nov.

Encore à Boldino, toujours à Boldino. Ayant appris que vous n'aviez pas quitté Moscou, j'ai pris la poste et je suis parti. Arrivé sur la grand'route, je vis que vous aviez raison; que les 14 quarantaines n'étaient que des avant-postes — qu'il n'y avait de vraies quarantaines

---

1 *Прорвано.*

2 *Переделано из* выезжать

3 *Переделано из* верный

que trois. J'arrivais bravement à la première (à Sévasleika, gouv.<ernement> de Vlodimir), l'inspecteur demande ma feuille de route, en m'apprenant que je n'aurai que 6 jours d'arrêts à subir. Puis il jette les yeux sur la feuille. Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей. — Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3 недель. — И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? — Мы не виноваты-с. — Не виноваты! а мне разве от этого легче? нечего делать — еду назад в Лукоянов; требую свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство — я пишу губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сижу в Болдине да кисну. Voilà comment j'ai fait 400 verstes sans avoir bougé de ma tanière.

Ce n'est pas tout: de retour ici j'espérais du moins avoir de vos lettres. Ne voilà-t-il pas qu'un ivrogne de maître de poste à Mourome s'avise de mêler les paquets, de manière qu'Арзамас reçoit la poste de Казань, Нижний celle de Лукоянов et que votre lettre (s'il y en a une) s<e>[1] promène maintenant je ne sais où et me[2] viendra quand il plaira à Dieu. Je suis tout découragé et puisque nous voilà en carême — (dites à Maman que ce carême-ci, je ne l'oublierai de longtemps) je ne veux plus me dépêcher; je laisserai aller les choses, et je resterai les bras croisés. Mon père m'écrit toujours que mon mariage est rompu. Ces jours-ci il m'apprendra[3] peut-être que vous êtes mariée... Il y a là de quoi perdre la tête. Béni soit le P.<rince> Chalikof qui enfin m'a appris que la Choléra a diminué. Voilà depuis trois mois la seule bonne nouvelle qui soit parvenue jusqu'à moi. — Adieu, мой ангел, portez-vous bien, ne vous mariez pas à Mr Davidof, et pardonnez-moi ma mauvaise humeur. Mettez-moi aux pieds de Maman, bien des choses à tout le monde. Adieu.

Адрес: Ее высокоблагородию
м. г. Натальи Николаевне
Гончаровой
в Москве
На Никитской в собств. доме.

---

[1] *Прорвано.*

[2] me *вписано.*

[3] *Отсюда до конца письма написано на обороте первого листа, поперек предыдущего текста.*

538. Д. Языков — Пушкину.

22 ноября 1830 г. Нижний-Новгород.

Monsieur!

Je m'empresse de vous envoyer un certificat que j'ai obtenu pour votre départ. Je prends part à votre position ayant moi-même des parents à Moscou, et je conçois le désir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir pu vous être utile en cette occasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dis, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite

Votre très humble serviteur
Dmitri Jasikoff.

le 22e Novembre
1830
Nigny.

539. Н. Н. Гончаровой.

26 ноября 1830 г. Болдино.

D'après votre lettre du 19 Nov.<embre> je vois bien qu'il faut que je m'explique. Je devais quitter Boldino le 1^{r} octobre. La veille j'allais à une trentaine de verstes de chez moi chez la P^{sse} Galitzin pour savoir au juste le nombre des quarantaines, le chemin le plus court etc. Comme sa campagne se trouve sur le grand chemin, la P^{sse} s'était chargée de savoir tout cela au juste.

Le lendemain 1^{r} octobre[1] en revenant chez moi, je reçois la nouvelle que la Choléra a pénétré jusqu'à Moscou, que l'Empereur y est et *que les habitants l'ont tous abandonnée.* Cette dernière nouvelle me rassure un peu. Ayant appris cependant que l'on délivrait des certificats pour un passage libre ou, au moins, pour un temps moindre de quarantaine, j'écris à cet effet à Нижний. On me répond que le certificat me serait délivré à Лукоянов (comme quoi Boldino n'est pas infecté). En même temps on m'apprend que *l'entrée et la sortie de Moscou sont interdites.*[2] Cette dernière nouvelle et surtout l'incertitude de votre séjour (je ne recevais de lettre de personne à commencer par M^{r} mon frère, qui se soucie de moi comme de l'an 40) m'arrêtent à Boldino. Arrivé à Moscou, je craignais ou plutôt j'espérais[3] *de ne pas vous y trouver*, et quand même on m'y aurait laissé pénétrer, *j'étais sûr qu'on ne m'en laisserait pas sortir.* En attendant le bruit que Moscou était désert se confirmait et me rassurait.

---

[1] 1^{r} octobre *вписано.*

[2] sont interdites *переделано из* est interdite

[3] ou plutôt j'espérais *вписано.*

Tout à coup je reçois de vous un petit billet ou vous m'apprenez que vous n'y avez pas songé... Je prends la poste; j'arrive à Лукоянов où l'on me refuse un passe-port sous prétexte que j'étais choisi pour inspecter les quarantaines de mon district. Je me décide à continuer ma route après avoir envoyé une plainte à Нижний. Arrivé sur le territoire de Vladimir, je trouve que la grand'route est interceptée et que personne n'en savait rien, tellement les choses sont ici en ordre. Je revi<ens à>[1] Boldino, ou je resterai ju<squ>'à[1] ce que je n'aie reçu le pa<ss>eport[1] et le certificat, c'est-à-dire jusqu'à ce qu'il plaira à Dieu.

Vous voyez donc (si toutefois vous daignez me croire) que mon séjour ici est forcé, que je ne demeure pas chez la Psse Galitzin, quoique je lui aie rendu une visite; que mon frère cherche à s'excuser quand il dit m'avoir écrit dès le commencement de la Choléra, et que vous avez tort de vous moquer de moi.

Sur ce — je vous salue.

26 nov.

Абрамово n'est pas la campagne de la Psse Galitzin comme vous le croyez — mais une station à 12 verstes de Boldino, <Лук>оянов[1] en est à 50.

Comme il para<it>[1] que vous n'êtes pas disposée à me croire sur parole je vous envoye deux documents[2] de ma détention [forcée<?>].

Je[3] ne vous ai pas dit la moitié de toutes les contrariétés que j'ai eu à [essy] essuyer. Mais ce n'est pas en vain que je suis venu me fourrer ici. Si je n'avais pas été de mauvaise humeur en venant à la campagne, je serais retourné à Moscou dès la seconde station, ou j'ai appris que la Choléra ravageait Нижний. Mais alors je ne me souciais pas de rebrousser chemin et je ne demandais pas mieux que la peste.

540. Неизвестный — Пушкину.

Вторая половина (до 27) ноября 1830 г. Лукоянов (?).

(Отрывок)

Милостивый государь
Александр Сергеевич,

Исполню с удовольствием желание ваше выдачею свидетельства о благополучном состоянии с. Болдина. Остаюсь, милостивый государь, с глубочайшим[4]

---

[1] *Прорвано.*

[2] *Было:* un document

[3] *Отсюда до конца письма написано поперек предыдущего текста.*

[4] *Конец письма не сохранился.*

541. А. Н. Верстовскому.

Вторая половина ноября 1830 г. Болдино.

Сегодня должен я был выехать из Болдина. Известие, что Арзамас снова оцеплен, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядком и хлопотать о свидетельстве. Где ты достал краски для ногтей? Скажи Нащекину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому что я надеюсь быть ему должен. 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского. И так пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и по приказанию графа Закревского, не предается унынию (для сего нехудо ему поссориться с Павловым, яко с лицом уныние наводящим).

Не можешь вообразить, как неприятно получать проколотые письма: так шершаво, что не возможно ими подтереться — anum расцарапаешь. —[1]

542. М. П. Погодину.

Последние числа ноября 1830 г. Болдино.

Я было опять к Вам попытался; доехал до Севаслейки [и] (первого карантина). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной, самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино. Как быть? в утешение нашел я ваши письма и Марфу. И прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело [при] потом; но нет — я всё-таки при том же мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его — усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная[2] наша правильность. — Скоро ли выдет ваша Марфа? Не посылаю вам замечаний (частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания. Покаместь скажу

---

[1] Не можешь ∼ расцарапаешь *написано на 4-й странице, в обратном направлении.*

[2] *Переделано из* чопорность

Вам, что анти-драмматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном: Иоанн не сохраняет своего величия (не в образе речи,[1] но в отношении к предателю). Борецкий (хоть и Новгородец)[2] с ним слишком за панибрата; так торговаться мог бы он разве с бояриным Иоанна, а не с ним самим. Сердце Ваше не лежит к Иоанну. Развив драмматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику — Вы не могли придать ей увлекатель‹ности›[3] чувства вашего — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым. Вот главная критика моя. Остальное... остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший понамарь.

А. П.

Что за прелесть сцена послов! Как вы поняли русскую дипло‹ма›тику![4] А вече? а посадник? а к.‹нязь› Шуйский? а князья удельные? я вам говорю, что это всё достоинства — ШЕКСПИРОВСКОГО![5]

О слоге упомяну я вкратце, предоставя его журналам, которые вероятно подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайтесь. Для вас же пришлю я подробную критику, надстрочную. Простите до свидания. Поклон Языкову.

Адрес: Его высок‹облагородию›
м. г. Михайлу Петровичу
Погодину
в Москве
в Университет.

543. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Платава.

‹*Под текстом письма Д. Языкова к Пушкину № 538:*›

Voici encore un document — veuillez tourner la feuille.

‹*На второй странице:*›

Je suis arrêté à la quarantaine de Платава. On ne m'y laisse pas [passer] entrer, parce que je suis en *перекладной*, ayant brisé ma voiture. Je vous supplie de faire savoir mon triste cas au Prince Дмитрий Galitzin — et de le prier d'employer son influence pour me faire entrer

---

1 *Переделано из* не в речах

2 (хоть и Новгородец) *вписано.*

3 *Кусок листа вырезан.*

4 *В подлиннике описка:* диплотику

5 *В подлиннике это слово выделено крупными буквами.*

à Moscou. Je vous salue de tout mon cœur, ainsi que Maman et toute la famille. Ces jours-ci je vous ai écrit une lettre un peu dure — mais c'est que je n'avais pas la tête à moi — pardonnez-la moi, car je m'en repens. Me voilà à 75 verstes de chez vous et Dieu sait si je vous verrai dans 75 jours.

P. S. Ou bien envoyez-moi une voiture ou une calèche à la quarantaine à Платава en mon nom.

Адрес: <Ее>[1] высокоблагородию
м. г. Натальи Николаевне
Гончаровой
[В собственные руки] Самонужнейшее
в Москву
На Никитской в собств. доме.

544. Н. Н. Гончаровой.

2 декабря 1830 г. Платава.

Il est inutile de m'envoyer la calèche, j'avais été faussement averti. Me voilà en quarantaine avec la perspective de rester prisonnier pendant 14 jours — après quoi j'espère être à vos pieds.

Ecrivez-moi, je vous supplie, à la quarantaine de Platava. Je crains que je ne vous aie fâchée. Vous me pardonneriez si vous saviez tous les désagréments que j'ai eu à cause de cette peste. Au moment où j'allais partir, au commencement d'octobre, on me nomme inspecteur de district — charge que j'aurais acceptée absolument, si en même temps je n'eus appris que la Choléra était à Moscou. J'ai eu toutes les peines du monde en me débarrasser. Puis vient la nouvelle de ce que Moscou est cerné, que l'entrée en est défendue. Puis mes malheureuses tentatives d'évasion, puis la nouvelle que vous n'aviez pas quitté Moscou — enfin votre dernière lettre qui m'a mis au désespoir. Comment avez-vous eu le courage de l'écrire? Comment avez-vous pu croire que je restais confiné à Нижний à cause de cette sacrée Princesse Galitzine? connaissez-vous cette Pr.<incesse> G.<alitzine>? A elle seule elle est grosse comme toute votre famille, y compris moi. En vérité je suis prêt à être dur de nouveau. Mais enfin me voilà en quarantaine et pour le moment je ne désire rien de plus. Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посодят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб да на воду! —

---

[1] *В подлиннике описка:* Его

Нижний n'est plus cerné — les quarantaines ont été anéanties à Vlodimir la veille de mon départ. Cela ne m'a pas empêché d'être retenu près de Sévasleika, vu que le gouverneur avait négligé [1] d'envoyer savoir à l'inspecteur que la quarantaine n'existait plus. Si vous pouviez vous imaginer seulement le quart des désordres que ces quarantaines ont entraîné, vo‹us›[2] ne concevriez pas comment on peut s'en débarrasser. Adieu. Mes respectueux hommages à Maman. Je salue de tout mon cœur Mlles vos sœurs et Mr Serge.

2 [oct] dec.

Platava.

Адрес: Ее высокоблагородию
м. г. Наталии Николаевне
Гончаровой
в Москве
На Никитской в собств. доме.

545. М. П. Розберг — Пушкину.

5 декабря 1830 г. Одесса.

Одесса, декабря 5-го 1830 года.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

В торговой Одессе, которая гораздо более заботится о пшенице, нежели о литтературе, зреет мало по малу литтературный альманах. Крестин ему еще не было, однако думаю, что мы назовем его Евксинскими, или Южными Цветами. Основание этого альманаха составят статьи в разных родах, имеющие посредственное или непосредственное отношение к Новороссийскому краю; издан он будет в пользу здешней Публичной Библиотеки, непременно к концу марта месяца. Евксинские Цветы предполагается украсить портретом герцога Ришелье, видом Аюдага и видом Одесского приморского булевара. Все сии картинки гравируются уже в Вене. Многое для нашего альманаха собрано, главного недостает; он покаместь еще корабль без снастей и ветрил: Одесса льстит себя надеждою, что певец Бахчисарайского Фонтана и Полтавы не откажется освятить своими звуками страницы первого литтературного издания, возникающего на берегах Черного моря, некогда питавшего вдохновенными мечтами душу любимого поэта русских. Отрывок из Онегина был бы тот блестящий парус, который и противный ветер обратил бы для нас в попутный.

Накануне моего отъезда из Москвы, я был у вас, хотел спросить у вас письмо к Раевскому в Полтаву, и не имел удовольствия застать вас дома. После я узнал, что вы ко мне заезжали, но к величайшему сожалению моему, меня тогда уже

---

1 *Переделано из* négligeait

2 *Прорвано.*

не было в Москве. Не знаю, должно ли вас поздравить со вступлением в новый период жизни? во всяком случае, как русский, желаю от души, чтобы и этот период, более тихий и покойный, был для вас столь же обилен поэтическими думами, как и бури вашей юности, молнийным блеском озарившие нашу словесность и оставившие в живых сердцах следы глубокие.

Оставив Москву, я опять увидел теплую, благоуханную Малороссию, поля Полтавы, долины, подобно коврам испещренные разноцветными узорами и к югу обтороченные широкою, богатою каймою — голубым Днепром; опять разостлались передо мною необозримые курганистые степи и зашумели синие, нагретые полуденным солнцем волны старинного Понта. Теперь живу в Одессе, издаю Одесский Вестник и скучаю: надо вам сказать, что Одесса совсем уже не такова, как была при вас. Правда, здесь та же пыль, хотя менее грязи; те же очаровательные звуки Россини кипят и блещут в Опере; те же славяне, греки, италиянцы, турки на улицах; тот же Оттон; та же золотая луна по вечерам рисует светлый столб в ясном зеркале моря; но мало жизни, действия: здесь много разнообразия в пространстве и почти никакого во времени: всякий новый день есть полное повторение предыдущего. Одессу в настоящем ее состоянии можно сравнить с пестрою турецкою шалью: яркие цвета̀, резкие черты, и во всем этом недостает мысли, единства, связ<и;>[1] в неделю Одесса приглядится, через месяц она наскучит. Общество здесь также стало чрезвычайно монотонно, особенно с тех пор, как *Милорд* и чета Нарышкиных отправилась за границу. В Одессе, по близости к Воронцову, всякий чиновник его канцелярии корчит аристократа, и состав общества имеет мало общего: оно, вдруг, с генерал-губернатора падает на какого-нибудь разночинца во всех отношениях. Я думаю, вы знали Бларамберга: этот любитель прошедшего недавно получил д.<ействительного> с.<татского> с.<оветника>, — цель всей своей жизни, и достигши наконец сего идеала, чуть-чуть не сошел с ума. Бларамберг совершенно сделался похож на древнюю, полуразбитую, истертую вазу: местами видны изящные изображения, местами нет никаких, и кое-где пробиты дыры. Это вещь, которая имеет цену только для охотника, и годится только в музей. Из лиц, замечательно каррикатурных, здесь можно еще указать на Спаду, некогда ценсора, отставного жида, расстригу попа, и теперь шута; представьте себе человека, или, лучше сказать, человечка, которого плешивая, лунообразная голова в театре беспрестанно переходит из ложи в ложу, и обращается спутником около какой-нибудь милой дамской головки; который, нак<он>ец,[1] из любезности говорит, как у Бомарше Бридуазон, и вы будете иметь верный портрет этого деятельного, хотел почти сказать двусмысленного члена здешнего общества. — Чрез две-три почты я буду иметь честь доставить вам билет на Одесский Вестник 1831 года.

С истинным почтением и совершенною преданностию

честь имею быть
милостивый государь,
Вашим всепокорнейшим слугою

М. Розберг.

---

[1] *Прорвано.*

546. П. А. Плетневу.

9 декабря 1830 г. Москва.

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и на силу с нею сладил — но слава богу — сладил. На силу прорвался я и сквозь карантины — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более.[1] Здесь ломбард закрыт и я на мели. Что Годунов? Скажу тебе (за тайну) что я в[2] Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 [гл‹авы›] *последние* главы Онегина, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Anonyme. Несколько драматических[3] сцен, или маленьких трагедий, имянно: *Скупой Рыцарь, Моцарт и Салиери, Пир во время Чумы, и Д.‹он› Жуан.* Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не всё: (Весьма секретное)* Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. И так русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфектный билетец этого несносного Лавинья. Но всё же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его Газете не было и тени, не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона. Прости, душа, здоров будь — это главное.

9 декабря.

---

* для тебя единого.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Александровичу
Плетневу, в С. Петербург в Екатерининск.‹ом› Институте.

547. Е. М. Хитрово.

9 декабря 1830 г. Москва.

En rentrant à Moscou, Madame, j'ai trouvé chez la P^sse^ Dolg.‹orouky› un paquet de votre part. C'était des gazettes de France et la tragédie de Dumas — tout était nouvelles pour moi, malheureux

---

1 более *вписано.*

2 я в *переделано из* во

3 *Переделано из* драмъ

pestiféré de Нижний. Quelle année! quels événements! La nouvelle de l'insurrection de Pologne m'a tout à fait bouleversé. Nos vieux ennemis seront donc exterminés et c'est ainsi que rien de ce qu'a fait Alexandre ne pourra subsister, car rien n'est basé sur les véritables intérêts de la Russie, et ne pose que sur des considérations de vanité personnelles, d'effet théâtral etc.... Connaissez-vous le mot sanglant du Maréchal votre Père? A son entrée à Vilna, les Polonais vinrent se jetter à ses pieds. Встаньте, leur dit-il, помните, что вы русские.— Nous ne pouvons que plaindre les Polonais. Nous sommes trop puissants pour les haïr, la guerre qui va s'ouvrir sera une guerre d'extermination — ou du moins devrait l'être. L'amour de la patrie, tel qu'il peut exister dans une âme polonaise, a toujours été un sentiment funèbre. Voyez leur poète Mickevicz. — Tout cela m'attriste beaucoup. La Russie a besoin de repos. Je viens de la parcourir. La sublime visite de l'Empereur a ranimé Moscou, mais il n'a pu être à la fois dans tous les 16 gouvernements empestés. Le peuple est abattu et irrité. L'année 1830 est une triste année pour nous. Espérons — c'est toujours bien fait d'espérer.

9 décembre.

Адрес: Madame Hitrof
à St Péters<bourg>.

548. Е. М. Хитрово.

11 декабря 1830 г. Москва.

Mon père vient de m'envoyer une lettre que vous m'avez adressée à la campagne. Vous devez être aussi assurée de ma reconnaissance, que je le suis de l'intérêt que vous daignez prendre à mon sort. Je ne vous en parlerai donc pas, Madame. Quant à la nouvelle de ma rupture, elle est fausse et n'est fondée que sur ma longue retraite et mon silence habituel avec mes amis. Ce qui m'intéresse pour le moment, c'est ce qui se passe en Europe. Les élections de la France sont, dites-vous, dans un bon esprit. Qu'appelez-vous un bon esprit? Je tremble qu'ils ne mettent en tout cela la pétulance de la victoire, et que Louis-Philippe ne soit par trop roi-soliveau. La nouvelle loi des élections mettra au banc des députés une génération jeune, violente, peu effrayée des excès de la révolution républicaine qu'elle n'a connue que par les mémoires et qu'elle n'a pas traversée. Je ne lis pas encore les journaux, car je n'ai pas encore eu le temps de me reconnaître. Quant aux journaux Russes je vous avoue que la suppression de la Gazette littéraire m'a fort étonné. Sans doute l'éditeur a eu tort d'inserrer le billet

de bonbon de C.<asimir> la Vigne — mais ce journal est si inoffensif, si ennuyeux dans sa gravité qu'il n'est lu que des littérateurs et qu'il est tout à fait étranger même aux allusions de la politique. J'en suis fâché pour Delvig, homme tranquille, père de famille, tout à fait estimable et auquel cependant la sottise ou l'inadvertance d'un moment peuvent nuire auprès du gouvernement et cela dans un moment où il sollicitait pour sa mère, veuve du Général Delvig, une pension de Sa Majesté.

Veuillez, Madame, me mettre aux pieds des Comtesses vos filles, dont la bienveillance m'est plus que précieuse, et souffrez que je reste aux vôtres.

11 dec.

549. П. А. Вяземский — Пушкину.

19 декабря 1830 г. Остафьево.

Я третьего дня и позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Ф.<он> Визине. Вижу по письмам, что они были знакомы. Не вспомнит ли к.<нязь> каких-нибудь анекдотов о нем, острых слов его? Нет ли писем его? Поразведай его также о Зинов<ь>еве, бывшем министре нашем[1] в Мадрите, и Мусине-Пушкине, нашем после в Лондоне: они были общие приятели Ф.<он> Визину. Узнай, кто говорил: chez nous mieux. Скажи князю, что я сам не адресуюсь к нему, чтобы не обеспокоить письмом. На словах легче переспросить и отвечать. Пожалуйста съезди и пришли мне протокол твоего следственного заседания.

Прости.

19-го д. 1830.

Нет ли у князя на памяти чего-нибудь о Стакельберге, бывшем в Варшаве, о Маркове? Всё это из Ф.<он>-Визинской шайки.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

550. Пушкин и С. Д. Киселев — Н. С. Алексееву.

26 декабря 1830 г. Москва.

Мой милый, как несправедливы — — твои упреки моей забывчивости и лени! Из писем твоих вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходят. Не знаю, кого винить, не смею никого винить; но я писал к тебе несколько раз (или, чтоб не солгать) два раза — стихами и прозою, как бывало в старину. Ты пишешь, что ты постарел, мой вечно юный; желал бы посмотреть на твою лысину и морщины;

---

[1] *Переделано из* министром нашим

вероятно и ты не узнал бы меня: я оброс бакенбардами, остригся под гребешок — остепенился, обрюзг — но это еще ничего — я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь. Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению — о берегах Быка, о Кишеневе, о красавицах вероятно состаревшихся — о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга — о Пулхерии, о Стамо, о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщин<ах> и мужчин<ах> [1] живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши же мне.

26 дек.

<С. Д. Киселев:> [2]

Писать мне в одном письме с Пушкиным конечно есть преступление, но за то ты легко можешь разделить его на два листка. — Немало мне стоило труда заставить его писать, и то мне кажется он забыл, что пишет в Бухарест, а не в Кишенев! —

Холера у нас продолжается, но уже гораздо слабея. К брату посылаю дневную ведомость, из коей можешь видеть общий итог в числе умерших двое Офросимовых, а протчие ни для тебя ни для меня не интересны. —

Пушкин женится на Ганчеровой; между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат!..

Пиши мне, любезный Алексеев, сколько можно [про<страннее><?>] чаще и больше, ты тем премного обяжешь.

душою и сердцем преданного
друга Киселева.

Адрес: [3] Его высокоблагородию
милостивому государю
Николаю Степановичу
Алексееву.
В Бухаресте.

551. П. В. Нащокину.

Декабрь (после 5) 1830 г. Москва.

Сей час еду богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай пожалуйста, где живет мой татарин и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две.

---

1 *В подлиннике:* женщинъ и мужчинъ

2 *Приписка на второй половине листа.*

3 *Рукою С. Д. Киселева.*

552. П. А. Вяземскому.

Конец (не ранее 27—28) декабря 1830 г. Москва.

К тебе собираюсь. Но по службе должен провести сегодняшний и завтрашний день в Москве у невесты. Сев.<ерных> Цв.<етов> еще не получил. Борис Г.<одунов> здесь, но у меня его еще нет. Поклон мой всем вам.

1831

553. Н. А. Полевому.

1 января 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Искренно благодарю Вас за присылку Телеграфа, приятное для меня доказательство, что наше литературное разногласие не [изме<нило>] совсем расстроило наши прежние сношения. Жалею, что еще не могу доставить Вам Б.<ориса> Годунова, который уже вышел, но мною не получен.

С истинным почтением честь имею быть
милостивый государь
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

1. Генз.
1831.

554. Н. А. Полевой — Пушкину.

1 января 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Сергеевич.

Верьте, верьте, что глубокое почтение мое к Вам никогда не изменялось и не изменится. В самой литтературной неприязни, Ваше имя, вы, всегда были для меня предметом искреннего уважения, потому что Вы у нас *один* и *единственный*. Сердечно поздравляю Вас с Новым годом, и желаю Вам всего хорошего.

С совершенною преданностию, есмь и буду Ваш,
милостивого государя
покорнейший слуга
Николай Полевой.

1 янв. 831 г.
Москва.

555. П. А. Вяземский — Пушкину.

1 января 1831 г. Остафьево.

Милости просим, приезжай, да прошу привезти с собою Полиньяковское шампанское. Пришли Бориса. — Вот стихи, которые прошу прочесть и отдать Максимовичу. Пришлю ему и прозы малую-толику. Узнай, будет ли у него в альманахе что Полевого? Если нет, то дам ему статейку на него. —

С новым годом не поздравляю:

Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит.

Который Киреевский в Москве? Наш ли? Привези его с собою, если он.

До свидания. Воля твоя, Мартиньяк и я правы, а ты и Камера депутатов не правы.

1-го янв. 1831.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

556. П. Я. Чаадаеву.

2 января 1831 г. Москва.

Voici, mon ami, celui de mes ouvrages[1] que j'aime le mieux. Vous le lirez, puisqu'il est de moi — et vous m'en direz votre avis. En attendant, je vous embrasse et vous souhaite une bonne année.

2 Janvier.

557. П. А. Вяземскому.

2 января 1831 г. Москва.

2 янв.[2] 1831.

Стихи твои прелесть — не хочется мне отдать их в альманах; лучше отошлем их Дельвигу.[3] Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны. Яковлев издает к масленицы альманах *Блин*. Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему обозы, а девичий сон Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на Телеграф, да билет на Телескоп — *от издателей в знак искреннего почтения*. Каково? И в Пчеле предлагают мне мир, упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Всё это прекрасно; одного жаль — в Борисе моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; а впрочем странно читать многое напечатанное.[4] Сев.‹ерные› Цв.‹еты› что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших? На днях у тебя буду, с удовольствием привезу и шампанское — радуюсь, что бутылка за мною. С П.‹олиньяком› я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан,

---

[1] *Было:* Voici, mon ami, l'ouvrage

[2] *В подлиннике описка:* явн.

[3] *В подлиннике:* Дльгу.

[4] *Переделано из* печатанное.

начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер Скотта, всё это романически трогательно — а всё-таки палата права. Речьми адвокатов я не доволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы [1] aborder bravement la question. О Польше нет ни слуху, ни духу. Я видел письмо Чичерина к отцу, где сказано il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здесь некто бился об заклад, бутылку V. C. P. противу тыс.‹ячи› руб., что Варшаву возьмут без выстрела. Денис здесь. Он написал красноречивый Éloge Раевского. Мы советуем написать ему Жизнь его. Киреевский наш здесь. Вечор видел его. Лиза голинькая пишет мне отчаянное, политическое письмо. Кажется последние происшедствия произвели на П.‹етер›Б‹ург›ск‹ое› общество сильное действие. Если б я был холост, то съездил бы туда. Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню в таборе сложенную, на голос приехали сани:

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Девок испугали
И всех разогнали и проч.

Д — Митюша
В — Петруша
Г — Федюша.

Зн‹аешь ли› [2] ты эту песню? Addio, поклон всем твоим, до свидания.

Адрес: Кн. Петру Андреевичу Вяземскому.

558. М. П. Погодину.

3 января 1831 г. Москва.

Вот Вам Борис. Доставьте, сделайте милость, один экз.‹емпляр› Нікодіму Надоумке, приславшему мне билет на Телескоп. Мы живем во дни переворотов — или переоборотов (как лучше?). Мне пишут из П.‹етер›Б.‹урга›, что Годунов имел успех. Вот еще для меня диковинка. Выдавайте ж Марфу.

Сей час отняли у меня экз.‹емпляр› Надеждина; завтра пришлю другой.[3]

Адрес: Мих. Петр. Погодину.

---

[1] бы *вписано.*

[2] *Прорвано.*

[3] *Последний абзац — приписка карандашом после адреса.*

559. И. И. Дмитриев — Пушкину.

3 января 1831 г. Москва.

С душевною благодарностию принимаю ваш драгоценный подарок, милостивый государь Александр Сергеевич, и между тем нетерпеливо буду ждать минуты, в которую могу повторить вам лично мою благодарность, и пожелать вам возможного благополучия на всю жизнь вашу. Обнимает вас преданный вам

Дмитриев
старый.

Января 3-го
1831.

Адрес: Его высокоблагородию,
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

560. П. А. Плетневу.

7 января 1831 г. Москва.

Что с тобою, душа моя? как побранил ты меня в сентябре за мою хандру, с тех пор нет мне о тебе ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получил. Прелестное изд.‹ание› Бориса видел. Послание твое к Гнедко прочел, ответ его не прочел — знаю, что ты жив — а писем от тебя всё нет. Уж не запретил ли тебе ген.‹ерал›-губ.‹ернатор› иметь со мною переписку? чего доброго! Уж не сердишься ли? Кажется не за что. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться.

Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, Цветы: странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся — а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! — Бедный Глинка работает как батрак, а проку всё нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к[1] себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума — которого заставят же отрекаться от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить[2] проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости[3] Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

---

[1] к *вписано.*

[2] творить *вписано.*

[3] *Переделано из начатого:* от э‹той›

Пишут мне, что Борис мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальт.‹ер› Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было — я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание Кромвелю Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не [мог] должен был [1] так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и не благоразумно — и тому подобные глубокие критич.‹еские› [2] замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах [3] не забочусь. Они будут искать в Борисе политических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне как наши: „Помилуйте-с!...“ Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие попугаи или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную ‹----- ----›. Прости, мой ангел. Поклон тебе, поклон — и всем Вам. К стати: поэма Барат‹ынского› чудо. Addio.

7 янв.

561. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

9 января 1831 г. Петербург.

Милостивый государь. Александр Сергеевич!

Его величество государь император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием.

Вменяя себе в приятную обязанность уведомить Вас о сем лестном отзыве августейшего монарха, имею честь быть с истинным почтением и преданностию,

Ваш, милостивый государь,
покорнейший слуга
А. Бенкендорф.

№ 140.
9. Генваря 1831.

Его высокоб.‹лагородию› А. С. Пушкину.

562. П. А. Вяземскому.

10—13 января 1831 г. Москва.

Постараюсь взять отпуск и приехать на имянины к тебе. Но не обещаюсь. Брат вероятно будет. Толстой к тебе собирается. Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое препоручение, допросил его

[1] был *вписано.*

[2] критич.‹еские› *вписано.*

[3] *Переделано из* французов

о Ф.‹он› Визине, и вот чего добился: Он очень знал Ф.‹он› Визина, который несколько времени жил с ним в одном доме. *C'était un autre Beaumarchais pour la conversation...* Он [помнит] знает пропасть его bon-mots, да не припомнит. А покаместь рассказал мне следующее: Майков, трагик, встретя Ф.‹он› Визина, спросил у него, заикаясь по своему обыкновению: Видел ли ты мою Агриопу? — видел — что ж ты скажешь об этой трагедии? — Скажу: Агриопа, ‹-------- ---›. Остро и неожидано! Не правда ли? Помести это в биографии, а я скажу тебе спасибо. Что до Телескопа (другая Агриопа), то у меня его покаместь нету — да напиши к Салаеву, чтоб он тебе всю эту дрянь послал. Твою статью о Пушкине пошлю к Дельзигу — что ты чужих прикармливаешь? свои голодны. Максимовичу однако ж отдал обозы, скрепя сердце. Кланяюсь княгине и благодарю за любезный зов. О Польше не слыхать. В Англии говорят бунт. Чернь сожгла дом Веллингтона. В Париже тихо. В Москве также.

Адрес: Кн. Петру Андр. Вяземскому.

563. П. А. Плетневу.

13 января 1831 г. Москва.

Пришли мне, мой милый, экз.‹емпляров› 20 Бориса, для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, пол-года проживу в Москве, летом приеду к Вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в П.‹етер›Б.‹урге›! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна.[1] Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филипике. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?

13 янв.

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу,
в С. Петербурге, в Екатерининском Институте.

[1] *Переделано из* Алексеевна.

564. П. А. Вяземский—Пушкину.

14 января 1831 г. Остафьево.

Хорошо, дай *Пушкина* Дельвигу, а скажи Максимовичу, что пришлю к нему несколько *выдержек из записной книжки*. Я уже писал ему, что у тебя есть малая толика прозы моей для него. Отолгись ты, как умеешь. Постарайся приехать завтра. Что ты выдаешь себя за такого нежного любовника и верноподданного жениха? — Хорош Юсупов, только у него и осталось в голове, что <- - - ->. — Что это за новое дополнение к цензуре, что все статьи в[1] журналах должны быть за подписью автора, или переводчика? Не смешно ли видеть русское самодержавие,
(или д)
которое возится с нашею литтературочкою.[2] Уж и та ее пугает. Как не чувствовать им, что есть цензура, есть и всё. Уж и это не штука ли Булгарина против Литтературной Газеты, чтобы заставить нас демаскироваться? Иначе растолковать не умею. Булгарину с братьею огласки бояться нечего, а между тем надеются они, что нам иногда стыдно будет без маски пройти между ими. — Что-нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать литтературу нашу из рук Булгарина и Полевого. — Что за разбор Дельвига твоему Борису? Начинает последним монологом его. Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете. Смешное дело, что он не подписывается ни на один иностранный журнал и кормится сказками Бульи и Петерб.<ургскою> Польскою Газетою. При том нужно обязать его, чтобы по крайней мере через № была его статья дельная и проч. и проч. А без того нет возможности помогать ему. Прости, приезжай-ка завтра. — Телескоп я имею.

14-го.

Не забудь привезти, или прислать шампанское.

565. Н. С. Алексеев — Пушкину.

14 января 1831 г. Бухарест.

И письмо твое, любезный Пушкин, и твое милое воспоминание, всё оживило закатившуюся мою молодость — и обратило меня к временам протекшим, в кои так *сладко текла наша жизнь и утекала*. Если она не обильна была блеском и пышностию, то разными происшествиями может украсить несколько страниц нашего романа! —

Ты переменяешь свое положение! — поздравляю тебя! — Не вхожу в расчеты, заставляющие тебя откинуть беспечную холостую жизнь; желаю тебе только счастия — и с переменою жизни неизменных чувств к своим друзьям. Судьба может еще соединить нас — и, может быть, весьма скоро, тогда я потребую от тебя прежнего расположения и искренности — и за чашей, в края коей вольется полная бутылка, мы учиним взаимную исповедь во всех наших действиях и помышлениях. —

Ты, спрашивая меня о Кишеневе, вероятно забыл, что уже третий год я нахожусь в Валахии; но если ты никем не извещен о всем, что произошло в Бессарабии, то я могу тебе дать краткий отчет: —

---

[1] *Переделано из* для

[2] *Переделано из* литтературою.

№ 2. 7. Puschkin, Alexand.

А. Пушкинъ

Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное
извѣстіе получилъ я въ воскресеніе.
На другой день оно подтвердилось.
Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объя-
-вить ему все — и не имѣлъ духу.
Вечеромъ получилъ твое письмо.
Грустно, тоска. Вотъ первая смерть
мною оплаканная. Карамзинъ подъ
конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко
сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто
на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига.
Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ
оставался на виду — около него
собиралась наша бѣдная кучка.
Безъ него мы точно осиротѣли.
Считай по пальцамъ: сколько насъ?
ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

1799 —
Alexander Puschkin

Письмо П. А. Плетневу, 21 января 1831 г. (1-я страница).
Собрание Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, № 538.

Mme *Стамо* и *Еврейка* овдовели — и наконец свободны от мужей. — Дела отца *Пулхерии*, порученные мне лордом Мидасом, я успел поправить в его пользу, — и она теперь могла бы обворожить Горчакова более, нежели в те времена, когда он ей жертвовал жизнию — откинув страх быть твоим соперником. *Инзов* поселился в Болграде настоящим Бюфоном и Бонетом, разводит сады, кормит птиц, делает добро — и без него всё управление идет своим порядком или беспорядком. — *Худобашев* в отставке и живет в Кишеневе для украшения города. *Липранди*, с грехом пополам прослужа Турецкую кампанию, проев и пропив кучу денег в обоих Княжествах, наконец, женился в Букаресте — и по чувствам (как уверяет). По вызову начальства, он должен был отправиться в Тульчин, оставя жену в одном маленьком городке ожидать его возвращения — и, как кажется, ей можно прочесть стих Детуша:

Attendez-moi sous l'orme
etc.

С весной мы ожидаем окончания нашего управления в Княжествах, — и потому направление мое будет прямо к вам, друзья мои; приготовьте мне теплинькую комнатку и ваканцию в Аглинском клобе. Но прежде нежели сбудется мое желание, я прошу тебя, старый друг, пришли мне *Годунова*, *Онегина* и еще кое-что питательное для души моей. Я прежде имел от тебя подобные сюрпризы, а теперь они еще будут иметь двойную цену, потому что я почти начинаю забывать по-русски. — Ты можешь всё, мной требуемое, передать Киселеву, который, зная мою к тебе привязанность и жадность к твоим произведениям, поспешит ко мне отправить. — Прости.

Алексеев.

14-е генваря
Букарест.

566. П. А. Плетнев — Пушкину.

Ночь с 14 на 15 января 1831 г. Петербург.

Ночью. Половина 1-го часа.
Середа. 14 января, 1831. С.п.бург.

Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как-то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе всё, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш? Еще в нынешнее воскресенье он говорил мне, что теперь он по крайней мере совсем спокоен. Начало его болезни случилось во вторник, за неделю, т. е. 6-го числа. Но эта болезнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа он говорил со мною обо всем, нисколько не подозревая себя опасным. В воскресенье показались на нем пятна. Его успокоили, уверив, что это лихорадочная сыпь, и потому-то он принял меня так весело, сказав, что теперь он спокоен. Понедельник и вторник, т. е. 12 и 13 он был в беспамятстве горячки. В середу в 7-ом часу вечера Петр Степанович, приехав ко мне, сказал, что он, по признанию докторов, в опасности. За ним вскоре приехал Гнедич с Лобановым, которые заезжали туда и слышали, что он близок к разрушению. В 9-ом часу я отправил туда человека, который возвратился с ужасною вестию, что ровно в 8-мь часов его не стало. И так в три дни явная болезнь его уничтожила. Милый мой, что ж такое жизнь?

567. П. А. Вяземский — Пушкину.

17 января 1831 г. Остафьево.

Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием посылаемое тебе и укажи мне на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее, отослав ко мне в дом Демиду. Нужно отослать в Петерб.‹ург› к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа. Посаженая мать спрашивает, когда прикажешь ей сесть и просит тебя дать ей за неделю знать о дне свадьбы.

До свидания. Покажи же Годунова.

17-го.

Надобно ли в замечании задрать киселем в ‹- - - -› Адольфа Полевого, или пропустить его без внимания, comme une chose non avenue?

568. А. Х. Бенкендорфу.

18 января 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Христофорович

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писаный в минувшее царствование, Борис Годунов обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, есмь

милостивый государь
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

18 января
1831
Москва.

569. П. А. Вяземскому.

19 января 1831 г. Москва.

Вчера получили мы горестное известие из П.‹етер›Б.‹урга› — Дельвиг умер гнилою горячкою. Сегодня еду к Салтыкову, он вероятно уже всё знает. Оставь Адольфа у меня — на днях перешлю тебе нужные замечания.

Адрес: Кн. Вяземскому.

570. П. А. Плетневу.

21 января 1831 г. Москва.

Что скажу тебе, мой милый? Ужасное известие получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему всё — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертию — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здаров — и постараемся быть живы.

21 янв.

Адрес: Петру Александровичу Плетневу в С. Петербург в Екатерининском Институте.

571. Е. М. Хитрово.

21 января 1831 г. Москва.

Vous avez bien raison, Madame, de me reprocher le séjour de Moscou. Il est impossible de n'y pas s'abrutir. Vous connaissez l'épigramme contre la société d'un ennuyeux:

On n'est pas seul, on n'est pas deux.

C'est l'épigraphe de mon existence. Vos lettres sont le seul rayon qui me vienne de l'Europe.

Vous souvenez-vous du bon temps où les gazettes étaient ennuyeuses? nous nous en plaignions. Certes, si nous ne sommes pas contents aujourd'hui, c'est que nous sommes difficiles.

La question de la Pologne est facile à décider. Rien ne peut la sauver qu'un miracle et il n'est point de miracle. Son salut est dans le désespoir, *una salus nullam sperare salutem*, ce qui est un nonsens. Ce n'est qu'une exaltation convulsive et générale qui puisse offrir aux polonais une chance quelconque. Les jeunes gens ont

donc raison, mais les modérés l'emporteront et nous aurons le gouvernement de Varsovie, ce qui devait être fait depuis 33 ans. De tous les polonais il n'y a que Mickévicz qui m'intéresse. Il était à Rome au commencement de la révolte, je crains qu'il ne soit venu à Varsovie, assister aux dernières crises de sa patrie.

Je suis mécontent de nos articles officiels. Il y règne un ton d'ironie qui messied à la puissance. Ce qu'il y a de bon, c.<est> à d.<ire> la franchise, vient de l'Empereur; ce qu'il y a de mauvais, c.<est> à d.<ire> la jactance et l'attitude pugilaire, vient de son secrétaire. Il n'est pas besoin d'exalter les Russes contre la Pologne. Notre opinion est toute prononcée depuis 18 ans.

Les Français ont presque fini de m'intéresser. La révolution devrait être finie et chaque jour on en jette de nouvelles semences. Leur roi, avec son parapluie sous le bras, est par trop bourgeois. Ils veulent la république et ils l'auront — mais que dira l'Europe et[1] où trouveront-ils Napoléon?

La mort de Delvig me donne le spleen. Indépendamment de son beau talent, c'était une tête fortement organisée et une âme de la trempe non commune. C'était le meilleur d'entre nous. [Mes] Nos rangs commencent à s'éclaircir.

Je vous salue bien tristement, Madame.

21 Janvier.

572. П. А. Плетневу.

31 января 1831 г. Москва.

Сей час получил 2,000 р. — мой благодетель. Satis est, domine, satis est. На сей год денег мне более не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4,000 — и я тебя более беспокоить не буду.

Бедный Дельвиг! помянем его Северными Цветами — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабеют и меняются, [как] нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним

---

[1] et *переделано из вопросительного знака.*

толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит*. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость [и]. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

Вижу по письму твоему, что Туманский в П.‹етер›Б.‹урге› — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, не смотря на некоторые мелочи характера малороссийского.[1]

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои[2] стихи в Сев.‹ерную› Пчелу? — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое[3] надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и ‹-----›чистом полицейским Фаддеем?

Милый мой, еще просьба: съезди к S[t] Florent (т. е. к его преемнику) и расплатись с ним за меня. Я, помнится, должен ему около 1,000 руб. Извини меня перед ним — я было совсем о нем забыл.

Что вдова?

31 янв.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Александровичу Плетневу в С. Петербурге
в Екатерининском институте.

573. Е. М. Хитрово.

Около (не позднее) 9 февраля 1831 г. Москва.

Il est bien heureux pour vous, Madame, d'avoir une âme capable de tout comprendre et de s'intéresser à tout. L'émotion que vous montrez en parlant de la mort d'un poète au milieu des convulsions de l'Europe, est une grande preuve de cette universalité de sentiment. Si la veuve de mon ami était dans un état de détresse, croyez, Madame, que ce n'est qu'à vous que j'aurais eu recours. Mais Delvig laisse deux frères dont il était le seul soutien: ne pourrait-on pas les faire entrer au corps des pages?.....

Nous sommes dans l'attente de ce que le sort va décider. La dernière proclamation de l'Empereur est admirable. Il paraît que l'Europe

[1] малороссийского *вписано.*

[2] *Переделано из* свой

[3] *Переделано из* анфологическую

nous regardera faire. Un grand principe vient de surgir du sein des révolutions de 1830: le principe de la Non-intervention qui remplacera celui de la légitimité, violé d'un bout de l'Europe à l'autre. Tel n'était pas le système de Canning.

Voilà donc Mr de Mortemar à Pétersbourg et un homme aimable et historique de plus dans votre société. Qu'il me tarde de m'y retrouver et que je suis soûl de Moscou et de sa nullité tartare!

Vous me parlez du succès de Борис Годунов: en vérité je ne puis y croire. Le succès n'entrait en rien dans mes calculs — lorsque je l'écrivis. C'était en 1825 — et il a fallu la mort d'Alexandre, la faveur inespérée de l'Empereur actuel, sa générosité et sa manière de voir si large et si libérale — pour que ma tragédie pût être publiée. D'ailleurs ce qu'il y a de bon est si peu fait pour frapper le respectable public (c'est à dire, la canaille qui nous juge) et il est si facile de [la] me critiquer raisonnablement, que je croyais ne faire plaisir qu'aux sots, qui auraient eu de l'esprit à mes dépens. Mais il n'y a qu'heur[1] et malheur dans ce bas monde et *delenda est Varsovia.*

Адрес: Е.‹е› п.‹превосходительству›[2] милостивой государыне

Елизавете Михайловне

Хитровой

В С. Петербург в доме Австрийского посланника.

574. Н. И. Кривцову.

10 февраля 1831 г. Москва.

Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты — будь благосклонен и к произведениям более зрелым. Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидиться и поболтать о старине — карантины мне помешали. Таким образом бог ведает, когда и где судьба[3] сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат.

— Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор

---

[1] *В подлиннике:* heure

[2] Е. п. *вписано.*

[3] *Переделано из* мы

я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние рассчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию.

У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат в дом Хитровой. На днях получил я чрез Вяз‹емского› твое письмо, писанное в 1824. Благодарю, но не отвечаю.

10 февр.

575. Н. И. Хмельницкий — Пушкину.

11 февраля 1831 г. Смоленск.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич.

По распоряжению господина министра внутренних дел графа Арсения Андреевича Закревского предположено повсеместно завести губернские публичные библиотеки, и, по приглашению его сиятельства, многие уже из господ писателей и журналистов согласились доставить в оные по экземпляру своих сочинений и периодических изданий.

Озабочиваясь исполнением столь общеполезного предположения начальства и с тем вместе будучи уверен в вашем благосклонном ко мне, милостивый государь, расположении, я решился покорнейше просить вас украсить Смоленскую Публичную Библиотеку подарком ваших сочинений, что без сомнения почту за особенно оказанное мне одолжение.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

милостивый государь
Ваш покорнейший слуга
Николай Хмельницкий.

№ 1629-й.
„11" февраля 1831.
Г. Смоленск

Его высокоб‹лагород›ию А. С. Пушкину.

576. И. И. Дмитриев — Пушкину.

Январь — первая половина февраля 1831 г. (?) Москва.

Старик Дмитриев свидетельствует свое искреннее почтение Александру Сергеевичу, и не имев удовольствия застать его дома, отходит в приятной надежде увидеться с ним завтре. Не лучше ли пожаловать к нему *откушать* в *два часа с половиную*. В таком случае Дмитриев просит сегодня почтить его уведомлением.

Четверг.

577. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 16 февраля 1831 г. Москва.

Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38,000[1] — и вот им распределение: 11,000 тёще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17,000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у Вас и начну жить en bourgeois, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии — но входить [за] в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса? я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу? Не продаст ли она мне мой портрет? Мне пишут, что ее здоровье плохо, а она пишет Михайлу Алекс.‹андровичу›, что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? Бар‹атынский› не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc. — —

Адрес: Петру Александровичу Плетневу
в С.-Петербурге в Екатерининском Институте.

578. П. А. Плетнев — Пушкину.

22 февраля 1831 г. Петербург

22 февраля, 1831.
С.п.бург.

Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой жизни. Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Всё, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: целую ручку ее.

Написать историю и характеристику поэзии Дельвига — дело столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Ба‹ратынский› не вызвался на это, я бы тебя стал просить о том же, или даже сам на то посягнул бы. Теперь займусь составлением материалов и перешлю их сперва к тебе в цензуру, а ты передай ему с своими зачерками и вставками. Уговорил я баронессу продать тебе портрет твой. Высылать его в Москву не за чем. Оставлю до приезда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдам остальные от десяти тысяч Годунова, из которых четыре переслано тебе, а пять отдано долгу Дельвигу.

---

[1] *Переделано из* 40,000

Здоровье баронессы ни хорошо, ни худо. В делах ее денежных вышла очень худая притча. Бог знает, кто и когда успел утянуть из их портфели ломбардных билетов на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже следов не видно. Это тем непонятнее, что все другие бумаги найдены по смерти Дельвига в чрезвычайном порядке, с удивительною отчетливостию: а пропавшие билеты находились между этими же бумагами.

Ты упоминал об издании Север.<ных> Цветов. Это непременно сделать надобно с посвящением Дельвигу. Сомова можно будет вознаградить из выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будет поступить так и с Литературной Газетой. Он ей не придаст живости, без чего она решительно умрет. Не взяться ли тебе с Вяземским за нее? Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею. Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною арендою, при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье. Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев.<ерных> Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной Газете Мысли о преподавании географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском Лицее Безбородки. Сперва он пошел-было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учители. Жуковский от него в восторге. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает. Я познакомился короче с Деларю. Его привязанность к памяти Дельвига представляет также что-то священное. Это уже одно связывает меня с ним, не говоря о прекрасном его таланте. Всё это я пересказываю тебе для того, чтобы ты передумал хорошенько о литературной своей деятельности в будущем и с божиею помощию принялся бы за что-нибудь хорошенькое, где бы открылось поле для деятельности и других людей с чистою душою и благородным стремлением к нравственному совершенству.

Когда я собирался писать Некрологию Дельвига [1] (помещенную в Газете), сердце мое было сжато. Всё, что употребили враги его для очищения своих гнусностей, так меня тягчило и мучило, что я решился перед публикою говорить языком человека постороннего в этом деле, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достижения своей цели самою святынею дружества. Они, как я предчувствовал, готовы были даже и то обратить в укоризну покойнику, что никто об нем ни слова не сказал языком беспристрастным. Вот почему я говорил без всякого энтузиазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня как его домашнего человека: я ограничился только тем, что должно было дойти до сведения всякого литератора, хотя бы он и не видывал Дельвига. Думаю, что меня весьма не многие поняли; больше осуждали. Ты совершенно утешил меня, особенно тем, что начал смотреть с хорошей стороны на пьесу после нескольких раз ее чтения. Мне только этого и хотелось.

Надеюсь, что Белизар доставил тебе известие о полученных им от меня деньгах [2] за все книги, взятые тобою в разные эпохи из его магазина, а также и переслал тебе остававшиеся у него томы латинских классиков. На уплату этого долга я употребил деньги из твоих доходов Смирдинских (что за всё старое пойдут на четыре года).

---

[1] *Переделано из* Дельвигу

[2] *Переделано из* денег

579. Пушкин и Н. Н. Пушкина — А. Н. Гончарову.

24 февраля 1831 г. Москва.

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастии моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич сказывал мне, что вы всё еще тревожетесь на счет приданого; моя усильная просьба состоит в том, чтоб вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника, то будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу оного и предостовляю всё это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностию имею счастие быть, милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугой
и внуком
Александр Пушкин.

24 февр.
1831
Москва.

‹Н. Н. Пушкина:›

Любезный дедушка!

Имею счастие известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей же стороны[1] чувства преданности, любви[2] и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы попрежнему останетесь моим вернъейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и [3] честь имею пребыть на всегда покорная внучка

Наталья Пушкина.

580. П. А. Плетневу.

24 февраля 1831 г. Москва.

Мой милый, я очень беспокоюсь о тебе. Говорят, в П.‹етер› Б.‹урге› грип; боюсь за твою дочку. На всякой случай жду от тебя письма.

Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня

---

[1] *Переделано Пушкиным из* стороне

[2] преданности, любви *переделано Пушкиным из* преданной любви

[3] целую ручки ваши и *переделано Пушкиным (?) из* честь имею у ‹вас›

так ново, что кажется я переродился. Посылаю Вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Ст.‹епаниде› Ал.‹ександровне›.

Прости, мой друг. Что баронесса? память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского. Из газет узнал я новое назначение Гнедича. Оно делает честь государю, которого искренно люблю, и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по царски. Addio.

24 fevr.

Будьте же все здоровы.

Адрес: Е. в. Петру Александровичу Плетневу. В С. Петербург, в Екатерининском институте.

581. В. С. Голицын — Пушкину.

25 февраля 1831 г. Москва.

Дон Жуана должен я отложить, почтеннейший Александр Сергеевич, до завтра:

Кокошкин вздумал дать сего дня маскерад
и хоры с музыкой назначены в парад;
— чтоб горю моему немного пособить
намерен вечер сей я в английском убить.

Проклятые музы ни на минуту не дают мне покоя и чтоб отомстить им хоть несколько, я решился в четверостишиях своих женских рифм не употреблять никогда, в чем Вы сегодня получаете ясное доказательство. —

Завтра в восемь часов вечера жена моя и я, нижайший, ожидаем Вашего посещения с нетерпением, равняющимся искренной преданности моей к Вам.

Покорный раб
Владимир к.‹нязь› Голицын.

25-го среда.

Адрес: A Monsieur
Monsieur Alexandre de Pouschkine
etc. etc. etc.

Le P.‹rince› Wladimir Galitzine.

582. Е. А. Карамзина — Пушкину.

3 марта 1831 г. Петербург.

Le 3 Mars 1831. St. Pétersbourg.

Bien avant la réception de votre lettre, mon cher Monsieur Pouchkin, j'avais déjà chargé Wiasemsky de vous féliciter sur votre bonheur et d'être l'interprète de tous les vœux que je formais pour qu'il soit durable et parfait autant qu'il est donné sur cette terre de l'être. Je suis bien reconnaissante de ce que vous avez pensé à moi dans

les premiers moments de votre bonheur, c'est une vraie preuve d'amitié. Je vous réitère ici mes vœux, qui sont plutôt des espérances, pour que votre vie devienne douce et calme autant qu'elle a été orageuse et sombre jusqu'ici, que la compagne douce et belle que vous vous êtes choisi soit votre ange tutélaire, que votre cœur, toujours si bon, s'épure auprès de votre jeune épouse, enfin que la miséricorde Divine vous protège et vous bénisse. Je suis impatiente d'être témoin de vos douces et vertueuses joies. Vous ne douterez[1] pas de la sincérité de ces vœux comme vous ne doutez pas de l'amitié qui les a inspirés à celle qui pour la vie est votre dévouée C. Karamzin.

Je vous charge d'être mon interprète auprès de Madame Pouchkine, de lui [dire] exprimer ma reconnaissance pour ses lignes aimables et de lui dire que j'accepte avec sensibilité sa jeune amitié, en l'assurant que malgré mes dehors froids et sévères elle trouvera toujours en moi un cœur tout prêt à l'aimer, surtout si elle assure le bonheur de son mari.

Mes filles, comme vous pensez bien, sont impatientes de faire la connaissance de la belle Natalie.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.
в *Москве.*

583. Н. И. Хмельницкому.

6 марта 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Николай Иванович.

Спешу ответствовать на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую Библиотеку, но в следствии условий, заключенных мною с петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

6 марта 1831
Москва.

‹На обороте листа:›

Дав официальный ответ на официальное письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за ваше воспоминание и попросить у вас прощения, не за себя, а за моих книгопродавцев, не вы-

[1] *Переделано из* doutez

сылающих Вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно, Вам, любимому моему поэту; но не ссорьте меня с Смоленским губернатором, которого впрочем я уважаю столь же, сколько Вас люблю.

Весь Ваш.

584. Е. М. Хитрово.

26 марта 1831 г. Москва.

Le tumulte et les embarras de ce mois qu'on ne saurait chez nous nommer le mois de miel, m'ont empêché jusqu'à présent de vous écrire. Mes lettres pour vous n'auraient dû être pleines que d'excuses et de remerciements, mais vous êtes trop au dessus des uns et des autres pour que je me les permette. Mon frère va donc vous devoir toute sa carrière à venir; il est parti pénétré de reconnaissance. J'attends à tout moment la décision de B.‹enkendorf› pour la lui faire parvenir.

J'espère, Madame, être à vos pieds dans un ou deux mois tout au plus. Je m'en fais une véritable fête. Moscou est la ville du Néant. Il est écrit sur sa barrière: laissez toute intelligence, o vous qui entrez. Les nouvelles politiques nous parviennent tard ou défigurées. Depuis près de 2 semaines nous ne savons rien relativement à la Pologne — et l'angoisse de l'impatience n'est nulle part! Encore si nous étions bien dissipés, bien fous, bien frivoles — mais point du tout. Nous sommes gueux, nous sommes tristes et nous calculons bêtement le décroissement de nos revenus.

Vous me parlez de Mr de la Menais, je sais bien que c'est Bossuet-Journaliste. Mais sa feuille ne parvient pas jusqu'à nous. Il a beau prophétiser; je ne sais si Paris est sa Ninive, mais c'est nous qui sommes les citrouilles.

Скорятин vient de me dire qu'il vous avait vue avant son départ, que vous avez eu la bonté de vous ressouvenir de moi, que vous vouliez même m'envoyer des livres. Il faut donc absolument vous remercier, dussé-je vous impatienter.

Veuillez agréer mes respectueux hommages et les faire parvenir à Mesdames les Comtesses vos filles.

26 mars.

Mon adresse: *дом Хитровой на Арбате.*

Адрес: Ее превосходительству
милостивой государыне
Елисавете Михайловне
Хитровой
В С. Петербурге у Симеоновского моста в доме Межуевой.

585. П. А. Плетневу.

26 марта 1831 г. Москва.

Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от ген.<ерал>-губерн.<атора> милостивое запрещение со мною переписываться? чего доброго? не болен ли ты? всё ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасно друзей своих пугаешь. Покаместь вот тебе подробное донесение обо мне, о домашних моих обстоятельствах и о намерениях. В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают. После святой отправляюсь в П.<етер>Б.<ург>. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к Вам недоехать, а остановиться в Царск.<ом> селе. Мысль благословенная! Лето и *осень* таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний, и тому подобных удобностей. А домà вероятно ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартер пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жук.<овским> также — П.<етер>Б.<ург> под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще *Crabbe*, *Wodsworth*,[1] *Southey* и *Schakspear*[1] в дом *Хитровой* на *Арбате*. (Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной ласточке, смугло румяной красоте нашей). Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, *Лит.<ературную> Газету* за прошедший год [да и] (за нынешний не нужно; сам за ним приеду) да и *Сев.<ерные> Цветы*, последний памятник нашего Дельвига. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние С.<еверные> Цветы. Но я затеваю и другое, о котором также переговорим. Мне сказывали, что Жук.<овский> очень доволен *Марфой посадницей*, если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно, позволение напечатать всю драмму, произведение чрезвычайно замечательное, не смотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую

---

[1] *Так в подлиннике.*

кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это было бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом.

О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38,000 р., я женился, и обзавелся кой как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеиться плохо, частию от того, что их дела расстроены, частию и от того, что на слова [всякого] надеиться не должно. По крайней мере, с своей[1] стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать. Итак до свидания, мой милый.

26 марта.

586. С. Д. Киселеву.

Конец (около 28) марта 1831 г. Москва.

Отсылаю тебе твои книги с благодарностию. Что? не поздравить ли тебя с наследником или наследницею?

А. П.

Адрес: Сергею Дмитриевичу
Киселеву.

587. Л. С. Пушкину.

6 апреля 1831 г. Москва.

Всё было решено. Ждали только ответа от гр. Паскевича, как Б.‹енкендорф› получил о тебе из Москвы *un rapport défavorable.* Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно ты мог бы уж быть на Висле. В Чугуеве тебе мешкать не возможно. Немедленно поезжай в свой полк и жди там решения своей участи. Дай бог, чтоб эта шутка не стоила тебе вечного пребывания в Грузии.

6 апреля.

Адрес: Г.‹осподину› Льву Сергеевичу Пушкину
В Чугуев *(в Харьк. Губ.).*
Оставить до востребования.

---

[1] *Переделано из* с моей

588. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

7 апреля 1831 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Сергеевич.

Письмо ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего, поручика Нижнегородского драгунского полка, я имел счастие докладывать государю императору, и его величество, приняв благосклонно просьбу Вашу, высочайше повелеть мне соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может ли таковой перевод брата Вашего последовать. Приятным долгом поставляя Вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью,

Ваш, милостивый государь,
покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

7. Апреля 1831 г.

Его высокобл.‹агородию› А. С. Пушкину.

589. А. Н. Гончаров — Пушкину.

9 апреля 1831 г. Полотняный завод.

9 апреля 1831 года. П. Завод.

Милостивый государь Александр Сергеевич! Сейчас получа письмо ваше, спешу вам на то моим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю тоже. — Паче ваш поверенный может иметь способ совершить сию крепость — с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию. — Проезд его ко мне и возвращение есть мое дело, следовательно, сие и озабочивать его не должно. —

Что ж вы пишите на счет *Саши*, — я Александра Юрьевича Поливанова очень знаю, (хотя не быв в коротком с ним знакомстве), но по частому с ним свиданью и почти по соседству. — Много об нем наслышан: разумею его весьма хорошим молодым человеком и заслуженым большого внимания от всего общества целой нашей губернии, и буде этого хочет сама Саша и мать ее на то согласна, я против сего никакого препятствия не могу сделать; а как вам известно, что я в силах сделать, то паче он на то согласен, с богом! и я готов. — Будьте уверены, что по желанию вашему от меня сие до поры и время никому объявлено не будет и даже я к матери ее о том не напишу, а буду ждать ее ко мне извещения о том. — Сверх же того, аще обстоятельства мои поправятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие. — Прося вас продолжения добрых ваших о мне мыслей и родственной любви, с почтением моим пребыть честь имею ваш, милостивый государь, покорный слуга Афанасий Гончаров.

P. S. Отъезд ваш в Петербург может опять надолго не решенным оставить обстоятельства, мною вышеписанные. Прошу вас покорнейше известить меня, когда думаете оттуда возвратиться и могу ли я иметь удовольствие в мае или июне личное иметь с вами свиданье, чего буду ожидать от вас из Москвы, прежде выезда вашего. —

590. П. А. Плетневу.

11 апреля 1831 г. Москва.

Воля твоя, ты несносен: ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если[1] тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты жив, ради бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к Вам, остановиться ли в Царском селе, или мимо скакать в Петербург или Ревель? Москва мне слишком надоела. Ты скажешь, что и П.<етер>Б.<ург> малым чем лучше: но я как Артур Потоцкий, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала,[2] чего доброго? и газеты! Вяземский везет к Вам Жизнь Ф.<он>Визина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор как пишут у нас книги (всё-таки исключая Карамзина). Петр Иваныч приплыл и в Москву, где кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? не уж то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгарин так для нее создан, а она для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягал, а как, сказывают, обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею, не стану читать, а ругать всё-таки буду. Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю. Что баронесса? — О тебе говорила мне Жихарева; анекдот о билетцах — прелесть!

11 апр.

Христос воскрес!

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу, в С. Петербург в Екатерининском институте.

591. В. С. Голицын — Пушкину.

12 апреля 1831 г. Москва.

Посылаю Вам развратительную книгу (*Physiologie du mariage*), автора коей я желал бы видеть повешенным за <- - - ->. Вы также найдете здесь три книги, врученные мне моим племянником; весьма бы обязанным я счел себя, если б Вы меня ссудили прочими томами лорда Байрона, который в первых двух немного *сух*; — поправку сего недостатка я ожидаю в описании плавания его по стезям Леандра.

[1] *Переделано из* или

[2] *Переделано из* журналы

Жена благодарит Вас за воспоминание, она еще не опомнится от удара, нас постигшего, и вероятно не скоро придет в прежнюю тарелку. — Мы перешли с верху вниз, что друзьям, нас навещающим, сокращает путешествие несколькими ступеньками: — неужели Вас сие не заманит когда-нибудь от нечего делать? — Проклятая муза моя совершенно истощилась после куплетов, мне внушенных смертью моего Митиньки, и которые я себе предоставляю подвергнуть Вашему снисходительному разбору. —

„искусства нету в них
„и красноречья мало,
„мне сердце каждый стих
„и слово диктовало.

Прощайте, почтеннейший Александр Сергеевич; кланяюсь Вам от души.

Преданный навсегда
Влад. Г.

12-го апреля
1831.

592. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 14 апреля 1831 г. Москва.

Ты прав, любимец муз — должно быть акуратным, хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами. И так вот тебе понктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а[1] много искуства. Это второй том Подолинского. Впрочем может быть он и разовьется. О Гоголе, не скажу тебе ничего, потому что доселе [ничего] его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где ради бога найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4[2] человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем разумеется лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище. А нужна кухня, да сарай, вот и всё. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что всё-де готово, и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову.

Обними Жуковского за участие, в котором я никогда не сомневался [но которому радуюсь как нечаянности]. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так былое с ним сбывается опять.

---

[1] *Переделано из* и

[2] или 4 *вписано.*

Слава богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жук‹овский›, говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и расказывать сказки и [из это‹го›] потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии[1] преданиям ирландским и германским. Если [вдохновенье] всё еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу, что я неокуратно отвечал тебе на вопросы: 1) *где* 2) *на сколько времени, и* 3) *во сколько комнат* нужна мне квартира? *Ответы.*[2]

1) На какой бы то ни было улице Царско-сельской.

2) До января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Был бы особый кабинет — а прочее мне всё равно.

За сим обнимаю тебя, благодаря заранее.

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу, в С. Петербург в Екатерининском институте.

593. А. Н. Гончарову.

25 апреля 1831 г. Москва.

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного и за письмо, драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на всё что будет удобнее для Вас. Мне не льзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть наконец совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покаместь Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, *с условием, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным* — (Дай бог чтоб оно и долее оставалось таковым!). В таком случае вексель должен быть дан *от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских*, для того, чтобы при конкурсе кредиторов

[1] *Переделано из начатого* сво‹ей›

[2] *Цифры* 1) 2) 3) *и слово* Ответы *вписаны.*

действительно достались бы 300 душ, а не в десятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием[1] Вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление, в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею счастие с чувством глубочайшего почтения и преданности остаться

милостивый государь дедушка

25 апреля. Вашим покорнейшим слугою[2] и внуком.

Александр Пушкин.

594. Е. М. Хитрово.

8 мая 1831 г. Москва.

Voici, Madame, le странник que vous m'avez demandé. Il y a du vrai talent dans ce bavardage un peu maniéré. Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que l'auteur a déjà 35 ans et que c'est son premier ouvrage. Le roman de Zagoskine n'a pas encore paru. Il a été obligé d'en refondre quelques chapitres où il était question des Polonais de 1812. Les Polonais de 1831 sont bien plus embarrassants, et leur roman n'est pas à sa fin. On débite ici la nouvelle d'une bataille qui a dû avoir lieu le 20 avr.<il>. Ce doit être faux, du moins quant à la date.

Mon voyage est retardé de quelques jours à cause d'affaires qui ne me regardent pas. J'espère en être quitte vers la fin du mois.

Mon frère est un étourdi et un paresseux. Vous êtes bien bonne, bien aimable de vous intéresser à lui. Je lui ai déjà écrit une lettre d'Oncle, où je lui lave la tête sans trop savoir pourquoi. A l'heure qu'il est, il doit être en Géorgie. Je ne sais si je dois lui envoyer votre lettre; j'aimerais mieux la garder.

Sans adieu, Madame, comme sans formule.

8 mai.

595. П. А. Вяземский — Пушкину.

Сентябрь 1826 г. — первая половина мая 1831 г. (?) Москва (?).

Сонцев стерлядию страстный
Же-ву-зем ей отпускал.

Завтра за обедом будет у меня Астраханская стерлядь, которая приглашает племянника его в свои объятия.

Середа.

Адрес: А. С. Пушкину.

---

[1] с таковым же условием *вписано.*

[2] *В подлиннике описка:* слугом

596. М. Ф. Орлов — Пушкину.

Первая половина мая 1831 г. Москва.

Voici, cher Pouschkin, une lettre pour mon frère et deux caisses avec des vitraux peints. Vous les remettrez l'une et l'autre et la troisième à mon frère. —

Trompeur que vous êtes! Seriez-vous capable de partir de Moscou sans dire adieu à vos meilleurs amis?—

Tout à vous
M. Orloff.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину
от М. Ф. Орлова.

597. М. И. Калашников и О. М. Калашникова — Пушкину.

17 мая 1831 г. Болдино.

‹М. И. Калашников:›

Милостивый государь
Александр Сергеевич.

При сем уведомляю вашу милость что еще поступило ко взыскании к 12063 рублям еще купчихи Анне Ворожейкиной в 50 тысяч рублей асигнациями окроме процентов писано обязательство на имя князя Вяземского, которое передано ей; второе московского купца Козмы Ефремова Соколова в 3542 руб. асигнациями. Первый писан 1824 года декабря 17 дня, второе 1829 года июля 16 дня. Присланы маия 4-го дня. При сем доношу вашей милости что вашей части крестьяне мне в два рава на поклон принесли 89 рублей то как изволите их поместить в вашу ползу или мне пожалуите я не хочу от вас утаивать так как верный раб ваш — вы изволиле получать оброку с крестьян 890 руб. в часть: и как теперь начало с Петровского оброка то не прикажете ль чтобы в место 890 руб. собирать 1000 руб. по моему расмотрению это крестьяне могут платить без доимочно. — А впротчем, как вам угодна. На что буду ожидать вашего разрешения; при вотчине вашей состоит всё благополучно. Засим честь имею пребыть с истинным моим к вам почитанием и преданностию

ваш
милостивого государя
покорный слуга и раб.
Михайло Калашников.

Маия 17 дня
1831 года
Село Болдино!

‹О. М. Калашникова:›

Милостивый государь.
Александр Сергеевич.

Осмеливаюсь вас утруждать и просить моею нижайшею прозбою. Так как вы всегда обещались свою делать нам милость всему нашему семейству, то и прошу вас милостивый государь не оставить зделать милость брату Василью попросить матушку. Я в надежде на вас что вы — всё можите зделаьт и упросить матушку

свою за что все прольем пред вышним теплые молитвы; — я о себе вас утруждаю естли милость ваша, засвидетельствовать ее вашей милости неболшова стоит, а для меня очень великого состовляит, вы можите упросить матушку; нашу всю семью к себе и тогда зделаите свою великую милость за что вас и бог наградит как в здешней жизни, равно и в будущей. Не оставте милостивый государь явите милость свою вашим нижайшим рабам вашей милости известно что ваша матушка не очень брата любит, то вы можите всё зделать не оставте батюшка вашу нижайшую рабу всегда вас почитающею и преданнейшею к вам!

Ольгу Калашникову.

‹М. И. Калашников:›

Зделайти милость ее засвидетельствовать мне сказали в надворном суде неболшее будет истоить не оставти батюшка.

598. П. В. Нащокину.

Вторая половина (около 20) мая 1831 г. Петербург.

Приехали мы благополучно, мой милый Павел Воинович, в Демутов трактир и на днях отправляемся в Царское село, где мой домик еще не меблирован (мой будущий адрес: в дом Китаевой). Паливанов сей час был у меня; кажется, очень влюблен. Завтра отправляется к Вам. Дела мои в лучшем порядке, нежели я думал. На днях отправляю тебе 2,000 ру. для[1] Горчакова. Не знаю, получил ли ты тысячу от Вяземского. С ним перепишусь. Что ты делаешь, душка? что твоя хозяйка? что Марья Ивановна? спровадил ли ты ее? и что твои хлопоты косательно моего дома и твоего долга. До сих пор я не получал еще черновой доверенности, а сам сочинить ее не съумею. Перешли поскорее.

Жена тебе очень кланяется.

Адрес: П. В. Нащокину.

599. Е. М. Хитрово.

Вторая половина (18—25) мая 1831 г. Петербург.

Voici vos livres, Madame, je vous supplie de m'envoyer le second volume de rouge et noir. J'en suis enchanté. Plock et Plick est misérable. C'est un tas[2] de contresens, d'absurdités qui n'ont pas même le mérite de l'originalité. Notre Dame est-elle déjà lisible? Au revoir, Madame.

A. Pouchkine.

Адрес: Madame Hitrof.

---

[1] *для вписано.*

[2] *Переделано из* sans

600. П. В. Нащокин — Пушкину.

Около (не позднее) 25 мая 1831 г. Москва.

Ты не можешь себе представить какое худое влияние произвел твой отъезд от сюда на меня, — я совершенно оробел, — расстройство нерв я более чувствую чем когда-нибудь, всего боюсь — ни за что ни про што — не нахожу средств уединиться — одному же скучно. Чувствую в себе какого-то, в роде *вампира*,[1] не кого ждать не к кому идти, — одним словом — очень худо, — читаю — в пот бросает, музыкой я не доволен, — что со мной будет — право не знаю — не стану говорить о привязанности моей к тебе — что же косается до привычке видеть и заниматся тобою, она без меры[2] [и неутешительна]. Всё это ты и знал и предпологать мог, оно не нужно было, но само как-то написалось; извини, дом твой остался в большом беспорядке в нравственном смысле — М.‹арья› И.‹вановна› была на меня в неудовольствии, жаловалась на меня куда следует — и долженствовало бы быть процессу — но я задавил его, силою красной ассигнации, всё кончилось, уложены твои вещи и завтре будут отправлены; деньги я еще от Вяземского не получил — некогда было быть у него, все тебе велели кланятся, об отъезде твоем ничего еще не успел слышать, — сделай милость ошибок не поправляй — их много — и меня это будет конфузит. Натальи Николаевне — мое почтение. Не забуть портрет — мне здается, боюсь вымолвит что я тебя иначе не увижу, но может это вракн. Посылаю тебе доверенность, соверши ее в Гражданской палате — и не выране ласкутка из пакета на котором написано как тебе подписать — присылай ее скорея. — Жить ты будешь счасливо я в этом [я] уверен — следственно говорить и желать тебе мне нечего, не забуть меня, поминай меня, да не лихом — я с своей стороны тебе был друг искренный, по душе, или по чему другому, всё равно. Сидя в карете я плакал — и этому давнишнему удовольствию я тебе обязан. Письма мои сделай милость рви, ибо им можно будет современем смеятся, этому более, ибо оно совершенно писано слогом нежной московской кузины, но этому виноват ты, не позволив мне писать начерно. Прощай Александр Сергеевич, — прошу тебя сказать своим слогом Натальи Николаевне [чтобы она не портила ‹?› всего того, что может ей доставить][3] сколь много я ей желаю всякого счастия и удовольствия.

П. Нащокин.

Напиши мне — разбираешь ли руку мою.

601. Пушкин и Н. Н. Пушкина — Е. М. Хитрово.

25 (?) мая 1831 г. Петербург.

Je pars à l'instant pour Sarsko-Sélo avec le regret bien vrai de ne pas passer la soirée chez vous. Quant à l'amour-propre de Sullivan, il deviendra ce qu'il pourra. Vous qui avez tant d'esprit, dites-lui quelque chose qui puisse l'apaiser. Bonjour, Madame, et surtout au revoir.

---

[1] *Переделано из начатого* vampi‹re›

[2] без меры *переделано из* чрезмерна

[3] *Далее было:* удовольствие и счастье. *Затем переделано, как в тексте.*

‹Н. Н. Пушкина:›

Je suis au désespoir, Madame, de ne pouvoir profiter de votre aimable invitation, mon mari m'enlève à Tsarskoie-село. Recevez l'expression de mes regrets et de ma parfaite considération.

Natalie Pouchkine.

Адрес: Madame
Madame Hitrof.

602. П. В. Нащокину.

1 июня 1831 г. Царское Село.

Вот уже неделя, как я в Ц.‹арском› С.‹еле›, а письмо твое получил только третьего дня. Оно было застраховано, и я возился с полицией и почтой. Доверенность пришлю тебе немедленно. Очень благодарю тебя за дружеские хлопоты с М.‹арьей› Ив.‹ановной› и поздравляю с прекращением домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслал Горчакову тотчас мой долг с благодарностию, но принужден был в эти две недели истратить 2,000 рублей и потому приостановился. Теперь кажется всё уладил и стану жить по тихоньку без тещи, без экипажа, следственно без больших расходов и без сплетен. Как ты ладишь с влюбленным Паливановым? Едет ли он в Калугу вослед своей возлюбленной? У меня встретился он с теткой жены, К. И. Загряжской, и я рекомендовал его как будущего племянника. Только я боюсь, чтоб дедушка его не надул — смотри за ним. Что твои домашние обстоятельства? не отыскался ли жених на известную особу? Из [С. Ц.] Царск.‹ого› С.‹ела› приехал бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобождение, законный брак О.‹льги› А.‹ндреевны›, и увез бы тебя в П.‹етер›Б.‹ург›. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерн и пр. — Прощай, пиши, и не слишком скучай по мне. Кто-то говаривал: Если я теряю друга, то иду в клуб и беру себе другого. Мы с женой тебя всякой день поминаем. Она тебе кланяется. Мы ни с кем еще покаместь не знакомы, и она очень по тебе скучает.

1 июня.

Я сей час увидел в *Лит.‹ературной› Газ.‹ете›* разбор Вельтмана, очень не благосклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземского тысяча?

Адрес: Его высокоблагородию
Павлу Воиновичу Нащокину
В Москве у Николы на Песках в доме Годовиковой на Арбате.

603. П. А. Вяземскому.

1 июня 1831 г. Царское Село.

Я живу в Ц.<арском> С.<еле> в доме Китаевой на большой дороге. Грех тебе будет ко мне не заехать. Все наши П.<етер>бургские знакомки тебе кланяются и ждут тебя. Здешние залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго. Тому неделю Эриванский был еще в Петергофе. Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуто в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и кажется от верных людей: Кржнецкий находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую бурую, и стал командовать — видели, как он, раненый в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему, и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел *Еще польска не сгинела*, и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского маиора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но всё-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей. Но для[1] Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention, т. е. избегать в чужом пиру похмелия; но народы так и рвутся, так и лаят. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастие еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрягу! А то был бы долг платежем красен. От политики перехожу к литературе, т. е. к Булгарину. Знаешь ли, за что его выслали из П.<етер>Б.<урга>? говорят, будто бы при появлении эпиграммы *Фиглярин, вот поляк примерный*, он так огорчился, что прямо адресовался к государю со слезной жалобою на меня, сделайте-де, в.<аше> в.<еличество>, такую божескую милость, уймите Пушкина, который всё меня обиждает своими стишками. Государю было не до стишков; Булгарин же не в первый раз надоедал ему своими жалобами и доносами. Он и велел его выслать, как человека беспокойного. Но каковы бесстыдство и дерзость Булгарина? Не доволен он тем, что плутовством выманил он

[1] *для вписано.*

высочайший рескрипт Петру Ивановичу Выжигину, и что он продает свои сальные пасквили из-под порфиры императорской. Карл X сидит себе смирно в Эдинбурге, а Фаддей Булгарин требует вспомогательной силы от русского императора! Господи боже мой, до чего мы дожили! Однакож вот тебе и добрая весть: Жуковский точно написал 12 прелестных баллад и много других прелестей. Прощай, кланяйся княгине.

1 июня.

Сердечно кланяюсь И. И. Дмитриеву. Что его здоровье?

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве, в Чернышевском переулке в собств. доме.

604. М. П. Погодин — Пушкину.

3 июня 1831 г. Москва.

Июня 3. 1831. Москва.

А вот уж я и пишу к вам, любезнейший Александр Сергеевич! Здоровы ли вы? Как вас бог милует, и в пользу ли Север? Что печатаете и что затеваете? Посылаю вам 4 экз.‹емпляра› Старой Статистики: два золотые попросите[1] Василья Андреевича, или кого следует по команде, представить оффициально великим князьям Александру и Константину: эта книга для них нужна. Я сам не пишу к Жуковскому, и вот почему: третьего года я написал к нему письмо, сердечное, по делу Арцыбышевскому, и не получил ни строки в ответ. Это меня так огорчило, что до сих пор не поднимается рука писать к нему, хоть я люблю и уважаю его попрежнему.[2] Объясните и это если хотите. — Другие два экз.‹емпляра› — для вас и для него.

Первое действие Петра я устроил и кончил давно, но за второе не принимался; так и мерещится, что Петр отворяет дверь и грозит дубинкою. Дрожь берет, даже выговаривая это имя. — Не знаю, не пошлет ли бог[3] смелости в деревне. — Я, Хомяков и Языков дали друг другу слово к 23 декабря нын.‹ешнего› года приготовить по большому сочинению, и сим у вас, как первого [маклера] нотариуса, записываем свое условие. — Не слыхали ли вы чего-нибудь о Марфе от Жук.‹овского›, или Блудова? Уведомьте, пожалуйте. — Мне это необходимо к сведению. И скоро ли можно ее выпустить? — [Мне] Это нужно и для моих финансов: я так задолжал, устроивая домашние дела, что покоя не имею. В деревню еду я дней чрез десять, в Унив.‹ерситет› подал просьбу такого смысла: „мне нужно 2 года пробыть в деревне для приобрет.‹ения› сведений, кот.‹орые› etc., и прошу об отставке. Если же Унив‹ерситет›у угодно удерживать меня в своей службе, то да благоволит он, *уволив от лекций на это время,* сделать мне какое-либо уч.‹еное› препоручение, напр. [сочинить] написать Теорию Истории, сообразно с нынешн.‹им› состоянием науки или т. п.“ — [В] Не знаю, какое пред-

[1] *Переделано из* прошу

[2] хоть я люблю и уважаю его попрежнему *вписано.*

[3] *Начато:* Не знаю, что бог даст

ставление пошлется к министру; не думаю, чтоб [он] [они] универ.‹ситет› заблагорассудил удерживать меня, ибо Каченовский с товарищами неистовствуют против меня. А я желаю только увольнения на два года для уедин.‹енного› занятия, и вовсе не отрекаюсь от службы ученой. Поговорите об этом, с кем нужно. — Извините меня, что занимаю вас такими личными мелочами: я уверен в вашем добром ко мне расположении, и потому etc.

Если у вас есть лишние деньги, велите кому-нибудь купить[1] мне Сисмонди *Историю Французов* и Гиббона, изданного Гизо, и прислать на имя Ширяева.

Жду от вас письма. Ободрите и освежите

Вам
преданного
М. Погодина.

Язык.‹ов› болен.

605. М. Я. Фон-Фок — Пушкину.

8 июня 1831 г. Петербург.

Monsieur,

Infiniment flatté de la confiance dont Vous avez bien voulu m'honorer, je Vous supplie d'agréer les expressions de ma reconnaissance aussi sincère que sensible.

Permettez-moi cependant, Monsieur, de Vous assurer avec ma franchise ordinaire, en Vous restituant la minute de la supplique que Vous avez eu la bonté de me communiquer, que je suis bien loin de protéger tel littérateur que ce soit, aux dépens de ses confrères. Il y a malheureusement des personnes qui s'attachent d'une manière trop bénévole à jeter de l'ombrage sur les circonstances les plus innocentes. C'est ainsi qu'on s'est plu aussi à m'attribuer une influence que je n'ai jamais exercée et qui serait diamétralement opposée à mes principes. Les éditeurs de l'Abeille du Nord me sont plus particulièrement connus par des relations antérieures, purement sociales; ce sont les seuls de tous les gens de lettres qui viennent me voir de temps en temps et avec lesquels j'ai fait quelquefois échange d'opinions littéraires, sans cependant jamais me ranger exclusivement de leur avis. La prédilection qu'on m'attribue pour ces messieurs est donc absolument gratuite; et même un tant soit peu méchante. Quant aux articles politiques que je leur envoie de temps en temps, pour être insérés dans leur journal, je le fais ex officio, par autorisation de Mr le général de Benckendorf, qui y appose ordinairement son approbation par écrit. Par cette même raison je me permets de croire que Vous feriez peut-être bien de Vous adresser à l'égard de votre projet à Mr le général de Benckendorf, qui Vous a constamment donné des preuves évidentes de sa bienveillance particulière.

Par acquit de conscience, et pour répondre à Votre aimable confiance, Monsieur, j'ai cru devoir Vous exposer ces détails.

En Vous souhaitant les succès les plus brillants dans Votre entreprise, je serai très-certainement un des premiers à m'en réjouir et à féliciter le public de ce qu'un talent aussi distingué que le vôtre contribuera à lui procurer autant de plaisir que d'instruction.

Veuillez recevoir finalement les expressions de ma considération très-distinguée.

M. G. de Fock.

Ce 8 de Juin
1831.

---

[1] велите кому-нибудь купить *переделано из* купите

606. Е. М. Хитрово.

9 (?) июня 1831 г. Петербург.

Je suis bien fâché de ne pouvoir passer la soirée chez vous. Une chose bien triste, c.<'est> à d.<ire> un devoir m'oblige d'aller bailler je ne sais où. Voici, Madame, les livres que vous avez eu la bonté de me prêter. On conçoit fort bien votre admiration pour la Notre Dame. Il y a bien de la grâce dans toute cette imagination. Mais, mais ... je n'ose dire tout ce que j'en pense. En tout cas la chute du prêtre est belle de tout point, c'est à en donner des vertiges. Rouge et noir est un bon roman, malgré quelques fausses déclamations et quelques observations de mauvais goût.

Mardi.

Адрес: Madame
Madame Hitrof.

607. П. В. Нащокину.

9 (?) июня 1831 г. Петербург.

Вот тебе одна тысяча, другая досталась мне золотом. Извини меня перед Горчаковым; он получит всё прежде срока или в срок — но не позже. Если увидишь Вяз<емского>, то спроси, как ему переслать его 1,000? или нет ли у него здесь долгов, или не хранить ли ее до его приезда. Прости, любезный, будь здоров и не хандри.

608. П. В. Нащокин — Пушкину.

9 июня 1831 г. Москва.

Виноват, что не писал — всякой день вставая, в продолжения всего дня всё думал как бы написать на силу собрался. Это письмо тоже доставит тебе хлопот, [ибо будет] оно тоже застраховое. Посылаю тебе контракт, который я заключил с подрячиком, об отправки твоего обоза, и счет деньгам полученным мною от Вяземского. Обоз я думаю к тебе пришел. Будут просить прибавки не давай. Александре Григорьеву дал я за месяц в перед т. е. 50 ру. асс. Просил он у меня за три но я не мог дать столько; с обозом твоим хлопот ни мало было, но не для чего описывать, интересного мало, а как водится были проводы и тому подобные вещи, о некоторых я по власти мне данной простил — и обещался молчать, — но для всякой предосторожности советую поверять изредко счеты и нынешнего твоего дворецкого. Доверенность я жду — но не думаю чтобы она была нужна так скоро, ибо — Рахманов хотя и предлагал мне хорошую сумму за мою претензию, но с условием: с таким условием — что ты верно бы не догадался. Жаль что тебе нельзя подумать, что тут же я — должен решить задачу. В чем условие; — в том, чтоб я себя застраховал — в случае смерти. Довольно, кажется объяснять нечего —

почему не сбыточно, — верно это тоже из тех штук, которые ни с кем кроме со мною не случалось, кажется что я первый — в России, который на волосок был от страхования. Как жаль что я тебе пишу — наговорил бы я тебе много забавного, — между проччиих был приезжий из провинции, который сказывал что твои стихи не в моде — а читают нового поэта, и кого бы ты думал, опять задача, — его зовут — Евгений Онегин. — Хорошо. — Онекдотов — разных приключениев в Москве, в клобе, — очень много, но предоставляю тебе узнавать через других, — как хочешь, — а тебе расскажу про Поливанова из Питера. Остановился у меня на сутки только, но что за сутки (влюблен уж очень, сердит, упрям, не слушает что ему говорят, совсем рехнулься, капризин — что моя Ол.‹ьга› Ан.‹дреевна›). Кстати она тебе кланяется. Дмитрий Николаевич был у меня за час перед отъездом в Заводы, а потому говорить могли очень мало. Из малого заметил что он не расположен хорошо к А.‹лександру› Ю.‹рьевичу›. О Семене Ивановиче очень хорошего мнения. Следственно я и ожидал что Поливанову будет сначало не очень хорошо, так и случилось, по приезде к себе в деревню решилься он ехать к дедушке; — был — и ни кого не видал кого нужно — так и воротился. Дедушко — ему сказал что он сам у себя — уже шестый день ни кого не видеть, что Наталья Ивановна — не здорова и не выходит и дочери тож.— Дм.‹итрием› Ни.‹колаевичем› он очень недоволен, и так‹им› образом он теперь у себя в деревне, не в красивом положении. Вот мои донесении. — [Касательно Вашего семей‹ства›] О себе скажу что очень очень тяжело, и только, увидимся когда-нибуть всё узнаешь — и я думаю что скоро, ибо получать деньги скоро надо будет, и тогда как ты обещал должен сам приехать, день твоего приезда верно я буду и весел и здоров.— Мое почтение Натальи Николаевне. Очень много говорят — [как] о Ваших прогулках по Летнему саду — я сам за очно утешаюсь — и живо представляю себе Вас гуляющих — и нечего сказать: очень, очень хорошо. Вам скучно в Цар.‹ском› Се.‹ле›, будет весело, скоро. Прошу всенижайше Наталью Николаевну и тогда [меня изредко в‹споминать›] для меня оставить уголок в своей памяти.— А что ж портрет. — Портрет не пременно, сде‹лай› милость— напомни Натальи Николаевне — что она мне обещалась тебе об оном напоминать — почаще. — Прощай друг — будь счастлив и здоров. Много бы еще кой чего надо написать — но в друг не упомнишь — и Вы же меня развлекаете, я точно с тобой в кабинете — стою и мольчу и жду сам не знаю чего — ты перебираешь листы — Наталья Николаевна сидит за конвой. — Вот братец, не портрет — а картина, — найди-ко мне такого мастера, чтобы он так нарисовал живо как мне теперь представляется. — Прощай еще раз — ты не можешь вообразить — как много я Вам предан. Я сам покуда Вы были, не воображал — без тебя брат ты не можешь вообразить, я всё молчу — а иногда и отмальчиваюсь — и скоро разучюсь говорить — а выучусь писать — дай бог я бы очень этого желал. Письмо начать мне было очень трудно, теперь не могу перестать — однако пора, прощай в самом деле.

П. Нащокин.

Помнишь ли я тебе пророчил про Сергея Барат‹ынского›. Что каково, начинает сбываться? Вить не усидел в деревне. —

9 июня 1831-го года.
Москва.

609. П. В. Нащокину.

11 июня 1831 г. Царское Село.

Послал я к тебе, любезный Павел Воинович, и доверенность, и деньги; получил весь мой московской обоз, а от тебя ни слова не имею; да и никто из Москвы ко мне не пишет, ни ко мне, ни к жене. Уж не теряются ли письма? Пожалуйста, не ленись. С Павловым не играй, с Рахмановым кончи поскорее, О.‹льгу› А.‹ндреевну› сосватай, да приезжай к нам без хлопот. Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; на силу до нас и вести доходят, да и те не радостные. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы, и медленностию успехов в Турции и неудачами против польских мятежников. Здесь говорят о взятии и сожжении Вильны и о том, что Храповицкого будто бы повесили. Ужасно, но надеюсь не правда. Холера, говорят, всё не унимается. Правда ли, что в Твери карантины? Экой год! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любит и очень тебе кланяется.

А. П.

11 июня Сарско-Село.

Адрес: Е. в.[1] м. г. Павлу Воиновичу Нащокину
В Москву на Арбате у Николы на Песках, в доме Годовиковой.

610. П. А. Вяземскому.

11 июня 1831 г. Царское Село.

Что за дьявольщина? пишу, пишу — а никто мне не отвечает. Получил ли ты письмо мое? На всякой случай вот тебе другое; тысяча твоя у меня. Переслать ли ее в Москву, или прикажешь ей тебя дождаться? В Твери, сказывают, холера и карантин. Как же ты к нам приедешь? Уж не на пироскафе, как гр. Паскевич поехал в армию. Что там делается, ничего не ведаем. Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляков; по расчету Толь будет главнокомандующим в течении 20 дней; авось употребит он [эту] это время в пользу себе и нам. Здесь говорят о взятии Вильны и о повешании Храповицкого. Ужасно во всех отношениях! Дай бог, чтоб это было ложное известие.

Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой где седина, впрочем та же живость, по крайней мере при первом сви-

---

[1] Е. в. *вписано.*

дании. Жду его в Сарское-село. Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его porte-feuille, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится. Жуковский всё еще пишет. Он перевел несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочем Водолаза, Перчатку, Поликратово кольцо etc. Также перев‹ел›[1] неконченную балладу Вальтер-Скотта Пильгрим, и приделал свой конец: прелесть. Теперь пишет сказку гекзаметрами, в роде своего красного карбункула, и те же лица на сцене, Дедушка, Луиза, трубка и проч. Всё это явится в новом издании всех его баллад, которые издает Смирдин в двух томиках. Вот всё, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах. Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого.

Прощай, кланяюсь княгине и Катерине Андреевне, если она уже доехала до Астафьева. Если Вы все вместе, то мудрено тебя сюда выманить, однакож надобно. Что Софья Николаевна? царствует на седле? A horse, a horse! My kingdom for a horse! Прощай же до свидания.

11 июня. А. П.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *В Москве* в Чернышевском переулке в собст. доме.

611. **П. А. Вяземский — Пушкину.**

11 июня 1831 г. Москва.

Москва. 11-го июня.

Спасибо за письмо, но не спасибо за то, что ты купил мои мебли. Карамзины меня не поняли, или я не так объяснился. Я полагал, что некоторые мебли были взяты на прокат и писал о них, чтобы отдать их купцу. Сделай милость, возврати мне их, если можно: то есть держи их у себя до приезда моего. Карамзины приехали благополучно и вчера отправились в Остафьево. Я еще всё выставляюсь. Что твои литтературные проекты? Есть ли начало? Хорошо бы с нового года начать журнал, а к новому году изготовить альманачик. Разумеется, не проеду мимо тебя, но когда проеду? бог весть. У нас дела еще на месяц. Да того и смотри, что Вы в Петербурге запретесь. Прости, моя душа. Мое почтение жене. Моя всё еще очень слаба. Постарайтесь с Плетневым продать моего Адольфа: если мне барыша очистилось бы от 2 до 3 ты.‹сяч›, то я Вам, публике, книгопродавцам и самой тени Б.‹енжамена› Констана, поклонился бы в ножки.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

---

[1] *В подлиннике описка:* перевъ

612. Е. М. Хитрово.

Середина июня 1831 г. Царское Село.

Svistounof m'a dit qu'il vous verrait ce soir, je prends cette occasion, Madame, pour vous demander une grâce: j'ai entrepris une étude de la révolution française; je vous supplie de m'envoyer Thiers et Mignet, s'il est possible. Ces deux ouvrages sont défendus. Je n'ai ici que les *Mémoires relatifs à la révolution.* Ces jours-ci je compte venir à Pétersbourg pour quelques heures. J'en profiterai pour me présenter à la Черная речка.

Адрес: Madame
Madame Hitrof.

613. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

17 июня 1831 г. Москва.

Eh bien, mon ami, qu'est devenu mon manuscrit? Point de nouvelles de vous depuis votre départ. J'ai d'abord hésité de vous écrire pour vous en parler, voulant, selon mon usage, laisser faire au temps son affaire; mais après réflexion, j'ai trouvé que pour cette fois le cas était différent. J'ai, mon ami, achevé tout ce que j'avais à faire, j'ai dit tout ce que j'avais à dire: il me tarde d'avoir tout cela sous la main. Faites donc en sorte, je vous prie, que je n'attende pas trop longtemps mon ouvrage, et écrivez-moi bien vite ce que vous en avez fait. Vous savez de quoi il s'agit pour moi? Ce n'est point de l'effet ambitieux, mais de l'effet utile. Ce n'est pas que je n'eusse désiré sortir un peu de mon obscurité, attendu que ce serait un moyen de donner cours à la pensée que je crois avoir été destiné à livrer au monde; mais la grande préoccupation de ma vie, c'est de compléter cette pensée dans l'intérieur de mon âme et d'en faire mon héritage.

Il est malheureux, mon ami, que nous ne soyons pas arrivés à nous joindre dans la vie. Je persiste à croire que nous devions marcher ensemble et qu'il en aurait résulté quelque chose d'utile et pour nous et pour autrui. Ce retour m'est venu à l'esprit, depuis que je vais quelquefois, devinez où? — au club anglais. Vous y alliez, me disiez-vous; je vous y aurais rencontré, dans ce local si beau, au milieu de ces colonnades si grecques, à l'ombre de ces beaux arbres; la puissance d'effusion de nos esprits n'aurait pas manqué à se produire d'elle-même. J'ai éprouvé souvent chose semblable.

Bon jour, mon ami. Ecrivez-moi en russe; il ne faut pas que vous parliez d'autre langue que celle de votre vocation. J'attends de vous une bonne longue lettre: parlez-moi de tout ce que vous voudrez: tout m'intéressera venant de vous. Il faut nous mettre en train; je suis sûr que nous trouverons mille choses à nous dire. A vous et bien à vous, du fond de mon âme.

Tchadaieff.

17 juin.

614. П. А. Вяземский — Пушкину.

17 июня 1831 г. Москва.

Москва. 17-го июня.

Ты жалуешься на молчание мое, а я писал тебе недавно через Толмачева. Тысячу мою держи у себя до приезда моего. Спроси пожалуйста у Плетнева, получил ли он свою тысячу. Я очень рад, что Жуковский опять сбесился, но не рад тому, что он остается в Петербурге. Он, говорят, очень болен. Убеди его куда-нибудь съездить, хоть в Москву к искусственным водам. Высылайте скорее и Тургенева. Боюсь, он выдохнется в Петербурге и уже не ошибет меня своим европейским запахом. Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю где и что Языков. Карамзины с женою моею в Остафьеве; езжу к ним по субботам отдыхать от бремени государственных дел. Прошу теперь читать меня уже в Коммерческой Газете: отъищи мой взгляд на выставку. Читал ли ты о Борисе Годунове разговор, напечатанный в Москве? Прочти, моя радость. Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченовский сказал, что это не стòит внимания. Пусти же в свет моего Адольфа. Когда будешь в Питере, передай мой сердечный поклон Элизе и Доле. Я с удовольствием узнал тебя в Делорме. Целую тебя и милую.

615. Е. М. Хитрово.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г. Царское Село.

Merci, Madame, pour la révolution de Mignet, je l'ai reçue par Novossiltzof. Est-il vrai que Тургенев nous quitte et cela si brusquement?

Vous avez donc le Choléra; ne craignez rien au reste. C'est toujours l'histoire de la peste; les zens comme il faut n'en meurent zamais, comme le disait la petite Grecque. Il faut espérer que l'épidémie ne sera pas forte, même parmi le peuple. Pétersbourg est bien aéré et puis la mer....

J'ai rempli votre commission — c.<'est> à d.<ire> que je ne l'ai pas remplie — car quelle idée avez-vous eu de me faire traduire des vers russes en prose française, moi qui ne connait même pas l'orthographe? D'ailleurs les vers sont médiocres. J'en ai fait sur le même sujet d'autres qui ne valent pas mieux et que je vous enverrai dès que j'en trouverai l'occasion.

Portez-vous bien, Madame, c'est pour le moment ce que j'ai de plus pressé à vous dire.

Адрес: Ее превосходительству
милостивой государыне
Лизавете Михайловне
Хитровой
в доме Австрийского посланника.

616. П. В. Нащокину.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г. Царское Село.

Очень, очень благодарю тебя за письмо от 9 июня. Не знаю, отвечал ли я тебе на оное; на всякой случай перечитав его, пишу ответ. С подрядчиком я расплатился; он сказывал мне, что ты обещал ему от меня прибавку, на сие жду твоего приказания, а сам от себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым; страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покаместь мы не застрахованы, а застращены. Здесь холера, т. е. в П.<етер>Б.<урге>, а Сарское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца, секли его пажа. Жду дороговизны и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташиньке муженька такого смирного. Что-то будет с Алекс.<андром> Юрьевичем? твое известие о нем насмешило нас до сыта. Воображаю его в Заводах en tête à tête с глухим стариком, а Нат.<алью> Ив.<ановну> ходуном ходящую, около дочерей крепко на крепко заключенных. Что Ал.<ександр> Юр.<ьевич>? остыл али нет? Ты-то что сам? и скоро ли деньги будут? как будут, приеду, не смотря ни на какие холеры и тому подобное. А тебя уж я отчаиваюсь видеть. Прости, отвечай.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Павлу Воиновичу
Нащокину.
В Москве на Арбате в дом Годовиковой у Николы Песк<овского>.

617. П. В. Нащокин — Пушкину.

20 июня 1831 г. Москва.

20 июня 1831-го года.

Получил я от тебя, удивительный Александр Сергеевич — и доверенность и деньги. Первое будет лежать у меня до времени — тысячу же отдал Горчакову, об Ваших более не знаю как то что я писал — а о Поливанове ни слуху ни духу; — думаю что ленится перестану, как скоро [по] чаще от тебя буду получать письма. Три или четыре дня я не отвечал, потому что был не много болен — теперь слава богу — у меня всё тихо и здорово — об игре мне не говори, у меня еще ее и в голове нет, с Рахмановым я тебе писал почему разошлось. О.<льга> А.<ндреевна> тебе кланяется и любит тебя, у нее на оборот Les absents ont toujours raisons. — Живу я в чаду и не весело, — ты живешь как в деревне, говоришь ты — а я как в городской кузнице, — не для хвастаства скажу тебе, любез-

ный друг — что не с кем мне здесь суриозно говорить — надо или буфонить или лукавить — и то и другое мне очень надоело: видеть — самому не для чего, тем более что и то и другое всегда для меня было или казалось ломовой работою. О Дибиче я не горюю, как вообще о всех мертвец‹ах›. Москва тоже кажется его не жалеет. Замечено мною что Москва любит болтать обо всем, собственно чтобы убить только время, ветрена до совершенства, не об чем участия никакого не может иметь, и равнодушие удивительное ко всему, ни что ее за сердце не трогает — я полагаю что она из ума выжила[сь] [от], *стара стала, глупа стала.* Поляков я всегда не жаловал — и для меня радость будет, когда их не будет — [остальных] не одного поляка в Польше, да и только. Оставших‹ся› [всех долж‹но›] в высылку в степи, Польша от сего пуста не будет, — фабриканты русские займут ее. Право мне кажется что не мудрено ее обрусить. Вяземского ни как не могу [видеть] застать дома: с утра всё на Выставке, на будущей почте отпишу к тебе как он расположится с своей тысячью. Холера много потеряла во мнении публики (не то что прежде), мало кто ее боится; про себя скажу что покуда здесь Федор Данилович я на счет ее совершенно безопасен. Человек, который посылан был [в начале ее появления в пределах русских] при начале ее, когда еще никто не знал что за холера, в русские губернии, лечил холерных и мертвых не видал, тогда когда в Москве не знали как принятся и чем лечить. — К стати брат он меня просил чтобы я к тебе отписал не можешь ли ты узнать в концелярии у г.‹рафа› Закревского — или у него у самого — что будет ли ему какое награждение за две экспедиции, как за Турецкую — и Симбирскую,[1] — все уже получили, он один бедный ничего, тогда когда он с большим успехом и чуму турецкую и холеру кочующею — истреблял лихо — отестован отлично, был представлен — не сколько раз. — Узнай сделай одолжение, отказали ли ему или еще он может надеется что-нибудь получить. Посылаю тебе письмо из твоей деревни, которого я виноват ненарочно распечатал. Натальи Николаевне мое нижайшее почтение, не нахожу слов выражать мою благодарность за поклоны и за все ласки Ваши, а всё-таки не могу не напомнить — портрет, портрет — хороший портрет — я его право заслуживаю, и я требую мне должное. А если милость будет Ваша, доказать мне на деле ваше общее ко мне дружеское расположение, в таком случае пусть Наталья Николаевна дозволит себя в твоем портрете представить себя хоть в зеркале или в преспективе. Я может никогда не увижу Вас * на яву — мне быть в Петербурге не возможно. Прощай любезный друг. Пиши ко мне письма, а для потомства[2] трагедии — и хоть один роман. Прощай буть здоров и счастлив. —

П. Нащокин.

* В болезнь мою я во сне довольно громко разговаривал с тобою — об чем-то горячился, уверял по обыкновению. Андрей Петрович свидетельствует тебе почтение, он почти столько же тебя знает и любит как и я, что доказывает что он не дурак, тебя знать — не безделица. — Романс твой так хорош, что способу нет — переправлен — обдуман — чудо. Еслиб кто бы мог тебе его там разыграть я бы прислал. — Еще брат со всем позабыл: О.‹льга› А.‹ндреевна› напомнила, что ты обещал прислать фуляры. Как я охотно к тебе пишу ты не можешь представить. — Прощай мой славный Пушкин. Что твой брат, пишет ли к тебе. Я его право люблю. Напиши ему от меня поклон, сделай одолжение.

[1] *В подлиннике* Сибмирскую

[2] *Переделано из* публ‹ики›

618. Болдинские крестьяне — Пушкину.
24 июня 1831 г. Болдино.

Милостивый государь
Александр Сергеевич.

Покорнейши просим простить нашу дерзость что мы нижайшии рабы осмеливаемся утруждать нашею нижайшею прозбою, вашей милости известно что мы лишась г.‹осподина› своего покойного Василья Львовича остаемся под распоряжением г.‹осподина› опекуна Гаврила Васильевича Повалишина, но как мы ласкаем себя надеждою быть вашими рабами, то за нужное почли прибегнуть под ваше покровительство. Первое при вотчине нашей находится определенный бурмистр из числа нас крестьян Осип Павлов, который находился под судом по делу касаещемуся до него пред земским начальством в грубости за что он был содержан три м҃ца в тюрме и как преступник был острижен; и потом Елисеем Дорофеевым определен опять бурмистром и после того по несколким обстоятелствам был замечан в краже господского, и нашего мирского интереса, то мы все нижайшии рабы ваши не терпя его болие таких поступков, не желаем быть при нас вотчинначалником его негодяя, в таком случае два раза приходили с прозбою все от мала и до велика об отмени его к г.‹осподину› опекуну, но он — по прозбе Елисея Дорофеева отменить его не согласился и даже нам строго за претил впредь ему о том доносить, подвердил естли кто осмелится приттить к нему тот будит отдан к наказанию правителству; но как бурмистр согласясь вместе с Елисеем Дорофеевым делают за то нам не малое притеснение, и расхищают доход касающийся поступить наследнику: в свою ползу. Вот уже четвертый год не знаим мы для чего с нас немалая им бурмистром собрана сумма куда же употреблена нам о том отчету не дает; и мы теперь единственное средство находим просить вашего милостивого покровительства, припадаем к стопам ног ваших покорнейши просим вас, потрудитесь на писать к г.‹осподину› опекуну чтоб он сего негодяя и при нем старосту от должности отменил а позволил бы нам избрать на сие место доброго и хорошего поведения людей, мы надеемся что г.‹осподин› опекун по писму вашему сие учинит немедленно и покорнейши просим вас сие наше прощение г.‹осподи›ну апекуну не открывать ибо он получа о том известие со общит Елисею Дорофееву, и он на то болшое зделает притеснение и сочтет за неповиновение представит нас к усмирение правителству. Зделайте милость батюшка по трудитесь написать с первое почтою за что мы все молить будим все вышнего о здравии и долгоденствии вашим на что и ожидать будим вашего милостивого разрешения; честь имеем пребыть с истинным нашим к вам высокопочитанием и преданностию

ваши
милостивого государя
покорнейшии рабы села Болдина крестьяни

Ефим Семенов Демитрий Прокофьев Петр Иванов Матьвей Петров Егор Иванов Фидот Лазарев Потап Кузмин Андрей Терентьев Ефим Давыдов Петр Ефимов и все крестьяни.

Июня 24 дня
1831 года.

619. П. В. Нащокину.

26 июня 1831 г. Царское Село.

Очень благодарен за твое письмо, мой друг; а что это за болезнь, от которой ты так скоро оправился? Я уже писал тебе, что в П.<етер>Б.<урге> холера, и как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у Вас, равнодушных москвичей. На днях на Сенной был бунт в пользу ее;[1] собралось православного народу тысяч 6, отперли больницы, кой-кого (сказывают) убили; государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай бог, чтоб и без кнута. Тяжелые времена, Павел Воинович! Тело цесаревича везут; также и Дибичево. Паскевич приехал в армию 13-го. О военных движениях не имеем еще никакого известия. Вот тебе общественные новости; теперь поговорим о своем горе. Напиши ко мне, к какому времени явиться мне в Москву за деньгами, да у Вас ли Догановский? Если у вас, так постарайся с ним поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дело, не дожидаясь меня — а я, несмотря на холеру, непременно буду в Москве на тебя посмотреть, моя радость. От Вяз<емского> получил я письмо. Свою тысячу оставляет он у меня до предбудущего. Тысячу Горчаковскую на днях перешлю тебе. Холера прижала нас, и в Ц.<арском> Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги всё-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, и ту не вдруг. Разрешил ли ты с горя? Кланяюсь О.<льге> А.<ндреевне>. Фуларов ей не присылаю, ибо с П.<етер>Б.<ургом>, как уже сказано было, всякое сообщение прервано. По той же причины не получишь ты скоро и моего образа. Брюлов в П.<етер>Б.<урге> и женат, следственно в Италию так скоро не подымится. Кланяюсь Шнейдеру; никого здесь не вижу и не у кого осведомиться о его представлении. Кланяюсь и Андр.<ею> Петр.<овичу>. Пришли мне его романс, исправленный во втором издании. Еще кланяюсь О.<льге> А.<ндреевне>, Тат.<ьяне> Д<е>м.<ьяновне>, Матр.<ене> Серг.<еевне> и всей компании. Прости, моя прелесть. Жена тебе очень кланяется. Шитье ее для тебя остановилось за неимением черного шолка. Всё холера виновата.

26 июня.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Павлу Воиновичу Нащокину *в Москве* в приходе Николы Песк<овского> на Арбате в доме Годовиковой.

---

[1] в пользу ее *вписано.*

620. Н. И. Гончаровой.

26 июня 1831 г. Царское Село.

Madame

Je vois par la lettre que vous avez écrite à Natalie que Vous êtes très mécontente de moi à cause de ce que j'ai fait part à Афанасий Николаевич des prétentions de Mr Polivanof. Il me semble que je vous en ai parlé d'abord. Ce n'est pas mon affaire de marier les demoiselles, et que Mr Polivanof soit agréé ou non, cela m'est parfaitement égal,[1] mais vous ajoutez que ma démarche me fait peu d'honneur. Cette expression est injurieuse et j'ose dire que je ne l'ai jamais méritée.

J'ai été obligé de quitter Moscou pour éviter des tracasseries qui à la longue pouvaient compromettre plus que mon repos; on me dépeignait à ma femme comme un homme odieux, avide, un vil usurier, on lui disait: vous êtes une sotte de permettre à votre mari etc. Vous m'avouerez que c'était prêcher le divorce. Une femme ne peut décemment se laisser dire que son mari est un infâme, et le devoir de la mienne est de se soumettre à ce que je me permets. Ce n'est pas à une femme de 18 ans de gouverner un homme de 32. J'ai fait preuve de patience et de délicatesse, mais il paraît que l'une et l'autre est duperie. J'aime mon repos et je saurai me l'assurer.

A mon départ de Moscou vous n'avez pas jugé à propos de me parler d'affaire; vous avez mieux aimé faire une plaisanterie sur la possibilité d'un divorce, ou de quelque chose comme ça. Il m'est indispensable cependant de savoir définitivement ce que vous avez résolu à mon égard. Je ne parle pas de ce qu'on a été intentionné de faire pour Natalie; cela ne me regarde pas et je n'y ai jamais songé malgré mon avidité. J'entends les 11,000 roubles que j'ai prêtés. Je n'en demande pas le payement, et ne vous presse en aucune manière. Je veux seulement savoir au juste quels sont les arrangements que vous jugerez à propos de prendre, afin que je prenne les miens en conséquence.

Je suis avec le respect le plus profond

Madame
Votre très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

26 juin
1831.[2]
Sarsko-Sélo

---

[1] *Переделано из* égale

[2] *Переделано из* 1830.

621. Е. Ф. Розен — Пушкину.
27 июня 1831 г. Петербург.

В такое время, где наша неверная жизнь невернее вдвое, спешу моею сердечною Вам благодарностию за Ваше дружеское письмо, почтеннейший Александр Сергеевич!

Будучи принят в службу с назначением состоять при Дежурстве Главн.<ого> Штаба, я остаюсь здесь — в соседстве Вашем — и уеду только тогда, когда двинется всё Дежурство; но тем не менее лестен для меня Ваш Горацианский прощальный привет. Вменяя себе в приятную обязанность удовлетворять желаниям Вашим — по мере сил моих — посылаю Вам требуемую пиэсу: 26-ое мая. Поправьте, что Вам не понравится, и позвольте поместить в Альционе. —

Благодарю Вас за обещание дать мне стихов своих; оставьте их у себя до удобного случая. Приготовляю всё нужное для перевода Бориса, и как скоро можно будет, приеду к Вам. Не взирая на жестокую у нас смертность, надеюсь еще увидеть и обнять Вас дружески. Щеглов умер; ввечеру был еще здоров — а в ночь скончался. Много умерло людей, умрет еще более — смерть у каждого за спиною! Слава богу, что Вы в безопасном месте! Чернь наша сходит с ума — растерзала двух врачей и бушует на площадях — ее унять бы картечью! — Государь говорил с народом; будущий историк сохранит для потомства *его* прекрасные слова... Коленопреклоненная чернь слушала... тишина... один царский голос на площади раздавался[1] — *Как звон святой!* Величественное зрелище!...

Со всем почтением
Ваш поклонник и доброжелатель
Розен.

Сего 27-го июня
1831.
С.-Петербург.

*26-ое мая.**

В дни соловья, во дни утех и цвета,
Когда с небес слетают счастья сны,
Есть празднество — великое для света:
Как торжество, как *лучший* день весны,
Мы празднуем рождение Поэта,
Чьей жизнию мы все оживлены!
Сей день богам в хвалу и честь мы ставим —
Так! Гения сошествие мы славим!

Давно ль еще, таинственный как рок,
С уставами ничтожной жизни в ссоре,
По областям Поэзии он влек
Сомненья век, блистательное горе!
Как грозный дух, как бедствия пророк,
Давно ль блуждал в эфирном неба море,
Неведомым, причудливым путем —
Полночное светило с бунчуком!

* См. Северные Цветы на 1830 год, отделение Поэзии, стран. 98.

[1] *Было:* раздавался на площади

Но разлился живой рассвет с востока...
Мадоны лик, как солнце, восходил —
И веяли горѣ туманы рока
В дыхании светила из светил!
Сей чудный лик, для нашего пророка
Игрой лучей весь мир преобразил...
И ценит жизнь Поэт — уста Мемнона
Теперь звучат напевами Сиона!

Барон Розен

С.-Петербургъ.
1831 года.

622. П. А. Осиповой.

29 июня 1831 г. Царское Село.

Je différais de vous écrire, m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent[1] plus de l'espérer. C'est donc par écrit, Madame, que je vous félicite et que je souhaite à Melle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitants. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: „Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленах — тишина — один царский голос *как звон святой* раздавался на площади". — Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute a été apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis. Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarsko-Sélo, qui jusqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Égypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, Madame, de mes châteaux en Espagne ou de ma chaumière à Savkino? pour moi, ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, Madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement.

---

[1] *Переделано из* permettant

Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoe-Sélo.
29 juin 1830.[1]

Адрес: Ее высокородию
м. г. Прасковии Александровне
Осиповой.
В Опочку.

623. М. П. Погодину.

Конец (27—30) июня 1831 г. Царское Село.

Сердечно благодарю Вас и за письмо и за Старую статистику. Я получил все экземпляры вчера из П.‹етер›Б.‹урга› и не знаю, как доставить экз.‹емпляры›, следующие великим князьям и Жуковскому. Вы знаете, что у нас холера; Царское Село оцеплено, оно будет, вероятно, убежищем царскому семейству. В таком случае Жуковский будет сюда и я дождусь его, чтоб вручить ему Вашу посылку. Напрасно сердитесь Вы на него за его молчание. Он самый неокуратный корреспондент, и ни с кем не в переписке. Могу Вас уверить, что он искренно Вас уважает. Вы удивляете меня тем, что трагедия Ваша еще не поступила в продажу. Веневитинов сказывал мне, что она уже вышла, потому-то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Б.‹енкендорфу›. Холера и смерть цесаревича нас совершенно смутили; дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем. Жалею, что Вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум [не созданы] чужды Московскому университету.

У нас есть счетец. За мною процентов было 225 рублей; из оных отдал я Вам, помните, 75 — итого остается 150, кои вы получите, как скоро получу оброк со Смирдина.

Пишите ко мне прямо в Царское или Сарское Село. От Смирдина отделен я карантином. Ваших препоручений косательно книг покаместь не могу выполнить, по многим причинам. Простите, до свидания.

А. П.

---

[1] *Описка вместо* 1831.

624. П. А. Плетневу.

3 июля 1831 г. Царское Село.

Скажи мне, сделай одолжение, жив ли ты? что ты намерен делать? что наши? Экие страсти! Господи Сусе Христе!

Ради бога, вели Смирдину прислать мне денег, или я сам явлюсь к нему несмотря на карантины.

Знаешь ли что? я жив и здоров.

Прощай. *3 июля.*

Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т. е. сочинения покойника Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать? печатать ли нам самим или сторговаться со Смирдиным? R.S.V.P.[1]

Жена моя кланяется твоей, и желает вам здравия.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Александровичу Плетневу. В С. Петербург, в Екатерининский институт.

625. П. А. Вяземскому.

3 июля 1831 г. Царское Село.

Получил я письмо твое (вероятно от Федосея Сидоровича, по крайней мере на печате вырезан крест и якорь и надпись бог моя надежда). Ты требуешь назад свою мебель. Эх, милый! Трудно в Царском селе мне будет найти новую. Нечего делать, возьми себе назад. Только мне жаль будет тебе оставить ее за ту же цену. Ей богу, Ваше сиятельство, больше стоит. Она мне досталась по оказии и по знакомству; право не грех прибавить рублей сто. По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли в роде альманаха, и Тургенева порастрепали бы. Об Адольфе твоем не имею ника<ко>го известия; Плетнев отделен от меня холерою, ничего не пишет. Ждал я сюда Ж.<уковского>, но двор уже не едет в Царское село, потому что холера показалась в Пулкове. В П.<етер>Б.<урге> народ неспокоен; слухи об отраве так распространились, что даже люди порядочные повторяют эти нелепости от чистого сердца. Двух лекарей народ убил. Царь унял возмущение, но не всё еще тихо. Из армии известия не имеем. Вот

[1] R.<éponse,> s.<'il> V.<ous> p.<laît>.

тебе всё что знаю. О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме С. Пет.‹ер›б.‹ургских› Ведомостей, и тех не читаю. Рославлева прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о Борисе не слыхал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь. Не пишу покаместь ничего, ожидаю осени. Элиза приготовляется к смерти мученической, и уже написала мне трогательное прощание. Ты что? Вышел ли Фон-Визин из цензуры и поступил ли в печать. К стати о цензуре: Щеглов умер: не нашего полку, чужого. — Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

3 июля.

Кланяюсь всем Твоим, в том числе и Тургеневу, коли он уж у Вас.

Адрес: М. г. князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве в Чернышевском переулке в собственном доме.

626. П. Я. Чаадаеву.

6 июля 1831 г. Царское Село.

Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations, commencées jadis à Sarsko-Sélo et si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive; à Pétersbourg le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnait. Les gazettes s'épuisent en semonces et en protestations, malheureusement le peuple ne sait pas lire, et les scènes de sang sont prêtes à se renouveler. Nous sommes cernés à Sarsko-Sélo et à Pavlovsky et nous n'avons aucune communication avec Pétersbourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudof, ni Bellizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez-vous à Necropolis? laissez-le moi encore quelque temps. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont donc obscures et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note, ou bien d'en faire un extrait. J'étais prêt à vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait réflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence et ce laisser-aller.[1] Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du

---

[1] ce laisser-aller *переделано из* délaisser

vrai Dieu, de l'Art antique, du protestantisme est admirable de force, de vérité [et] ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout à fait nouvelle, je ne puis toujours être de votre avis; par exemple je ne conçois pas votre aversion pour Marc-Aurèle, ni votre prédilection pour David (dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui). Je ne vois pas pourquoi la peinture forte et naïve du Polythéisme vous indignerait dans Homère. Outre son mérite poétique, c'est encore, d'après votre propre aveu, un grand monument historique. Ce que l'Illiade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité Chrétienne dans le Catholicisme, c.<'est> à d.<ire> dans le Pape. — N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protestantisme. L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Écrivez-moi, mon ami, dussiez-vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Écclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juillet S. S.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Яковлевичу Чадаеву
В Москве.
На Дмитриевке в доме Решетникова.

627. П. Я. Чаадаев — Пушкину.
7 июля 1831 г. Москва.

Mon cher ami, je Vous ai écrit pour vous redemander mon manuscrit; j'attends réponse. Je vous avoue que j'ai hâte de le ravoir; renvoyez-le moi, je vous prie, au premier jour. J'ai lieu de croire que je puis incessament en tirer parti et lui faire voir le jour avec le reste de mes écritures.

N'auriez-Vous pas reçu ma lettre? Vu la grande calamité qui nous afflige, cela ne serait pas impossible. On me dit que Sarskoe-sélo est intact. Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été heureux de l'apprendre. Pardonnez-moi, mon ami, de vous occuper de moi, au moment où l'ange de la mort plane si effroyablement sur la contrée que vous habitez. Je ne l'aurais pas fait si vous habitiez Pétersbourg même; mais c'est l'assurance de la sécurité dont vous jouissez encore où vous êtes, qui m'a donné le cœur de vous écrire.

Combien il me serait doux, mon ami, si à l'occasion de cette lettre vous me donniez [bien] de bien amples nouvelles de vous, et si vous continuiez de m'en donner [<*нрзб.*>] tant que l'épidémie durerait chez vous. Puis-je y compter? Bonjour. Je fais des vœux infinis pour votre salut, et vous embrasse bien tendrement. Écrivez-moi, je vous prie. Votre fidèle Chadayeff.

7 juillet 1831.

628. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 11 июля 1831 г. Царское Село.

Двор приехал, и Царское-село закипело и превратилось в столицу. Грустно мне было услышать от Ж.‹уковского›, что тебя сюда не будет. Но так и быть: сиди себе на даче и будь здоров. Россети черноокая хотела тебе писать, беспокоясь о тебе, но Ж.‹уковский› отсоветовал, говоря: Он жив, чего же Вам больше? Однако она поручила-было мне переслать к тебе[1] 500 р. какой-то запоздалой пенсии. Если у тебя есть мои деньги, то заплати из них — и дай мне знать сюда, а эти 500 р. я возьму с нее.

На днях отправил я тебе через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их? Предисловие доставлю после. Отдай их в цензуру земскую, не удельную, — да и снюхаемся с Смирдиным; я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10,000 — и вот каким образом

2,00‹0› экз.‹емпляров› по 6 р. = 12,000
— 1,00‹0› за печать
— 1,00‹0› [за] процентов
итого 10,000.

Что же твой план *Сев.‹ерных› Цветов* в пользу братьев Дельвига? Я даю в них *Моцарта*, и несколько мелочей. Ж.‹уковский› дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне. — От тебя стихов не дождешься; если б ты собрался, да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; чорт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого, да Булгарина. К стати ли такое аллилуия на могиле Дельвига? — Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора: т. е. приготовляться к изданию. Будьте здоровы все, Христос с Вами.

Адрес: Мил.‹остивому› госуд.‹арю›
Александру Филиповичу
Смирдину
в С. Петербург у Синего моста.
Пр.‹ошу› дост.‹авить› *Петру Александровичу Плетневу.*

---

[1] к тебе *вписано.*

629. П. А. Вяземский и А. И. Тургенев — Пушкину.

14 и 15 июля 1831 г. Остафьево.

‹П. А. Вяземский:›

Остафьево. 14-го июля 1831.

Ты так стал акуратен в переписке своей, что по неволе подозреваю тебя в боязни холеры: ты не хочешь умереть с долгами на совести. Вот и холера к чему-нибудь пригодилась. Нет, батюшка государь мой Александр Сергеевич, ста рублей не придам Вам за мебли: сказать по совести, довольно будет с Вас и того, что я ни гроша не беру за прокат и что можете пользоваться ими до приезда моего. Пожалуй, придам еще и проценты, которые с Вас не возьму за деньги мною отданные Вам заимообразно. Вот видите, и я готовлюсь на всякий случай предать душу богу и холере и очищаю себя богоугодными делами. Очень [желаю в‹а›] жалею за тебя, что Жуковского не будет в Царском Селе. Пожалуй, давай готовить альманах: дорожная котомка нашего маленького Гримма-пилигрима у меня в руках. Пили Гримма, да и полно! Страниц дватцать или тритцать напилим славных. Я изготовлю литтературный отчет о примечательнейших произведениях нашего книжного урожая и так и быть по поводу сему прочту и Росславлева, которого еще не читал и потому не бранил и не браню. Между тем ты собирай стихи свои и других. Напишем к Баратынскому, который удрал в Казань с Энгельгардтовским семейством. Дай повесть, одну из повестей своих; закажи другого Бетговена Одоевскому, поставим на ноги Киреевского, запоем иже-херувимы пред кликушею-Жуковским и чорт что-нибудь из него выломает. Войдешь ли в переговоры с Сомовым и будешь ли требовать его интервенции, или нон-интервенции? Только не откладывай дела в длинный ящик и приступим к работе. Составим и некрологический список за нынешний год. Матушка холера поможет и сохрани нас боже попасть самим в этот список. Между тем ты и Баратынский заготовьте статью о Дельвиге. Разговор о Годунове, сказывают, Филимонова: он Филимонами и пахнет.

Мой друг! не хочешь ли лимонов?
Тьфу, что за гадость Филимонов!

Мой Фон-Визин еще не в ценсуре. На досуге хочу его пересмотреть и выправить. Бог знает, когда я к Вам. Пока есть и дело в Москве, да и в Петербурге дело без меня обойдется. Прости, моя душа. Продолжай бояться холеры, то есть писать ко мне. Жена моя и все наши, в том числе и Мещерские, тебе и жене твоей сердечно кланяются. Как ты ни мил и ни умен, а всё жене твоей, я думаю, скучно, то есть грустно в Царском Селе. — Тургенев не спешит также к холере. Дмитриев был совсем на мази к Вам ехать и дормез только что не заложен, а уложен, но за холерою остался. Здесь кто-то был призван в суд *за оскорбительные слова на счет холеры*. Это не шутка, а факт. Чадаев выезжает: мне всё кажется, что он немного тронулся. Мы стараемся приголубить его и ухаживаем за ним.

Между тем сколько есть истинно прекрасного и прекрасно истинного в сочинении его религиозном.

15-го. Юсупов сегодня умер частью от холеры, частью от удара, частью от 80 лет. Третьего дни ужинал он еще в клубе.

‹А. И. Тургенев:›

В письме к Чад.‹аеву› о его рукописи много справедливого. Поставь на место католицизма — христианство, и всё будет на месте; но в том-то и ошибка его и предтечей его: Мейстера, Бональда, Ламене, Свечиной. — На словах и в записочках я часто бесил сию превосходно мыслящую четверку тем же замечанием; но они не сдаются ни на рассуждения, ни на историю, в коей видят только Рим и церковь, а не мир и религию. Чадаев попал на ту же мысль, или лучше увлечен ими на ту же дорогу, хотя он — выслушивает *и другую сторону*: т. е. читает и протестантов; но находит в них или подтверждение своему взгляду на историю. или слабые доказательства, кои спешит обессилить, или устраняется от состязания когда доводы противников слишком сильны. — Это кабинетное занятие было бы спасительно и для его ментально-физического здоровья, о котором пишу к Жуковскому, — но болезнь, т. е. хандра его, имеет корень в его характере и в неудовлетворенном самолюбии, которое впрочем всем сердцем извиняю, и постигаю. Мало по малу я хочу напомнить ему, что учение христ.‹ово› объемлет всего человека и бесконечно, естьли, возводя мысль к небу, не делает нас и [на земле] здесь добрыми *земляками* и не позволяет нам уживаться с людьми в англ.‹ийском› Московском клобе; деликатно хочу напомнить ему, что можно и должно менее óбращать на себя и на *das liebe Ich* внимания, менее ухаживать за собою, а более за другими, не повязывать пять галстуков в утро, менее даже и холить свои ногти и зубы и свой желудок; а избыток отдавать тем, кои и от крупиц падающих сыты и здоровы. Тогда и холеры и гемороя менее будем бояться: *до нас ли?* сказал один мудрец в 30 лет, за жизнь коего в Царе-граде, во время греческого восстания, страшился брат в П.‹етер›Бурге. Тогда и жизнь и смерть — и болезнь — и всё получит смысл; но не это письмо: à l'impossible nul n'est tenu.

Ex-garçon des cultes.

630. П. В. Нащокин — Пушкину.

15 июля 1831 г. Москва.

Любезный Александр Сергеевич, давно я к тебе не писал, всё было некогда, и теперь пишу пот гитару и пот разные анекдоты. Я на счет твой совершенно покоен зная расположение Царского Села, холеры там быть не может — живи и здравствуй с Натальей Николаевной, которой я свидетельствую свое почтение — я уверен, что ты не смотря на все ужасные перевороты, которые тебя окружают — [ты] еще никогда не был так счаслив и покоен как теперь — и для меня это не иечего; без всякой сантиментальности скажу тебе что мысль о твоем положении[1] мне много доставляет удовольствия; о себе говорить нечего, лечусь и точно такой как можно[2] без тебя мне быть, коли не развлечен какими неприятными делами — тогда очень скучно, читаю теперь 1-ый том Карамзина, гулять не хожу — сижу дома, гости те же и я к ним привык как мельник к шуму колес своей мельницы. Новостей много слышу, пересказать не одну не могу — одна новость для тебя [это] Юсупов умер. Не знаю почему а мне было его жаль — [не зн‹аю›] вреда кажется он не кому не делал — ибо никто не жаловался, а про добро не знаю, — умер же умно и равнодушно как мне рассказывали. Ему предложили перед

[1] *Было:* что твое положение

[2] *Передслано из* должно

смертью за час исполнить христианский долг — на что он спросил — *разве пора*, и послал за священником; — на кануне был в клубе. Кстати Александр Сергеевич, так как ныне смерть поступает и решает жизнь человеческую уже не гражданским порядком а военным судом — т. е. скоро и просто, в таком случае буде она до меня доберется, то прошу покорно по всем векселям моим взыскать деньги, копитал храни где хочешь — а проченты половину на воспитание сына если не умрет, ибо твоей кресницы уже нет, — а другую на содержание матери, — я еще не думаю — а всё-таки лучше сказать прежде — и это только в таком случае когда я сам не успею распоредится, обременять же тебя я не хочу ни какой обязанностию — но зная твое доброе сердце — ты бы сам [это сделал] их не оставил, — не думай чтобы я был в мерлихлюндие, со всем нет, я очень покоен — и в доказательство расскажу тебе [презабавный] анекдот про Лиску. — О.‹льге› А.‹ндреевне› приложили к груди пластырь. Мисосиха как горнишная потакунья, говорит за чем Вы Ол.‹ьга› Ан.‹дреевна› прикладываете пластырь и всё лечитесь? — чтоб волосы росли: — в следствие сего ответа, Лиска как она успела, ее дело, намазала пластырь, и приложила там где еще у нее голо — какова девка, — теперь только и [разговору] наказания — каков Лиски пластырь — Ай да Мисосиха! —

С Тагоновским говорить еще рано, и прошу тебя оставить это дело на мое попечение, и самому не беспокоится, и верно я лучше его сделаю чем бы я для себя [с]делал, надо говорить когда деньги в руках — а теперь только может быть пустой разговор, не к чему не служащий. Все тебе кланяются кого только вижу. — Пробежал я где-то Разговор о Борисе Годунове Учителя с Помещиком, — очень хорошо — и кто написал ни как сего не воображает что лучше и похожее описать [разговор] разговором — суждений наших [самонадеянных[1] литераторов] безмозглых грамотеев семинаристов ни как не льзя — это совершенный слепок с натуры; думая написать на тебя злую критику — написал — отрывок — достойный поместить в роман; прочти сделай одолжение, ты по разговору узнаешь говорящих, и еслиб осталось место, я бы рассказал рост их, в чем одеты, словом сказать прекрасно — Валтер Скот совершенный. Прощай Александр Сергеевич. Пиши брат почаще, когда мне писать к тебе весело, то можешь вообразить [как] что получать гораздо веселее; Натальи Николаевне не знаю что желать — всё имеет в себе и в муже.[2] Себе желать[3] только могу чтобы Вас когда-нибудь да увидеть. Прощай Добрый для меня Пушкин — не забывай меня, никого не найдешь бескарыстиее и более преданного Тебе Друга как

П. Нащокина.

15-го июля.

631. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 16 июля 1831 г. Царское Село.

Я надоедал тебе письмами и не знал о твоем огорчении. Вчера только сказали мне о смерти нашего доброго и умного слепца. Зная твою привязанность к покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Час от часу пустее свет, пустей дорога перед нами. Тяже-

[1] *Далее вписано и зачеркнуто*: неве‹жд›

[2] в муже *переделано из* с мужем

[3] *Переделано из* желаю

лое время, тяжелый год. По крайней мере [радуюсь] утешаюсь, зная что ты в своем Патмосе безвреден и недостижим. Но кажется зараза теряет свою силу и в П.‹етер›Б.‹урге›. Мы, уже обстрелянные в Москве и Нижним, равнодушно слышали приближающуюся перестрелку; но сколько знакомых жертв! однако ж кроме Молчанова, никого близкого к сердцу, кажется, не потеряли. У нас в Ц.‹арском› С.‹еле› всё суетится, ликует, ждут разрешения царицы; ждут добрых вестей от Паскевича; ждут прекращения холеры. С моей стороны жду твоего письма; уверен, что ты и все твои здоровы, так как я всегда был уверен в жизни и здоровьи своем и своих.

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу. *В С. Петербург на Кушелевой даче у Самсониевой заставы.*

632. М. Л. Яковлев — Пушкину.

16 июля 1831 г. Петербург.

1831 июля 16.

Наконец, после долгих и многих сборов, баронесса Софья Михайловна расстается на днях с Петербургом. — Царское Село оцеплено, след.‹овательно› она с тобою не увидится и след.‹овательно› проценты (125 р.), о которых я тебе прежде писал, не можешь ты ей отдать лично — а деньги ей нужны и весьма нужны. Нельзя ли тебе, друг сердечный, переслать их на мое имя: *чем скорее, тем лучше.* Адрес мой следующий:

Михайлу Лукьяновичу Яковлеву. *Во 2-м Отделении собственной его величества канцелярии.*

633. М. Л. Яковлеву.

19 июля 1831 г. Царское Село.

Деньги мои, любезный Михайло Лукьянович, у Плетнева. Потрудись, сделай одолжение, съездить к нему, но как он человек окуратный, то возьми с собою вексель мой, и надпиши, что проценты получены. Попроси его от меня написать мне три строчки и переслать деньги, в коих я нуждаюсь. Если он сидит на даче, опасаясь холеры, и ни с кем сношений не имеет, то напиши мне об нем, здоров ли он и все ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьи Михайловне и очень, очень жалею, что с нею не прощусь. Дай бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только на счет моего долга, но и во всяком случае. *Что Сев.‹ерные› Цветы?* с моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть современем это напечатаем. Нет ли

у ней моих к нему писем? мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же *Ижорский*, также и моя Баллада *о Рыцаре влюбленном в Деву*. Не может ли это всё [она] Софья Михайловна оставить у тебя. Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать.

Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свидания.

А. П.

19 июля С. Село.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Михайле Лукьянович
Яковлеву
в С. Петербург
во 2-ое отделение собственной е. в. канцелярии.

634. П. А. Плетнев — Пушкину.

19 июля 1831 г. Спасская Мыза.

19 июля, 1831.
Спасская Мыза.

Вчера получил я от тебя вдруг два письма. Первое из них начинается: *Я надоедал тебе письмами.* Это меня удивило; потому что я не получал до сих пор ни строчки. Вероятно письма твои лежат в городе, куда я слишком месяц ноги не накладывал, да и не намерен до прекращения холеры. Ты пишешь в этом же письме, что в Ц.‹арском› С.‹еле› ждут прибытия Двора. Развертываю другое письмо, адресованное на имя Смирдина: в нем уже говоришь ты, что Двор переехал. Таким образом эти два письма похожи были для меня на волшебный фонарь: *явись и бысть.* Ты угадал мои чувства по случаю кончины Молчанова. Он и Дельвиг были для меня необходимы, чтобы я вполне чувствовал счастие жизни. Смерть их сделала из меня какого-то автомата. Не знаю, что будет вперед, а теперь я ко всему охладел. Жду зимы, чтобы согреть близь тебя душу. Впрочем думаю, что ты скоро соскучишь мною и оставишь меня на произвол моей странной судьбы. Других надежд у меня нет. Жуковский совсем не знает меня; потому что он никогда не имел случая видеть меня близко. Вероятно придется мне закрыться и ждать другой жизни. Я так избалован Молчановым; он так понимал меня во всяком расположении духа; он так был деятелен умом для оттирания цепеневшего моего духа — что конечно никто уж не наложит на себя его обязанности. В одном ли я с ним жил месте, разро‹з›нены ли мы бывали — он умел изобретать способы сливать свою душу с моею и беспрестанно доставлять мне свое общество. Всё, что в отсутствии говорил он или готовился делать с другими, он совестился не передать мне этого, чтобы в наших разговорах и действиях никогда не показывалось промежутка.

Поблагодари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку. Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от нее

столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею. Если бы она была мужчиной, да стариком еще, то, кажется, в ней бы я нашел для себя другого Молчанова. В ней так много человеко-прекрасного, так много предупреждающего и столько душевной делимости, что право об ней нельзя говорить просто, как о других. 500 р. получи от нее для себя, а я из твоих (когда увижусь со Смирдиным и возму от него) отдам эту пенсию. Эслинга[1] (бог знает, что это за существо! Ты воображаешь, что я знаком со всем светом) я не принимал еще у себя и о повестях никакого известия не имею. Рад буду их издать; только по возвращении в город, т. е. по прекращении холеры; а теперь я удалил от себя всякое земное помышление, и от того ни о чем не думаю и неспособен ничего делать. Северные Цветы готовь, но мне никаких поручений не делай. Живу я в такой деревне, которая не на почтовой дороге. Писем отсюда посылать не с кем, а получать еще менее можно. Итак к Баратынскому, к Языкову, Вяземскому и другим пиши сам. Мое дело будет в городе смотреть за изданием. Написать о Дельвиге желаю, но не обещаю. Всё зависеть будет от случая:

Минута ему повелитель.

Между тем об успехе твоей корреспонденции давай-таки мне знать.

Поцелуй ручку у Натальи Николаевны.

А я весь твой.

635. П. А. Осипова — Пушкину.

19 июля 1831 г. Тригорское.

Le 19 Juillet.

Merci pour l'aimable lettre que je viens de recevoir, mon cher Alexandre, merci pour son contenu amical; nous *espérons* qu'Euphrosine sera heureuse, avec l'homme de son choix, qui paraît avoir toutes les qualités qui consolident le bonheur domestique. Le 7 de ce mois la cérémonie du mariage a eu lieu, et ayant passé 3 jours à *Wreff*, votre lettre arriva pendant mon absence — d'ailleurs comme elle fut adressée à Opotchka — elle y resta quelque temps de plus. Malgré les nouvelles insérées dans la Gazette Littéraire de Pétersbourg la Choléra n'a pas été à Ostroff — hors dans les cerveaux des médecins, et jusqu'à lundi passé Pskoff en a été aussi épargné. — Depuis je n'ai rien entendu encore. Notre petit cercle, Dieu merci, jusqu'à présent a été conservé intact, — mais dans le district d'Ostroff, elle s'est, dit-on, manifestée, mais il paraît que ce n'est point à un point alarmant. — En général, il paraît que la grande mortalité doit être attribuée au peu de savoir de traiter cette maladie, autant qu'à la rapidité de ses progrès sur le malade, mais non à son épidémie. *Это болезнь повальная, а не зараза.* — Nous vivons tout doucement, remerciant Dieu de Sa bonté conservatrice, mais nous ne saurions être ni heureux, ni tranquilles pendant que nous ne serons pas sûrs que nos amis de Pétersbourg et de Sarsko Sello et Pavlovsky sont hors des dangers. — Si votre château en Espagne me plaît?

---

[1] *Переправлено карандашом из* Эллинга

Je n'aurai pas de repos qu'il ne soit réalisé, si j'y trouverai la moindre possibilité — mais si cela ne pourrait se faire, il y a au bout de mes champs, sur le bord de la *grande rivière*, un petit bien, un site charmant, une maisonnette entourée d'un beau bois de bouleaux. La terre seule sans paysans qui se vend. Ne voudriez-vous pas l'acquérir, si les propriétaires de Sawkino ne voudraient s'en séparer. — Au reste je tâcherai de faire tout mon possible. — Je vous prie de parler de moi à votre belle épouse comme d'une personne qui vous aime bien tendrement, qui l'admire <d'>après ouï-dire et qui est toute prête à l'aimer de tout son cœur. Que Dieu vous garde et vous conserve, c'est l'idée dominante en ce moment dans ma tête et mon âme.

636. П. В. Нащокину.

21 июля 1831 г. Царское Село.

Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука. Воля твоя будет выполнена в точности, если вздумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым, но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником. Я всё к тебе сбираюсь, да боюсь карантинов. Ныне никак не льзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда.[1] Вместо трехдневной езды, того и гляди, что высидишь три недели в карантине; шутка! — Посылаю тебе посылку на имя Чаадаева; он живет на Дмитревке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему. У вас кажется всё тихо, о холере не слыхать, бунтов нет, лекарей и полковников не убивают. Не даром царь ставил Москву в пример Петербургу! В Ц.<арском> Селе также всё тихо; но около такая каша, что боже упаси. Ты пишешь мне о каком<-то> критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что всё, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьозно — не возможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики, и Зубков с Павловым явятся ко мне с распростертыми объятиями. Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны, за его пиянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого. Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на

---

[1] *Переделано из* приезда.

час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без Европейской войны. Дай-то бог. Прощай, душа: не ленись и будь здоров.

21 июля.

P. S. Я с тобою болтаю, а о деле и забыл. Вот в чем дело: деньги мои в П.<етер>Б.<урге> у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношения по причине холеры. Не знаю, получу ли что мне следует к 1 августу, в таком случае перешлю тебе Горчаковскую тысячу; не то, ради господа бога, займи хоть на мое имя, и заплати в срок. Не я виноват, виновата холера, отрезавшая меня от П.<етер>Б.<урга>, который под боком, да куда не пускают; с Догановским не худо, брат, нам пуститься в разговоры или переговоры — ибо срок моему первому векселю приближается.

Адрес: Его высокоблагородию мил.<остивому> госуд.<арю>
Павлу Воиновичу Нащокину.
В Москве на Арбате у Спаса на Песках дом Годовиковой.

637. П. А. Плетневу.

22 июля 1831 г. Царское Село.

Письмо твое от 19 крепко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает[1] только тело, другая убивает[1] душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; [а] мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо. Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

Жаль мне, что ты моих писем не получал. Между ими были дельные; но не беда. Эслинг сей, которого ты не знаешь — мой внук по Лицею и кажется добрый малой — я поручил ему доставить тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху. Кроме 2,000[2] за Бориса, я еще ничего не получил от Смирдина; думаю, накопилось около двух же тысяч моего жалованья;

---

[1] *В подлиннике:* убивают

[2] *Далее вписано и зачеркнуто:* тысяч

напишу ему, чтоб он их переслал ко мне по почте,[1] доставив тебе 500, Россетинских.[2] К стати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую; или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там, и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей богу, он очень со мною мил. Когда же мы, брат, увидимся? Ох уж эта холера! Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай. Кланяюсь всем твоим. Будьте здоровы. Христос с Вами.

22 июля.

Адрес: Милостивому государю
Александру Филиповичу
Смирдину — в С. Петербург у Синяго моста
дл.<я> дост.<авления> Петру Александровичу
Плетневу.

638. М. Л. Яковлев — Пушкину.

23 июля 1831 г. Петербург.

Вчера был я у Плетнева, на даче Молчанова; получил от него 125 руб. и дал ему надлежащую роспиську; в тот же день отдал деньги баронессе. Она при мне сделала надпись на векселе в получении процентов вперед за полгода. — Плетнев мне сказал, что он писал к тебе в прошедший понедельник и просил тебя получить с фрейлины Россети 500 р. Ты угадал: он сидит на даче и в город не заглядывает. Все у него здоровы. Софья Михайловна премного благодарит тебя за все твои благие намерения. Она в них не сумневалась. Трагедии К.<юхельбекера>, твою балладу и письма отдаст мне для[3] передачи тебе. С Цветами надо перегодить. Впрочем от тебя одного зависит успех издания оных. Твои *окружные грамматы* будут самые действительные. — Третьего дня получил я письмо от Малиновского. Он, как ты знаешь, Изюмской дворянской предводитель; хлопочет и с дворянами и с своими собственными крестьянами. Завтра пишу ему предлинное письмо, потому что он требует больших подробностей о всех наших. До сих пор, благодаря бога, не слыхать, чтоб кто-нибудь из нас попался в когти незванной гостьи; умерли только: у Илличевского мать, а у Комовского отец.

Вспоминает ли Наталья Николаевна о персидском пении, во время гулянья по саду, 2 июня?

М. Я.

1831 июля 23.
С. П. Б.

---

[1] по почте *переделано из* на почту

[2] *Переделано из* Россетиных

[3] для *переделано из начатого* пр<и случае>(?)

639. Л. С. Пушкин — Пушкину.

24 июля 1831 г. Действующая армия в Польше.

Je ne vous écris que deux mots et encore est-ce pour vous importuner de nouveau par rapport à l'argent. — J'ai emprunté au Général Rayevsky 300 roubles que je vous prie de vouloir bien lui payer, à lui ou au porteur de la présente.

1831. Ce 24 Juillet. —. Léon Pouchkine.

Адрес: A Monsieur
Monsieur de Pouchkine
à Pétersbourg.

640. П. А. Плетнев — Пушкину.

25 июля 1831 г. Спасская Мыза.

25 июля, 1831.

В твоих утешениях всё правда для ума, да сердце этому не вдруг начинает верить. Твои ко мне письма не пропадут. Если ты их адресовал в Екатерининский институт, они там пролежат у швейцара до прекращения холеры, а я после всё-таки их возьму. Эслинг не бывал у меня. Деньги за Бориса (всего 10.000) употреблены следующим образом: 5.000 отдано долгу Дельвигу, 4.000 переслано к тебе в Москву (в два срока по 2.000), и 1.000 отдана баронессе за твой портрет. Кстати: где-то он? Ты угадал, что жалованья твоего накопилось 2.000. Из них я вычел 500 р., полученные тобою вместо меня от Россети, а 1500 р. препровождаю. Прошу тебя дать мне знать, когда их получишь, потому что я не сам отдаю на почту. Поступок царя в отношении к тебе восхищает меня: он тебя балует более, нежели Екатерина Державина. Поцалуй Жуковского и поклонись Россети.

У Натальи Николаевны цалую ручку.

641. П. А. Вяземский — Пушкину.

27 июля 1831 г. Остафьево.

Остафьево. 27-го июля 1831.

Кинь это в Литтературную Газету:

[„В защиту и оправдание сво<его><?>]

„В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного Телескопом, г-н Греч говорит (Сын От.<ечества> №): *Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов).* — Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин [пишет] не одним мизинцом пишет".

А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно. Что за лакеи! —

Впрочем всё обстоит у нас благополучно. Как у Вас? Скажи Жучку — Датской собаке, что я получил его письмо об<-------> и оплеванное и порадовался этим чисто-арзамаским испражнениям. Тургенев еще здесь и ажитируется в помещичьих заботах. Все наши тебе сердцем кланяются. Мой Адольф, то есть нет, мой Фон-Визин зреет лежа: примусь за него окончательно на той неделе, а что же мой Адольф? Обнимаю тебя.

642. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

28 июля 1831 г. Тверь.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Драгоценное посещение ваше для меня сугубо-памятно. Вы утешили меня как почитателя вашего, давно желавшего вас видеть и обнять и, в то же время, вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем *не отразился* настоящий век. С добродушием, приличным старому, доброму времени, вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения. Вот вам тетрадка![1] Имейте великодушие ее прочесть — и вы увидите, *каково* было мое служение в Ол.‹онецкой› губернии и *как* я рекомендован. Теперь всё, что обо мне представлено, *лежит* у министра. Если можно, хотя звуком вашей лиры, возбудите спящее! — Государь и мудр, и милостив, и великодушен. Нужно только предстательство. Вы увидитесь с Васильем Андреевичем; он мой благодетель, смолвьтесь с ним. Во всяком случае мне утешительно будет увидеть, что двое первых поэтов нашего времени приняли участие в моей изувеченной судьбе. — Прощайте! До радостнейшей возможности *опять* вас увидеть и обнять.

С отличным почитанием и совершенной преданностию, имею честь быть,
милостивый государь!
вашим покор‹нейшим› слугою,
Федор Глинка.

P. S. Ваше живое, стееротипное издание — милый братец ваш, посетил меня, обедал, погостил и с богом отправился далее по тракту к Кавказу.

1831-го[2]
Июля 28-го Тверь. —

643. П. В. Нащокину.

29 июля 1831 г. Царское Село.

Я просил тебя в последнем письме доставить посылку Чедаеву: посылку не приняли на почте. Я просил заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вот сия тысяча; доставь ее с моей сердечной благодарностию моему любезному заимодавцу.

Что ты делаешь? ожидаешь ли ты своих денег и выручишь ли ты меня из сетей Догановского? Нужно ли мне будет приехать, как, признаюсь, мне хочется, или оставаться мне в Ц.‹арском› С.‹еле›, что и дешевле и спокойнее?

У нас всё, слава богу, тихо; бунты петербургские прекратились; холера также. Государь ездил в Новгород, где взбунтовались было колонии и где произошли ужасы. Его присутствие усмирило всё. Государыня третьего дня родила великого князя Николая Николаевича. О Польше ничего не слышно.

Прощай, до свидания.

---

[1] *Приложенные документы см. на стр. 257—261.*

[2] *Переделано из* 1830

644. Пушкин и Н. Н. Пушкина — П. А. Осиповой.

29 июля 1831. Царское Село.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; Votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois, et vous souhaite à tous et du fond de mon cœur, prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'Olga, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts — le Choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Новгород dans les colonies militaires? les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde prétexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les médecins ont été tous massacrés, avec un raffinement d'atrocité. L'Empereur y est allé, et a apaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable. Mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutes à sa présence. Il paraît que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болезнь повальная, а не зараза, следственно карантины лишнее; нужны одни предосторожности в пище и в одежде. Si cette vérité était connue avant, nous eussions évité bien des maux Maintenant on traite le Choléra comme tout empoisonnement — *avec de l'huile et du lait chaud*, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes intérêts et mes projets. Je ne tiens ni à *Savkino*, ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances à ce qui paraît vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma parfaite considération. Je salue toute la famille.

29 juillet. Sarsko-Sélo.

‹*Н. Н. Пушкина:*›

Permettez-moi, Madame, de vous remercier pour toutes les choses aimables que vous me dites dans votre lettre à mon mari; je me recommande d'avance à votre amitié et à celle de Mlles vos filles. Agréez, Madame, l'expression de mon respect.

Natalie Pouchkine.

Адрес: Ее высокородию
м. г. Парасковье Александровне
Осиповой.
В Опочке в селе Тригорском.

645. Ф. Ф. Вигель — Пушкину.

Июнь—июль 1831 г. Петербург.

J'ai mille choses à vous dire, mais comme vingt deux verstes nous séparent, je suis[1] réduit à vous écrire dix mots. Le projet d'un journal politique et littéraire est charmant, je m'en occupe beaucoup: j'ai cherché et je crois avoir trouvé pour son exécution une route à la fois sûre et noble. Vous connaissez M.‹onsieur› Ouvaroff, jadis Arzamacide: à ce qu'il me paraît il me veut du bien quoiqu'il ne soit pas tout à fait bien avec mon patron, mais en revanche il est très bien avec le Gén.‹éral› Benckendorf; votre projet lui a été communiqué, il l'approuve, il y applaudit, il en est enchanté et en parlera au Général quand vous voudrez. Je vous le répète, vous connaissez M.‹onsieur› Ouvaroff: vous devez donc savoir que c'est un homme de cour, aigri par des non-succès, mais qui ne poussera jamais la rancune jusqu'à refuser une place importante qui lui aurait été offerte, c'est un homme d'esprit blasé sur les jouissances que l'esprit procure, mais toujours prêt à rentrer dans la carrière littéraire et savante; en dernier analyse, c'est un bon enfant, mais un enfant vaniteux, qui se dépite, qui s'impatiente de n'être pas parvenu au degré de considération et de pouvoir qu'il ambitionnait par deux routes qu'il a successivement essayées; il en a pris une troisième, celle des richesses, et il a rencontré encore plus d'obstacles. Je le crois converti, au moins je le trouve bien plus aimable que je ne l'ai connu autrefois. Tout le mal vient d'avoir suivi d'abord le chemin de la gloire, ensuite celui des honneurs, d'avoir pris l'un pour l'autre et de les avoir confondus. C'est une erreur, mais ses anciens amis ont été aussi trop exigeants, j'oserai dire injustes envers lui; ils lui ont supposé, je ne sais trop pourquoi, une fermeté stoïque, une âme romaine, et quand ils ont vu qu'ils s'étaient trompés, ils se sont éloignés de lui comme d'un transfuge, comme d'un parjure. Malgré tout mon respect, toute ma déférence pour eux, je ne le trouve pas si coupable; l'estime, la bonne volonté que je lui montre, me paraissent payés de la même monnaie. L'idée de votre projet a été saisie par lui avec une ardeur, je dirai même, une grâce enfantine. Il promet, il jure de coopérer à l'exécution; du moment qu'il vous connaît dans les bons principes, il est prêt d'adorer votre talent, qu'il ne faisait qu'admirer jusqu'ici. Dans son impatience, il voudrait vous voir Membre honoraire de son Académie des sciences; le premier fauteuil Académique vacant chez Schischkoff doit vous être destiné, vous être reservé: poète, vous n'avez pas besoin de servir, mais pourquoi ne seriez‹-vous› pas de la Cour? Si une couronne de lauriers orne le front du fils d'Apollon, pourquoi une clef ne décorerait-elle pas le derrière du descendant d'une race antique et noble? Enfin, ce ne sont que projets de bonheur et de gloire pour celui qui ne se contente pas d'illustrer son pays, mais veut aussi le servir de sa plume.

Enfin, vous voyez qu'il ne tient qu'à vous d'avoir des partisans bien chauds et bien zélés. — Il désire beaucoup que vous veniez le voir, mais pour être plus sûr, que vous lui écriviez pour lui demander une entrevue et marquer l'heure et le jour, vous aurez une réponse prompte et satisfaisante. Dans votre billet vous pourrez me citer, mais ne rien dire du contenu de celui que je vous écris. Il devait être en dix mots, comme e l'ai dit au commencement, mais il paraît que je suis de ces gens, qui ont besoin de deux heures pour les dire et trois pages pour les écrire. Adieu, au revoir. Et à quand ce revoir?

Wiegel.

---

[1] *Переделано из* me

646. Н. М. Коншину.

Июнь — июль 1831 г. Царское Село.

Собака нашлась благодаря Вашим приказаниям. Жена сердечно вас благодарит, но собачник поставил меня в затруднительное положение. Я давал ему за труды 10 рублей, он не взял, говоря: *мало*, по мне и он и собака того не стоят, но жена моя другого мнения. Здоровы ли и скоро ль увидимся?

А. П.

Адрес: Николаю Михайловичу
Коншину.

647. Н. М. Коншину.

Конец июня — июль 1831 г. Царское Село.

Вот все № находящиеся еще у меня. Сердечно благодарю за доставление известий, хотя и нерадостных. Нет ли у вас Лит.<ературной> Газ.<еты>? Здоровы ли вы и Авд.<отья> Яковл.<евна>? До свидания.

А. П.

648. В. А. Жуковский — Пушкину.

Вторая половина июля 1831 г. Царское Село.

Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердишься на Чуму: она едва ли не лучше Каменного Гостя. На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется и то и другое еще можно усилить. — Пришли Онегина, Сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные. Завтра всё возвращу.

Ж.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.

649. М. П. Погодину.

Конец июля 1831 г. Царское Село.

Любезный и почтенный, не имею времени отвечать Вам на ваше письмо. Уведомляю Вас только, что поручение Ваше, косательно Статистики Петра I, исполнено; Ж.<уковский> получил экз.<емпляры> для великого князя и для себя; [с В< . . . >] экземпляром, следующим в.<еликому> к.<нязю> Константину, расположил он иначе. Ж.<уковский> представит его императрице. Напишите, сделайте милость, официальную записку *его превосх.<одительству> Ивану Павловичу Шамбо* (секретарю ее величества) [т<ак><?>] *„Осмеливаюсь повергнуть*

к ногам ее величества такую-то замечательную книгу и проч."* У г.‹енерала› Бенкендорфа был я для Вас же, но не застал его дома; он в Ц.‹арском› С.‹еле› остается, следств.‹енно› на днях буду с ним толковать. Покаместь обнимаю Вас.

А. П.

* и доставьте [1] письмо мне.

650. П. В. Нащокину.

3 августа 1831 г. Царское Село.

Отец и благодетель! На днях послал я к тебе Горчаковскую 1,000; отпиши, батюшка Павел Воинович, получил ли всё исправно, да еще покорнейшая просьба: узнай от Короткого, сколько должен я в Ломб.‹ард› процентов за 40,000 займа? и когда срок к уплате? Пошел ли в дело Дороховский вексель и здоров ли Корнилион-Пинский? Здоров ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что ж не присылаешь ты Есауловского романса,[2] исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейленами. Всё здесь обстоит благополучно. Жена тебе кланяется.* Портрета не присылает, за неимением живописца. За сим прощения просим.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в Ломбард. Самому ли мне приехать? Доверенность ли кому прислать? или по почте отослать деньги? —

* И цалует. *Зам.‹ечание› Нат.‹альи› Ник.‹олаевны.›*

651. П. А. Вяземскому.

3 августа 1831 г. Царское Село.

3 августа.

Литературная Газета что-то замолкла; конечно Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о Мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить; но нам покаместь не до смеха: ты верно слышал о возмущениях Новогородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новг.‹ородских› поселен‹иях› [3] со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, износильничали жен; 15 лекарей убито; спасся один при

[1] *Переделано из* доставите

[2] *В копии:* романа

[3] в Новг.‹ородских› поселен‹иях› *вписано.*

помощи больных, лежащих в лазарете; убив всех своих начальников, бунтовщики выбрали себе других — из инженеров и комуникационных. Государь приехал к ним вслед за Орловым. Он действовал смело, даже дерзко; разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков. Они обещались и смирились. Но бунт Старо-Русской еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых, и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников. — Плохо, Ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачей комедии нашей литературы. Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впроччем Франция одна не сунется; Англии не [на что] для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся.

В Сарском селе покаместь нет ни бунтов, ни холеры; русские журналы до нас не доходят, иностранные получаем, и жизнь у нас очень сносная. У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей Арзамасские извинения гекзаметрами.

— — чем умолю вас, о царь мой небесный —
— — — — прикажете ль? кожу,
Дам содрать с моего благородного тела вам на кóлоши,
— — прикажете ль? уши
Дам обрезать себе для хлопошек и проч.

Перешлю тебе это чисто Арзамасское произведение.

Благодарю А.‹лександра› Ив.‹ановича› за его религиозно-философическую приписку. Не понимаю, за что Чедаев с братией нападает на реформацию, c.‹'est› à d.‹ire› un fait de l'esprit Chrétien. Ce que le Christianisme y perdit en unité il le regagna, [par [cet] ce fait], en popularité. Греческая церковь — дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа. Радуюсь, что Чедаев опять явился в обществе. Скажи ему, что его рукопись я пытался-было переслать к нему, но на почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним. Кланяюсь всем Вашим, и желаю Вам здравия и спокойствия.

Сарское Село.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москву в Чернышевском переулке в собств. доме.

652. П. А. Плетневу.

3 августа 1831 г. Царское Село.

Получил я, любезный Плетнев, и письмо и 1500. Ты умно делаешь, что сидишь смирно в своей норе, и носу не показываешь в проклятом некогда мною П.‹етер›Б‹ур›ге. Не холера опасна, опасно опасение, моральное состояние, уныние, долженствующее овладеть мыслящим существом в нынешних[1] страшных обстоятельствах. Холера через неделю вероятно прекратится; но С.‹арское› село будет еще долго окружено карантинами; и так свидание наше еще далеко. Что же Цветы? ей богу не знаю, что мне делать. Яковлев пишет, что покаместь нельзя за[2] них приняться. Почему же? разве типографии остановились? разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания? К стати: что сделалось с Лит.‹ературною› Газетою? Она неисправнее Меркурия. К стати: не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера уносит пьяниц. С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. [Он] Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. „Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?“ — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя, его зарезать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мне, не достигнув до тебя.

3 авг.

Россети вижу часто; она очень тебя любит и часто мы говорим о тебе. Она гласно сговорена. Государь уж ее поздравил.

Адрес: М. г. Петру Александровичу Плетневу в Петербург в Екатерининской институт.

653. М. П. Погодин — Пушкину.

10 августа 1831 г. Москва.

Благодарю, сердечно благодарю любезнейшего Александра Сергеевича за его хлопоты. — Мне очень совестно. — Вот письмо к г. Шамбо. — Но прилично ли представлять Статистику государыне. — На что ей? — Впрочем буди по вашему. —

---

1 *Переделано из* нынешние

2 *Переделано из* к ‹ним›

Петра я кончил, а вы не вставили об нем ни слова. Я почел это неблагоприятным знамением. — Теперь он позабыт мною совершенно, совершенно, как будто б и не бывал в голове. — Что я набредил тогда вам в своей горячке! Сам не помню.

Примите к сведению, что Б.<енкендорф> писал к цензору, еще весною, после многих похвал: „нет никакого препятствия выпустить ее, Марфу,[1] в свет; но лучше остановиться, до окончания ныя.<ешних> смутных обстоятельств". — След.<ственно> с ним и говорить нужно ли? — Лишь будет поспокойнее, я имею сугубое право выдать ее. —

Как же я теперь спокоен и доволен, и счастлив в деревне. — Часов двенадцать за историею, и к ночи ворох! — Теперь сижу за Гиббоном. — Познакомясь с последними римлянами, примусь за франц.<узов> чрез Сисмонди, Гизо etc., потом поверю их летописями, и чрез год надеюсь отхватать франц.<узскую> истор<ию>, как первую между новыми, потом Англию, Испанию тоже, а потом и представлю вам исторические размышления о евр.<опейской> ист.<ории>.[2] Вот мое дело. Всё прочее — hors d'œuvre! —

А что ваш план издавать период.<ическое>? Предупредите, чтоб я наготовил вам всякой всячины. —

Благодарю Вас паки и паки!

1831. Авг. 10. Ваш М. П.

654. П. А. Вяземскому.

14 августа 1831 г. Царское Село.

Любезный Вяземский, поэт и ка^{ме}ргер.....
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключем за Верность и за Веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру —
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, Царскосельские Арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь. Протокол заседания будет немедленно доставлен Вашему Арзамаскому и Камергерскому превосходительству (такожде и сиятельству). Спрашивали члены: За чем Асмодей не является ни в одном периодическом издании? Секретарь ответствовал единогласно: Он статьи свои отсылает в Комерческую Газету без имени.

---

[1] Марфу *надписано над* ее

[2] о евр. ист. *вписано.*

Спрашивали члены: Давно ли Асмодей занимается Комерческой? выигрывает ли он в комерческую? Председатель ответствовал единогласно же: В Комерческую выиграл он ключ, и теперь Асмодей перейдет к Банку.

Оставя Арзамасскую политику, скажу тебе, что наши дела польские идут, слава богу: Варшава окружена, Крженецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, не взначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно они хотят сражения; следственно они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает, следственно граф Паскевич удивительно счастлив. Король Голландский погорячился, но кажется он принужден будет отложить попечение о Белгии: Пруссии не до него. Если заварится общая, европейская война, то право буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возму в торока. У Ж.<уковского> понос поэтический хотя и прекратился, однакож он всё еще <------------> гекзаметрами. Ждем тебя. Право надобно нам начать журнал, да какой? Quarte<r>ley. В 3 месяца книжку, нет, книжищу выдадим, с помощью божией и Лизы голенькой. К стати: Лиза написала было мне письмо в роде духовной: croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла. Что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Mornay да с ним кокетничает! Каково? O femme, femme! créature faible et décevante.... Прощай, камергер, кланяюсь тебе и твоим от всего сердца.

14 авг.

Адрес: Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве в Чернышевском переулке в собственн. доме.

655. П. И. Миллеру.

Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Сердечно благодарю вас за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обещание — побывать у меня? Внук очень тем обяжет ему сердцем преданного деда. А. П.

656. В. А. Жуковский — Пушкину.

Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Сей час государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляра. Нехудо, когда и для государя и для императрицы перепишешь по экземпляру и скорее им доставишь экземпляр.

Ж.

657. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 15 августа 1831 г. Царское Село.

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую ценсуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив — ъ. То же и об городах и деревнях.

4) Числа[1] (кроме годов) печатать буквами.

5) В сказке *Смотритель* назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантины.[2]

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

Главное: будем живы и здоровы... Прощай, мой ангел.

P. S. Эпиграфы печатать перед самым[3] началом сказки, а [н‹азвания›] заглавия сказок на особенном листе (ради ширины) ‹. . . . .›[4]

К стати об эпиграфах. К *Выстрелу* надобно будет приискать другой, именно в *Романе в семи письмах* А. Бестужева в Пол.‹ярной› Звезде: *У меня оставался один выстрел, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

658. Н. В. Гоголь — Пушкину.

16 августа 1831 г. Петербург.

16 авгу. СПб.

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас; но вышло иначе. Я спохватился уже поздо. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину

---

[1] *Переделано из начатого* Го‹ды›

[2] *Было:* рекрутский набор, карантины.

[3] *В подлиннике:* самим

[4] *Середина листа (около 9 строк текста) вырезана.*

для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставленна в мои руки. Я только что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего кореспондента. Он, получивши на имя мое деньги и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царско Село вместе с письмом, и вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в[1] Институт Патриотическ.<ого> Общества на Васильевском Острову. —

Ваш Гоголь.

659. В. П. Горчаков и П. В. Нащокин — Пушкину.

18 августа 1831 г. Москва.

<В. П. Горчаков:>

От Павла Войновича деньги две тысячи все с полна получил — спасибо за точность. Будь здоров и не забывай преданного Горчакова.

<П. В. Нащокин:>

Всё исправно — теперь у нас идут переговоры с Таконовским. До получения моих денег — нашел я приятеля, который мне даст сколько потребуется на твою сдельку — следственно к будущей почте я думаю всё кончить и прислать все твои векселя, — Горчакова вексель я не получил ибо он живет в деревне — приезжал два раза, и не привозил его. У Короткого, я еще не спрашивал про ломбарт. Я его не видал — тоже к будущей почте; Корниол Пиньский здоров. Я его на улице в стретел; зачем тебе его; я существую по не многу; Есаулова нет в Москве — и романса то же, получил место за 4 тыс. рубл. — Я очень рад. Он в Ярославле, и еще ко мне не писал. Натальи Николаевне мое нижайшее почтение, про нее и про тебя сказок в Москве много. За поцалуй, чувствительно благодарю — я его получил в темя и отразил мысленно в ручку. Послал ли ты Чедаеву посыльку, я его всякой день вижу но не как не решился подайти, я об нем такого высокого мнения, что не знаю как спросить или чем начать разговор. Он ныне пустился в люди всякой день в клобе где и я по затянулся по милости твоей ибо там происходит моя дипломатика касательно твоего дела с Тагоновским, мне хочется выторговать три или две тыся.<чи>. Прощай покуда, от того мало пишу что много надо писать — теперь же некогда, оставляю до будущей почты. Прощай дражайший друг.

П. Нащокин.

18-го августа. 1831 года.

Адрес (рукой П. В. Нащокина):

Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину
в Царском Селе в доме Китаева.

---

[1] *Переделано из начатого* на Патр<иотический>

660. Н. В. Гоголь — Пушкину.
21 августа 1831 г. Петербург.

СПб. Августа 21.

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны, и знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке.[1] Это меня несколько удивило; я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *Штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни. Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: *Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина*, он говорит, обращаясь к читателям: „Много, премного у меня романов в голове“ (его собственные слова), „только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы. Так и прыгают из головы. Но нет, не пущу до время, а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте! Извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!“ Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александр.‹а› Анф.‹имовича› над Фадеем Бенедик.‹товичем›. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин здравствует и недавно еще сказал в своей газете: „Должно признаться, что Север.‹ный› Меркурий побойче таки иных Литератур.‹ных› Прибавлений“. Как-то теперь должен беситься Воейков, а он, я думаю, воображал, что бойче Литер.‹атурных› Прибавлений нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим:[2] Петра Ивановича Выжигина и Сокол был бы сокол, да курица съела. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: Наконец, кажется, приспело то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом и старые поборники франц.‹узского› корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина) убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч. и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означенно направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном): та же гордость, та же буря сильных непокорных[3] страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видны и на нашем

[1] *Переделано из* стене

[2] положим *переделано из начатого* Соко‹л›

[3] *Переделано из* непреклонных

соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежат им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона. В самих даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс.‹андра› Анфим.‹овича› можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина, говорить, что скорее Орлов более философ, [не‹жели›] что Булгарин весь[1] поэт. Тут недурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта; натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить места, каких (само по себе разумеется) не бывало в романе. [Почему] Нехудо присовокуплять: Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже). Всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное, нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделенны на две стороны: одни на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга —

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатеринескому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов были наполненны водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя в 2 Адмиральте.‹йской› части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме *Брунста*. —

Прощайте. Да сохранит вас бог вместе с Надеждою Николаевною от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским. —

Ваш Гоголь.

661. П. А. Осипова — Пушкину и Н. Н. Пушкиной.

21 августа 1831 г. Тригорское.

Le 21 d'Août. 1831.

La Choléra chez nous aux environs de Trigorsk n'a d'autre inconvénient que de retarder la marche de la poste; et c'est à cela je pense qu'il faut attribuer l'arrivée si lente de votre lettre du 29 de Juillet, mon cher Alexandre, c'est le 11 d'Août que je l'ai reçue, et comme ma santé tout ce temps-ci n'est pas des meilleures je n'ai pas pu vous répondre plus tôt. Et puis Mr l'Archevêque, Mr Peschouroff, sont venus me voir, et puis il fallait aller chez Boris et Euphrosine, et puis mille petits riens m'empêchaient de vous écrire — jusqu'à aujourd'hui. — Je vous remercie pour la confiance que vous avez en moi, mais plus elle est grande plus je serai obligée de m'en rendre digne — et ma conscience ne me donnera pas de repos. C'est pourquoi au risque de vous ennuyer je vous demande, mon jeune ami, quelle somme vous êtes disposé[2] d'employer pour l'acquisition de ce que vous appelez une chaumière —

[1] весь *переделано из* всё

[2] *В подлиннике:* quel sommes vous est disposée

je pense, pas plus de 4 ou 5 mille. — Les habitants de *Savkino* ont 42 arpents de terrain divisé entre trois propriétaires. Deux entre ceux-ci sont déjà presque d'accord pour la vente, mais le plus vieux ne se décide point — et pour cette raison demande un prix fou. Mais si vous me dites ce que vous voulez employer pour une acquisition — nous avons un moyen de concilier les désirs du vieillard, et les nôtres. Car que ferez-vous d'une terre qui vous éloignerait de Michailovsk? — (et j'ose d'après votre aimable expression) de Trigorsk, qui à présent n'a de charme pour moi que par l'espoir de votre voisinage. — C'est pourquoi jusqu'à ce que je perdrai tout espoir, je tiendrai pour Sawkino. — Nous avons appris, hélas! les troubles des Colonies Militaires. Vous avez raison, en parlant de ce qu'il ne faut pas. — Mais aussi longtemps que le brave Nicolas se tiendra de la mode du gouvernement militaire, cela n'ira que de pire en mal — apparemment qu'il n'a pas lu avec attention, ou point du tout, l'Histoire du Bas-Empire, par Ségur.* — Que pense-t-on de cette sotte guerre de la Pologne chez vous. Quand aura-t-elle une fin. — Je m'oublie au plaisir de causer avec vous, mon aimable fils de mon cœur. Car si mon papier eusse l'étendue du ciel et l'eau de mon encre fournie par la mer, j'aurai toujours encore une idée pour vous exprimer mon amitié, et pourtant deux mots le diront aussi bien: aimez-moi le quart de ce que je vous aime et cela me suffira. Annette et Alexandrine vous saluent.

Praskovie Ossipoff.

Mille choses à vos parents de ma part.

‹Н. Н. Пушкиной:›

En vérité, Madame, les trois lignes que vous m'avez adressées dans la lettre que je viens de recevoir de votre époux, m'ont fait plus de plaisir qu'en d'autre temps trois pages, et je vous en remercie de tout mon cœur. Je me félicite de l'espérance de pouvoir vous voir un jour, car je suis toute prête à vous admirer et à[1] vous aimer comme le font tous ceux qui ont la satisfaction de vous connaître. Vous rendez heureux des personnes que j'aime, voici déjà un droit à ma reconnaissance. Je vous prie de croire aux sentiments très affectueux

de votre très humble servante
Praskovie Ossipoff.

Si ma chère Olga est au milieu de vous, veuillez bien lui dire mille choses agréables de ma part.

---

* Maint autres qui ont écrit sur les causes des chutes des Empires.

662. П. А. Вяземский — Пушкину.

24 августа 1831 г. Остафьево.

Остафьево. 24-го августа 1831.

Спасибо, большое спасибо за Арзамаскую грамату. Крыло вдохновения, старины и Арзамаского гуся повеяло над тобою и потрепало мою задницу. Это приятное щекотание отозвалось в моем сердце и таким образом ты меня потешил со всех сторон. И здесь твое послание было прочтено в полном присутствии: вчера

---

[1] *Переделано из* de

обедал у нас Дмитриев. Он что-то вяиет духом (не прочти *воняет*), и я начинаю бояться за него. Жаль, что тебя здесь нет: я угостил бы тебя перепискою знакомого тебе Авраама с Игнатием Петровым, по поводу отпускной его. Письма подсыпаны эпиграммами против господ Ворожейкиных и желчно-элегийскими выходками, что всем известно, что после брата не осталось ему ни *булавки*. И всё это написано с добросовестностью и некоторою классическою сановитостью. Одним словом вкусно и хорошо. — Сделай одолжение, занимайся приготовлениями журнала, корми эту мысль, но прежде всего напиши план и представь его, куда следует. Я недавно получил письмо от Баратынского из Казани, куда они все поехали, то-есть Энгельгардовы, как он пишет, по делам, а как мне сказывали, от холеры. „Пишу, говорит он, но не для потомства, как Вы предполагаете слишком дружески, но для нижнего земского суда". А Жуковский всё еще пописывает: бог помощь! Не знаю, холера ли, царскосельский ли воздух, но на Вас действует какое-то благоприятное письменное наитие. И ты стал так исправно отвечать на письма, что любо. „Ох! я женат!" скажешь ты, как Платон Сергеевич. Теперь времени много. Тургенева видали мы довольно часто, теперь он к нам ни ногой, потому что трусит холеры, которая шатается по нашему околотку и при том же он волочится в Москве и дремлет за Бухариною, за дочерьми Султанши, Солдатши, или просто Сольдан, и за многими другими. Карамзины пробудут здесь, я думаю, еще с месяц; вероятно и я также. Не будет ли твоих денег у Нащокина рублей пять сот? В таком случае, вели ему отдать их мне, а остальные додашь мне в Питере. Передай мой сердечный поклон Dona Sol и скажи, что брат ее в Москве много успел по части каламбуров. Напомни Жуковскому о гомеопатической аптечке. Теперь сообщения свободны и можно прислать. Пожалуйста напомни. Все мои, то есть наши, тебе, то-есть Вам, кланяются.

О прежний Пушкин *ты Вы* парочка уж ныне!

Знаешь ли, слухи носятся, что ты очень ревнив? Я, если жена твоя не ревнива, позволяю тебе поцаловать мою сокурносую бель-сёрку. Она отказаться не может, ибо знает мои права над нею. — Читал ли ты le noir et le rouge? Замечательное творение. Теперь я мог бы по совести бранить Рославлева, потому, что купил это право потом лица и скукою внимания. В Загоскине точно есть дарование, но за то как он и глуп, уж это, воля Ваша, не Василью Львовичу чета. Тот, во-первых, имел ум не писать прозою, и это уже важный перевес. Не правда ли, что в Рославлеве нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении? Я начинаю думать, что Петр Иванович Выжигин сноснее, но чтобы убедиться в этом, надобно прочесть его, а боже упаси того! — Да кстати, ты, кажется, ревнуешь и к Голицынской. Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком-то Mornay. Впрочем не беспокойся и не верь клевете: это верно Dona Sol смутила тебя, она и меня хотела поссорить с нею. Кстати о ревности, попроси ее, то есть Dona Sol, сжечь до замужства своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались знаю я потому, что она для смеха их кому-то показывала. Я полагаю, что текст пословицы *щей горшок, да сам большой* не исправен. В русском нет этого духа независимости. Не просто ли: *щей горшок, да самый большой*? Вот это так; это по-русски. Не написать ли мне трактат об этом также, как и о том, что вероятно: *Куда ни кинь так клин* перевод: de quel côté que je me tourne, je vois le port de Livourne. При человеке известного вкуса хвалили одну девушку и говорили: она хороша как роза. Что Вы говорите, как роза, она даже хороша как розан, отвечал

человек известного вкуса. Чтобы ты не подумал, что повторяю тебе анекдот, спешу заявить, что это моего сочинения. Не написать ли трактат и о греческом исповедании наших старинных граматеев или ботаников, которые отнесли розу к мужескому роду?

663. Н. В. Гоголю.

25 августа 1831 г. Царское Село.

Любезный Николай Васильевич,

Очень благодарю Вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Ф.<еофилакта> Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов [у] и отзыва остренького сидельца. У нас всё благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чую осень, и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

25 августа. А. П.

664. В. А. Жуковский — Пушкину.

24—27 августа 1831 г. Царское Село.

Приходи ко мне в половине первого; пойдем в Лицей: там экзамен истории.

665. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

29 августа 1831 г. Царское Село.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Я сообщил г. генерал-адъютанту графу Чернышеву доставленную мне Вами, милостивый государь, записку о сотнике Сухорукове, изъявившем желание получить копии с выписанных им в архивах материалов для составления истории войска Донского, которые он, уезжая в 1826 году в армию, должен был, по приказанию генерала Богдановича, передать в чужие руки, равно как и множество приобретенных им древних летописей, повестей и поэм, относящихся к сему войску.

Граф Чернышев отвечал мне на сие, что акты, о коих упоминает сотник Сухоруков, никогда не были его собственностию, ибо они собраны им из архивов

войска и из других источников по приказанию и направлению его, графа Чернышева; что акты сии, как принадлежащие к делам Комитета об устройстве войска Донского, никак не могли утратиться, но должны быть в виду начальства, и что, наконец, он находит со стороны сотника Сухорукова не только неосновательным, но даже дерзким обременять правительство требованием того, что ему не принадлежало и принадлежать не может.

Считая долгом уведомить о сем Вас, милостивый государь, честь имею быть с совершенным почтением и истинною преданностию,

милостивый государь,
покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 4426.
29. Августа 1831.

Его высокобл‹агород›ию А. С.
Пушкину.

666. Н. М. Коншин — Пушкину.

Август 1831 г. Старая Русса.

Я теперь как-будто за тысячу по крайней мере лет назади, мой любезнейший Александр Сергеевич. Кровавые сцены самого темного невежества перед главами нашими перечитываются, сверяются и уличаются. Как свиреп в своем ожесточении добрый нарсд русской! жалеют и истязают; величают вашими высокоблагородиями и бьют дубинами, и это всё вместе. Чорт возьми, это ни на что не похоже! Народ наш считают умным, но здесь не видно ни искры здравого смысла.

Начальство доверило раскаявшимся дуракам выбор и представление преступников, но кажется они не совсем искренно к этому приступили. — Попадаются люди не совсем виновные вместо убийц. Я хотел продолжать здесь мой роман, но теперь не до него. — Пишите вы больше; как жаль, что у меня нет никаких теперь литературных новостей... Что-то Косичкин? возгласил ли в Москве, и как идет продолженне? Это очень меня занимает, не поленитесь сказать мне слова два, и пришлите в мою канцелярию, оттуда доставят ко мне сюда, вместе с бумагами, которые идут ко мне часто.

Прощайте. Будьте здоровы, скажите от нас почтение Вашей супруге, и любите

Коншина.

Адрес: Его высокоблагородию
Александру Сергеевичу
Пушкину.

667. П. А. Вяземскому.

Конец августа 1831 г. Царское Село.

(Между нами) У Дельвига осталось 2 брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим *Сев.‹ерные› Цветы* в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы; за журнал наш примимся после.

20 авг.<уста>, день смерти Вас.<илия> Льв.<овича>, здешние Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас.

668. О. М. Сомов — Пушкину.

31 августа 1831 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

По милости окаянной холеры, мы, бедные Петрополитанцы, должны сидеть на привязи и не выказывать носа из столицы. Давно собирался я Вас поздравить, с тем, что по слуху мне известно: именно с званием Историографа Петра I, с коллежской службой и пр.; но всё надеялся высказать это поздравление языком, а не пером. Теперь же, кажется, нет к тому и близкой надежды. Бога ради, известите меня, как скоро можно будет ездить в Царское Село. Пора думать и о Северных Цветах, у меня уже запасено кое-что моего и чужого (в числе последнего, нигде еще не напечатанная и мало кому известная повесть Батюшкова, в прозе). До меня дошли также слухи, что у Вас есть пять повестей готовых: не уделите ли из них малую-толику для общего дела? — Розен написал весьма хороший разбор Бориса Годунова и отдал его мне. Это бы надобно было прочесть вместе.

У меня затей, затей! полны карманы. Во-первых, у меня ростет *Борода Богдана Бельского*, и разростается тома на два; во-вторых: я ухватился за любимую мечту мою, *Хмельницкого*; собрал об нем всё, что можно, и теперь его обдумываю и передумываю. Не назову его ни историческим романом, и даже не окрещу именем Хмельницкого; но это будет просто малороссийская быль: *Оклечай*. — *Гайдамак* мой подвигается к концу, и в марте, может быть, выкажет нос из-под спуда. Кроме того, у меня впялено еще несколько малороссийских былей меньшего объема.

Вот вам и чужая просьба: актриса Валберхова Старшая просит у Вас позволения на бенефис ее сыграть одну или две сцены из *Бориса Годунова*. Кажется, она особенно метит на сцену Марины с Лжедимитрием. Позволите ли Вы ей? В таком случае, сделайте одолжение, уведомьте меня поскорее.

В 13-м № Телескопа напечатана статья презабавная: Торжество дружбы, в защиту А. А. Орлова. Сочинитель, кажется, псевдоним:

Я по зубам узнал его тотчас.

Новостей замечательных здесь нет, кроме разве, что у меня родился сын, малый прешумливый. От Софьи Михайловны получил я письмо: она уехала в Чернь, к матери покойного нашего друга.

26-го августа я пил здоровье Натальи Николаевны, а теперь прошу Вас засвидетельствовать ей мое почтение.

Скоро ли-то пречистая богородица сподобит меня увидеть Вас? О сем же молю ее благостыню, да не убо преидет глас моления моего втуне. — В ожидании, с душевным почтением и преданностию пребываю

Ваш покорнейший слуга
О. Сомов.

С. Петербург.
Августа 31 дня
1831.

P. S. Письма ко мне адресуются: в *Глухом переулке*, в доме майорши Брюн (Brun).

669. П. А. и В. Ф. Вяземские — Пушкину.

31 августа 1831 г. Остафьево.

‹П. А. Вяземский:›

Остафьево. 31-го августа.

Из Гирлянды узнал я, что Адольф мой вышел. Родительскому сердцу нетерпится обнять его. Напиши Плетневу, чтобы он выслал на мое имя, или книгопродавца Салаева, экземпляров сто, или, по крайней мере, поскорее один мне на показ. Тебя в Москве, слава богу, уморили. Это добрый знак и многие лета. Скажи Полуектовой, чтобы она показала тебе, что̀ я пишу к ней. Мы вчера семейно пили за твое здоровие и настоящим шампанским. Я думаю, и из Авраамова лона, как *из подземельна свода*, была вытащена *Шампанского бутыль*. — Что же наши *Цветы* пойдут ли на лад? Пора приниматься, а у меня уже кой-какие стишки готовы, которые пока преют за пазухою у Тургенева. Он по старому всё так и хватает. Прощай, душа. Мой нижайший поклон царскосельским академикам: фрейлинам Василью Андреевичу Жуковскому и Александре Осиповне Россетти. Наши все тебе кланяются. *‹В. Ф. Вяземская:›* А я даже и поцеловала бы вас нежно, кабы не боялась, не моего супруга, а вашей милой супруги; спросите у нее от меня, не разрешит ли. — *‹П. А. Вяземский:›* (не разрешится ли?)

Скажи Жуковскому, что сей час получил его *постные* письма, то есть посниковское и омеопатическое. Отвечать буду после.

Адрес: Александру Сергеевичу
Шульгину,
нет, виноват, соврал,
Пушкину,
который пишет и печатает стишки.

670. П. В. Нащокин — Пушкину.

2 сентября 1831 г. Москва.

Ну — Александр Сергеивич, измучился я на твой счет; не писал и к тебе так долго, боясь удоставерится о смерти твоей. Вот что две недели говорили в Москве, что ты умер — жена осталась беременна, и так далее — но я не вслушивалься в подробности, не хотелось мне услыхать что-нибуть правдоподобного, одним словом я очень беспокоилься, — но ты жив, узнал я от клобного повара, к которому писал твой, что всё благополучно, и потому решаюсь писать. Но и теперь прошу мне ответить как можно скорея, на предки ты можешь поручить Василью, извещать меня еженедельно о твоем здоровьи. Посылаю тебе горчаковский вексель, — с Жемчужниковым дело идет довольно туго — ибо они не нуждаются деньгами, я просил уступки собственно для себя — нисколько тебя не компрометировая, вот каким образом: Александр Сергеивич буде узнает что я в хожу в переговоры, касательно его векселей, в таком случае он очень на меня рассердится, — и потому прошу их покорно не предпологать чтобы *ты* тут в чем учавствовал. Но дело в том что я будучи тебе должен — обязан выплатить им по нашему между собою условию — но так как я из полученых мною денег, (которые я еще не получил буде

тебе известно) уплатя им все дватцать тысяч, — останусь без гроша ибо я только что и получу — следственно я прошу у них уступки собственно для себя, — теперь же скажу тебе — что если они не согласятся, в таком случае я с ними кончу; ибо Рахманов до получения моих денег дает мне сколько нужно денег на сделку — и потому прошу тебя как можно положится на меня — и не сколько не беспокоится. Я сделал разные обещании — в [случае] надежде о не справедливости слухов таких гнусных — для меня; отвечай мне скорее, для исполнении оных обещаний состоят кому десять рубл. кому пять — и разные дворские подарки. — Почтение мое Натальи Николаевне — как человек мнительный и [съ] несколько с воображением, я предполагаю — что работа, предосначенная по милостивому вниманию Натальи Николаевны мне — [пере<шла>] докончена и перешла в руки ближайшие; — чтобы не сделать ошипки, напишу русскими буквами французскую пословицу: ле абсан он тужур тор, — не так ли, ибо я давно жду посылок от тебя, кроме чужих денег ничего не получал. Правда ли что двор будет в Москву — будешь ли ты и когда и скоро ли? На будущее лето — предлагаю Вам мою деревеньку на житье, которая состоит в стошестидесяти верст от Москвы, я в ней жить не могу а мог бы приехать дня на три. Прощай Александр Сергеивич, будь жив и здоров и весел, пиши ко мне будущую почту, а я покуда прощай, пустяков писать не хочется.

П. Нащокин.

1831-го года
2-го сентября.

671. П. В. Нащокину.

3 сентября 1831 г. Царское Село.

Любезный мой Павел Войнович, не отвечал я на твое последнее письмо, исполнившее меня радостию и благодарностию, в ожидании обещанного следующего. Но оно покаместь еще не пришло. <Дай>[1] бог, чтоб успех увенчал дипломатику твою! жду <с>[1] трепетом сердца решения Догановского. Всё ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головные боли, поездки к Елене Тимофеевне, и прочие бури? У меня, слава богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования, и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай бог здравия царю! Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Алекс.<андра> Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; в следствии сего Алекс.<андр> Григ.<орьев> сдал министерство Василию (за коим блохи другого роду). В тот же день повор мой явился ко мне с требованием отставки; сего министра хотят отдать в солдаты, и он едет хлопотать о том в Москву; вероятно явится и к тебе. Отсутствие его мне будет ощутительно; но может быть всё к лучшему. Забыл я тебе

[1] *Прорвано.*

сказать, что Алекс.<андр> Гр.<игорьев> [вм<есто>] при отставке получил от меня в виде атестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военною силою, т. е. с квартальным; но это обратилось ему же во вред; ибо лаво<чник>и,[1] проведав обо всем, засадили было его в <ям>у,[1] от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; [его] ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранит меня, да и только — а всё за нашего друга Ал.<ександра> Юрьевича. Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Нат.<альи> Николаевны; мои дела идут по маленьку. Печатаю incognito мои повести; первый экземпляр перешлю тебе. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардте пораспросить.

3 сент.

А. П.

Жена тебе весьма кланяется. — До свидания.

672. П. А. Вяземскому.

3 сентября 1831 г. Царское Село.

Сперва о деле: у Нащокина моих денег нет, а своих вероятно не завелось. По причине холеры я в получении доходов затруднен. Твои 500 рублей получишь из П.<етер>Б.<урга>, как скоро спишусь с моими корреспондентами. Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! кто нам разрешит журнал? Ф.<он> Фок умер, того и гляди поступит на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четыремесячный, третейской можно бы нам попробовать[2] — одна беда: *без мод* он не пойдет, а *с модами*, стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. — совестно. Как ты? с, или без? Мы бы переписку Авраама с Игн.<атием> поместили [бы] в отделении: Классическая словесность. Ж.<уковский> всё еще пишет; завел 6 тетрадей, и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкой день не прочтет мне чего нового; нынешний год он верно написал целый том. Это хорошо было бы для журнала. Я начал также <----------->; на днях испрознился сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит.[3] А всё холера... То, что ты говоришь о Рославлеве, сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера,

[1] *Прорвано.*

[2] *В подлиннике описка:* побровать

[3] *Переделано из* ворчит

кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что всё можно прочесть с удовольствием* (итого 3 строчки $^1/_2$).

У Доне Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuité. Дело в том, что она чрезвычайно мила, умна и в лицах представляет генеральшу Ламбер и камер-лакея-немца — в совершенстве. Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: за тычком не угонишься, т. е. не хлопочи о полученном тычке. К стати о тычке: читал ли ты в Телескопе статью Ф.<еофилакта> Косичкина? Прости, кланяюсь тебе и твоим. Вчера Д.<она> Соль получила при мне и Ж.<уковском> письмо от своего брата; он от имени Катерины Андреевны спрашивает у Ж.<уковского> его мнения: приезжать ли ей в П.<етер>Б.<ург> или оставаться в Москве. Ж.<уковский> сказал, что если б он имел сто языков, то все бы они заговорили: приезжайте к нам, к нам, к нам. Себялюбие в сторону, я точно того же мнения; холера в П.<етер>Б.<урге> прекратилась, а у вас опять начинается. Экие времена! Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет.

3 сентября.

673. П. И. Миллеру.

Около (не ранее) 4 сентября 1831 г. Царское Село.

Очень благодарен вам, любезный Миллер, за статью Ф.<еофилакта> К.<осичкина>, я уже ее видел. Благодарю вас сердечно и за известие о взятии Варшавы. Поздравляю вас и весь мой Лицей. Преданный вам Пращур.

674. П. А. Плетнев — Пушкину.

5 сентября 1831 г. Петербург.

5 сентября, 1831.
С. п. бург.

Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало по милости Никиты Ивановича Бутырского. Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем:

1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200?

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с Евг. Онегиным: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строчки на странице.

3. Я взял эпиграф к Выстрелу из Романа в 7 письмах; вот как он стоит в подлиннике:

„Мы близились с двадцати шагов; я шел твердо — ведь уже три пули просвистали мимо этой головы — я шел твердо, но без всякой мысли, без всякого намерения: скрытые во глубине души чувства совсем омрачили мой разум".

Согласен ли ты его так принять, и если да, то Баратынского слова: *Стрелялись мы* вычеркнуть ли из тетради?

4. Не задержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа?

5. Не подать ли нам благого примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не разорит, а добрый пример глубоко пустит корни. Я и кн. Вяземскому присоветовал продавать Адольфа по 5 р.

Впрочем буди во всем твоя святая воля. Долго ли еще проживешь ты в Царском? Поклонись от меня всем.

Не пропусти в ответе своем ни одного из моих вопросов.

675. П. А. Осиповой.

11 сентября 1831 г. Царское Село.

Merci bien, Madame, pour la peine que vous vous donnez — de traiter avec les châtelains de Savkino. S'il y en ‹a› un de trop opiniâtre, n'y aurait-il pas moyen de s'arranger[1] avec les deux autres[2] en le laissant de côté? Au reste, rien ne presse: de nouvelles occupations vont me retenir à Pétersbourg au moins 2 ou trois ans. J'en suis fâché: j'espérais les passer près de Trigorsk.

Ma femme vous est bien reconnaissante des lignes que vous avez bien voulu lui adresser. C'est une très bonne enfant, et qui est prête à vous aimer de tout son cœur.

Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? voilà la question qui nous occupe.

Le Choléra a fini ses ravages à P.‹éters›b.‹ourg›, mais il va faire sa tournée en province. Prenez bien garde, Madame. Vos maux d'estomac me font trembler. N'oubliez pas qu'on traite le Choléra comme un simple empoisonnement: du lait et de l'huile — et gardez-vous de prendre du froid.

Adieu, Madame — daignez croire à mon respect et mon sincère attachement. Mes hommages à toute votre famille.

11 Sept. Sarsko-Sélo.

Адрес: Ее высокородию
м. г. Парасковьи[3] Александровне
Осиповой.
В Опочку, в с. Тригорское.

[1] s'arranger *переделано из* l'arranger

[2] *Поставлен и зачеркнут вопросительный знак.*

[3] *Переделано из* Александре

676. П. А. Вяземский — Пушкину.

11 сентября 1831 г. Москва.

11-го сент. Москва.

Не беспокойся о деньгах. Я полагал, что Нащокин, может быть, имеет счеты с тобою, а впрочем пускай деньги ждут меня в Питере. На Северные Цве.‹ты› я совершенно согласен и соберу всё, что могу по альбумам. Каким же быть модам, когда ты помышляешь о четырехмесячном или третейском журнале? Куда же поспеют наши моды, разве в Камчатку? А о месячном журнале нам и думать нечего: мы не довольно правильной жизни, чтобы месячные наши иметь всегда к сроку. Вчера у новорожденного Дмитриева читали мы Косичкина и очень смеялись. Я ничего не знал о нем, *потому, что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора*, следовательно и Телескоп. Дмитриеву минуло вчера 71. Славная старость. Он тебя очень любит и очень тебе кланяется. Вчера утром приходит к нему шинельный поэт и, вынимая из-за пазухи тетрать, поздравляет его: Дмитриев, занятый мыслью о дне своего рождения, спрашивает его: а почему Вы узнали? — Шинельный поэт заминается и наконец говорит: признаться, вчера в газетах прочел. Дело в том, что он поздравлял с Варшавою и приносил оду Паскевичу. Прощай. Наши все здоровы. Хорошо, если бы и все также.

Надписывая адресс на письме к тебе, мне всегда хочется сказать:

Спросить в Лицее, в Пантеоне.

677. А. О. Россет.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Царское Село.

Quoique vous connaissiez déjà ces vers, comme je viens d'en envoyer un exemplaire à M-me la Comtesse de Lambert, il est juste que vous en ayez un pareil.

От Вас узнал я плен Варшавы.
. . . .
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

Vous aurez ce second vers dès que je vous l'aurai trouvé!

678. Е. М. Хитрово — Пушкину.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Петербург.

Je viens de [lire] lire Vos beaux vers — et je vous déclare que si vous ne m'envoyez pas un exemplaire (qu'on dit ne pouvoir pas trouver) je ne vous le pardonnerai jamais. —

679. Е. М. Хитрово.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Царское Село.

I

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой.
Всё спит кругом. Одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

II

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

III

В твоем гробу восторг живет:
Он русской звук нам издает,
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
Иди, спасай! — Ты встал и спас.

IV

Внемли ж и днесь наш верный глас:
Восстань, спаси царя и нас!
О грозный старец! на мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой.

V

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей
Кто твой наследник, твой избранный...
Но храм в молчанье погружен,
И тих твоей гробницы бранный
Невозмутимый, вечный сон.

Ces vers ont été écrits dans un moment où il était permis d'être découragé. Grâce à Dieu, ce moment n'est plus. Nous avons repris l'attitude que nous n'aurions pas dû perdre. Ce n'est plus celle que nous avait donnée le bras du Prince votre père, mais elle est encore assez belle. Nous n'avons pas de mot pour exprimer celui de *résignation*, quoique cet état d'âme, ou, si vous l'aimez mieux, cette vertu, soit tout à fait Russe. Le mot de *столбняк* est encore ce qui le reproduit avec le plus de fidélité.

Quoique je ne vous aie pas importuné de mes lettres pendant ce temps de calamités, je n'ai pas manqué d'avoir de vos[1] nouvelles, je savais que vous vous portiez bien et que vous vous amusiez, ce qui très certainement est digne du décaméron. Vous avez lu en temps de peste, au lieu d'écouter des contes, c'est aussi très philosophique.

Je suppose que mon frère s'est trouvé à l'assaut de Varsovie; je n'en ai pas de nouvelles. Mais qu'il était temps de prendre Varsovie! Vous avez lu je suppose les vers de J.‹oukovsky› et les miens: pour Dieu, corrigez celui-ci

Святыню всех твоих *градов*

Mettez: гробов. Il s'agit des tombeaux de Ярослав et de ceux des saints de Печора; cela est édifiant et présente un sens [quelquonc].[2] *Градов* ne signifie rien.

J'espère me présenter chez vous vers la fin de ce mois. Sarsko-sélo est étourdissant; Pétersbourg est bien plus retraite.

Адрес: Madame Hitrof.

680. П. И. Миллеру.

Первая половина сентября 1831 г. Царское Село.

Если есть в Сыне Отечества ответ Ф.‹еофилакту› Косичкину, то пришлите мне, сделайте милость. Очень благодарен за Телеграф.

А. П.

681. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

18 сентября 1831 г. Москва.

Hé bien, mon ami, qu'avez Vous fait de mon manuscrit? Le choléra l'aurait-il emporté? Mais le choléra, dit-on, n'est pas venu chez vous. N'aurait-il pas pris la clef des champs, par hasard? Mais en ce cas, donnez m'en, je Vous prie, avis quelconque.

---

[1] *Переделано из* vous

[2] *Описка вместо* quelconque

J'ai eu grand plaisir à revoir de votre écriture. Elle m'a rappelé un temps qui ne valait pas grand'chose à la vérité, mais où il y avait encore espoir; les grandes déceptions n'étaient pas encore advenues. Je [me] parle de moi, vous entendez bien; mais pour Vous aussi il y avait, je crois, de l'avantage à n'avoir pas encore épuisé toutes les réalités. Douces et brillantes ont été vos réalités à Vous, mon ami. Cependant, toujours, il y en a-t-il qui valent les fausses attentes, les trompeurs pressentiments, les menteuses visions de l'heureux âge des ignorances? Vous voulez causer, disiez-Vous: causons. Mais prenez garde, je ne suis pas riant; Vous, Vous êtes nerveux. Et voyons, de quoi causerons-nous? Je n'ai qu'une pensée, Vous le savez. Si, par aventure, je trouve autres idées dans mon cerveau, elles se rattacheront certainement à celle-là: voyez si cela vous arrange? Encore si vous me suscitiez quelques idées de votre monde, si vous me provoquiez? mais vous voulez que je parle le premier: soit, mais encore une fois, gare aux nerfs! Donc voici ce que je vais Vous dire. Vous êtes-vous aperçu qu'il se passe quelque chose d'extraordinaire dans les entrailles du monde moral, quelque chose de semblable à ce qui se passe, dit-on, dans les entrailles du monde physique? Or, dites-moi, je Vous prie, comment en êtes-vous affecté? Il me semble, quant à moi, que c'est la matière poétique tout à fait, ce grand renversement des choses; Vous ne sauriez y être indifférent, d'autant <plus> que l'égoïsme de la poésie y a ample pâture à ce que je crois: le moyen de n'être pas soi-même froissé dans ses plus intimes sentiments, au milieu de ce froissement général de tous les éléments de la nature humaine! J'ai vu tantôt une lettre de votre ami, le grand poète; c'est un enjouement, une hilarité, qui font peur. Pourriez-vous me dire, comment cet homme, qui avait naguère une tristesse pour chaque chose, ne trouve-t-il pas aujourd'hui une seule petite douleur pour la ruine d'un monde? Car regardez, mon ami, n'est-ce point là vraiment un monde qui périt; et, pour qui ne sait pressentir le monde nouveau qui va surgir en sa place, [voyez si ce <?>] ce n'est pas autre chose qu'une ruine affreuse qui se fait. [Vous] N'auriez-Vous pas non plus un sentiment, une pensée à donner à cela? Je suis sûr que le sentiment et la pensée se couvent à votre insu dans quelque profondeur de votre âme, seulement, de se produire au dehors, elles ne sauraient, ensevelies [qu'elles] que probablement ils sont dans ce tas de vieilles idées d'habitude, de convenance, dont, vous avez beau dire, tout poète est inévitablement [tout] pétri, quoiqu'il fasse; attendu, mon ami, que depuis l'indien Valmiki, le chantre du Ramayana, et le grec Orphée, jusqu'à l'écossais Byron, tout poète a été tenu jusqu'à cette heure de redire toujours la même chose, dans quelque lieu du monde qu'il eu chanté.

Oh, que je voudrais pouvoir évoquer à la fois toutes les puissances de votre être poétique! Que je voudrais en tirer, dès ce moment, tout ce qui, je sais, s'y tient caché pour que vous nous fassiez aussi un jour entendre un de ces chants que veut le siècle! Comme tout alors, qui s'en va aujourd'hui devant vous sans laisser nulle trace en votre esprit, aussitôt vous frapperait! Comme tout prendrait face nouvelle à Vos yeux! En attendant, causons toujours. Il y a quelque temps, il y a un an, le monde vivait dans la sécurité du présent et de l'avenir, et récapitulait en silence son passé, et s'en instruisait. L'esprit se régénérait dans la paix, la mémoire humaine se renouvelait, les opinions se reconciliaient, la passion s'étouffait, les colères se trouvaient sans aliment, les vanités se satisfaisaient dans de beaux travaux; tous les besoins des hommes se circonscrivaient peu à peu dans l'intelligence, et tous leurs intérêts allaient peu à peu aboutir au seul intérêt du progrès de la raison universelle. Pour moi, c'était foi, c'était crédulité infinies; dans cette paix heureuse du monde, dans cet avenir, je trouvais ma paix, mon

avenir. Est survenue tout à coup la bêtise d'un homme, d'un de ces hommes appelés, sans leur aveu, à diriger les affaires humaines. Voilà que sécurité, paix, avenir, tout devient aussitôt [n'eant] néant. Songez-y bien, ce n'est pas un de ces grands événements, fait pour bouleverser les empires et ruiner les peuples, qui a fait cela, la niaiserie d'un seul homme. Dans votre tourbillon, vous n'avez pu ressentir la chose comme moi, c'est tout simple: mais se peut-il, que cette prodigieuse aventure qui n'a point sa pareille, toute empreinte de providence qu'elle est, ne vous apparaisse que comme prose toute commune, ou au plus comme poésie didactique, par exemple comme un tremblement de Lisbonne, dont vous n'auriez que faire? pas possible. Moi, je me sens la larme à l'œil, quand je regarde ce vaste désastre de la vieille [soc‹iété›], de ma vieille société; ce mal universel, tombé sur mon Europe, d'une manière si imprévue, a doublé mon propre mal. Et pourtant, oui, de tout cela il ne sortira que du bien, j'en ai la certitude parfaite: et j'ai la consolation de voir que ne suis point le seul à ne pas désespérer du retour de la raison à la raison. Mais comment se fera-t-il ce retour, quand? Sera-ce par quelque puissant esprit délégué extraordinairement par la providence pour opérer cet œuvre, ou bien par une suite d'événements par elle suscitée pour éclairer le genre humain? Ne sais. Mais une vague conscience me dit que bientôt viendra un homme nous apporter la vérité du temps. Peut-être sera-ce quelque chose d'abord de semblable à cette religion politique [parv‹enue›‹?›] prêchée en ce moment par S.‹aint›-Simon dans Paris, ou bien à ce catholicisme de nouvelle espèce que quelques prêtres téméraires prétendent, dit-on, substituer à celle que la sainteté du temps avait faite. Pourquoi non? Que le premier branle du mouvement qui doit achever les destinées du genre humain se fasse de telle ou telle sorte, qu'importe? Beaucoup de choses qui avaient précédé le grand moment ou *la bonne nouvelle* fut annoncée autrefois par un envoyé divin, avaient été destinées à préparer l'univers, beaucoup de choses aussi se passeront sans doute de nos jours à fin semblable, avant que *la nouvelle bonne nouvelle* nous soit apportée du[1] ciel. Attendons.

Ne parle-t-on pas d'une guerre générale? Je dis qu'il n'en sera rien. Non, mon ami, les voies de sang ne sont plus les voies de la providence. Les hommes auront beau [fair‹e›] être bêtes, ils ne se déchireront plus comme des bêtes: le dernier fleuve de sang a coulé, et à cette heure, au moment où je Vous écris, la source en est grâce à Dieu tarie. Sûrement, orages et calamités nous menacent encore, mais ce n'est plus des fureurs des peuples que leur viendront les biens qu'ils sont destinés à obtenir; désormais il n'y aura plus de guerres que des guerres épisodiques, quelques guerres absurdes et ridicules, pour mieux dégoûter les hommes de leurs habitudes de meurtre et de destruction. Avez-vous vu ce qui vient de se passer en France? Ne s'était-on pas imaginé qu'elle allait mettre le feu au quatre coins du monde? Hé bien, point du tout; qu'arrive-t-il? Aux amateurs de gloire, d'envahissement, on a ri au nez, gens de paix et de raison ont triomphé; les vieilles phrases qui résonnaient si bien tantôt aux oreilles françaises, [il n'y a] plus d'écho pour elles.

De l'écho! Voilà que j'y songe. Fort heureux sans doute que Mrs Lamarque et consort‹s› ne trouvent pas d'écho en France, mais moi, en trouverai-je, mon ami, dans Votre âme? Nous verrons. Voilà, cependant, un doute qui me fait tomber la plume de la main. Il ne tiendra qu'à vous de me la faire ramasser; un peu de sympathie [s'il vous plait] dans votre prochaine lettre. M. Naschtschokine me dit que vous êtes singulièrement paresseux. Fouillez un peu dans votre tête, et surtout dans votre cœur qui bat si

---

[1] *Переделано из* par

chaud quand il le veut, vous y trouverez [j'en suis sû‹r›] plus de sujets qu'il ne nous en faut pour nous écrire le reste de nos jours. Adieu, cher et vieil ami. Et mon manuscrit donc? j'allais l'oublier: Vous, ne l'oubliez pas, je vous prie. Tchadaeff.

18 Septembre.

J'apprends que Vous êtes nommé, ou comment est-ce? que Vous êtes chargé d'écrire l'histoire de Pierre le Grand: à la bonne heure;[1] je vous en félicite du fond de mon âme. J'attendrai pour vous en dire quelque chose, que vous m'en parliez vous-même. Adieu donc.

[Me] Voilà que je viens de voir vos deux pièces de vers. Mon ami, jamais vous ne m'avez fait tant de plaisir. Enfin, vous voilà poète national; vous avez enfin deviné votre mission. Je ne puis vous exprimer la satistaction que vous m'avez fait éprouver. Nous en reparlerons une autre fois, — beaucoup. Je ne sais si vous m'entendez bien? — La pièce aux ennemis de la Russie est surtout admirable; c'est moi qui vous le dis: il y a là plus de pensées que l'on n'en a dit et fait depuis un siècle en ce pays. Oui, mon ami, écrivez l'histoire de Pierre le Grand. Tout le monde n'est pas de mon avis ici, vous vous en doutez bien; mais laissons-les dire — et avançons; quand l'on a deviné ‹...›[2] un bout de la puissance qui nous pousse, une seconde fois, on la dev‹inera toute›[2] entière, bien sûr. J'ai envie de me dire: voici venir notre Dante enfin ‹...›[2] ce serait peut-être trop hâtif; attendons.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу Пушкину.
В Царском Селе
В доме Панаевой.

682. *М. Д. Деларю.*

28 сентября 1831 г. Царское Село.

Очень благодарю Вас, любезный Михайло Данилович, за Ваше письмо и известие. Я был в П.‹етер›Б.‹урге› и не знаю, как не попал к Вам. Сказывают, вы были больны желчью. Избави Вас бог — и в какое время! — Смотрите, чтоб холера не захватила вас при своем отступлении. Вы нам нужны.

Вот письмо Геслингу — где он? что он? Доставьте это ему, сделайте одолжение, и будьте здоровы.

С. С. 28 сент. А. П.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Михаилу Даниловичу
Деларю.
в С.-Петербург у Синего моста в доме министра внутренних дел.

---

[1] *В подлиннике:* à la bonheur
[2] *Прорвано.*

683. П. А. Осипова — Пушкину.

29 сентября 1831 г. Тригорское.

le 29 Septembre — Trigor.

Après avoir lu samedi passé avec un plaisir indéfinissable Три стихотворения на взятие Варшавы, mon imagination en fut si occupée que toute la nuit je rêvais à vous. Je me souviens de vous avoir donné un baiser sur vos yeux — et jugez de mon agréable surprise — le matin même le postillon m'apporte votre lettre du 11. Je voudrais vous donner un baiser sur chacun de vos agréables œil,[1] cher Alexandre, pour le témoignage de l'intérêt que vous voulez bien prendre à moi — mais soyez tranquille. Le Choléra a fait le tour du gouvernement en règle en ville comme à la campagne, et moins qu'ailleurs elle a fait des ravages. Mais ce qui est remarquable vraiment, ce que à Велики Луки et à Novorgeff elle n'a pas paru avant que l'on y passa le corps du Grand D.<uc> Cons.<tantin> — et elle a été cruelle. Il n'y avait personne de malade dans la suite du Duc et pourtant tout dès qu'ils ont quitté la maison de Д. Н. Философов, dans 24 heures et moins 70 pers.<onnes> sont devenues malades. Ainsi partout sur son passage. Pour nous[2] confirmer dans cette observation je viens de recevoir une lettre de ma nièce Bégitcheff qui nous mande que depuis quelque temps la maladie a de nouveau augmenté à Pétersbourg, qu'il y a journellement 26 et plus de malades — et je soupçonne que la même cause produit le même effet — et comme la dimension de Péters.<bourg> est plus grande que partout où a passé le corps du G.<rand> D.<uc> la maladie y durera plus longtemps. — Je vous répète elle ne montre pas à la hauteur de nos montagnes. Les beaux esprits se rencontrent et nous eûmes la même idée pour *Sawkina*. Акулина Гарасим<овна>, à qui la moitié du terrain appartient, la vendra peut-être. — Et comme vous dites que cela ne presse pas il y a de l'espérance, mais ce que vous me dites de votre séjour à Pétersbourg, m'a fait naître l'idée: n'est-ce pas pour toujours que vous y êtes fixé. — Sawkino ne peut être qu'une chaumière pour deux mois d'été et si vous en faites l'acquisition — il faudra un été pour le rendre habitable. — Je vous prie de faire mon compliment à votre belle femme, mes filles vous font le leur. Rappellez-moi un peu au souvenir de ma chère N.<adejda> O.<ssipovna>. J'ai été ce temps-ci bien malade d'une fièvre suite des maux d'est.<omac>, je me suis remise. Adieu, portez-vous bien et croyez-moi toujours votre tendrement dévouée P. O.

684. П. В. Нащокин — Пушкину.

30 сентября 1831 г. Москва.

Любезный Александр Сергеевич — об тебе столько толкуют что всего не перескажешь—а так как ты человек с необыкновенным умазрением,—в[3] таком случае—ты сам угадаешь в чем толк, — что же касается до Тогановского — тольку ни какого не добьюся — как я уже тебе писал что денег я не получал, — а давал мне Рахманов—и теперь дает — но господа компанейщики не хотели и денег — лишь бы только взять вексель с Рахманова — чего я ему не предлогал, ибо знал что он на сие не

---

[1] *Описка вместо* yeux

[2] *Переделано из* me

[3] *Переделано из* ты

согласятся — меня же они совершенно обидели — тем что не хотели доверить мне — пяти тысяч рублей. Теперь любезный друг, скажу тебе что я в страшном сокрушении что не мог с этими Минотаврами кончить — и потому предлагаю тебе либо дождатся моих денег, которые все сполна пришлю для удовлетворения сих и проч.: — а не то эти же 15 т.<ысяч> могу взявши тебе прислать — [и так] Тагоновский <с> Жемчужниковом едут к Вам; ты там с ними и кончишь — да дав своих 5 т.<ысяч> — К стати если можешь на сколько ты жалованья получаешь? Это меня собственно интересует. *Чедаев* всякий день в клобе, всякий раз обедает, — в обхождении и в платье переменил фасон[1] и ты его не узнаешь, — я опять угадал — что всё странное в нем было ни что иное как фантазия, а не [плот] случайность и не плот опытного равнодушия ко всему. Еще с позволения Вашего скажу (ибо ты не любишь чтоб я о нем говорил), рука на сердце говорю правду, — что он еще блуждает —[2] что еще он не нашел собственной своей точки, я с ним об многом говорил — основательности в идеях нет — [но и мое определение] себя часто противоречит. Но что я заметил—и это мне приятно,—человек весьма добрый—способен к дружбе, привящив, честолюбив более чем я,—себя совсем не знает потому и часто себя будет нужно изменять, что ничего не доказывает — тебя очень любит — но менее чем я. — О ломбарде не беспокойся. Я всё забывал спросить у Дм.<итрия> Вас.<ильевича>; — заглажу тем, что попрошу его чтобы он моими деньгами заплатил, а там сочтемся. Завтре будет продолжение а теперь приехали гости, чорт[3] им рад. Натальи Николаевне — мое всенижайшее почтение. Повар солгал что его хотели в солдаты; это есть или была отговорка, чтоб приличнее отойти от тебя — узнал я сие от Власа. Прощай. В Великих Занятиях не забуть меня. —

П. Нащокин.

2-ая часть Странника удивительно хороша. Высокое Воображение — поэт à ла Бейрон — а не записки молодого офицера. Есть и пустяки. Печатается.

30 сентября 1831-го года.

Портрет.

685. Е. М. Хитрово.

Конец сентября — начало октября 1831 г. Царское Село.

Merci, Madame, pour l'élégante traduction de l'ode — j'y ai remarqué deux inexactitudes[4] et une erreur de copiste. *Иссякнуть* veut dire *tarir*; *скрижали* — tables, chroniques. *Измаилской штык* la bayonnette d'Ismaël — non d'Ismailof.

Il y a pour vous une lettre à Pétersbourg; c'est une réponse à la première que je reçus de vous. Faites-vous la[5] donner — j'y ai joint l'ode à feu le Prince votre père.

---

[1] *В подлиннике:* Васон

[2] *В подлиннике:* плуждает

[3] *В подлиннике:* четр

[4] *Переделано из* une inexactitude

[5] *Переделано из* l'<envoyer><?>

Mr Опочинин m'a fait l'honneur de passer chez moi — c'est un jeune ‹homme› bien distingué — je vous remercie de sa connaissance.

Ces jours-ci je suis à vos pieds.

Адрес: Madame Hitrof.

686. А. А. Шишков — Пушкину.

6 октября 1831 г. Останкино.

Надеясь на твое снисхожденье к трудам моим, милый мой Александр Сергеевич, посылаю тебе 1. том моих переводов; вторый же доставлю с первой почтой: Прими его: порой он напомнит тебе товарища детских лет твоих и отчасти бурной молодости. Посылая 2. том, буду писать к тебе подробно о многом, теперь же спешу, чтоб не опоздать на почту. Не забывай меня, милый друг, и сохрани ко мне хоть сотую долю той дружбы, которой я гордился некогда. Итак до первой почты. Обнимаю тебя, и почитаю излишним уверять тебя в чувствах глубокого уваженья и преданности, которые всегда питал к тебе, и питать не перестану.

Душевно преданный тебе
Ал. Шишков.

С. Останкино.
6 октября
1831 года.

687. П. В. Нащокину.

7 октября 1831 г. Царское Село.

Жалею, любезный Павел Воинович, что дело разошлось за 5,000. Всё-таки я тебе благодарен за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за их снисхождение. Ты же не сердись. Они не поверили тебе, потому что тебя не знают; это в порядке вещей. Но кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности. Прошу тебя в последний раз войти с ними в сношение и предложить им твои готовые 15 т., а *остальные 5 заплачу я в течение 3 месяцев.* Мне совестно быть не окуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать в трое против прежнего, вышло в десятеро. В Москве говорят, что я получаю 10,000 жалованья, но я покаместь не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, так и то слава богу. Отвечай мне как можно скорее в Петербург, в Казачьем переулке в доме Дмитриева, О. С. Павлищевой, для доставления А. С. П. Прощай и будь здоров Кланяюсь Ольге Андреевне и твоему наследнику.

Весь твой А. Пушкин.

7 окт.
Сарское Село
1831.

688. С. С. Уваров — Пушкину.

8 октября 1831 г. Москва.

Инвалид, давно забывший путь к Парнассу, но восхищенный прекрасными, истинно *народными* стихами Вашими, *попробовал на деле* сделать им подражание на французском языке. Он не скрывал от себя всю опасность борьбы с вами, но, вами вдохновенный, хотел еще раз, вероятно в последний, *завинтить свой Европейской штык*. Примите благосклонно сей опыт и сообщите оный В. А. Жуковскому.

Ув —

Москва
Октября 8. 1831.
А. С. Пушкину.

⟨Приложение:⟩

Aux détracteurs de la Russie.

Imitation libre de Pouchkine.

Tribuns audacieux, orateurs populaires,
Le colosse du nord excite vos fureurs;
Laissez là, croyez-moi, vos absurdes clameurs,
Les Slaves opposés à des Slaves leurs frères
Ne vous demandent pas d'irriter leurs douleurs;
Au foyer paternel c'est un débat antique,
Issus de même race, ennemis dès longtemps,
Les peuples divisés, tour à tour triomphants,
Combattent par instinct et non par politique.
Jamais sous un drapeau les a-t-on vu s'unir?
Le Sarmate inquiet et le Russe fidèle
Ont à vider entre eux leur sanglante querelle;
S'il faut que l'un succombe, est-ce à nous de périr?
L'un perdra-t-il son nom, ou l'autre son Empire?
Pour que l'un d'eux triomphe, il faut que l'autre expire
Et le monde ébranlé ne peut les contenir;
Voilà tout le débat! — gardez donc le silence,
Étrangers à nos mœurs, étrangers à nos lois!
Dans ce drame imposant votre impuissante voix
    N'est qu'une insulte à cette lutte immense;
Vous ne connaissez pas nos griefs, nos malheurs,
Nos fastes arrosés et de sang et de pleurs,
Nos triomphes d'un jour, nos haines séculaires;
    Praga, Moscou muets et solitaires
Ne vous remplissent pas d'un morne et saint effroi...
Que sert de prodiguer à ce colosse-roi
        Vos invectives surannées?
N'a-t-il pas dédaignant de lâches destinées
Aux flammes de Moscou répudié la loi

Du tyran qui foulait vos aigles enchaînées?
Serait-ce pour avoir naguère en vos remparts
Respecté vos travaux, vos monuments, vos arts,
De l'esprit et du gout merveilles éclatantes;
Nous qui vainqueurs venus des bouts de l'univers
Au pied de la Colonne établissant nos tentes
Au prix de notre sang, avions brisé vos fers?
Déclamateurs fougueux, descendez dans l'arène;
Voyons, le vieux Géant est-il tout épuisé?
Du glaive d'Ismayl le fer est-il brisé?
    La voix du Tsar retentit-elle à peine
        Dans le monde civilisé?
Avons-nous donc perdu nos droits à la victoire?
Comptons-nous peu de bras? — A l'appel de la gloire
Savez-vous que des flancs du Caucase orageux
Jusques aux bords glacés où la nature expire,
Dès rives du Niémen jusqu'au Céleste empire,
Comme un seul homme armé, vingt peuples généreux
    Vont s'élancer dans la carrière?
Franchissant des climats l'éternelle barrière,
S'ils venaient, vos guerriers, rhéteurs ambitieux,
S'ils venaient dans ces champs où reposent leurs frères,
    Près de leurs tertres funéraires
    Bientôt ils dormiraient comme eux.

689. П. А. Вяземскому.

Середина (около 15) октября 1831 г. Царское Село.

Сей час еду из Ц.<арского> С.<ела> в П.<етер>б.<ург>. Мебели твои в целости оставлены мною здесь для того, чтобы доставить тебе прямо туда, где ты остановишься. Деньги тебе не выслал, ибо жду тебя сюда. Но когда же будешь ты? Ждем и не дождемся. Похлопочи о Сев.<ерных> Цв.<етах>, пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с богом! Да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться — да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в Телескоп! легко сказать. Двор у Вас. Ж.<уковский> и Россети в П<етербур>ге. Ж.<уковский> написал пропасть хорошего и до сих пор всё еще продолжает. Переводит одну песнь из Marmion; славно. Каков Гогель? Повести мои печатаются. Сев.<ерные> Цв.<еты> будут любопытны. Прощай до свидания. Мой адрес: у Измайловского мосту на Воскресенской улице в доме Берникова.

690. А. Х. Бенкендорфу.

Середина октября 1831 г. Царское Село или Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течении трех последних лет.

В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества. Но позвольте мне надеиться, что Ваше высокопревосходительство, по всегдашней ко мне благосклонности, удостоите меня предварительного разрешения.

С глубочайшим почтением, благодарностию и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

При сем препровождаю Вашему высокопревосходительству письмо, доставленное мне г. Погодиным.

691. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

19 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо Ваше ко мне имею честь Вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихотворений Ваших, которые уже были единожды напечатаны.

Для меня всегда приятно быть с Вами в сношениях по предмету Ваших сочинений и потому я прошу Вас, всякой раз когда будете иметь в том надобность, обращаться ко мне со всею искренностию.

Вместе с сим, считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен государь император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем однакоже мне не известно, чтобы его величество разрешил Вам все ваши сочинения печатать под одною Вашею только ответственностию. Упоминаемое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием Годунов, а потому Вам надлежит по прежнему испрашивать всякий раз

высочайшее его величества соизволение на напечатание Ваших сочинений и есть-ли Вам угодно будет делать сие чрез посредство мое, то я готов всегда Вам в сем случае содействовать.

С совершенным почтением имею честь быть,

милостивый государь,
ваш покорнейшей слуга
А. Бенкендорф.

№ 5237.
19. Октября 1831

Его высокобл.‹агородию› А. С. Пушкину.

692. М. И. Калашников — Пушкину.

19 октября 1831 г. Болдино.

Милостивый государь
Александр Сергеевич.

Приказание вашей милости получил, при сем и препровождаю к вашей милости оброку 1200 руб. изволите приказывать счет вашей милости со вступления к вам во владение, декабрьскую — треть Василий Козлов вашей милости в бытность в Болдине доставил; мартовскую треть получено мною от Никана Семенова 890 руб. и доставлены вашей милости из которого мне приказали вычесть 400 руб. издержанные по свидетельству и введение во владение; теперь 1200 р. и 1200 — декабрьской до марта и кончится 3600 руб. Теперь извольте считать начало с марта получить годовой отчет, потому что — крестьяни землю делют и окладку раскладывают сколько на кого тегла, еще доложу вашей милости, что издержано на отправку кареты 90 руб. по приказу вашему кучару Петру на пашпорт 6 руб. на дорогу 4 руб. всего 100 руб. то как изволете приказать из числа оброчной суммы в будущею треть; о старосте я писал вашей милости а этот не годится всё с пренуждением и с плутами всё советует в протчем воля вашей милости а я как верный раб должен доложить и мне приказали; не до чего злого не допущу а будут в порядки, при сем репортую вашей милости при вотчине вашей селце Кистеневе состоит по сие число всё благополучно. Засим честь имею пребыть с истинным почитанием и преданностию

ваш
милостивого государя
покорный слуга и раб
Михайла Калашников.

Октября 19 дня
1831 года
С. Болдино.

Милостивый государь[1]
Александр Сергеевич,

Зная ваши великие милости, не замедлю[2] как перед богом я вас благодарить. Слава богу судба хотя с великим трудом кончина моей дочери. Сего октября 18 числа повенчали, титулярный советник Ключарев и есть душ 30 крестьян

---

[1] *Отсюда до конца письма писано собственноручно Калашниковым.*

[2] *В подлиннике:* незамелю

в Горбатовском уезде а ныне служить в Лукоянове в земском суде заседателем дворянским, а об оброке доложу вашей милости что за стыд сочту естли во время не доставлять как вашей милости равно и батюшки который я считаю малым и при этом зборе всегда можно заслужить милость и будеть всегда без доимок.

ваш

милостнвого государя всенижайший раб найвсегда пребуду

Михаила Калашников.

Извините батюшка что положил без вашей воли записку сыну моему.

693. С. С. Уварову.

21 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь,
Сергей Семенович,

Князь Дундуков доставил мне прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей скромности назвать подражанием. Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

21 октября
С. П. Б.
1831.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
Сергею Семеновичу
Уварову
в Москве.

694. П. В. Нащокину.

22 октября 1831 г. Петербург.

Милый мой Павел Воинович, вот я в П.‹етер›Б.‹урге›, где я был принужден переменить мною нанятый дом. Пиши мне: *На Галерной в доме Брискорн*. Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5,000 векселем, а 15,000 получить тотчас. Как же мы сие

сделаем? Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал, напр. брилианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкрутства тещи моей и от лап Семена Федоровича. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу за муж с 10,000 приданого, а не может заплатить мне моих 12,000 — и ничего своей внучке не дает. Нат.<алья> Ник.<олаевна> брюхата — в мае родит. Всё это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать.

Что-то Москва? как вы приняли государя и кто возмется оправдать старинное московское хлебосольство? Бояра перевелись. Денег нет; нам не до праздников. Москва губернской город, получающий журналы мод. Плохо. Жду Вяз<емского>; не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманака или тому подобного. Лень. Кстати я издаю Сев.<ерные> Цветы для братьев нашего покойного Дельвига; заставь их разбирать — доброе дело сделаем. Повести мои напечатаны; на днях получишь. Поклон твоим. Обнимаю тебя от сердца.

22 окт.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Павлу Воиновичу Нащокину
в Москве у Николы на Песках в доме Годовиковой.

695. Д. И. Хвостов — Пушкину.

24 октября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь мой
Александр Сергеевич,

Не повстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села, я имею честь послать к вам мои стихи вскоре после творения вашего, *Клеветникам России*, сочиненные. Примите их от старика, близкого к могиле, в знак отличного уважения к дарованиям вашим.

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго. —

Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени. Верьте почтению и преданности с коими есмь и буду ваш,

милостивый государь мой,
покорный слуга
граф Хвостов.

24 октября
1831.

696. **И. В. Киреевский — Пушкину.**

Около (не позднее) 25 октября 1831 г. Москва.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич,

Вчера получил я разрешение издавать с будущего 1832 года журнал, и спешу рекомендовать Вам его, как рекрута, который горит нетерпением служить и воевать под Вашим предводительством; как девушку, еще невинную, которая [про‹сит›] хочет принадлежать Вам душой и телом; как духовную особу, которая просит вас утвердить ее в чине пастыря над стадом словесных животных, и, наконец, рекомендую вам журнал мой, как *Европейца*, — потому, что его так зовут. Я назвал его так не от того, разумеется, чтобы надеялся сделать его Европейским по достоинству (я не знаю еще, сколько могу надеяться на Ваше участие); но потому, что предполагаю наполнить его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чем до России. Однако, если когда-нибудь Феофилакт Косичкин захочет сделать честь моему журналу: высечь в нем Булгарина, то разумеется в этом случае Булгарин будет Европа в полном смысле [этого] слова.

Журнал мой будет состоять из пяти отделений: 1-е Науки, где главное место займет философия; 2-е. Изящная словесность; 3. Биографии знаменитых современников; 4. Разборы иност.‹ранных› и рус.‹ских› книг, критика и пр.; 5. Смесь. Каждый месяц будут выходить 2 книжки. Первая явится к Вам около [первого] 1 генваря.

Так как Ваши друзья должны смотреть на мой журнал, как на им принадлежащий, то прошу Вас сказать мне: куда доставлять его Катенину? и как вообще его адрес? —

Преданный Вам слуга
И. Киреевский.

Адрес: В Сарское Село[1]
Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

697. **А. И. Тургенев — Пушкину.**

29 октября 1831 г. Москва

29 октября. Москва. 1831.

Вчера провели мы вечер у Вяземского и Дмитриева с Жуковским. Мы вспомнили и о тебе, милый Сверчок-поэт, а Жуковский и о твоем издании в пользу семейства незабвенного Дельвига. Поэты поручили мне доставить тебе для него стихи на обороте, кои могут быть напечатаны вместе с предшествовавшими, но с поправкою двух слов, которую я послал к Жук.‹овскому› уже после его выезда из П.‹етер›бурга. Гробу християнина лучше быть *олтарем*, чем *кумиром*.

Прости, помни нас и меня особенно. Вчера и Чадаев был с нами. Что его рукопись? —

А. Т—в.

---

[1] *Слова* Сарское Село *зачеркнуты, и рукой почтового чиновника надписано:* С. Петербурге.

Вот и ответ Ив.‹анчина›-Пис.‹арева› Дмитриеву на стихи Хвостова, где он называет себя *совемцем* Паскевича.

Кланяйся Карамзиным.

‹На третьей странице рукою Н. Д. Иванчина-Писарева:›

К Василью Андреевичу Жуковскому,
на присланные им к Ивану Ивановичу Дмитриеву стихи.

Уделом гения всегда высокость чувства.
Сам дивен, властелин природы и искусства, —
Но памяти святой душа его полна:
И гроб ему кумир[1] — в нем прах Карамзина!
Кто тень Пожарского и первый плен Варшавы,
Кто деньми ветхого, кто Волгу, Ермака
Воспел божественно во дни минувшей славы,
Того и поздня песнь душе его близка.
Жуковский! я бывал души твоей свидетель:
Се новый твой порыв за временный предел;
Высокий, ты еще возвыситься умел;
Твоя *поэзия есть* прямо *добродетель!*

Н. Иванчин-Писарев.

Адрес (рукою А. И. Тургенева :

Милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

В С. Петербурге, а где, не знаю: вероятно на Парнассе.

698. Д. Н. Блудову (?).

Вторая половина октября 1831 г. (?) Петербург.

(Черновое)

Сердечно благодарю В.‹аше› в.‹ысокопревосходительство› за лестное участие вами оказы‹ваемое›. Сегодня утром намеревался я [приехать] к Вам по долгу службы — по приказанию вашему явлюсь вечером.

С и‹стинным›

699. П. И. Миллеру.

После 24 октября — начало ноября (?) 1831 г. Петербург (?).

У меня взяли читать повести. Пришлю вам их как скоро получу. До свиданья. А. П.

---

[1] *Слово* кумир *зачеркнуто Тургеневым и сверху надписано его рукою:* олтарь

700. Е. Ф. Розену.

Октябрь — первая половина ноября 1831 г. Царское село или Петербург.

Вот Вам, любезный барон, Пир во время чумы из Вильсоновой трагедии à effet. Предприняв издание 3-го тома моих мелких стихотворений, не посылаю вам некоторых из них, ибо вероятно они явятся прежде вашей Альционы. Горю нетерпением прочитать ваше предисловие к Борису; думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагегию.

Весь Ваш А. П.

701. П. А. Вяземский — Пушкину.

15 ноября 1831 г. Москва.

Москва. 15-го н. 1831.

Я виноват перед тобою, то есть перед Цветами, как каналья. Вот всё, что мог я собрать. Здесь такая суматоха, что нет часа свободного. Дела не делай, а от дела не бегай. Сделай одолжение, передай письмо барону Розену и дай ему, что хочешь, из стихов моих. Тебя сюда обещают. Милости просим, приезжай, а там возвратимся вместе. В след за потоком и я пущусь. Если стихов мало, возьми у Dona Sol *Южные звезды, черные очи*: напечатать бы их, пока звезды и очи не посоловеют от Гименея Ты у Карамзиных видишь наши московские рапорты и потому не пишу тебе особенных. Что же газета?

Прости. Обнимаю тебя. Австрийскому дому мое нежное почтение. Скажи графине, что платья и письмо к ней давно готовы и ждут только удобного случая. — Доехал ли до Вас Кот Астраханский, житель Казанский?

702. Н. М. Языкову.

18 ноября 1831 г. Петербург.

Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, если бы[1] к тому присовокупили [бы] вы еще свои адресы, то я был бы совершенно доволен. Поздравляю всю братию с рождением Европейца. Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Ф.‹еофилакт› Косичкин до слез тронут вниманием, коим удостоиваете вы его, на днях получил он благодарственное письмо от А. Орлова и собирается отвечать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова)[2] и доставить ему ответ его друга (или от его друга, как пишет Погодин). Жуковский приехал; известия

---

[1] если бы *переделано из* если бъ

[2] (Орлова) *вписано.*

им привезенные очень утешительны; тысяча пробитая Вами[1] очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова: Самозванец его не будет уже студент, а стихи его всё будут по прежнему прекрасны. Торопите Вяз‹емского›, пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвиге. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его! ей богу, стыдно. Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной. Он говорит

Приближася похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочем всё у нас благополучно.

703. Ф. Н. Глинке.

21 ноября 1831 г. Петербург.

Милостивый государь
Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние Северные Цветы. Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей,[2] более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на вашу благосклонность и на ваши стихи. Может быть увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое [си] сим желанием. Весь ваш без церемонии

21 Н. А. Пушкин.

704. А. Х. Бенкендорфу.

24 ноября 1831 г. Петербург.

Mon Général,

N'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressentes nécessitant ma présence à Moscou, je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle

[1] *Переделано из* Вам
[2] *Переделано из* связей

de l'officier de quartier. Je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'intérêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parlait d'un certain littérateur qui manifestait des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'était qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutait que sa mère était une mulâtre dont le père, pauvre négrillon, avait été acheté par un matelot pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressemblât guère à un matelot ivre, c'était me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur Russe qui comptasse un nègre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question était imprimé dans une gazette officielle, qu'on avait poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devrait être que littéraire, et que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique *anonyme*, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyais ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'insérer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y aurait du ridicule à se[1] défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'était qu'un gentilhomme-bourgeois, sinon un bourgeois-gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas fâché, attendu qu'il n'y a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appèle des préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourrait prendre mes vers pour une satyre indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très modérée à une provocation très repréhensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question.

Agréez, Général, l'hommage de ma haute considération.

de Votre Excellence
24 Nov. — le très humble et très obéissant serviteur.
St P. b. — Alexandre Pouchkine.

---

[1] se *вписано.*

705. М. В. Безобразова — Пушкину.

25 ноября 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

При жизни моего отца и благодетеля, я всегда имела удовольствие пользоваться вашим ко мне расположением, в самые несчастные минуты после покойного, вы и тогда нас не оставили своим участием, и потому смело надеюсь, что мое письмо не обременит вас, тем более, что я вас беспокою о моем деле, от которого зависит всё мое последнее состояние.

В нынешнем месяце кончится срок публикации о вступлении в Болдинское имение вашего батюшки, но я слышала, что ему не угодно в оное входить, ваше намерение всегда кажется было не допускать вашего родового имения до акционной продажи, то естьли оное вами не переменено, то все кредиторы поставють за удовольствие иметь с вами дело. На сих днях я получила из опеки от г-на Повалишина счет всем законным актам, которые поступили в оную; мне 60-ть т.‹ысяч› р., маминьки 50-ть т.‹ысяч› р., разным лицам по мелочам 25-ть т.‹ысяч› р.; с моей стороны с маминькой мы готовы уменьшить из числа нашего капитала, остальную сумму она согласна будет вам рассрочить на несколько лет без процентов, я же прошу вас по моей необходимой крайности заплатить мне немного более половины наличными деньгами, остальные тоже согласна буду рассрочить без процентов, на счет остальных кредиторов, которые, я думаю, возьмут одну капитальную сумму.

Я уверена на ваше ко мне всегдашнее расположение, что вы не лишите меня иметь удовольствие получить ваш ответ, в котором надеюсь узнать ваше решение о вступлении в наследство.

С истинным моим почтением имею честь быть
преданная вам
Маргарита Безобразова.

Москва
1831-го года
25-го ноября.

Адрес.
На Петровке в доме г-жи Раевской.

706. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

28 ноября 1831 г. Тверь.

1831. Ноября 28-го. Г. Тверь.

Почтенный и любезнейший, Александр Сергеевич!

Вчера имел я честь получить письмо Ваше, от 21-го ноября. Весело было мне взглянуть на почерк руки вашей; спасибо сплетчикам за доставленное мне удовольствие читать строки ваши. Но я долго думал и не мог додуматься, из чего бы можно было вывести, что *якобы я на Вас сердит?!*... Смею уверить, что я Вас любил, люблю и (сколько *за будущее* ручаться можно) любить не перестану! — Многие любят ваш талант; я любил и люблю в Вас — всего Вас. В первый раз из письма вашего узнаю, что альманах составляется в *пользу или в память Дельвига*, милого, доброго Дельвига! О. М. Сомов писал мне неясно. Я однакож, еще до получения вашего письма, выслал Сомову *одну* в прозе и *пять* пиэс в стихах. Теперь Вам посылаю: *три* в стихах и *одну* (т. е. один лоскуток!)

в прозе. Прозы у меня совсем нет! Проза губернского правления съела весь мой досуг. Из всех сих 10-ти пиэс Вы выберете пару, много две пары по Вашему усмотрению, а прочие прошу покорно передать моему коммиссионеру актеру Сибирякову, который к Вам явится. Если б я и забыл вас, то мне напомнила бы о Вас жена моя, которая еще недавно поставила портрет Ваш подле Шиллера и Гётте. Она, будучи еще в девушках, перевела целый том Шиллера. Вчера я выдернул один листок из ее тетрадки и посылаю Вам *Военную песню* из Валл.‹енштейнова› Лагеря; да познакомит Вас это с одною из почитательниц Ваших — моею женою; а меня прошу (как говорят французы) положить к ногам Вашей милой супруги. Я много наслышался о ее красоте и любезности. И так и Вы осемьянились! Да почиет благословение божие над Вами и семейством Вашим! Если увидите Софью Михайловну[1] Дельвиг, прошу отдать ей мое нижайшее почтение. Как мы (я и жена моя) обрадуемся, увидя Вас лично! а до того примите уверение в любви к Вам бывшей, настоящей и не могущей не быть, вам преданного,

милостивый государь!

Вашего пок‹орнейшего› слуги

Ф. Глинки.

P. S. Стихи мои дурно и ошибочно переписаны *семинаристом*, выправлять некогда — извините!...

707. Е. М. Хитрово.

Вторая половина октября — ноябрь 1831 г. Петербург.

Merci beaucoup pour *le garçon boucher*. Il y a du vrai talent dans tout cela. Mais Barnave... Barnave; voici Manzoni qui appartient au Comte Litta. Veuillez le lui faire remettre et ne faites pas attention à mes prophéties.

708. Неизвестному.

После 5 декабря 1830 г. — ноябрь 1831 г. (?) Москва, или Царское Село, или Петербург.

A la lettre je n'ai pas le sou. Veuillez attendre un jour ou deux.

Tout à vous A. P.

709. Н. Н. Пушкиной.

6 декабря 1831 г. Москва.

Сей час приехал *к Нащокину на Пречистинском Валу в дом г-жи Ильинской*. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Цалую тебя, женка, мой ангел.

6 дек.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной
В С. Петербург. В Галерной в доме Брискорн.

---

[1] *Переделано из* Александровну

710. Н. Н. Пушкиной.

8 декабря 1831 г. Москва.

Здраствуй, женка мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал. Вот тебе мой Itinéraire. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с[1] меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты, и который на станции ровно час отхарковался в углу. Другой мемельский жид, путешествующий на счет первого. Вообрази, какая веселая кампания. Немец три раза в день и два раза в ночь окуратно был пьян. Жид забавлял его во всю дорогу приятным разговором, на пример по-немецки рассказывал ему Iwan Wijiguin; (ganz charmant!). Я старался их не слушать и притворялся спящим. Вслед за нами ехали в дилижансах трое купцов, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужников, фр.<ейлина> Кочтова[2] и проч. Всё это останавливалось вместе; ни[3] на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его *у Пречистинских ворот в доме Ильинской* (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцаловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин. Дом его (помнишь?) отделывается; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д.<ениса> Давыдова. Все тебе кланяются; очень расспрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам московских еще не видал; на балах и в собрание вероятно не явлюсь. Дело с Нащокиным и Догановским вероятно скоро кончу, о твоих брилиантах жду известия от тебя. Здесь говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком. К стати: я кошелек обратил в мошну, и буду ежегодно праздновать родины и кре-

---

[1] с *вписано.*

[2] фр. Кочтова *вписано.*

[3] ни *вписано.*

стины, сверх положенных имянин. Москва полна еще пребыванием Двора, в восхищении от царя, и еще не отдохнула от балов; Цыхлер сделал в один месяц 80 тысяч чистого барыша. А. Корсокова выходит за к.<нязя> Вяземского. Вот тебе все наши новости. Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюлов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрилей не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. За сим цалую тебя сердечно. У меня гости.

8 дек.

Адрес: М. г. Наталье Николаевне
Пушкиной.
В С. Петербург.
В Галерной в доме Брискорн.

711. Н. Н. Пушкиной.

10 декабря 1831 г. Москва.

Я всё боюсь, чтоб ты не прислала билетов на старую квартиру Нащокина и тем не замедлила моих хлопот. Вот уж неделю, как я с тобою расстался, и срок отпуску моему близок; а я затеваю еще дело, но оно меня не задержит. Что скажу тебе о Москве? Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Англ.<ийском> клубе; поутру был на аукционе Власова; вечер провел дома, где нашел студента дурака, твоего обожателя. Он поднес мне роман *Теодор и Розалия*, в котором он описывает нашу историю. Умора. Всё это однакож не слишком забавно, и меня тянет в П.<етер>Б.<ург>.— Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат.<альи> Ив.<ановны>, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен. Цалую тебя и прошу ходить взад и вперед по гостиной, во дворец не ездить и на балах не плясать. Христос с тобой.

10 дек.

Адрес: Наталье Николаевне Пушкиной.
В С. Петербург в Галерной в доме Брискорн.

712. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
10 декабря 1831 г. Петербург.

Monsieur,

Je ne saurais mieux répondre à Votre honorée du 24 Novembre dernier qu'en Vous transmettant textuellement l'opinion de Sa Majesté l'Empereur:

„Vous pouvez dire de ma part à Пушкин que je suis parfaitement de l'avis de feu son ami Delwig. Des injures aussi basses, aussi viles que celles dont on l'a régalé, déshonorent celui qui les prononce et non celui à qui on les adresse. La seule arme contre est le *mépris*; voilà ce qu'à sa place j'aurais fait. — Quant à ces vers, j'y trouve de l'esprit, mais encore plus de fiel qu'autre chose. Il eut mieux fait pour l'honneur de sa plume, et surtout de *sa raison*, de ne pas les faire courir". —

Recevez, Monsieur, je Vous en prie, l'assurance de mon parfait estime.

St Pétersbourg ce 10 Décembre 1831. A. Benkendorff.
№ 6041.

713. Д. Н. Бантышу-Каменскому.
14 декабря 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич

К крайнему моему сожалению сегодня мне никак не льзя исполнить давнишнее мое желание: познакомиться с почтенным историком Малороссии. Надеюсь, что в другой раз буду счастливее. Покаместь прошу Ваше превосходительство принять изъявление глубочайшего почтения моего.

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
14 дек. А. Пушкин.

714. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину.
14 декабря 1831 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

Я должен более жалеть, нежели Вы, что лишен удовольствия познакомиться с уважаемым всеми писателем, делающим честь России: но долгом поставлю предупредить Вас своим посещением в доказательство глубочайшего почтения, с коим имею честь быть

Вашим,
милостивый государь!
покорнейшим слугою
Дмитрий Бантыш-Каменский.

14 декабря
1831.

Адрес: Его высокоблагородию,
милостивому государю,
Александру Сергеевичу
Пушкину.

715. Н. Н. Пушкиной.

Около (не позднее) 16 декабря 1831 г. Москва.

Оба письма твои получил я вдруг и оба меня огорчили и осердили. Василий врет, что он истратил на меня 200 рублей. Алешке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, [т. е. Василию и Алешке,] что я ими очень недоволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алешкой разделаюсь по моем приезде. Василия вероятно принужден буду выпроводить с его возлюбленной — enfin de faire maison nette; всё это очень досадно. Не сердись, что я сержусь.

Дела мои затруднительны. Нащокин запутал дела свои более, нежели мы пологали. У него три или четыре прожекта, из коих ни на единый[1] он еще не решился. К деду твоему явиться я не намерен. А делу его постараюсь помешать. Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в П.<етер>Б.<ург> к тебе, женка моя. Распечатываю письмо мое, мой милый друг, чтоб отвечать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дру́жись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьозно и с беспокойством. Письмо Б.<енкендорфа> ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное. Жду его. На днях опишу тебе мою жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского — и только. Стихов твоих не читаю. Чорт ли в <них>;[2] и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровьи. На хоры не езди — это место не для тебя.

Адрес: Наталье Николаевне
Пушкиной.
В С. Петербург
Галерной, дом Брискорн.

---

[1] ни на единый *переделано из* ни единого

[2] *Прорвано.*

№ 15 Здраствуй, жёнка моя ангелъ. не сердись что третьего
дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не
было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire.
Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но
мнѣ объявили что по причинѣ оттепели должно мнѣ
отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лиш-
нихъ 30 рублей и посадили въ четырехмѣстную
карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще
и человѣка съ собою не взялъ въ надеждѣ путеше-
ствовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ
былъ Рижскій купецъ, добрый нѣмецъ котораго
каждое утро душили мокроты, и который на
станціи ровно часъ откаркивался въ углу. Другой
Мемельскій жидъ, путешествующій на щетъ пер-
ваго. Вообрази какая веселая компанія. Нѣмецъ три
раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ.
Жидъ забавлялъ его во всю дорогу пріятнымъ разговоромъ
на примѣръ по нѣмецки пересказывалъ ему Ивана Вы-
жигина (ganz charmant!) Я старался ихъ не слу-
шать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами
ѣхали въ дилижансахъ три купца, княгиня Голицына

Письмо Н. Н. Пушкиной, 8 декабря 1831 г. (1-я страница).
Собрание Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, № 7021.

716. Н. Н. Пушкиной.

16 декабря 1831 г. Москва.

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь.[1] Того и гляди выкинешь. За чем ты не ходишь? а дала мне честное слово, что будешь ходить по 2 часа в сутки. Хорошо ли это? Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год вывезу тебя в бусах. Здесь мне скучно; Нащ.<окин> занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет — время идет, а дело мое не распутывается. Всё это поневоле меня бесит. К тому же я опять застудил себе руку, и письмо мое вероятно будет пахнуть бобковой мазью, как твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься). Вчера Нащ.<окин> задал нам цыганской вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел — до свидания.

16 дек.

Адрес: Наталье Николаевне
Пушкиной
в С. Петербург
в Галерной в доме Брискорн.

717. И. И. Лажечников — Пушкину.

19 декабря 1831 г. Тверь.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич!

Волею, или неволею, займу несколько строк в истории Вашей жизни. Вспомните малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего вас в театре на честное *слово* и *дело* за неуважение к его

[1] *Переделано из* напрокажешь

высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана, в Галерной, с Вами двух молодцов гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру малоросца, который на вопрос Ваш: приехали ли Вы *во время?* отвечал нахохлившись, как индейский петух, что он звал Вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать Вам поучение, како подобает сидети в театре, и что маиору неприлично [у] меряться с фрачным; вспомните крохотку-адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего Вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка-адъютант был Ваш покорнейший слуга — и вот по чему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в вашей истории. Тогда видел я в Вас русского дворянина, достойно поддерживающего свое благородное звание; но когда узнал, что Вы — Пушкин, творец Руслана и Людмилы и столь многих прекраснейших пиес, которые лучшая публика России твердила с восторгом на память — тогда я с трепетом благоговения смотрел на Вас, и в числе тысячей поклонников (Ваших) приносил к треножнику Вашему безмолвную дань. Загнанный безвестностью в последние ряды писателей,[1] смел ли я сблизиться с Вами? Ныне, когда голос избранных литтераторов и собственное внимание Ваше к трудам моим выдвигает меня из рядовых словесников, беру смелость представить Вам моего Новика: счастливый, если первый Поэт Русский прочтет его, не скучая. 3-ю часть получить изволите в первых числах февраля.

С истинным уважением и совершенною преданностию честь имею быть Ваш,

милостивого государя,
покорнейший слуга
Иван Лажечников.

19[2] декабря
1831.
Тверь.

718. П. В. Нащокин — Пушкину.

Конец декабря 1831 г. Москва.

Здорово ли доехал — и всё ли без тебя дома было благополучно, — удостоила ли меня Нат.‹алья› Николаевна каким-нибуть *дураком* за обновку новейшего покроя и лучший подарок на праздник, который мог я ей доставить — удовольствием встретить тебя после первого растования. Прошу поздравить от меня Натал.‹ью› Николаевну и пожелать ей от меня встретить также приятно новый год — как и тебя — (на старый не сердится с новым помирится). — В самом деле уведомь меня, что твое отсутствие ни малейшего вреда Вам не сделало, и ножкой топать от нетерпения Нат.‹алья› Никол.‹аевна› перестала ли, не смотря что это должно быть очень к лицу. — Посылаю тебе твоего предка с чернильницами, которые открываются, и открывают что он был человек (à double vue) — еще корзинька позолоченая с фальшивами каменьями. Решаюсь послать, потому что она уже получила цену настоящий золотой с дорогими каменьями, — после бала кн.‹язя› Серг.‹ея› Голицына, где она удостоена была иметь место в уборной комнате приготовленный для императрице. — В место сих посылок — задержал я деньги тебе присланные из твоей деревни, не послал же тебе их по почте не так по их тягости (бездна серебра, но денег немного, менее тысячи) как потому что ты

---

[1] в последние ряды писателей *переделано из* в ряды писак

[2] *Переделано из* 18

мне говорил венести за тебя в Опе.‹кунский› Сове.‹т› проченты, почему и рассудил их оставить, в место того чтобы даром платить весовые деньги, сколько именно их было увидишь из письма твоего управляющего; в прочем ты можешь распорядится как хочешь, деньги готовы и я жду твоего приказания. Твои дела Рахманов кончил, векселя получены, о прилиянтах спразлялься, срок еще не выходил, всё в порядке. Приезд Анд.‹рея› Хр.‹истофоровича› от брата меня более огорчил чем утешил, я так был расстрогон рассказом о несчастном положении брата, что забыл о собственным своем деле. — Вообрази его засаленного, в табаке с палами щеками, с синим лицом в прыщах, с ужаснейшей бородою, в эжеминутном раздражении, тресение в руках, всех и всего бонтся, — окружен дьяконами, дьячками, кабашнами отставными обер-офицерами, еще какой-то обрюзглый Демидовский студент с ним пьет и еще имеет на него большое влияние, ко всему этому засадили его жить в запачкуную гореньку в Костроме — каким образом, — уверили его что ему надо служить, определили его в удельную кантору — посадили за него вероятно какого-нибуть по жене родственника, который обокрал и был таков — а брата моего [моего] теперь считают и судят, и потому живет в городе, — а жена в деревне и утешается свободою — ходит гулять с камердинером бывшим кня.‹зя› Груз.‹инского›. *Щеголь*, в куртке, в плисовых широварах, весь в бронзовых цепях и говорит басом. Дома же она прядет в месте с девками, под песню по сидельки девки и т. д. — вечером ездит по деревням сбирать с крестьян пряжу и проч. сам-друг с кучером Кирияном, молодой парень, грубиян, вершков 10-ти. Вся дворня охает — говорит мне *Павел:* Комм.‹ердинер› Петрушка всё еще ничего, а от Кирияна житья нет ни кому. Вот главные [персонажи] лица, владельцы — той усадьбы откуда мой отец так чванно выезжал — где он и похоронен. — Если там где он теперь, душа также чувствует и понимает — как и здесь, так вот *Ад* наказание за суетность. — Я занесся [брат] любезный Алекс.‹андр› Серг.‹еевич› — признаюсь тебе, *Брат* мне до слез жалок — пособить ему нечем. Анд.‹рей› Хр.‹истофорович› был у него, видел его — я этого не желаю, за очно [я] содрагаюсь; у человека 80 т. чистого доходу, не завидую а желею. Поговорим теперь о человеке у которого чистого долгу с казенным почти столько же, а доходу почти ничего, Богданов всё пилит, Веер пугает, Рахманов сулит [ребенок кричит, хозяйка] и проч. проч. проч. — и я хорош в свою очередь. Думаем мы с Анд.‹реем› Хрис.‹тофоровичем› — перекрестясь, начинать кой как наше заведение, — дело вот в чем: буде тебе лехко достать денег — как ты сказывал, в таком случае — достань — и дай их Андрею Христофоровичю, который закупит что следует для нашего начала, буде же не так лехко как мы думаем, в таком случае, моя нижайшая просьба — себя ни сколько не тревожить. Много еще кой что есть писать, но места только осталось на одно только и то, чтоб ты не забыл — *Портрет.*

П. Нащокин.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

6. В Министерство иностранных дел.

Май 1830 г. Москва.

(Черновое) [1]

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит отставный коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, о нижеследующем:

При увольнении меня в [1824 году] июле месяце 1824 года из ведомства Государственной Коллегии иностранных дел, не было мне выдано аттестата о службе моей,[2] по чему всеподданнейше и прошу.

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Государственную Коллегию иностранных дел принять и мне надлежащий выдать аттестат.[3]

Всемилостивейший государь! Прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Майя „ “ дня 1830 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию иностранных дел. Прошение писал N.N.

7. А. Х. Бенкендорфу.

19 июля — 10 августа 1830 г. Петербург.

(Черновое, первая редакция) [4]

10 лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упраж-

---

[1] *Перед текстом помета:* На 2-х-рублевой герб.‹овой› бумаге.

[2] *Слова* аттестата о службе моей *подчеркнуты и над ними вписано другой рукой:* указа об отставке

[3] *Слово* выдать *зачеркнуто, слово* аттестат *подчеркнуто и над ними также другой рукой вписано:* указ по случаю моего пребывания в Москве [преп‹роводить›] [мне] доставить [из] чрез Моск.‹овский› Архив иност.‹ранных› дел.

[4] *Вторую, беловую редакцию см. в XV томе.*

нение — но еще не отросль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечат.<анием> сонн.<иков> и пес.<енников>.

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К.<арамзин> первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя.

[Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной — редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию того не понимали, или не хотели понимать) отчасти, от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя, я имел на всё сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, не смотря на неизмеримое неравенство средств].

Несчастные обстоятельства, сопроводившие восшедствие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбе и притесн.<ительной> ц.<ензуре>. Даже не было закона косательно собственности литературной. [За год пред сим я не мог найти нигде управы, лишась 3000 р. чрез перепечатание одного из моих сочинений (что было еще первый пример).]

Ограждение л.<итературной> собственности и Цензурный Устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. торговое. Ныне составляет оно часть честной промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания более приносят выгоды и, чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого.

[Ведомости С.<анкт> П.<етербургские>, М.<осковские>, Од.<есские> и Т.<ифлисские> и Сев.<ерная> Пчела суть единств.<енные> доныне журналы, в коих помещаются известия политические.]

Сев.⟨ерная⟩ Пч⟨ела⟩, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков и следственно [принос⟨я⟩] св.⟨оим⟩ изд.⟨ателям⟩ по 80,000 дохода, между тем как чисто литературная ⟨газета⟩ едва ли окупает издержки издания, естественно должна иметь бо̀льшее влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякой журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго как угодно ему: *Сев.⟨ерная⟩ Пч.⟨ела⟩* пользуется сим правом и хорошо делает. Законом требовать от журналиста благосклонности или даже беспристрастия и нелицеприятия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы чисто литературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 400, следств.⟨енно⟩ голос их в его пользу был бы вовсе недействител⟨ен⟩. И публика, полагаясь на первое решение, книги его не покупает.

Таким образом литературная торговля находится в руках изд.⟨ателей⟩ Сев.⟨ерной⟩ Пчелы — и критика, как и политика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, которые не находятся в приятельских сношениях с изд.⟨ателями⟩ Сев.⟨ерной⟩ Пчелы — ибо ни одно из их произведений не имеет успеха и не продается.

Для восстановления равновесия в литер.⟨атуре⟩ нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средств.⟨ам⟩ Сев.⟨ерной⟩ Пчелы. В сем то отношении осмеливаюсь просить о разрешении печатать политические заграничные новости в журнале, издаваемом б.⟨ароном⟩ Д.⟨ельвигом⟩ — или мною.

Сим разрешением г.⟨осударь⟩ имп.⟨ератор⟩ дарует по 40 тысяч доходу двум семействам, и обеспечит состояние нескольких литераторов.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства и в этом — издатели священной обязанностию полагают добросовестно ему повиноваться и не только строго соображаться с решениями цензора, но и сами готовы отвечать за каждую строчку, напечатанную в их журнале.

Злонамеренность или недоброжелательство было бы с их стороны столь же безрассудно как и неблагодарно.

Не в обвинение изд⟨ателей⟩ [других жур⟨налов⟩], но единственно для изъяснения причин, принуждающих нас прибегнуть к высочай-

ш‹ему› покровительству, осмеливаемся заметить, что личная честь. не только писателей, но и их матерей и отцов находится ныне во власти изд.‹ателей› полит.‹ического› журн.‹ала›, ибо обиняки (хотя и явные) не могут быть остановлены цензурою.

8. В Сергачский уездный суд.

Около (не позднее) 11 сентября 1830 г. Болдино.

Всепресветлейший, державнейший великий государь, император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший

просит дворянин коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, а о чем тому следуют пункты.

1-ое

Сего года июня 27 дня родной мой отец чиновник 5-го класса и кавалер Сергей Львович Пушкин по данной мне отдельной записи засвидетельствованной С.Петербургской Палаты гражданского суда во 2-м департаменте, отделил мне в вечное и потомственное владение из собственного своего и недвижимого имения, доставшегося ему по наследству после смерти брата его, артиллерии подполковника Петра Львовича Пушкина, состоящего Нижегородской губернии Сергачского уезда в сельце Кистеневе, всего писанного по 7-й ревизии мужеска пола четыре ста семьдесят четыре души, из числа оных *двести* душ мужеска пола с женами их и рожденными от них после 7-й ревизии обоего пола детьми, и со всеми их семействами, с принадлежащею на число оных двух сот душ в упомянутом сельце пашенною и непашенною землею, с лесы, с сенными покосы, с их крестьянским строением и заведениями, с хлебом наличным и в земле посеянным, со скотом, птицы, и протчими угодьи и принадлежностями, что оным душам следует и во владение их состояло. Но как еще оная запись не явлена, то и прошу.

к сему

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение и приложениую при сем подлинную отделную запись, в Сергачском уездном суде принять и поступить на основании законов, а между тем нижнему земскому суду предписать, ввесть меня во владение того отделного мне имения, подлинную ж запись по списании с нее копии возвратить мне обратно,

прошению

всемилостивейший государь! прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Сентября дня 1830-го года. К поданию надлежит в Сергачский уездный суд. Прошение в черне сочинял и набело переписал крепостной его человек Петр Александров, сын Киреев, Александр Сергеев сын Пушкин[1] 10-го класса чиновник руку приложил.

Прошение сие верю подать, по оному хождение иметь и подлинную запись получить, человеку моему Петру Кирееву.

---

[1] Пушкин *вписано.*

9. А. Х. Бенкендорфу.

Около (не позднее) 21 июля 1831 г. Царское Село.

Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из Лицея) к несчастию представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной Коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовали за выслугу лет еще два чина, т. е. титулярного и коллежского ассессора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало.

Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует) и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Документы, посланные Ф. Н. Глинкою Пушкину при письме от 28 июля 1831 г.[1]

№ 1-й

Письмо Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернатора.

Милостивый государь мой!
Федор Николаевич!

Получа письмо ваше из Петрозаводска от 3-го июня, я по содержанию оного ничего другого ответствовать вам не имею, как токмо уверить вас, что я всегда думал и думаю об вас, как о человеке совершенно благородном, с отличными познаниями для службы. По сей уверенности моей и прошу вас, милостивый государь мой, Федор Николаевич, по должности вашей действовать так, как служба вас обязывает и как честь и законы требуют, а судя по благородным вашим правилам и по уму, не должно вам никогда и думать, что вы не можете сего достигнуть, где бы вы ни находились. Откровенно вам должен присоединить, что по отдаленности Петрозаводска не всякая подробность сюда дойти может; однакоже можно судить, что тамошний край, как кажется, не улучшается и после посещения г. сенатора, а судя по поступку с г. Борисовым, мудрено ожидать теперь чего-либо доброго. В заключение повторив уверение в истинном к вам уважении, честь имею быть с всегдашнею преданностию, милостивый государь мой,

покорнейший слуга
Стефан Миницкий.

№ 1860.
7. Июля 1828.
Архангельск.

№ 2-й

Письмо Олонецкого гражданского губернатора и при оном: список с представления его генерал-губернатору о советнике Глинке.

Милостивый государь!
Федор Николаевич!

Приятным долгом поставляю препроводить у сего вам, милостивый государь, с сделанного мною господину генерал-губернатору Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому представления копию, о награде вас, за неусыпные труды ваши, благородные поступки, примерную деятельность в соревновании, чем споспешествовали событию, бывшему сего года февраля в 13-й день в Олонецком губернском правлении. С истинным почтением и таковою ж преданностию имею честь быть милостивого государя,

покорнейший слуга
Александр Яковлев.

Марта 5-го дня.
1830-го.

[1] *См. письмо № 642, стр. 200.*

Список с донесения Олонецкого гражданского губернатора господину генерал-губернатору Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому от 24-го числа февраля 1830-го года за № 1,169-м.

По состоявшемуся указу Правительствующего Сената 1826 года, отставной коллежский советник Глинка (переименованный из полковников) определен старшим советником в Олонецкое губернское правление с жалованием по 1500 руб. в год. Из *аттестата* бывшего гражданского губернатора *Фан-дер-Флита*, с коего *копию* у сего имею честь представить, и *отзыва* состоявшего после него в должности гражданского губернатора 5-го класса *Лачинова* — видно: что г-н Глинка продолжал служение свое по Олонецкому губернскому правлению по засвидетельствованию Фан-дер-Флита: „При неусыпных трудах, примерной деятельности и благородных поступках, отличавших всё служение его, по должности советника Олонецкого губернского правления". 5-го же класса Лачинов, по случаю порученного Глинке надзора за решением *старых дел* в журнале Олонецкого губернского правления 20-го августа 1828 года, между прочим отзывается о нем так: „Поручив за точным сего исполнением надзор г. советнику Глинке, губернское правление не могло лучше сделать выбора; усердие г. Глинки ручалось губернскому правлению за успех сего поручения; что *и оправдалось на самом деле*, в чем равномерно доказательством служат *ведомости*, о коих сказано выше и проч." Таковы были отзывы о советнике Глинке прежних начальников губернии, до прибытия моего в оную. — Из послужного списка его, который у сего имею честь препроводить, видно, что он употребляем был в особых коммиссиях: 1-й. Старшим членом в коммиссии, составленной (первоначально по *секрету*) по случаю открывшегося недостатка в суммах по уездному Петрозаводскому казначейству. 2-й. По личному распоряжению ревизовавшего губернию сенатора Баранова, назначен к учету Петрозаводской градской думы. 3-й. Двукратно находился при следствиях по случаю злоупотреблений по рекрутским наборам при гг. флигель-адъютантах его императорского величества, князьях: светлейшем Ливене и Голицыне 5-м. По прибытии моем, в звании гражданского губернатора, в Олонецкую губернию, застал я в губернском правлении к 1-му июня 1829-го года *дел 638* и бумаг *1281*, да в течение 6-ти месяцов прибыло: дел *447* и бумаг 11,654. К 1-му же генваря текущего года осталось: дел 245, и то *таких*, коих решение (по состоянию оных за *другими* губернскими правлениями и присутственными *местами*) нисколько не зависит от Олонецкого губернского правления; бумаг же ни одной! — При чем ход дел так ускорился, что не только каждый месяц, но и каждая неделя сама себя очищает и надходящая почта не застает почти бумаг, полученных с прошедшею. — Для достижения сего потребно было утроить труды, заботливость и усердие, и г. старший советник Глинка в сем случае оказал себя, по отличным способностям, с неутомимою деятельностию в соревновании, к доведению дел до такой возможности, твердыми, благородными и постоянными поступками; и когда (по предложению моему) губернскому правлению было предложено, за таковой примерный успех дел, воздать благодарение господу богу; — а как чрез сие достигло возможности правление посвящать (чего доселе за множеством дел нельзя было сделать) свободный час (по предписанию Устава благочиния статьи 55-й и указа 1724 генваря 20) для чтения законов — то по убеждению моему, он, г. советник Глинка, составил: *„вступление к чтению законов в Олонецком губернском правлении"* для канцелярских чиновников и канцелярских

служителей, которое им, после бывшего молебствия сего февраля 13-го дня в губернском правлении было читано, с которого у сего копию имею честь представить. Таковое отличное усердие, ревность и рвение к пользе службы его, советника Глинки, священною обязанностию поставляю сим свидетельствовать. Соображая поведение и службу г. советника Глинки, как при моих предшественниках, по их засвидетельствованиям, так и при мне, я долгом справедливого начальника считаю, представить о нем Вашему высокопревосходительству, и убедительнейше просить почтить сие мое представление Вашим милостивым ходатайством. — Я не назначаю награды г. Глинке. — Мера оной будет зависеть от благоусмотрения Вашего высокопревосходительства и воли высшего правительства; — но я смею присовокупить, что награждение советника Глинки послужит ободрением, не токмо ему, но и всем, сего края, чиновникам, продолжающим службу его императорского величества по прямому направлению чести и совести с отличным усердием и примерным успехом. Подписал гражданский губернатор Александр Яковлев.

№ 3-й

Письмо Олонецкого гражданского губернатора, и при оном (на гербовом листе) аттестат.

Милостивый государь!
Федор Николаевич!

По случаю перевода вашего из Олонецкого губернского правления на службу в таковое ж Тверское, я вменяю себе в приятнейший долг изъявить вам, милостивый государь, чувства искреннейшей благодарности и признательности за сотоварищество по службе, и за доказанные на опыте ревностные труды и попечительность вашу в исполнении вообще по губернскому правлению обязанности со дня моего прибытия в Олонецкую губернию, и по день вашего к месту нового назначения. Отдавая должную справедливость, прилагаю у сего за подписом моим, с приложением герба моего печати, должное вам свидетельство. Я вместе с тем убедительнейше прошу и о продолжении одинаких чувствований к тому, который всегда удовольствием поставлять будет быть с нелестною преданностию вашим милостивого государя,

покорнейшим слугою
Александр Яковлев.

№ 16.
Апреля 4 дня 1830.
Г. Петрозаводск.

Аттестат.

Бывший Олонецкого губернского правления советник, коллежский советник и кавалер Глинка; перемещенный к таковой же должности в Тверское губернское правление. В продолжении служения его по Олонецкой губернии в звании старшего советника с 1826-го года, аттестовался по всем послужным спискам, отправляемым к главному начальству, способным и достойным, — равно и в продолжении управления моего Олонецкою губерниею, с 1-го июня прошедшего 1829-го года, господин советник Глинка по день нынешнего перемещения его, — исправлял должность свою с отличным усердием и деятельностию, оказывал всегда ревностное старание и благоуспешность в производстве порученной ему части дел,

и вел себя во всех отношениях примерно. — В засвидетельствование чего обязанностию поставляю, дать ему сей аттестат, за подписом моим и с приложением герба моего печати. Дан в Петрозаводске апреля 2-го дня 1830-го года. № 2008.

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего действительный статский советник, Олонецкий гражданский губернатор, и орденов: российских: св. Анны 2-го класса бриллиантами украшенного, св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом, — прусского за достоинство, золотой шпаги с надписью за храбрость, серебрянных медалей: за взятие Парижа и установленной за 1812-й год кавалер Яковлев.

№ 4-й

Подлинный аттестат от Фан-дер-Флита.

М. В. Д.
Олонецкого Гражданского
Губернатора,
6-го сент. 1827.
№ 5.
Санкт-Петербург.

Господину советнику Олонецкого губернского правления, коллежскому советнику и кавалеру Глинке.

Совершенно расстроенное здоровье мое вынудило меня, при всем пламенном желании продолжать службу его императорского величества, утруждать всеподданнейшею просьбою об увольнении меня от настоящей должности. Ожидая всемилостивейшего воззрения на сию просьбу и готовясь расстаться с гг. чиновниками Олонецкой губернии в ведомстве моем состоящими, я вменяю себе в приятный долг сим свидетельствовать вам, милостивый государь мой, то справедливое уважение мое и совершенную признательность, которые приобрели вы неусыпными трудами, примерною деятельностию и благородными поступками, отличавшими всё служение ваше, по должности советника Олонецкого губернского правления. Будучи уверен, что всякой начальник, исполненный любви к вверенной ему части, и пекущийся о доведении оной до возможного совершенства, поставит себе за честь иметь ревностных, благородно-мыслящих и испытанной нравственности, подобно вам, сотрудников, я желал только изъяснением сих чувствований доказать вам, что лишенный возможности ходатайствовать о наградах, я не могу быть равнодушным к превосходным качествам ума и сердца. — Следовательно не могу равнодушно расстаться с вами.

Гражданский губернатор Фан-дер-Флит.

№ 5-й

Письмо Олонецкого гражданского губернатора, и при оном список с отзыва к нему генерал-губернатора о советнике Глинке.

Милостивый государь!
Федор Николаевич!

С полученного мною от господина генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого предписания для сведения вашего у сего копию с приятным удовольствием препровождаю.

Имею честь быть с истинным почтением и таковою ж преданностию милостивого государя,

покорный слуга
Александр Яковлев.

Марта 18 д.
1830-го года.

Список господину Олонецкому гражданскому губернатору.

Марта 6-го дня 1830-го года за № 595.

Засвидетельствованне вашего превосходительства об отличном усердии и ревности на пользу службы советника Олонецкого губернского правления коллежского советника Глинки, я сообщил г. министру внутренних дел, отдавая и с своей стороны полную справедливость усердной и ревностной службы г-на Глинки, о чем не излишним считаю уведомить ваше превосходительство в ответ на представление ваше, милостивый государь мой, 24-го минувшего февраля, № 1,169-й. Подлинное подписал генерал-губернатор Миницкой.

Верно. Гражданской губернатор Александр Яковлев.

№ 6-й

Собственноручное письмо генерал-губернатора к советнику Глинке.

Милостивый государь!
Федор Николаевич!

Письмо ваше с приложением книжки (Карелии) трудов ваших, я имел удовольствие получить. От искренности сердца благодарю вас за сей приятный памятник. В след за сим получил я, чрез А.‹лександра› ‹Ивановича›,[1] речь, говоренную вами всем гражданским чиновникам, в которой так хорошо и внятно доказано каждому, какие от познания законов и исполнения в точности оных получаются пользы для благополучия людей. За сие все слушавшие вам совершенно благодарны. В одно и то же время раскрываете вы пред соотчичами страну, почти всеми забытую (Карелию) и поселяете в правлении оной все доблести, которые делают человека счастливым.

С желанием вам всех благ остаюсь усердным ко услугам

С. М.

Архангельск
1830-го года, февраля 28.

II.

Отрывок из неотправленного письма П. А. Вяземского Пушкину.

14 сентября 1831 г. Остафьево.

Попроси Жуковского прислать мне поскорее какую-нибудь новую сказку свою. Охота ему было писать *шинельные* стихи и не совестно ли певцу во стане русских воинов и певцу на Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородином? Там мы бились один против 10, а здесь напротив 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. Можно было дивиться, что оно долго не делается, но нечему в восторг приходить от того, что оно сделалось. Слава богу, русские не голландцы: хорошо им не верить глазам и рукам своим, что они посекли бельгийцев. Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но всё же нет тут вдохновений для поэта. Зачем перекладывать в стихи то, что очень кстати в политической газете. — —

[1] *В копии ошибочно:* А. М.

III.

Прошение в Нижегородскую Гражданскую палату.[1]

Около (не позднее) 25 сентября 1830 г. Нижний-Новгород.

Всепресветлейший, державнейший великий государь, император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший

Просит 10 класса Александр Сергеев сын Пушкин, а о чем, тому следуют пункты.

1-е

Намерен я заложить в Московский Опекунский Совет недвижимое мое имение, доставшееся мне по отдельной записи, данной родным моим отцем, чиновником 5 класса и кавалером Сергеем Львовичем Пушкиным, состоящее Нижегородской губернии Сергачского уезда в сельце Кистеневе Тимашеве тож, всего по 7 ревизии четыреста семьдесят четыре души, из числа коих по отдельной записи утверждено в мое владение по форме законов двести душ, на каковой предмет нужно мне иметь из Нижегородской Гражданской палаты на означенные двести душ узаконенное свидетельство, почему всеподданнейше прошу

К с е м у

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Нижегородской Гражданской палате принять и на означенное количество душ для изъясненной надобности выдать узаконенное свидетельство.

п р о ш е н и ю

Всемилостивейший государь, прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Сентября дня 1830 года. К подаmю надлежит в Нижегородскую Гражданскую палату. Прошение сие писал губернский секретарь Павел Цедринский в м е с т о ч и н о в н и к а 10-г о к л а с с а А л е к с а н д р а С е р г е е в и ч а П у ш к и н а п о д а н н о й м н е о т н е г о д о в е р е н н о с т и, к о т о р у ю п р и с е м п р е д с т а в л я ю, п о с п и с а н и и с к о т о р о й к о п и и в о з в р а т и т ь м н е о б р а т н о, к р е п о с т н о й е г о д в о р о в ы й ч е л о в е к П е т р А л е к с а н д р о в с ы н К и р е е в р у к у п р и л о ж и л.

[1] *Подписано П. А. Киреевым от имени Пушкина, по его доверенности.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

386а. А. Х. Бенкендорфу.

Вторая половина (не ранее 17) августа 1828 г. Петербург.

В следствии высочайш⟨его⟩ ⟨повеления⟩ г.⟨осподин⟩ Обер-пол⟨ицеймейстер⟩ требовал[1] от меня подписки в том что — — я впредь без предвар.⟨ительной⟩ обычной цензуры[2] [Я дал[3] оную] повинуясь[4] священной для меня воле; тем не менее прискорбна мне сия мера — [Госу⟨дарь⟩] [Осмеливаюсь просить у Вашего превосх⟨одительства⟩][5] Госуд.⟨арь⟩ имп.⟨ератор⟩ в минуту для меня незаб⟨венную⟩[6] изволил освободить меня от цензуры,[7] я дал честн⟨ое⟩ слово государю [которы⟨й⟩] которому [надеюсь не изменил и не изменю по гроб не только[8] из явного благоразумия, но][9] которому изменить я не могу[10] не говоря уж о чести[11] дворянина, но и по глубокой искренней[12] моей привязанности к [ег.⟨о⟩ вел⟨ичеству⟩ как] царю и человеку — Требование[13] полицейской подписки,[14] унижает меня в собств.⟨енных⟩ мо⟨их⟩ глазах, и я твердо чувствую ⟨что⟩ того не заслуживаю,[15] и дал бы и[16] в том честное мое слово, если б я [мог] смел еще надеиться что оно [может] имеет свою цену.[17] Что касается до ценз.⟨уры⟩, если госуд.⟨арю⟩ имп.⟨ератору⟩ угодно [воспр⟨етить⟩] уничтожить милость мне оказанную, то [я] с горестью приемля знак царственного гнева,[18] прошу В.⟨аше⟩ превосход.⟨итель-

---

1 *Начато:* По требованию г. Обер-пол⟨ицеймейстера⟩ до⟨лжен я⟩⟨?⟩

2 я впредь ~ цензуры *вписано. Фраза не окончена.*

3 *Начато:* Я ни⟨...⟩

4 *Начато:* я повину⟨юсь⟩

5 *Начато исправление:* Надеясь н⟨а⟩

6 в минуту для меня незаб⟨венную⟩ *вписано.*

7 *Фраза* Госуд⟨арь⟩ имп.⟨ератор⟩ ~ от цензуры *заключена в скобки, т. е. предназначена к перенесению ниже; перенесение отменено.*

8 *Слово* только *зачеркнуто и восстановлено.*

9 *Далее знак вставки (см. выше, прим. 7) вписан и зачеркнут.*

10 *Начато:* которому изменить я не мог, не быв

11 *Начато:* не говоря уж о том что я

12 *а.* но и по са⟨мой⟩ *б.* но и по сердечной *в. Как в тексте.* *г.* но и по искренней

13 Требовать от меня

14 *Переделано из* записки

15 *а.* и я надеяся того не заслужить *б.* и я глубоко чувствую ⟨что⟩ того не заслуживаю

16 и *вписано.*

17 и дал бы ~ свою цену *вписано.*

18 *а.* то я с благо⟨го⟩вением приемля [его] знак его *б.* то с горестью приемля знак его неблаговол⟨ения⟩ *в.* то с горестью приемля знак царск⟨ого⟩ гнева

ство› разрешить мне как надлежит[1] мне впредь п‹оступать› с моими сочинениями, которые как вам известно составляют одно мое имущество.

Надеюсь что Ваше ‹превосходительство›, поймете и не примите в худую сторону смелость, с которою[2] ‹решаюсь›‹?› объяснить. Она знак искренн‹его› уважения человека, который[3]

387а. П. А. Вяземскому.

1 сентября 1828 г. Петербург.

Письмо твое застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода[4] — отвечаю[5] наскоро на все твои запросы —

Стих который тебя пучит, Гнедича из его Танкреда:

Un jo‹ur› — успокоился[6] ли ты? S.‹erge› Галиц‹ын› пустился в русск‹ие›‹?› стихи,[7] Junior и Киселев в дорогу, а я в распутство[8] — к несчастию о мо‹ем› Благ‹онамеренном› можно сказать, как было ск‹азано›[9] о Измайл‹ове:› Намерение благое, толь‹ко›‹?› исполнение пл‹охое›.

В последнее время[10] вот как воспели мы[11]

[‹*Нрзб.*›] Полтор‹ацкие›‹?› уехали в ‹*нрзб.*› а А. П.‹?› [распустил] сбол‹тнул› в Твери‹?› что я шпион, получаю за то 2500 в месяц‹?›[12] [сумма] (которые очень бы [н‹ам›] мне пригодились благодаря[13] крепсу) и ко мне уже являются трою‹ро›дн‹ые›[14] братцы за местами‹?› и за милостями‹?› [за‹*нрзб.*›] царскими‹?›[15]

Благодарю за стихи, и за то что ты сравнил красавицу с моим стихом, tu m'adula, ma tu mi piace —

---

[1] *а.* разрешить мне что надлежит *б.* разрешить мне как надлежит мне впредь поступ‹ать› *в. Начато исправление:* разрешить мне как и куда надлежит об‹ращаться› ‹?›

[2] *Переделано из* которой

[3] *а.* объяснить и которая есть *б.* объяснить. Она знак глубочайшего уважения человека который чувствует себя

[4] *Далее было: а.* оно обрадывало меня как бы ты сам — *б.* оно обрадывало меня будто бы ты сам —

[5] *а. Начато:* спешу *б.* отвечаю тебе

[6] *Начато:* Un jo‹ur› — доволен

[7] пустился в стихи

[8] Junior пустился в дорогу, я в распутство

[9] было ск‹азано› *вписано.*

[10] *Начато:* В последнее время нашего соедине‹ния› вот

[11] *Фраза* В последнее время вот как воспели мы *написана после конца текста и отнесена на место знаком вставки.*

[12] в месяц‹?› *вписано. Далее вписано еще и зачеркнуто:* по‹...›

[13] *В подлиннике описка:* бладоря

[14] *Переделано из начатого:* дв‹оюродные›. *В подлиннике описка:* троюдн‹ые›

[15] *Весь абзац вписан на поле.*

[illegible]

Черновое письмо П. А. Вяземскому, 1 сентября 1828 г.

Собрание Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, тетрадь № 2371, л. 20.

404а. Неизвестной.

Конец 1828 г. — 4 марта 1829 г. Петербург.

[très] certainement, Madame l'heure qui vous conviendrait sera toujours la mienne — A[1] demain donc, et [puisse le 7me chant d'Онегин méri⟨ter⟩][2]

414а. Б. Г. Чиляеву.

24 мая 1829 г. Коби.

Несколько путеше⟨ственников⟩ след⟨ующих⟩ по каз.⟨енной⟩ надоб.⟨ности⟩ находятся здесь в самом затрудн⟨ительном⟩[3] положе⟨нии⟩ и[4] зная по слухам Вашу снисходитель[ность],[5] решились прибегнуть к Вашему покрови⟨тельству⟩.

[Не] [Не] [Не][6] Сделайте милость[7] послать к старш⟨ине⟩ ароб⟨щиков⟩. [О сем] [Мы готовы заплатить] О сем просят убедительнейше Арт⟨иллерии⟩ под⟨полковник⟩[8] Бауман, гр.⟨аф⟩ Му.⟨син⟩-Пушкин и я —

Прими⟨те⟩

415а. Ф. И. Толстому.

27 мая—10 июня 1829 г. Тифлис.

Сей час узнаю что [есть] было здесь на мое имя письмо,[9] полагаю, [что] любезный граф [Федор] что от тебя. Крайне жалею что оно уже отпра⟨влено⟩ в дей⟨ствующий⟩ отря⟨д⟩[10] куда еще я не [по⟨паду⟩] так легко и не так скоро попаду — делать нечего — Путешествие мое было довольно скучно — Начать,[11] что поехав[12] на Орел а не прямо на Воро⟨неж⟩ сделал я около 200 ⟨верст лишних⟩[13] зато видел Ермо⟨лова⟩. [Знаешь ли что вы] [Знаю] Хоть ты его не очень жалуешь, принуж⟨ден⟩ я тебе сказать, что я нашел[14] в нем разительное сходство с тобою не только [в разговоре] в обороте

---

1 *Переделано из* Et

2 *Начаты исправления: а.* et puisse m⟨on⟩⟨?⟩ *б.* et pussé⟨-je⟩ *Перед текстом письма помета:* Плетневу

3 *а.* Несколько путеше⟨ственников⟩ находятся в во⟨...⟩⟨?⟩ *б.* Несколько путеше⟨ственников⟩ по каз.⟨енной⟩ надобн.⟨ости⟩ находятся здесь в самом затрудн⟨ительном⟩ *в.* Несколько ~ находятся здесь в затрудн⟨ительном⟩

4 *Далее было:* решились прибегнуть к Вашему [пр⟨освещенному⟩⟨?⟩] покрови⟨тельству⟩, [наслышась] зная по слухам Вашу снисходительность *Затем части этой фразы переставлены, как в тексте.*

5 *а.* Вашу снисходительность *б.* Ваш⟨е⟩ снисходительное благораспо⟨ложение⟩

6 Не ⟨откажите⟩ ⟨?⟩

7 *Начато: а.* сделайте милость ук⟨азать⟩⟨?⟩ *б.* сделайте милость пов⟨...⟩⟨?⟩

8 просят убедительнейше подп⟨олковник⟩

9 *а. Как в тексте. б. Начато:* письмо отправленное

10 *а.* к Рае⟨вскому⟩⟨?⟩ *б.* в гл⟨авную⟩ кв⟨артиру⟩ *в.* в отря⟨д⟩

11 С того начать

12 что я поехал

13 *В подлиннике:* около 200 — —

14 *а.* что я был очень⟨?⟩ *б.* что в нем я нашел

мыслей и во мнениях[1] но даже и в чертах лица и в их выраже‹нии›. Он был до крайности [любезен] мил. [Переезд] Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дн‹евку› ночевал — за то видел Казбек[2] и[3] Терек которые стоят Ермолова — Теперь прею в Тифлисе ожидая разрешения гр.‹афа› Паск‹евича›. [Косательного приезда моего]

420а. А. Х. Бенкендорфу.

10 ноября 1829 г. Петербург.

Arrivé au Caucase[4] je ne pus résister au désir de voir mon frère qui sert dans le régiment [de Ни‹жний›] et dont j'étais séparé — depuis 5 ans.[5] Je crus avoir le droit[6] d'aller à Tiflis.[7] Arrivé là je n'y trouvai plus l'armée, j'écrivis à R.‹ajewsky› (un ami d'enfance) pour qu'il obtint pour moi du Cte P.‹askevitch›[8] la permission de venir au camp — [Une fois] J'arrivais le jour du passage du Sanganlou — Une fois là [ma po‹sition›] je sentis combien ma position était fausse — il me parut [d'] embarrassant d'éviter [la guerre][9] où je venais de me jetter si inopinément.

l'idée de l'avoir[10]

429а. А. Х. Бенкендорфу.

7 января 1830 г. Петербург.

M'étant présenté chez votre excellence et n'ayant pas eu le bonheur de [vous] la trouver, je prends la liberté de [vous] lui adresser [les] la demande que vous avez bien voulu me permettre[11] de vous faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié ni attaché au service — et que l'état de mes affaires me permet de l'entreprendre,[12] j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie[13] — et s'il ne m'est pas permis d'aller [en] Europe,[14] je demande‹rais› la [permission] grâce de visiter la Chine avec la mission qui [s'y prépare] va s'y rendre.

---

1 не только в обороте мыслей и разговора в шутках‹?› и рассказах‹?›

2 *Переделано из* Кавказ

3 *Переделано из* кот‹орый›

4 *Над этими словами сохранился обрывок предыдущего отсутствующего текста:* [avec ‹?›]

5 de voir mon frère que je n'avais pas vu depuis 3 ans

6 *Начато:* Je crus pouvoir

7 *Далее начато:* (d'autant plus que j'avais une feuille de pa‹ssage›‹?›

8 du Cte P. *вписано.*

9 la guerre *зачеркнуто без замены.*

10 *Эти слова записаны вверху на левом поле поперек текста; начало и продолжение их, бывшие над началом письма, оторваны. На обороте листа ряд проб пера рукою Пушкина:* Милостивый Государь, АП, М Г, Государь, Милостив‹ый›, Грузин‹?›, Ваше, M^r D

11 *а. Начато:* que vous ‹avez› eu l'extrême *б.* que vous m'avez permis

12 d'entreprendre des voyages

13 *Далее начато: а.* Si cependant S.‹a› M.‹ajesté› ne *б.* Si cependant on ne peu‹t›

14 *а.* permis de visiter *б.* permis ‹d'›aller en *в.* permis ‹d'›aller v‹isiter›‹?› l'Europe

Oserai-je, mon général, vous importuner encore — Pendant mon absence, M^r J<oukovsky> ayant[1] voulu imprimer ma trag<édie> de G<odounof> il n'en reçu<t>[2] pas l'autorisation formelle. N'ayant pas de fortune, il me serait gênant de me priver[3] d'une [dizaine] 15 de mille roubles, que peut[4] me rapporter mon travail[5] — [Cette tragédie est écrite dans l'esprit de la morale la plus pure, et du monarchisme][6] et il me serait pénible de renoncer à la publication de l'ouvrage[7] que j'ai le plus médité et du seul dont je sois content —

Cependant si telle [sera] est la volonté de l'Emp<ereur>, c'est avec joie[8] <que> [je suis prêt d'en faire le sacrifice] comme la seule preuve que je puisse donner de mon [entier dévouement et — —]

Et quant aux idées politiques <elles>[9] sont parfaitement monarchiques — [je la recommande à l'indulgence de] et si m<...>

441a. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

[C'est aujourd'hui 9 ans que] [Il y a juste aujourd'hui] C'est aujourd'hui [la S<aint> Va<lentin>], c'est le 9 anniversaire[10] du jour ou je vous ai vu pour la première fois. Ce jour a décidé[11] de ma vie — [pour<?>] C'est

Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la vôtre; [tout a<utre><?>] je suis né pour vous aimer et vous suivre — — [tout] tout autre soin de ma part est erreur ou folie;[12] loin de vous je n'ai que les remords[13] d'un bonheur dont je [n'aurais pas assez joui] n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que j'abandonne tout, et que je vienne [errer autour de vous] tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en Crimée<?>[14] est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là[15] je pourrai venir en pélerinage errer autour de votre maison, vous rencontrer[16] vous entrevoir — —

---

1 avait <de<mandé><?>

2 *Переделано из* il ne reçu<t>

3 *a.* il me serait [p<énible><?>] de me *(пробел в подлиннике)* *б.* il me serait désagréable de me priver

4 *a. Как в тексте.* *б.* que doit

5 *a.* mon ouvrage *б.* mon œuvre<?>

6 *Далее написано на пол х и поперек предыдущего текста.*

7 d'un ouvrage

8 c'est avec joie *вписано. Было начато:* c'est avec pl<aisir>

9 *В подлиннике описка:* ils

10 c'est l'anniversaire

11 décidé *вписано.*

12 erreur ou *вписано. Первоначально:* est folie, erreur ou m<...><?> *Далее следовало: а.* votre présence me ranime, *б.* votre présence seule me ranime, *в.* votre présence seule peut me ranimer —

13 *а. Начато:* les rem<ords> *б.* des remords *в.* des regrets *г.* de morn<es> regrets

14 *а.* M<oldavie><?> *б.* Od<essa><?> *в.* Volynie<?>

15 *а. Как в тексте.* *б.* de là

16 *а. Как в тексте.* *б.* m'enivr<er>

443а. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

Vous vous jouez de mon impatience vous [vous] semblez prendre plaisir à me désappointer, [l'espoir de vous voir aujourd'hui m'avait réveillé] je ne vous verr‹ai›[1] donc que demain — soit. Cependant je ne puis m'occuper que de vous[2] —

Quoique vous voir et vous entendre soit pour moi le bonheur,[3] j'aime mieux vous écrire que vous parler.[4] Il y a en vous une ironie, une malice qui aigrissent et découragent.[5] Les sentiments deviennent pénibles, et les paroles du cœur se tournent en pures plaisanteries[6] en votre présence. Vous êtes le démon,[7] c.‹'est› à dire *celui qui doute et nie*, comme le dit l'Écriture.

[Vous] Dernièrement, vous avez[8] cruellement parlé du passé. Vous m'avez dit ce que je tâchais[9] de ne pas croire — [était-ce] pendant 7 ans entiers. Pourquoi cela. [Vouliez-vous vous venger. Ave‹z›]

[Vous n'] Le bonheur est si peu fait pour moi, que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi — Ne m'en parlez donc plus, au nom du Christ — [Vous me faites connaître la rage] [Un rem‹ords›] Le remords, si tant est que je l'eusse connu, le remords [a] aurait eu sa volupté — [le] un regret pareil ne laisse à l'âme que des pensées[10] de rage de blasphème —[11]

Chère Ellénore, permettez-moi de vous donner ce nom[12] qui me rappelle[13] et [mes] les lectures brûlantes de mes jeunes‹?› années et le doux fantôme qui me séduisait[14] alors, et votre[15] propre existence[16]

---

1 *В подлиннике описка:* verrez

2 *а. Начато:* Cependant il faut que je vous parle — je ne puis être *б. Начато:* Il faut que je m'occupe *в. Начато:* Cependant je n'ai

3 *а. Как в тексте. б.* la volupté

4 *Далее следовало: а. Начато:* Vous d‹...› *б. Начато:* loin de vous *в.* Votre présence m'attriste et me décourage. Mes paroles sont génées, mes sentiments pénibles —

5 qui m'attriste et me décourage

6 *а.* Mes sentiments sont pénibles, et mes paroles se glacent *б.* Mes sentiments sont pénibles et se tournent en plaisanteries

7 Sûrement vous êtes un démon

8 vous m'avez

9 *а.* du passé et de ce que je tâchais *б.* du passé. Vous m'avez dit tout haut ce que je tâchais

10 *а.* ne laisse qu'une rage. Sa‹?› *б.* ne produit que des larmes *в.* ne laisse que des pensées

11 et des blasphèmes

12 ce nom *вписано.*

13 *В подлиннике описка:* rappellent. *Далее следовало: а. Начато:* et [vos] vos ch‹armes›‹?› *б.* et les charmes idéals et le fantôme du p‹assé› *в. Начато исправление:* et vos ex‹...› *г.* et une des femmes idéal‹e›s‹?›

14 *а.* qui séduisait *б.* qui le‹s› séduisait

15 *Начато:* et [votre] l'in‹...›

16 *Далее следовало: а.* si bouleversée par les passions, si éloignée de votre des‹tinée›‹?› *б.* si orageuse, si éloignée de ce qu' *в.* si orageuse, [si loin‹taine›‹?›] si élo‹ignée›‹?›

si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être — Chère Ellénore,[1] vous le savez [que tou<jours>], j'ai subi toute votre puissance.[2] C'est à vous que je dois d'avoir connu[3] tout ce [que l'ivresse] de l'amour a de plus convulsif et de plus doulou<reux> comme tout ce qu'elle a de plus stupide. De tout cela il [ne] m'est resté[4] qu'une faiblesse de convales<cent> <un> attachement,[5] [qu'] bien doux, bien vrai, [et] et qu'un peu de crainte,[6] qu'il m'est impossible de surmonter.[7]

[Je s<ais>] Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserez[8] — que de maladresse — il est humilié du passé — voilà tout.[9] Il mérite bien que je le joue encore — (Il a toute la fatuité[10] de Satan son maître)[11] N'est-ce pas

Cependant [je vo<ulais>] en prenant la plume je voulais vous demander quelque chose — je ne sais plus quoi — ha[12] oui — c'est de l'amitié — [c'est à dire l'intimité — la confiance] Cette demande est bien [platte] vulgaire bien[13] — C'est comme un mendiant qui demanderait du pain — le fait est [que j'en] qu'il me faut votre intimité [c'est la] [première qu'il me parait]

Et cependant vous êtes [bien] toujours aussi belle que le jour de la traversée, [que] ou bien celui du baptême, lorsque vos doigts [humides] me touchèrent le front — Cette impression me reste encore — froide humide.[14] C'est elle qui m'a rendu Catholique — Mais vous allez vous faner;[15] cette beauté va pencher tout à l'<heure><?>[16] comme une avalanche — [Quand elle ne sera pas le monde aura perdu] Votre âme

---

1 *Далее следовало:* il fut un temps où votre voix, votre regard m'enivrait

2 *Далее следовало: а.* Si j'ai connu l'ivresse *б.* Si j'ai connu tout l'abattement, toute la stupide ivresse du malheur, c'est à vous que je le dois *в. Начато исправление:* Si j'ai connu tout l'abattement des pein<es><?>

3 *Далее следовало: а.* toute la stupide ivresse de l'amour — vous m'avez été envoyée comme *б.* tout ce que l'ivresse de l'amour a de plus convulsif et de plus doulou<reux> *в.* tout ce que l'amour a de plus convulsif et de plus doulou<reux> comme tout ce qu'il a de plus

4 *а. Начато:* il ne me *б.* de tous les sentiments convulsifs *в.* de tous ces [en<...>] sentiments si convulsifs, si douloureux, il ne m'est resté, à me consoler, *г. Начато исправление:* de tous ces sentiments convulsifs [et de l'<...>] il n'e<st>

5 il ne m'est resté qu'un attachement

6 *а. Как в тексте. б.* de cette crainte

7 que je ne puis ne pas ressentir en présence d'un être [aussi] supérieur et malfaisant.

8 *Далее следовало:* voyez direz-vous comme il se met à la torture pour ne point croire ce qu'il n'est pas —

9 *а.* il est humilié du passé — *б.* quelle maladresse — il est humilié du passé (voila tout *вписано.*)

10 *а.* Il a la fatuité *б.* car il a la fatuité

11 *Далее следовало: а.* sans en avoir *б.* Je *в.* Hé bien, je vous jure je vous trouve *(Не окончено.)*

12 *Переделано из начатого:* l'<amitié><?>

13 *Фраза не окончена.*

14 humide et froide

15 *а. Как в тексте. б.* vous allez passer

16 *а.* va tomber comme une *б.* va tomber et devien<dra> *в.* va tomber tout à l'h<eure>

restera debout quelque temps encore, au milieu[1] de tant[2] de charmes tombés — et puis elle s'en ira[3] et peut-être jamais la mienne, sa <?> timide esclave[4] ne [re] la rencontrera dans<?> l'infini de l'éternité —[5]

[Mais votre âme] et bien qu'est-ce qu'une âme [sans votre regard] Ça n'a ni regard, ni mélodie — mélodie peut-être —

444а. К. М. Бороздину.

Около (после) 4 февраля 1830 г. Петербург.

Изд.<ателям> Лит.<ературной> Газ.<еты> вме<сто> К. С. Сер<биновича> дали недавно в[6] Цензоры профессора Щегл<ова> который своими замечаниями поминутно напоминает[7] лучшие[8] времена Биру<кова> и Красов<ского> —[9] в доказате<льство> позвольте привести[10] вам один из тысячи примеров: Давы<дов> в одном<?> посл<ании> [говорит] Зай<цевскому> и Каз<арскому>[11] о будьте — — —

Цензор усомнился,[12] можно ли допустить гов<орить> таковым [образом][13] <о> двух кап<итан>-лей<тенантах> и [вымарал сии два] вымарал приветствие не по чину — Изд.<атели> решились прибег<нуть> к В<ашему> пок<ровительству>, и просить если только то возм<ожно>, возвр<атить> [им г. Сербиновича[14] или] по [крайней мере] дать другого [более ра<зумного><?>] менее своенравного цензора, если уже не возможно возвратить г-на Сербин<овича>

462а. Н. О. и С. Л. Пушкиным.

6—11 апреля 1830 г. Москва.

Mes très[15] chers parents, je m'adresse à vous dans un moment qui va [décider][16] du reste de ma vie[17] —

Je m'adresse à vous dans un moment qui va fixer mon sort pour le reste de ma vie —

---

[1] *Далее было:* *а.* d'une rui<ne> *б.* des ruines

[2] *Переделано из* de ch<armes>

[3] *а.* elle ira rejoindre *б.* elle s'en ira seule de la terre

[4] *а. Начато:* la mienne ne *б.* la mienne, pauvre timide esclave

[5] *а.* parmis la foule *б.* parmis la <*нрзб.*>

[6] в *вписано.*

[7] *а. Начато:* же<стоко><?> *б.* затрудняет *в.* поминутно затрудняет

[8] лучшие *вписано, зачеркнуто и вписано вновь.*

[9] *Далее начато:* на при<мер>

[10] *Начато:* привед<у>

[11] *а.* Давы<дов> в послании Зай<цевскому> *б.* Давы<дов> в одном<?> послании Зай<цевскому> и Каз<арскому> говорит

[12] *а. Как в тексте. Начаты исправления:* *б.* Цензор нашел что *в.* Цензор нашел это

[13] *а.* можно ли пропустить *б.* можно ли допустить таковым образом *в.* можно ли называть таковым образом

[14] *Начато:* возвратить им К. С.

[15] très *вписано.*

[16] *а.* qui va décider *б.* qui va fixer

[17] *Абзац написан карандашом. Далее — всё чернилами.*

[Il y a un an] [Il y a] [Je veux me marier à une jeune personne que j'aime depuis un an] — Mlle Natalie Gontchar<of>.[1] [J'ai son consentement, celui de sa mère] — Je vous demande votre bénédiction non comme une vaine formalité, mais dans l'intime persuasion que cette bénédiction est nécéssaire à mon bien-être[2] — [j'espère] et puisse la dernière moitié de mon existence être pour vous[3] plus consolante que ne le fut ma triste jeunesse —

[La fortune de Mde G.<ontcharof> étant très dérangée] et dépendant[4] en partie de celle de son beau-père, cet article est le seul obstacle[5] qui s'oppose à mon bonheur [En aimant sans espérance j'eusse été bien malheureux. Mais si après avoir eu son consentement] Je n'ai pas la force[6] de songer à y renoncer — Il m'est bien plus aisé[7] d'espérer que vous viendrez à mon secours — Je vous en conjure, écrivez-moi ce que vous pouvez faire pour

463а. А. Х. Бенкендорфу.

16 апреля 1830 г. Москва.

[Vous m'avez permis de m'adresser toujours à Vous, je le fais en] [avec]

[En 1826 j<e>] Je suis tout [honteux] embarassé de m'adresser à l'autorité[8] dans une circonstance purement personnelle.[9] Mais ma position[10] et l'intérêt [de] que vous avez bien voulu me té<moigner> jusqu'à présent[11] [me donne] m'en font une [bien<?>] obligation.

[Je vous supplie nonobstant de me garder le secret].[12]

Je [vais] dois me marier à Mlle — que Vous avez dû voir à Mo<scou>.[13] J'ai son consentement et celui de sa mère — deux objections m'ont été faites. Ma fortune et ma position [à] [envers] à l'égard du gouvernement.

---

[1] *а.* Je veux me marier à une jeune personne que j'aime depuis un an — Mlle G.<ontcharof> dont vous avez *б. Вместо последних пяти слов:* c'est Mlle Gontch.<arof> *Вся фраза перечеркнута двумя легкими чертами.*

[2] *Начато: а.* à mon bonheur c'est à dire *б.* à notre bonheur c'est à dire *в.* à mon bonheur à celui *г.* à notre bien aim<...> *д.* à notre bien être (*в подлиннике* aim *переделано в* aitre)

[3] *Начато:* être plus

[4] *Начато: а.* J'ai le consentem<ent> de *б.* La fortune de Mde G.<ontcharof> étant très dérangée *в.* La fortune de Mde G.<ontcharof> est très dérangée — la mienne *г.* La fortune de Mde G.<ontcharof> étant très dérangée elle a dû me faire *д.* La fortune est la seule objection *е.* J'ai le consentem<ent> de Mlle Gontch<arof> — [j'ai] et

[5] *Начато:* est la seule obj<ection>

[6] *а. Как в тексте. б.* Je n'ai pas le courage

[7] *Начато:* Il m'est plus con<solent> <?>

[8] *а.* à vous *б.* au *в.* à l'

[9] *Начато: а.* une circonstance qui m'est *б.* une circonstance qui n'interesse que moi *в.* une circonstance qui ne regarde que moi: mais vous m'en *г.* une circonstance qui ne regarde que moi; et de la

[10] *Начато:* Mais pardonnez

[11] *Начато:* et la confiance que jusqu'à présent

[12] *Фраза вписана.*

[13] que ∼ à Mo<scou> *вписано.*

Quant à la première [1] — j'ai pu répondre qu'elle était suffisante grâce à S.‹a› M.‹ajesté› qui m'en a donné les moyens.[2] Je puis vivre honorablement de mon travail — Quant à ma position dans le monde je n'ai pu cacher qu'elle était fausse et douteuse — Exclu du service par feu l'Empereur [je porte [3] encore cette tache] [je porte encore cette] cette flétrissure me reste [encore].

[L'Emp.‹ereur›] Il me serait [4] difficile malgré la meilleure vol‹onté› [5] de reprendre du service — Sorti du Lycée [6] en 1817 avec le rang de la 10me cl‹asse› je n'ai jamais reçu les deux rangs suivants [7] qui me revenaient de droit (je contais au service [jusqu'à] 1824 [8] époque de mon exclusion) mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. — Une place toute subalterne telle que mon rang act.‹uel› me permet de l'occuper [9] ne peut plus [10] convenir [ni] à mon âge, [ni à] elle me distrairait de mes occupations littér.‹aires› [11] ne ferait que me donner des tracasseries [sans] [sans que je puisse] sans but et sans utilité — je n'y dois donc plus songer —

[Je supplie votre Ex‹cellance›]

Encore une fois je suis tout honteux de vous entretenir si longuement [de toute] de moi, mais mon bonheur [12] dépend en quelque sorte [de] d'un mot de bienveillance. Mde Gontch.‹arof› est effrayée de donner sa [famille [13]] fille à un homme qui aurait le malheur d'être mal vu de [la] l'Emp.‹ereur› [et] [14] cependant mon dévouement pour lui est plus vrai [15] et plus vif que je ne pourrais l'exprimer —

Encore [une] ‹un› mot et je finis. En 1826 j'apportai à Moscou ma tragédie de Году‹нов› écrite pendant mon exil. [16] Je n'avais nulle envie de l'imprimer [telle que vous l'avez vue] — Elle ne vous fut envoyée telle que vous l'avez vue, que pour me disculper et pour montrer dans quel esprit cette tragédie etc.[17] — L'Emp.‹ereur› [ét‹ant›] ayant daigné

---

1 *Эти четыре слова зачеркнуты и восстановлены.*

2 *а.* que grâce à S. M. qui m'a donné les moyens de vivre de ma pensée elle est honorable et indépendante. Ma position *(не окончено)* *б.* que grâce à S. M. qui m'a donné les moyens de vivre de ma pensée — elle était suffisante et indépendante *в.* que grâce à S. M. qui m'a donné les moyens de vivre honorab‹lement› de mon travail qui me porte

3 *Начаты поправки: а.* j'en *б.* d'‹?›

4 Il m'est

5 *Четыре последних слова вписаны.*

6 du Lycée *вписано.*

7 suivants *вписано.*

8 *а.* puisque j'ai servi jusqu'à 1824 *б.* (j'ai servi jusqu'à 1824

9 telle que ~ l'occuper *вписано.*

10 *Далее вписано:* cep‹endant›‹?›

11 me distrairait ~ littér.‹aires› *вписано.*

12 *а.* le bon‹heur› ‹?› *б.* le destin de ma vie

13 *Описка?*

14 *Далее начато:* Et il ma déjà comblé de tant de bienfaits

15 l'Emp.‹ereur› pour lequel cependant mon dévouement est plus vrai

16 *а.* écrite en 1824 *б.* écrite en 1825 *в.* écrite à la campagne

17 et pour montrer ~ etc. *вписано.*

la lire m'a fait quelques critiques sur des [critiques][1] passages trop libres, trop burles<ques> <?> [critiqua] et je dois l'avouer S.<a> M.<ajesté>[2] a eu parf.<aitement> raison—[d'aut<res>] deux ou trois passages ont attiré son attention vraisemb<lablement><?>[3] parce qu'ils[4] semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes[5] — mais tous les troubles se ressemblent[6] — En relisant[7] actuellement les passages marqués[8] je doute qu'on puisse les trouver [aussi] repréhensibles — L'auteur dra<matique> ne peut[9] répondre des paroles[10] qu'il met dans la bouche des pers.<onnages> histor.<iques>. Il doit les faire[11] parler selon leur caractère connu — Il ne faut donc faire attention qu'à l'Ésprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier. Sinon point de tragédie — [S<a> M.<ajesté> pou<rrait><?>] Je supplie S.<a> M.<ajesté> de me pardonner l'audace de la contredire, mais ma tragédie est un<e> œuvre de bonne foi[12] — [et si je suis empressé <?> de retrancher ce qu'on m'indique[13] de véritablement défectueux je ne puis sur conscience][14] [ch <?>] supprimer ce qui[15] me parait essentiel[16] à l'intérêt de tout l'ouvrage — Je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais je vous jure que j'y vais de cœur et d'âme — [et j'aime autant] Les passages marqués sont du reste purement[17] historiques et on les retrouve[18] dans des imitations qu'on a imprimé depuis —

Les circonst.<ances> actuelles me pressent [à le faire]

Je n'ai pas voulu jusqu'à présent imprimer ma tragédie malgré tout ce que les libraires m'en avaient[19] offert. J'étais heureux de pouvoir [do<nner>] faire ce sacrifice à la volonté de S.<a> M.<ajesté>.

Je supplie donc S.<a> M.<ajesté> de me délier les mains, et de me permettre d'impr.<imer> ma trag.<édie> [telle que] comme je l'entends.[20] Je lui donne ma parole d'être un censeur [beaucoup plus sévère que celui] aussi sévère que conscienciеux <?>

---

1 *Описка?*

2 *а.* je dois avouer à M<?> *б.* je dois avouer à V<otre Excellence>

3 vraisemb<lablement><?> *вписано.*

4 *Переделано из* elle

5 *Далее было:* et là j'ai mieux aimé sacrifier ma tragédie et donner par là une faible *(не дописано и перечеркнуто)*

6 mais ~ ressemblent *вписано.*

7 *а.* En les relisant *б.* En relisant les p<assages> <?> (les p<assages> *вписано и зачеркнуто*).

8 les passages marqués *вписано.*

9 *Переделано из начатого:* ne pui<...>

10 *а.* des sent<iments> *б.* des idées

11 Il ne peut faire

12 *Далее было: а.* et je ne puis en conscience *б.* et si

13 *Начато:* empressé <?> de reconnaître ce qu'il ne peut

14 *Слова* et si je suis empressé ~ sur conscience *перечеркнуты одною чертою.*

15 ce qu'il

16 *а.* me parait nécessaire *б.* me parait de toute nécessité *в. Начато:* me parait le point *г.* me parait essentiel — et ce qui est *(не окончено)*

17 purement *вписано.*

18 *В подлиннике описка:* retrouvent

19 tout ce qu'on m'en avait

20 *В подлиннике описка:* je l'attends

475а. А. Н. Гончарову.

3 мая 1830 г. Москва.

С чувством благодарности[1] обращаюсь к вам как Главе семейства [в которое] которому отныне [я] принадлежу — Благословив Наталью Ни‹колаевну›[2] благословили вы и меня. Вам обязан я [счастием жизни моей][3] [Обеспечив ее состояние] [вступ‹ив›‹?›] [Жизни моей мало для благодарности] Счастие вашей внуки[4] будет[5] священная, единственная цель [жизни и]

Старание соделаться дост‹ойным› благодеяния вашего,[6]

С [глубочай‹шим›] чувствами глубочай‹шего› уважения предан‹ности› и бл‹агодарности› честь имею б.‹ыть›

м‹илостивый государь›
Вашим по‹корнейшим слугою›

487а. А. Х. Бенкендорфу.

29 мая 1830 г. Москва.

Je [vous supplie] votre Excellence[7] de me pardonner encore une fois[8] mon importunité.

Le bisaieul[9] de ma promise[10] a eu jadis la permission d'élever dans sa terre de P.‹olotniany› Z.‹avod› un monument[11] à l'Emp.[12] [du] Cath.‹erine› Sec.‹onde›. Sa statue colossale[13] qu'il y a fait fondre en br‹onze› à Berlin[14] est tout à fait manquée et difforme[15] et n'a jamais pu être érigée[16] — et se trouve [à présent] depuis plus de 35 ans

---

1 *а.* сердечной благодарности *б.* глубокой благодарности

2 *Далее вписано и зачеркнуто* обеспеч‹ив›

3 *Слова* Вам обязан я счастием жизни моей *заключены в скобки, и перед ними поставлен знак переноса в другое место, но эта переделка не закончена.*

4 *а. Начато:* Счастие внуки вашей будет единственной моей ‹?› *б. Начато исправление:* Счастие внуки вашей есть

5 *Далее вписано и зачеркнуто:* моя

6 *а. Начато:* Благодеяние *б.* Заслужить благодеяние *в.* [Постараюсь] Буду старать‹ся› быть достойным благодеяния вашего, *(Фраза в последнем чтении не окончена.)*

7 *а.* Je vous supplie votre Excellence de n'être pas impatienté de mon importunité par de fréquentes *б.* Je vous supplie votre Excellence de n'être pas impatienté de mon importunité par de‹s› demandes fréquentes *в. Начато исправление:* Je vous supplie votre Excellence de n'être pas impatienté et in‹digné› ‹?› *г.* Je demande pardon à votre Excellence de mon importunité

8 encore une fois *вписано.*

9 *а.* M *б.* Mr Gontcharof le grand père *в.* Mr Gontcharof l'ai‹eul› ‹?›

10 *Далее было: а.* se trouvant très dérangé dans les affaires me *б.* se trouve très dérangé dans les affaires *в.* est très dérangé dans les affaires

11 d'élever [à] un monument

12 *Описка, вместо:* l'Imp.‹ératrice›

13 *а. Начато:* Ce m‹onument› *б.* Il a fait fondre une statue en bronze — Mais *в.* Il a fait fondre une statue en bronze — et *г.* Sa statue colossale se trouve

14 *а.* qu'il y a fait venir de Berlin *б.* qu'il a fait faire à Berlin *в.* qu'il a fait fondre à Berlin

15 *а.* n'a jamais ét‹é› *б.* a été tout à fait manquée et aucun

16 elle n'a jamais été érigée

[dans] ensevelie dans [les] une cave de la maison —[1] Des marchands de cuivre en ont offert 50 <mille> rou<bles.> Mais le propriétaire actuel, Mr Gontch<arof> père n'y a jamais voulu consentir.[2] Il tenait à cette statue toute difforme qu'elle était comme au souvenir[3] des bienfaits de la grande Souveraine — Il craignait qu'en l'anéantissant, il ne perdit aussi le droit qu'il avait d'ériger ce monument [(ce qu'il se promettait de faire[4] dès que ses affaires,[5] actuel.<lement> très dérangées pourraient le permettre —)]

Le mariage de sa petite fille qui s'est décidé inopinément[6]—l'a trouvé tout à fait sans ressources et après l'Emp<ereur>[7] il n'y a guère que feu son aug<uste> Grand'mère[8] qui puisse nous tirer d'embarras. [Il] Mr G.<ontcharof> consent quoiqu'à contre cœur, de se déffaire <de> la statue,[9] mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc votre *exce<llence>* de vouloir bien me faire parvenir d'abord la permission[10] de faire fondre[11] la statue en question, second<ement> la grâce[12] de conserver à Mr *Gontch.<arof>* le droit d'ériger dès qu'il le voudra [le] un monument à la bienfaitrice de sa famille.

490a. Н. Н. Гончаровой.

Начало июня 1830 г. Москва.

Je voudrais pouvoir espérer[13] que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod[14] [mais c'est avec délice que j'obéis à vos ordres] — Me voilà dans ce[15] Moscou si triste, si ennuyeux lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikit<skaya>, encore moins de venir demander des nouvelles d'Agra<féna> <?>. Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne votre absence, je me repens d'avoir quitté Z.<avod> — [et] toutes mes craintes me reviennent[16] plus vives et plus noires — [Que sais-je! On] Je voudrais espérer etc.[17] — je compte les quarts d'heure qui me séparent[18] de vous —

---

1 de la maison *вписано.*
2 *а. Начато:* Des marchands de cuivre en ont offert au propriétaire actuel, Mr Gontch.<arof> père *б.* Des marchands de cuivre en ont offert 50 <mille> rou<bles> au propriétaire actuel, Mr Gontch<arof> père, mais il n'y a jamais voulu consentir par motif de délicatesse.
3 *Начато: а.* comme à celle <?> *б.* comme à la
4 d'ériger le monument qu'il se promettait de faire
5 les affaires
6 qui s'est fait assez inopinément
7 après Sa Majesté
8 feu sa Grand'mère
9 *а.* de céder la statue *б.* de vendre la statue
10 une permission
11 *а. Как в тексте. б.* de fondre
12 *а. Начато:* de *б.* second<ement> celle
13 *а.* J'espérais *б.* Je voudrais espérer
14 *Эта фраза перенесена затем далее; см. ниже, а также основной текст.*
15 ce *вписано.*
16 *а. Начато:* mes craintes et mes *б.* mes craintes devien<nent>
17 *Сюда перенесена начальная фраза; см. выше, а также основной текст.*
18 *а. Как в тексте. б.* séparent encore

502а. В. С. Огонь-Догановскому.

Май — июнь (?) 1830 г. Москва.

Я с охотою взялся бы выкупить[1] ваши долги[2] но срок оным векселям по словам вашим два года, а следующие вам 24800[3] рублей обязан я выплатить в течение 4 лет — [Если согласятся] [25] Я никак не в состоянии,[4] по причине дурных оборотов, заплатить вдруг 25 ты<сяч>. [Но] Всё что могу за ваш 25 тысяч.<ный> вексель выдать[5] 20 с вычитым 10 проц.<ентов> за год[6] — т. е. 18 тысяч рубл.<ей> в таковом случае извольте отписать ко мне и я не премину чрез Вас или чрез кого Вам будет угодно доставить Вам

506а. Н. Н. Гончаровой.

20 июля 1830 г. Петербург.

J'ai l'honneur de vous présenter mon frère qui v<ous> a trouvée [trop jolie femme] charmante pour son pr<opre> compte

568а. А. Х. Бенкендорфу.

18 января 1831 г. Москва.

С чувством сердечной радости[7] <и> глубочайш<ей> благодарности[8] удостоился я получить благосклонный отзыв государя им<ператора> о [моем Бор.<исе> Год<унове>] моей Ист.<орической> Др<аме>. [Драма] [Бор<ис> Годун<ов>[9] написан был в [уед<?>] уединении, и[10]] Написанный в минувшее царство<вание>, Бор<ис> Году<нов> обязан своим появлением не только частному покровитель<ству>[11] которым удостоил меня государь, [но] но и свободе смело[12] дарованной [госу<дарем>] монархом русским писателям в такое время и в таких обстоятельствах когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и [обузд<ать>] оковать книгопечатан<ие>.

---

[1] *а.* заплатить *б.* выкупить векселя ваши *в.* заплатить ваши долги

[2] *Далее было: а.* Следующие вам 24 800 рублей обязан я выплатить в течение 4 лет — [а вы] а срок вашим векселям *б.* Но следующие вам ~ в течение 4 лет — *в.* (Но следующие вам ~ в течение 4 лет —) но срок оным векселям по словам вашим два года, а след —) *Скобками показано перенесение этих фраз одна на место другой, как в тексте.*

[3] *Переделано из* 27800

[4] Я не в состоянии

[5] Если согласятся ваш 25 тысяч.<ный> вексель продать за

[6] *Далее начато: а.* то и *б.* то я

[7] сердечной радости *вписано.*

[8] глубочайшего уважения *(При исправлении слово* глубочайшего *осталось неизмененным.)*

[9] *В подлиннике:* Гудон<ов>

[10] и *переделано из* в

[11] *а. Начато:* не только благоск<лонности> <?> *б.* не только покровитель<ству> *в.* не только августейшему покровитель<ству>

[12] смело *вписано.*

Позвольте мне усердно[1] благодарить и Ваше высоко<превосходительство> как органа высочайше<го>[2] благоволения, и как человека принимающего во мне столь снисходи<тельное> участие.

С гл<убочайшим>

698а. Д. Н. Блудову (?).

Вторая половина октября 1831 г. (?) Петербург.

Сердечно благодарю В.<аше> в.<ысокопревосходительство> за лестное[3] участие вами оказы<ваемое>[4] [к уд<овлетворению> <?>] [мне] — Сегодня утром намеревался я [приехать] к Вам[5] по долгу службы — по приказанию вашему [являюсь] вечером.

С и<стинным> <?>

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

7а. А. Х. Бенкендорфу.

19 июля — 10 августа 1830 г. Петербург.

10 лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое[6] число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение — но еще[7] не отросль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечат.<анием> сонн.<иков> и пес.<енников.>[8]

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К.<арамзин>[9] первый показал опыт торговых оборотов в литературе.[10] Он и тут (как и во всем) был исключением из всего что мы привыкли видеть у себя —

Литераторы во время царствования покойного императора[11] были оставлены на произвол цензуре[12] своенравной и притеснительной — редкое сочинение доходило до печати.[13] Весь класс писателей (класс важный у нас,[14] ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не

---

1 усердно *вписано.*

2 *В подлиннике:* высочайшей

3 лестное *вписано.*

4 *Переделано из начатого* уд<еляемое><?>

5 *а. Начато:* Я намеревался явиться *б.* Я намеревался приехать к Вам *в.* Я сегодня утром намеревался приехать к Вам

6 *Переделано из начатого* мно<го>

7 еще *вписано.*

8 и перепечат.<анием> сонн.<иков> и пес.<енников> *вписано карандашом.*

9 К.<арамзин> *вписано.*

10 в литературе *вписано.*

11 *Начато:* Ныне литераторы, во время царствования покойного императора

12 на произвол судьбы и цензуры

13 редко допускавшей сочинение до печати.

14 у нас *вписано.*

хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию того не понимали,[1] или не хотели понимать) отчасти, от непростительного небрежения. Могу сказать что в последнее пятилетие[2] царствования покойного государя, я имел на всё[3] сословие литераторов гораздо более влияния чем министерство, не смотря на неизмеримое[4] неравенство средств.[5]

Несчастные обстоятельства сопроводившие восшедствие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие[6] писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбе и притесн.<ительной> Ц.<ензуре>.[7] Даже не было закона косательно собственности литературной. За год пред сим[8] я не мог найти нигде[9] управы,[10] лишась 3000 р. чрез перепечатание одного из моих сочинений, (что было еще[11] первый пример [плутовст<ва>]).[12]

Ограждение Л.<итературной>[13] собственности и Цензурный Устав принадлежат к важнейшим[14] благодеяниям нынешнего царствования—

Литература оживилась и приняла обыкновенное[15] свое направление, т. е. торговое — Ныне составляет оно часть честной промышленности, покровительствуемой законами —

Изо всех[16] родов Литературы периодические издания более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию тем более расходятся —[17]

Известия политические привлекают[18] бо̀льшее число читателей будучи любопытны для всякого —

---

1 (которого к несчастию мы не понимали,

2 *а. Начато:* В последние *б.* В последнее пятилетие

3 всё *вписано.*

4 неизмеримое *вписано.*

5 *От начала абзаца* (Литераторы во время царствования *и т. д.*) *до сих пор перечеркнуто.*

6 *Переделано из начатого* состоя<ние>

7 и притесн.<ительной> Ц.<ензуре> *вписано. Первоначально:* преданным на произвол судьбы.

8 За год тому

9 нигде *вписано.*

10 *Далее начато:* б<удучи> <?>

11 еще *вписано карандашом.*

12 *Скобки поставлены карандашом, затем недописанное слово* плутовст<ва> *карандашом же зачеркнуто. Позднее вся фраза* За год пред сим я не мог ~ первый пример *перечеркнута чернилами. Текст от начала до сих пор написан чернилами, с последующими карандашными поправками. Далее, до конца — текст карандашом, с некоторыми позднейшими чернильными поправками.*

13 Л.<итературной> *вписано.*

14 *Начато:* принадлежат к одни<м>

15 *Начато:* и вошла в обыкновенные

16 Но изо всех

17 *а. Начато:* журналы имеют *б.* периодические издания имеют более всего хода и следственно более [всего расходятся] приносят выгоды. Чем разнообразнее предметы входящие в *(не окончено) в.* периодические издания имеют более [всего хода и следственно] более приносят выгоды и чем разнобразнее по содержанию тем более расходятся —

18 *Начато:* Предметы политические и Моды более всего привлекают

9 10

10 лѣтъ тому назадъ литтературою занимались у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней приятное, благородное упражненіе, но не отрасль промышлености: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ.

Человѣкъ, имѣвшій первое вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь свою единственно на ученые труды, первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литтературѣ. Онъ и [illegible] (кромѣ Новикова) былъ исключеніемъ изъ всего что мы привыкли видѣть у насъ.

10

~~Нынѣ~~ Литтераторы, во время царствованія покойнаго Императора были оставлены на произволъ ~~судебъ~~ цензуры своенравной и притѣснительной — рѣдкое сочиненіе дописывалось до печати. Весь классъ писателей (классъ вообще, а въ нашемъ краю составлявшійся изъ промотавшихся людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство не хотѣло замѣчать: отчасти изъ великодушія (~~которое~~ къ нещастію, иные тогда отличали, иные почитали) отчасти отъ непростительнаго пренебреженія. Въ послѣдніе годы царствованія Покойнаго Государя, я имѣлъ на

Черновая записка А. Х. Бенкендорфу, 19 июля — 10 августа 1830 г. (1-я и 5-я страницы).
Собрание Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, № 2386 Б, лл. 10 и 27.

Издатели лишатся обязанности [illegible] и добросовестного ему повиновения и не только соперничества с [illegible] цензоры, но и самой охоты отвечать за каждую строчку помещаемых в своих журналах —

Не бывши изд[ателями] ~~[illegible]~~ по [illegible] для изданий причины, принуждающих нас прибегнуть к Высшему покровительству ~~[illegible]~~, оставаясь [illegible] что личная честь [illegible] и наши литературные [illegible], и отцы [illegible] (2) изд. полит. журнал — [illegible] обычаи, не могут быть установлены цензурою — (3)

Таким образом и [illegible] политическая газета принесёт св. изд. до 80,000 ~~[illegible]~~ литературная [illegible] окупает издержки издания.

Сим распределением [illegible] 1. Шт. [illegible] ~~[illegible]~~ 40.40 [illegible] дохода [illegible] семейства, и об[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Ведомости С.<анкт> П.<етербургские>, М.<осковские>,[1] Од.<есские> и Т.<ифлисские> и Сев.<ерная> Пчела суть единств.<енные> доныне Журналы в коих помещаются известия политические.[2]

Сев.<ерная> Пч.<ела> издаваемая двумя известными Литераторами имея около 3000 подписчиков и следственно [принос<я>] св.<оим> изд.<ателям> по 80,000 дохода, между тем как чисто литературная <газета> едва ли окупает издержки издания, естественно должна иметь бо̀льшее влияние[3] на читающую публику, следственно и на книжную торговлю[4] —

Всякой Журнал<ист>[5] имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго как угодно ему: *Сев.<ерная> Пч.<ела>* пользуется сим правом и хорошо делает — Законом требовать от Журналиста благосклонности или даже беспристрастия[6] и нелицеприятия было бы невозможно и несправедливо[7] — Автору осужденной книги[8] остается ожидать решения читающей публики[9] или искать управы и защиты в другом журнале[10] —

Но журналы чисто Литературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 400, следств.<енно> голос их в его пользу был бы вовсе[11] недействител<ен>. И публика, полагаясь на первое решение, книги его не покупает.[12]

Таким образом Литературная торговля находится в руках Изд.<ателей> Сев.<ерной> Пчелы — и критика как и политика[13] сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы,[14] которые не находятся в приятельских сношениях с Изд.<ате-

---

1 *Начато:* Ведомости С.<анкт> П.<етербургские> и М.<осковские>

2 *Весь абзац перечеркнут чернилами.*

3 Сев.<ерная> Пч.<ела> издаваемая двумя известными Литераторами имея около 3000 подписчиков, естественно имеет бо̀льшее влияние *Слова* и следственно [принос<я>] св.<оим> изд.<ателям> ∼ окупает издержки издания *записаны далее (см. ниже) и перенесены сюда. Первоначально: а.* Таким образом политические газеты приносят св.<оим> изд.<ателям> по 80,000, а чисто литературная едва ли окупает издержки издания. *б.* и следственно политические газеты приносят св.<оим> изд.<ателям> по 80,000 дохода, между тем как литературная едва ли окупает издержки издания.

4 на читающую публику и следственно на книжную торговлю —

5 Всякой литератор

6 благосклонности или даже *вписано чернилами. Было:* Законом требовать от Журналиста беспристрастия

7 *Слова* Законом требовать ∼ невозможно и несправедливо *записаны далее и перенесены сюда (см. ниже прим. 12).*

8 Автору критикуемой книги

9 *В подлиннике:* публике

10 *Далее следовало: а.* Но публика, полагаясь на мнение *б.* Но публика, полагаясь на первое решение, книги его не покупает а журналы чисто Литературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 400 *(переделано из* 300 <?>*); затем фразы переставлены с переработкою, как в тексте, причем вписано:* следств<енно> голос их ∼ вовсе недействител<ен>

11 будет вовсе

12 *Далее следовало:* Законом требовать ∼ невозможно и несправедливо. *Фраза перенесена выше (см. выше прим. 7).*

13 как и политика *вписано.*

14 От сего страждут все те литераторы, *Слова* терпят вещественный ущерб *перенесены сюда из дальнейшего текста (см. ниже).*

лями> Сев.<ерной> Пчелы — ибо ни одно из их произведений не имеет успеха и не продается.[1]

Для восстановления равновесия в литер.<атуре>[2] нам необходим Журнал коего средства могли бы ровняться[3] средств.<ам> Сев.<ерной> Пчелы — В сем-то отношении осмеливаюсь просить[4] о разрешении печатать политические заграничные новости в журнале издаваемом б.<ароном> Д.<ельвигом> — или мною.[5]

Направление политических статей[6] зависит и должно зависить от правительства и в этом — Издатели священной обязанностию полагают добросовестно ему повиноваться и не только строго[7] соображаться с решениями Цензора, но и сами готовы отвечать за каждую строчку напечатанную в их Журнале —

Не в обвинение Изд.<ателей> [других Жур<налов>][8] но единственно для[9] изъяснения причин принуждающих нас прибегнуть к высочайш<ему> покровительству,[10] осмеливаемся заметить что личная честь не только писателей, но и их матерей и отцов находится ныне[11] во власти Изд.<ателей> полит.<ического> Журн.<ала> ибо обиняки (хотя и явные),[12] не могут быть остановлены Цензурою —[13]

Сим разрешением г.<осударь> имп.<ератор> да̀рует по 40 тысяч[14] доходу двум семействам, и обеспечит состояние нескольких литераторов.[15]

---

1 *а.* Ни одна из их книг не имеет успеха и не продается, от сего терпят они вещественный ущерб — *б. Начато исправление:* Ни одно из их со<чинений> *и т. д. в.* Ни одно из их произведений не имеет успеха и не продается, от сего терпят они вещественный ущерб — *(После переработки, слова* терпят вещественный ущерб *перенесены выше; см. стр. 281, прим. 14.)*

2 *а.* Для равновесия критики *б.* Для равновесия средств критики

3 коего число подписчиков могло ровняться

4 *а. Начато:* В сем-то отношении прибегаем *б.* В сем-то отношении осмеливаемся *(Слово* просить *вписано.)*

5 *а.* о разрешении печатать политические заграничные новости в издаваемом журнале б.<арона> <?> Д.<ельвига> <?> — или мо<ем> <?> *б. Как в тексте. в.* о разрешении печатать заграничные новости в журнале издаваемом б.<ароном> Д.<ельвигом> — или мною.

6 *Начато: а.* Политического направления *б.* Политическое направление

7 строго *вписано.*

8 *а.* Не в обвинение Изд.<ателей> других Жур<налов> *б.* Не в обвинение Изд —

9 для *переделано из* въ

10 *а.* прибегнуть к изданию журнала *б. Начато исправление:* прибегнуть т<...>

11 ныне *вписано.*

12 ибо явные обиняки

13 *Далее следовала приписка:* Таким образом политические Газеты приносят св.<оим> изд.<ателям> по 80,000, а чисто литературная едва ли окупает издержки издания. *Приписка в переработанном виде перенесена выше (см. стр. 281, прим. 3) После этой приписки — заключительный росчерк. Два последних абзаца, написанные отдельно, после росчерка и на обороте листа без указания места, куда они относятся, в основном тексте (стр. 254) помещены по смыслу, предположительно.*

14 *а. Начато:* да̀рует не только *б.* да̀рует 40 тысяч

15 *Слова:* Сим разрешением ~ нескольких литераторов *записаны дополнительно, после заключительного росчерка.*

Злонамеренность или недоброжелательство[1] было бы с их стороны столь же безрассудно как и неблагодарно.[2]

9а. А. Х. Бенкендорфу.

Около (не позднее) 21 июля 1831 г. Царское Село.

Заботливость истинно отеческая государя им.‹ператора› глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие; я всегда желал служить ему по мере моих способностей.[3] Мой настоящий чин ([т. е.] тот самый с которым выпущен я был из Лицея) к несчастию будет[4] мне препятствием на поприще службы. Я считался в Ин.‹остранной› Колл.‹егии› от 1817[5] до 1824 года, мне следовали за выслугу лет[6] еще два чина, т. е. титулярного и коллежского ассессора; бывшие мои начальники забывали о моем представлении, а я им о том[7] не припоминал. Не знаю можно ли мне будет получить,[8] то что мне следовало.

[Долговр]еменные упражнения сделали меня способным [токмо][9]

Если государю императору угодно будет употребить перо мое [для] политических статей, то постараюсь[10] с точностию и с усердием исполнить волю его величества. [У нас периодические издания не суть представители различных политических партий, (которых в России и не существует) и Правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее в некоторых случаях общее мнение имеет нужду быть управляемо [Правительством]. Ныне когда справедливое негодование и старая народная вражда,[11] долго растравляемая завистию, соединила всех нас[12] противу Польских мятежников; озлобленная Европа нападает покаместь на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою — [Пр‹авительства›] конституционные правительства хотят мира,[13] а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны.... Пускай позволят нам Русским писателям отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных Газет.][14] С радостию взялся бы я за редакцию *Политического и Литературного Журнала*, т. е. такого в коем печата-

---

1 Недоброжелательство и злонамеренность

2 *Начато:* неблагора‹зумно›

3 и служить ему по мере сил моих было всегда первым моим желанием

4 *Переделано из* был

5 *Переделано из* 1827

6 за выслугу лет *вписано.*

7 а я им того

8 Но уверяют что мне во всякое время можно будет получить,

9 *Фраза вписана, не окончена и полузачеркнута.*

10 *а.* то я почту за счастие, и постараюсь *б.* то я почту сие за счастие, и постараюсь

11 Ныне когда общее негодование, старая народная вражда,

12 *а.* соединила все [ж‹елания› ‹?›] мысли *б.* у нас соединила все мысли

13 *В подлиннике описка:* міра

14 *Слова* У нас периодические издания ~ нападения иностранных Газет *перечеркнуты карандашною чертою.*

лись бы политические и заграничные новости —[1] около которого соединил бы писателей[2] с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству, людей полезных, которые всё еще дичатся напрасно полагая его[3] неприязненным к Просвещению. [Правительству[4] легко будет извлечь из них[5] всевозможную пользу, когда бог даст мир и государю досуг будет заняться устройством успокоенного государства, ибо Россия крепко надеется на царя; и истинные друзья Отечества жела<ю>т ему[6] царствования долголетнего.][7]

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям просить дозволения[8] заняться историческими изысканиями в наших Государственных Архивах и библиотеках. Не смею, и не хочу взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее мое желание и[9] написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III.

Набросок плана.

Конец марта—первая половина мая 1831 г. (?) Москва (?).

Что есть Ж.<урнал> Евр.<опейский>
Что есть Ж.<урнал> Русской
Нынешние Р.<усские> жур.<налы>
Каков может быть Р.<усский> жур.<нал>

Часть политическая

Внешняя политика.
Происшедствия
Полит.<ическая> полемика

---

[1] т. е. такого в коем печатались бы политические и заграничные новости *вписано карандашом, после всего текста.*

[2] *а. Как в тексте. б.* соединил бы я писателей

[3] *а. Начато:* которые напрасно дичатся *б.* которые всё еще дичатся и напрасно полагают его

[4] Со временем Правительству

[5] *Начато:* легко будет употребн<ть>

[6] *а.* и друзья Отечества желают ему *б.* и Отечеств<о> желает ему *(в окончательном чтении сохранена форма* желает*)*

[7] *Слова* Правительству легко будет ~ царствования долголетнего *перечеркнуты легкою чертою.*

[8] *а.* Если политической Журнал покажется предприятием излишним, то буду просить дозволения *б.* Если таковой Журнал *и т. д. (поправка карандашом) в.* Осмеливаюсь так<же> <?> просить дозволения *(поправка карандашом) г. Начато:* более соотст *(описка) д.* более бы соответствовало моим занятиям и склонностям *(Варианты г., д. и окончательное чтение приписаны чернилами после всего текста.)*

[9] и *вписано.*

Предварительное изъявление мнений правительства

Внутреннее
Происшедствия, указы

О мерах правительства
NB материалы от правитель<ства>
Корреспонденция

Лит.<ература>
Внешняя литер<атура> — лучшие статьи из журналов. Критика иностр.<анных> книг

Внутр.<енняя>. Ист.<орические> материалы
Текучая литер.<атура>
feuilleton.

théâtre
Библиография
Объявления

Пособия: повеление министров.
Журнал мой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение

Официальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.

Том XIV — второй из томов переписки Пушкина — содержит письма 1828—1831 годов. Первоначальный план издания переписки (см. т. I, предисловие от редакции, стр. IX) был, уже после выхода в свет XIII тома, содержащего письма 1815—1827 годов, по техническим причинам подвергнут изменению: остающаяся часть переписки, за 1828—1837 годы, делится не на два тома, как предполагалось, а на три: XIV (1828—1831), XV (1832—1834) и XVI (1835—1837).

Том XIV построен на тех же общих основаниях, что и первый том переписки, XIII-й, как в отношении состава и расположения материала, так и в смысле приемов редактирования его — подачи основных текстов и вариантов, правил орфографии и пунктуации, типографских обозначений и пр.; таким же образом составлены и примечания к текстам. Эти общие принципы изложены в XIII томе во введении к разделу „Другие редакции и варианты“ (стр. 361—362) и в общем введении (стр. 415—418), а также в предисловии „От редакции“ к I тому (стр. X—XIII).

Из текстов, до сих пор включавшихся в переписку Пушкина, в XIV том не введены: 1) письмо к издателям „Северных Цветов“, напечатанное в примечании к стихотворению П. А. Катенина „Старая быль“ („Северные Цветы на 1829 год“, СПб. 1828, отдел „Поэзия“, стр. 33); письмо это, как предназначенное для опубликования, перенесено в XI том; 2) отрывок из полемической статьи о „Полтаве“, напечатанный П. А. Плетневым в „Современнике“ (т. IX, 1838, кн. 1, стр. 59—62), как „строки, доставленные к издателю из частного письма Пушкина“, и включенный в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 94—95) и в „Письма Пушкина“ под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 65—66) в качестве письма к П. А. Плетневу (с вопросом), с датою: „Октябрь 1829 г.“; отрывок перенесен в XI том, как другая редакция статьи о „Полтаве“, написанной осенью 1830 г. и помещенной в „Деннице“; 3) письмо к издателю „Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду“ по поводу „Вечеров на хуторе“ Гоголя, напечатанное в этой газете Л. А. Якубовичем в статье о „Вечерах“; как письмо к А. Ф. Воейкову, оно печаталось всеми издателями писем Пушкина, включительно до Л. Б. Модзалевского („Письма Пушкина“, т. III, 1935, стр. 47—48), но по существу представляет собою критическую заметку, предназначенную для публикации, и поэтому также перенесено в XI том.

Помещенное в издании Б. Л. Модзалевского („Письма Пушкина“, т. II, стр. 69) в качестве письма к П. А. Вяземскому от конца 1829 г. замечание на стихотворение Вяземского „К ним“ перенесено, вместе с прочими пометами на рукописи этого стихотворения (ср. сборник „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 113—115), в XII том, как не имеющее эпистолярного, в строгом смысле, характера.

Исключено из состава тома и черновое „письмо к Н. И. Гнедичу“ от декабря 1829 г. („Письма Пушкина“ под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, 1928, стр. 69), представляющее собою, на самом деле, часть черновика статьи о переводе „Илиады“ Гнедича для „Литературной Газеты“, лишь написанную позднее

остального текста статьи (*ЛБ*, № 2382, л. 28 об.); отрывок перенесен в XI том и присоединен к черновой редакции статьи об „Илиаде“.

Наконец, письмо П. А. Вяземского к Пушкину от 14 сентября 1831 г., не посланное ему и известное лишь по неполной выписке в записной книжке Вяземского, выделено в особый отдел „Приложений“. Сюда же включено прошение в Нижегородскую гражданскую палату от 25 сентября 1830 г., обнаруженное Л. Б. Модзалевским и публикуемое впервые; оно написано от имени Пушкина, по его доверенности, П. А. Киреевым, почему и не может входить в раздел „Деловые бумаги“.

Кроме этого прошения, в настоящем томе впервые публикуется письмо А. Лаптева к Пушкину от 29—30 апреля 1829 г. (№ 410).

Из материалов, не входивших до сих пор в переписку Пушкина, в настоящий том, как отдельный документ в разделе „Деловые бумаги“, внесена первоначальная черновая редакция записки А. Х. Бенкендорфу об издании газеты, беловой текст которой, поданный около 27 мая 1832 г., входит в XV том; составленная совместно с Дельвигом, во время пребывания Пушкина в Петербурге в июле—августе 1830 г., редакция эта имеет значение самостоятельного документа, лишь использованного (со значительной переработкой) в 1832 г.; быть может, эта вторая редакция записки была составлена еще весною 1831 г. и представлена в черновом, неизвестном нам виде М. Я. Фон-Фоку (см. его письмо к Пушкину от 8 июня 1831 г.), но отложена вследствие его неблагоприятного отношения. В отдел „Другие редакции и варианты“ включен черновик записки А. Х. Бенкендорфу от июля 1831 г. и конспективная программа политической газеты, представляющая собою, повидимому, подготовительный набросок к той же записке, составленный еще в Москве весною 1831 г.

Коллективные письма с участием Пушкина, представляющие собою большею частью приписки последнего в письмах других лиц, даются полностью, независимо от величины и характера остального текста. Таковы письма П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской с приписками Пушкина от 21—26 апреля 1828 г., 1 марта и 4 августа 1830 г., строки Пушкина в коллективном письме к С. П. Шевыреву от М. П. Погодина и его друзей (№ 471), и пр.

Точно так же полностью даются и приложения к письмам (Пушкина и к Пушкину), сохранившиеся или бывшие при них. Исключение представляет записка о статуе Екатерины II, посланная Пушкиным при письме к М. Я. Фон-Фоку от 9 августа 1830 г.; она перенесена в XII том. Документы о службе Ф. Н. Глинки, приложенные последним к его письму к Пушкину от 28 июля 1831 г., выделены в особое приложение к тому. В тех случаях, когда приложения не даются при письмах (напр. стих. „Герой“, бывшее при письме Пушкина к М. П. Погодину от начала ноября 1830 г., № 533), а также когда они перенесены в другой том (записка о статуе Екатерины II) или в другой раздел (документы о службе Ф. Н. Глинки), это оговорено в примечаниях.

Орфография и пунктуация текстов писем как Пушкина, так и к Пушкину, следует общим принципам издания, изложенным во введениях к I и XIII томам. Отступления от них допущены в письмах некоторых корреспондентов Пушкина, — в тех случаях, когда особенности и ошибки в орфографии и пунктуации типичны для социального положения писавших (в письмах крестьян, М. И. Калашникова, О. М. Калашниковой-Ключаревой) или не могут быть устранены, как особенно характерные (напр., в письмах П. В. Нащокина, где сохранены и такие написания,

как „собралься“, отражающие мягкость произношения). Но и в этих случаях устраняются слитные написания слов (слияния отрицательной частицы с глаголом, союзов и предлогов со следующим словом и проч.), прописные буквы в середине фраз и слов заменяются строчными и т. п. Исключение представляет письмо О. М. Сомова от 20 ноября 1829 г., № 422, написанное стилизованным церковнославянским языком с соблюдением особенностей старинной орфографии; в нем сохранена полностью орфография подлинника. Сохраняются и стилизованные или пародийные написания, как „Нiкодiм“ (№ 558). Во французских текстах, при сохранении характерных и неустранимых особенностей языка их авторов, прочие, чисто орфографические ошибки и отступления от норм устраняются (употребление ударений, глагольные окончания, пунктуация и пр.). Без оговорок и угловых скобок раскрываются систематически употребляемые П. А. Осиповой (и иногда — другими корреспондентами) сокращения: „ns“ и „vs“ вместо „nous“ и „vous“. Наиболее существенные отступления от подлинной орфографии указаны в сносках.

Недописанные слова и части слов, не поддающиеся редакторским дополнениям, обозначаются многоточием в ломаных скобках ‹...›; так же обозначаются не поддающиеся прочтению или утраченные (стертые, вырванные и т. п.) части текста.

Не раскрываются в адресах такие постоянно-употребляемые сокращения, как „м. г.“ — „милостивому государю“, „е. в.“ — „его высокоблагородию“ или „высокородию“, „кн.“ — „князю“.

При передаче по-русски иноязычных текстов, переводы писем Пушкина к Н. Н. и Н. И. Гончаровым, сделанные в 1877 г. И. С. Тургеневым, не сохранены, несмотря на их высокое литературное мастерство, но заменены новыми, более точными переводами. Вовсе не даны обратные русские переводы стихотворений Пушкина и Державина, переведенных К. Риччи на итальянский язык (письма №№ 373 и 378): при большой точности переводов Риччи, буквальная передача их по-русски представляется излишней. Перевод же на французский язык стихотворения „Клеветникам России,“ сделанный С. С. Уваровым (приложение к письму № 688), дан в обратном переводе по-русски вследствие того, что он является в сущности подражанием, далеким от подлинника, а не переводом.

Датировки писем Пушкина за 1828—1830 гг. пересмотрены Л. Л. Домгером; датировки писем Пушкина за 1831 г. — Н. В. Измайловым; датировки писем к Пушкину — соответственно одним из двух редакторов (Л. Л. Домгером или Л. Б. Модзалевским), приготовлявшим текст каждого данного письма. Теми же лицами, и в тех же пределах материала тома, составлены и текстологические примечания к письмам.

В настоящем томе в тексте примечаний, кроме условных сокращений, указанных во Введении к XIII тому (стр. 418), применяется еще одно:

ГИМ — Государственный Исторический Музей. Москва.[1]

---

[1] На основании постановления СНК СССР от 4 марта 1938 г. о преобразовании Всесоюзной Пушкинской выставки в Государственный Музей А. С. Пушкина, все рукописи Пушкина и относящиеся к нему материалы должны быть сосредоточены в Музее; бо̀льшая часть рукописей уже поступила туда, временно сохранив, однако, шифры прежних мест хранения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

359. П. А. Осиповой.

24 января 1828 г. Петербург.

Печатается по копии Б. Л. Модзалевского, сверенной им с подлинником, в наборной рукописи II тома переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 46). Местонахождение подлинника, принадлежавшего кн. А. А. Хованской, неизвестно. На нем была помета Осиповой: „année 1828“.

Впервые опубликовано: отрывок в русском переводе (без заключительного абзаца) — М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ от 22 июня 1866, № 168; полностью, во французском оригинале, — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 133.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 218).

360. Е. М. Хитрово.

6 февраля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 195, № 492). На стр. 4 помета Хитрово: „de Pouchkin“.

Впервые опубликовано в издании: „Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Труды Пушкинского Дома, вып. XLVIII“, 1927, стр. 2.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 46).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 183—184).

361. Е. М. Хитрово.

10 февраля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 195, № 493). На стр. 3 помета Хитрово: „Pouchkin“.

Впервые опубликовано: в русском переводе — в „Вечерней Красной Газете“ от 26 октября 1925, № 260; во французском оригинале — в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 3. Воспроизведено в „Красной Ниве“, 1925, № 48.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 47).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 184).

362. М. П. Погодин — Пушкину (с ответными замечаниями Пушкина).

14 февраля 1828 г. Москва (замечания — 19 февраля 1828 г. Петербург).

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3516, стр. 33—34). На второй странице, ранее письма к Пушкину и в обратном к нему направлении, было начато Погодиным письмо к И. И. Давыдову (?): „Милостивый государь Иван Иванович". Замечания Пушкина написаны на обороте письма Погодина (стр. 34), очевидно, 19 февраля, одновременно с письмом № 364; письмо Погодина с замечаниями Пушкина отослано последним обратно Погодину вместе с письмом от 19 февраля.

Впервые опубликовано (частично и с ошибками) Н. П. Барсуковым в его работе „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. II, 1889, стр. 182—183.

Вошло полностью, но неточно, в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 52—53). Замечания Пушкина, как отдельное письмо, напечатаны Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина (т. II, 1928, стр. 47).

363. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Около (не позднее) 18 февраля 1828 г. Харьков.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396). Почтовый штемпель: „Харьков 1828 фев. 18".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1880, кн. II, стр. 506—507.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 55—56).

364. М. П. Погодину.

19 февраля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3516, стр. 35—37).

Впервые опубликовано: с зашифровкой имен и не вполне точно — в „Москвитянине", 1842, ч. V, № 10, стр. 459; поправка („на суку Северную Пчелу") дана Н. Н. Буличем в „Вестнике Европы", 1887, май, стр. 406; точнее и с раскрытием всех имен напечатано Н. П. Барсуковым в „Жизни и трудах М. П. Погодина", кн. II, 1889, стр. 183; вполне исправно — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 53—54.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 304, — с неправильным чтением: „О герой Фаддей Венедиктович", повторенным всеми редакторами до Саитова).

365. С. А. Соболевскому.

Вторая половина февраля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, д. № 1, л. 113).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1878, кн. III, стр. 395 (с пропуском слов, относящихся к А. П. Керн, восстановленных только в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 60).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 300).

366. Е. А. Баратынский — Пушкину.

Конец февраля — начало марта 1828 г. Москва.

Печатается по тексту первой публикации с поправками по „Пушкину и его современникам“ (см. ниже). Местонахождение подлинника, бывшего в семейном архиве Баратынских в Казани, в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано: отрывок — В. П. Гаевским в „Современнике“, т. XLVII, 1854, № 9, отд. III, стр. 22; почти полностью — в „Сочинениях Е. А. Баратынского“, М. 1869, стр. 421—422; отрывок от „Вышли у нас“, кончая „всё-таки не проза“ — по подлиннику М. Л. Гофманом в изд. „Пушкин и его современники“, вып. XVI, 1913, стр. 147—148.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 54—55).

367. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

5 марта 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 61).

Письмо упомянуто с кратким изложением в статье М. М. Попова в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 701. Впервые опубликовано: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 48; по канцелярскому отпуску — С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 65 (с ошибкою в дате).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 56—57).

368. А. Х. Бенкендорфу.

5 марта 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 195, № 494). На стр. 1 вверху карандашная помета рукою Бенкендорфа: „Пригласить его ко мне после-завтра в воскресенье в 4-м часу“.

Впервые опубликовано: без обращения, заключения и приписки — М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 703; полностью — П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 292, а также С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 67.

В собрания сочинений Пушкина опубликованный М. М. Поповым отрывок входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 362).

369. П. А. Осиповой.

Около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 196, № 495). На стр. 3 помета рукою Осиповой: „reçue le 13 de Mars 1828“.

Впервые опубликовано в русском переводе М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ от 22 июня 1866, № 168; во французском оригинале — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 134—135.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 219—220).

370. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

10 марта 1828 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому отпуску в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 66); писано рукою П. Я. Фон-Фока и скреплено внизу текста его подписью: „Верно: Экспедитор Фон-Фок“. Беловой подлинник не сохранился.

Изложение дано в четвертом издании сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VII, 1903, стр. 292; впервые опубликовано С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 68.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 58).

371. П. А. Катенин — Пушкину.

27 марта 1828 г. Шаево.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 152—153, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I .Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 64—65.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 59—60).

372. И. Е. Великопольскому.

Конец марта 1828 г. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно. Приписка к адресу рукою Е. А. Баратынского: „На Большой Екиманке, у Калужских ворот, в доме Еремеевой“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. I, стр. 469, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 137.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 249) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 200—201).

373. М. Риччи — Пушкину.

Март — первая половина апреля 1828 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 99). К письму приложен перевод на итальянский язык стих. Пушкина „Демон“.

Впервые опубликовано по материалам П. Е. Щеголева в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 563—564.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

374. А. Х. Бенкендорфу.

18 апреля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 195, № 496). На стр. 1, вверху, канцелярские пометы чернилами: „№ 2814“, „№ 783“, „19-го апреля 1828“ и помета Бенкендорфа (карандашом): „Ему и Вяземскому написать по рознь, что государь весьма хорошо принял их желание быть полезными службою, что в армию не может их взять ибо все места заняты, и отказывается всякой день желающим следовать за армии, но что государь их не забудет, и при первой возможности употребить их таланты“.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 294, а также С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 71.

375. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

20 апреля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*; ф. 244, оп. 16, № 10, л. 71).

Письмо упомянуто в статье М. М. Попова в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 703. Впервые опубликовано: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 49; по канцелярскому отпуску — С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 73.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 62—63).

376. А. Х. Бенкендорфу.

21 апреля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 196, № 497). На стр. 1 канцелярские пометы: „пол.‹учено› 23 апреля 1828 г.“ и „№ 11“.

Впервые опубликовано А. А. Ивановским в „Русской Старине“, т. IX, 1874, февраль, стр. 394—395.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 383).

377. П. А. Вяземский и Пушкин — В. Ф. Вяземской.

21—22, 23, 24 и 26 апреля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (Центр. Гос. Архив Народного Хозяйства в Ленинграде, фонд Вяземского, д. № 2, лл. 223—224). Письмо Бенкендорфа Вяземскому приложено там в позднейшей копии; здесь оно печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ*, ф. 195, к. 5, № 225/213, т. II, Собрание автографов разных

лиц, № 96, л. 12—12 об. Канцелярский отпуск его — в деле III Отделения о Пушкине (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 70).

Приписка Пушкина впервые опубликована по подлиннику Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 64. Письмо Бенкендорфа Вяземскому — в „Русском Архиве“, 1874, кн. II, стб. 1093—1094. Всё письмо полностью публикуется впервые.

378. М. Риччи — Пушкину.

1 мая 1828 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 100). К письму приложены переводы на итальянский язык стих. Пушкина „Пророк“ и оды Г. Р. Державина „На смерть князя Мещерского“.

Впервые опубликовано по материалам П. Е. Щеголева в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 565—567. Текст перевода оды Г. Р. Державина „На смерть князя Мещерского“ публикуется впервые.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

379. П. А. Вяземский — Пушкину и А. А. Оленину.

21 мая 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7020).

Впервые опубликовано С. Д.‹олговым› в сборнике „Старина и Новизна“, кн. VIII, 1904, стр. 86.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 65).

380. Н. М. Языкову.

14 июня 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 192, № 482).

Впервые опубликовано Д. Н. Садовниковым в „Историческом Вестнике“, т. XIV, 1884, май, стр. 325—326 (стихотворная часть была напечатана Пушкиным, с небольшими разночтениями, в „Северных Цветах на 1829 год“, отд. поэзии, стр. 188—189).

В собрания сочинений Пушкина входит, с датировкой 1827-м годом, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 250—251) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 193—194). Датировка 1828-м годом установлена Т. Г. Зенгер.

381. М. П. Погодину.

1 июля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3516, стр. 165—168).

Впервые опубликовано, с зашифровкой имен и пропусками, в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 459—460 (поправки даны Н. Н. Буличем в „Вестнике Европы“, 1887, май, стр. 406); отрывки перепечатаны П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 182—

183; точнее — Н. П. Барсуковым в „Жизни и трудах М. П. Погодина“, кн. II, 1889, стр. 184—186 (но с пропуском — по недосмотру? — нескольких фраз); вполне исправно — лишь в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 66—67). Факсимильное воспроизведение 1-й и 2-й страниц — в „Литературном Наследстве“, № 4—6, 1932, стр. 461—462.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 304—305).

382. С. А. Соболевскому.

3 июля 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, д. № 1, л. 111).

Впервые опубликовано „по старинной копии“ В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 18; по подлиннику — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 68.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 297).

383. В. К. Кюхельбекер — Пушкину и А. С. Грибоедову.

10 июля 1828 г. Динабург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 137, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 49.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 68).

384. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Первая половина (после 8) июля 1828 г. Чернь.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 506.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 69).

385. П. А. Вяземский — Пушкину.

26 июля 1828 г. Пенза (?).

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 45—46, № 75). На 4-й стр., в обратном направлении к тексту, карандашом, неизвестною рукою позднейшая помета: „писано во время пребывания в Саратовской г.‹убернии› в 1827—9 годах“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 479—480.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 69—72).

386 и 386а. А. Х. Бенкендорфу.

Вторая половина (не ранее 17) августа 1828 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2371, л. 23—23 об.). Беловой подлинник не сохранился, и было ли письмо перебелено и отправлено — неизвестно.

Впервые опубликовано (неполно и неточно) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIII, 1884, июль, стр. 43—44.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII. 1887, стр. 419—420) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 207).

387. П. А. Вяземскому.

1 сентября 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 6—7, № 4).

Впервые опубликовано: небольшой отрывок (о „критике кн. Павла") в неточном изложении (вероятно, по памяти) и с неверной датой (сентябрь 1827 г.) — П. П. Вяземским в статье „А. С. Пушкин по документам Остафьевского архива" (газета „Берег" от 14 июля 1880, № 111; перепечатано в „Русском Архиве", 1884, кн. II, стр. 408, затем в сборнике П. И. Бартенева „А. С. Пушкин", вып. II, „К биографии А. С. Пушкина", стр. 35); полностью — Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 16—17.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 302—304).

387а. Черновик письма 387.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2371, л. 20).

Впервые опубликовано (неполно и неисправно) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIII, 1884, июль, стр. 43, как „отрывок письма к одному из литературных друзей".

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 75).

388. П. А. Вяземский — Пушкину.

18 и 25 сентября 1828 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 25—26, № 63. К письму было приложено послание А. И. Готовцевой „А. С. Пушкину".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1879, кн. II, стр. 480—482 (с пропуском части письма и разбивкой его на два письма, №№ 11 и 12); пропущенная часть письма — П. П. Вяземским в газете „Берег" от 14 июля 1880, № 111 (перепечатано в сборнике П. И. Бартенева „А. С. Пушкин", вып. II, „К биографии А. С. Пушкина", 1885, стр. 40).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 76—78).

389. А. Лестрелен — Пушкину.

Сентябрь 1828 г. Москва.

Печатаются: письмо — по тексту первой публикации в „Essais poétiques"; стихотворение — по тексту „Bulletin du Nord" (см. ниже). Подлинник неизвестен. В печатном тексте письмо заканчивается: „J'ai l'honneur d'être etc."

Письмо впервые опубликовано А. Лестреленом в его книжке „Essais poétiques. Par Achille Lestrelin," Moscou, 1829, p. 103, в примечаниях к стихотворению „Épitre à M. Alexandre Pouschkine" (в той же книге, стр. 14—19). Последнее, по словам автора, было послано Пушкину при этом письме, а впервые напечатано (без примечаний) в московском журнале „Bulletin du Nord", 1828, № 9, стр. 74—77. Письмо и стихотворение перепечатаны А. В. Давыдовым в изд. „Пушкин, Временник Пушкинской комиссии". Академия Наук СССР, том 4—5, 1939, стр. 397—400.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

390. Е. М. Хитрово.

Август — первая половина октября 1828 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 199, № 507). На стр. 4 — помета рукою Хитрово: „Пушкин".

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово", 1927, стр. 33 (факсимильное воспроизведение 1-й стр. — там же, между стр. 32 и 33). Отрывок (в русском переводе) был прежде того напечатан Д. Д. Благим в статье „Миф Пушкина о декабристах (социологическая интерпретация «Медного Всадника»)", в журн. „Печать и Революция", 1926, кн 4, стр. 16 (ср. в его книге „Социология творчества Пушкина", М. 1927, стр. 53). В изложении приведено В. В. Вересаевым в „Заметках о Пушкине" („Новый Мир", 1927, январь, стр. 196).

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 59).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 195—196).

391. Е. М. Хитрово.

Август — первая половина октября 1828 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", стр. 199, № 508).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово", 1927, стр. 34.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 60).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 196).

392. Н. В. Путяте.

Январь — середина октября 1828 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 637/95; см. „Летописи Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 332—333).

Впервые опубликовано в „Русском Архиве“, 1899, кн. II, стр. 253 (в статье „Из записной книжки Н. В. Путяты“), без адреса и приписки „R. S. V. P.“; полностью — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 53 (по копии с подлинника, принадлежавшего Н. И. Тютчеву).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 669).

393. А. Н. Вульфу.

27 октября 1828 г. Малинники.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 197, № 499). После даты — помета рукою Вульфа: „1828 года“.

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ от 22 июня 1866, № 168, и затем им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 157—158.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 241).

394. П. А. Осиповой.

3 ноября 1828 г. Малинники.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 197, № 500). Пометы рукою Осиповой: на стр. 1 — „1828“, на стр. 2 — „Pouchkinne à Mdm Ossipoff, née Windomsky“.

Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в сборнике „Звенья“, I, 1932, стр. 50—51.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 192—193).

395. А. А. Дельвигу.

Середина ноября 1828 г. Малинники.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 197, № 501).

Впервые опубликовано: без стихов и с пропуском двух фраз (от „я совершенно“, кончая „виновата“) — В. П. Гаевским в „Современнике“, т. XLVII, 1854, № 9, отд. III, стр. 23—25, и затем П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 214—215 (с зашифровкой имен); полностью — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 56—57.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 142—143 — несколько дополненный текст „Современника“).

396. А. А. Дельвигу.

26 ноября 1828 г. Малинники.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 197, № 502). Почтовый штемпель: „Торжок 1828 ноя. 28“.

Впервые опубликовано: без стихов, с пропусками и неточностями — В. П. Гаевским в „Современнике“, т. XLVII, 1854, № 9, отд. III, стр. 25—26 и затем (с еще бо́льшими пропусками) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 215; полностью — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 57—58.

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту „Современника“ с дополнениями), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 143—144).

397. А. А. Дельвиг — Пушкину.

3 декабря 1828 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396). Почтовый штемпель: „С.-Петербург. Отделение 2. 1828 дек. 4“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 507.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 82).

398. П. А. Вяземский, Д. Н. Бологовской, Пушкин и С. Д. Киселев — Ф. И. Толстому.

Конец декабря 1828 г. — начало января 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7020).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. III, 1911, стр. 457, среди писем неизвестных годов; точнее — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 59.

399. Ф. И. Толстой — Пушкину, П. А. Вяземскому, Д. Н. Бологовскому и С. Д. Киселеву.

Конец декабря 1828 г. — начало января 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (ЛБ, № 7020). Написано на одном листе с предыдущим письмом, после его текста.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. III, 1911, стр. 458, среди писем неизвестных годов.

400. П. А. Вяземскому.

5 или 7 января 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2599). На обороте — помета рукою С. Д. Полторацкого: „Записка Александра Пушкина к Вяземскому. 7-го января 1829. Москва“.

Впервые опубликовано: по копии П. И. Бартенева — М. А. Цявловским в „Голосе Минувшего“, 1920—1921, стр. 119 (перепечатано им же в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 12); по подлиннику — Г. П. Георгиевским в „Путеводителе Гос. Румянцовского Музея“, 1923, стр. 235—237 (с приложением факсимиле).

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 60).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 197).

401. П. А. Вяземскому.

Около 25 января 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 4—5, № 3).

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 14—15.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 310—312).

402. В. Ф. Вяземской.

Около (не позднее) 6 февраля 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 74), представляющему собою вторую половину, с адресом, от несохранившегося письма. Почтовый штемпель: „С.-Петербург 1829 фев. 6".

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина под его редакцией, т. I, 1926, предисловие, стр. XXXVIII (с неверною датою почтового штемпеля: 1828), и вторично — в том же издании, т. II, 1928, стр. 288 (правильно).

403. М. Шимановской.

Июль — август 1828 г. или конец января — февраль 1829 г. Петербург.

Печатается по фотоснимкам, хранящимся в *ГЛМ* (№ 1397) и *ПД* (ф. 244, оп. 11, № 37). Подлинник в Музее Мицкевича в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — П. Д. Эттингером в „Красной Ниве" от 9 июня 1929, № 24, стр. 12 (перепечатано в статье С. Дурылина „Русские писатели у Гете в Веймаре", „Литературное Наследство", № 4—6, 1932, стр. 350); в подлиннике: без адреса — Л. Б. Модзалевским в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 1130 (факсимильное воспроизведение, сильно уменьшенное, — там же, стр. 611); полностью — Н. В. Измайловым в „Летописях Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 327.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 191).

404 и 404а. Неизвестной.

Конец 1828 г. — 4 марта 1829 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2371, л. 7).

Впервые опубликовано (неполно и с ошибками) В. Е. Якушкиным в издании „Евгения Онегина" под его редакцией, М. 1887, стр. 270, как возможная „программа разговора Татьяны с ключницей, т. е. предполагаемого ответа последней"; перепечатано, с таким же предположением, П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VIII, 1906, стр. 504. Вновь по подлиннику, в более исправном чтении и в качестве письма, напечатано Н. О. Лернером в „Русском Библиофиле", 1915, кн. III, стр. 89.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 45).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 196).

405. П. А. Вяземский, В. Ф. Вяземская и Е. А. Карамзина — Пушкину.

23 февраля 1829 г. Мещерское и 10 марта 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 40—41, № 72). Приписка Е. А. Карамзиной сделана в Петербурге по получении письма, посланного через нее, и при отсылке его Пушкину.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 482—483 (с пропусками).

Вошло полностью в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 85—86).

406. С. Д. Полторацкому.

25 марта 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, приобр. в 1930 г.). Помета рукою Полторацкого: „25-го марта 1829. Москва“.

Впервые опубликовано (по копии П. И. Бартенева) М. А. Цявловским в „Голосе Минувшего“, 1920—1921, стр. 120 (перепечатано им же в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 12). По подлиннику печатается в настоящем издании впервые.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 63).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 198).

407. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 марта 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59). На первой странице пометы рукою Плетнева: „[15] 16“ и „[После его помолвки], в Москву“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 348—349.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 89—90).

408. И. М. Снегиреву.

9 апреля 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 98, № 503). Вверху первой страницы — помета рукою Снегирева: „Пол.‹учено› апр. 9, 1829“.

Впервые опубликовано, по сообщению П. Я. Дашкова, в „Историческом Вестнике“, т. II, 1880, июнь, стр. 205 (без адреса); полностью, по подлиннику, — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1923, стр. 63—64.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 474, в примечаниях).

409. И. И. Дмитриев — Пушкину.

9 апреля 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, общее собрание автографов, буква „Д“).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 92.

410. А. Лаптев — Пушкину.

29—30 апреля 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7721).

Кратко изложено Т. Г. Зенгер в книге „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 674 и 677. Публикуется впервые.

411. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

Март — апрель 1829 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 91).

Впервые опубликовано (частично и в переводе) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 88; полностью, в оригинале — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 90—91. Отрывок, опубликованный Анненковым, ошибочно перепечатан там же, т. III, 1911, стр. 460—461, как письмо от „NN“.

412. И. А. Яковлеву.

Вторая половина марта — апрель 1829 г. (?) Москва.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано по подлиннику, принадлежавшему О. И. Квисту, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1882, кн. III, стр. 309.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 297—298) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 421).

413. Н. И. Гончаровой.

1 мая 1829 г. Москва.

Печатается по современной письму копии (Московский Областной Архив). Подлинник утрачен. Помета на копии рукою А. Н. Гончарова: „Александр Сергеича!“

Впервые опубликовано (по этой же копии, полученной от О. К. Гончаровой) П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 496—497, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 178—179. Напечатано вторично (по той же копии) И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии“, 1901, стр. 3—4.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 331—332); во французском оригинале — с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 211—212).

414 и 414а. Б. Г. Чиляеву.

24 мая 1829 г. Коби.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 126 об.). Беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 371 (неточно и неполно).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 93).

415 и 415а. Ф. И. Толстому.

27 мая — 10 июня 1829 г. Тифлис.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 10—10 об.). Беловой текст неизвестен. Слова „верст лишних“, отсутствующие в автографе, вводятся из текста „Путешествия в Арзрум“ (см. т. VIII, стр. 445).

Впервые опубликовано, по копии П. В. Анненкова, П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 320 (ср. т. VIII, 1906, стр. 607), как письмо к А. А. Дельвигу, в качестве какового перепечатывалось во всех позднейших собраниях писем Пушкина, до издания под ред. Б. Л. Модзалевского включительно (т. II, 1928, стр. 65). Черновик обнаружен С. М. Бонди, давшим более полное и исправное чтение и установившим адресата письма (см. его книгу „Новые страницы Пушкина“, М. 1931, стр. 134—138; текст письма — стр. 137—133; на стр. 137, прим., — описание автографа).

В качестве письма к Ф. И. Толстому и по подлиннику входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 199).

416. Н. Н. Раевскому-сыну.

30 января или 30 июня 1829 г. Петербург или Арзрум.

Печатается по черновому подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 118, № 302). Беловой подлинник не сохранился; неизвестно, было ли письмо перебелено и отправлено, и предназначалось ли оно вообще к отправке по назначению.

Впервые опубликовано (с неточностями и цензурными пропусками) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 442—445 (и в переводе на стр. 133—135); полностью — им же в „Вестнике Европы“, 1881, февраль, стр. 647—649.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 275—280).

417. М. П. Погодину.

Конец сентября — 12 октября 1829 г. (?) Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3516, стр. 721; вклеено между письмами, относящимися к октябрю 1829 г.).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 94.

418. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

14 октября 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 94); отпуск дает небольшие стилистические разночтения.

Впервые опубликовано: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 50; по канцелярскому отпуску — П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 249, и в книге С. С. Сухонина „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 95.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 96).

419. Пушкин и Анна Н. Вульф — А. Н. Вульфу.

16 октября 1829 г. Малинники.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 198, № 504). Под датой — позднейшая помета Вульфа (ошибочная): „1830 года".

Впервые опубликовано: с небольшими пропусками, заменой некоторых фамилий инициалами и без приписки Анны Н. Вульф — М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях" от 22 июня 1866, № 168, и затем в „Русском Архиве", 1867, стб. 158—160; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 96—98.

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту „Русского Архива"), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 241—243).

420. А. Х. Бенкендорфу.

10 ноября 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 198, № 505). На стр. 1 — канцелярские пометы: „№ 10614", „№ 2554", „14 декабря 1829" и „к делу"; на стр. 2 слова „moitié soldat, moitié voyageur" подчеркнуты карандашом (Бенкендорфом?).

Краткое изложение дано в статье М. М. Попова в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 703—704.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 249—251, затем П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 322, и С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 98.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с вышеуказанного издания Ефремова.

420а. Черновик письма 420.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 198, № 505).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 99.

421. С. Д. Киселеву.

15 ноября 1829 г. Петербург.

Печатается по фотоснимку (*ПД*, ф. 244, оп. 11, № 16). Местонахождение подлинника, принадлежавшего А. И. Киселевой, в настоящее время неизвестно. Почтовый штемпель: „С.-Петербург <. . . .>“.

Впервые опубликовано в „Русских Ведомостях“ от 3 июня 1899, № 151, стр. 3. Вновь по подлиннику напечатано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 99—100).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 323).

422. О. М. Сомов — Пушкину.

20 ноября 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 82).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 130—132.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 101—102).

423. О. М. Сомову.

Первая половина декабря 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 12, № 18, л. 57) — на рукописи отрывка из „Путешествия Онегина“, по которой отрывок напечатан в № 1 „Литературной Газеты“ за 1830 г.

Впервые опубликовано А. Ф. Бычковым в „Русской Старине“, т. LVII, 1888, январь, стр. 237 (ошибочно указано, что слова „Отрывок из Евг. Онег. Глава VIII“ писаны не Пушкиным), и затем И. А. Бычковым в „Отчете Публичной Библиотеки за 1898 год“, СПб. 1902, стр. 146.

В собрания писем Пушкина включено (как письмо „в редакцию «Литературной Газеты»“) лишь в изданиях под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 44) и Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 69); во всех остальных (включая издание В. И. Саитова и сборник М. А. Цявловского „Письма Пушкина и к Пушкину“) пропущено.

424. Неизвестной.

Конец (до 26 декабря) 1829 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 48—49, № 116); на обороте — перебеленный с поправками автограф стихотворения „Брожу ли я вдоль улиц шумных“, заканчивающийся на странице с письмом (являющимся, вероятно, концом черновика письма, начатого на оторванном полулисте); под стихами — дата: „26 дек. 1829 С. П. Б. 3 часа 5 м.“

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 103. Воспроизведено, в сильно уменьшенном виде, в брошюре И. С. Зильберштейна „Из бумаг Пушкина (новые материалы)“, М. 1926, стр. 13, и — в натуральную величину — в вышеуказанной книге „Рукописи Пушкина . . .“, между стр. 40 и 41.

425. Е. Ф. Тизенгаузен.

1 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 199, № 509).

Впервые опубликовано: в русском переводе, — в „Вечерней Красной Газете“ от 26 октября 1925, № 260; в подлиннике — в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 4; факсимильное воспроизведение — там же, между стр. 4 и 5.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 70).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 203).

426. П. А. Вяземский — Пушкину.

2 января 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, д. № 147, к. 4, лл. 52—53, № 80). На 4-й странице рисунок Пушкина (?): женская головка в профиль влево (не воспроизводился).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 483—484.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 103—105, с случайным пропуском одной фразы).

427. Н. И. Гнедич — Пушкину.

6 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 174, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 86. Перепечатано П. О. Морозовым в первом из редактированных им изданий сочинений Пушкина (т. VII, 1887, стр. 214, примеч.).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 105).

428. Н. И. Гнедичу.

6 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 200, № 511).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Современном Обозрении“, 1868, т. I, январь, стр. 144—145, и затем им же в „Русской Старине“, т. XXVIII, 1880, июль, стр. 558. Факсимильно воспроизведено: в VII томе издания 1882 г. (см. ниже), во „Всемирной Иллюстрации“, т. XXXVII, 1887, № 941, стр. 92, и в др. изданиях.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 76).

429. А. Х. Бенкендорфу.

7 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГИМ*, 6. Чертковская библиотека, собрание автографов, № 483/63). Канцелярская помета: „12 января 1830".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1864, стб. 192—193 (во 2-м изд. — стб. 967—968).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 384).

429а. Черновик письма 429.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 30; см. описание В. Е. Якушкина в „Русской Старине", т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 352, лист 29_1).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 107.

430. М. Н. Загоскину.

11 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 34, № 75). Ниже подписи — помета Загоскина: „Александра Пушкина".

Впервые опубликовано С. Т. Аксаковым в „Москвитянине", 1853, № 1, отд. I, стр. 37, без заключения, вместо которого напечатано: „и пр.", и адреса; полностью — П. О. Морозовым во втором из редактированных им изданий сочинений Пушкина, т. VIII, 1906, стр. 191—192.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 314).

431. Е. М. Хитрово.

Первая половина января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 199, № 510).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово", 1927, стр. 5.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 70).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 203).

432. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

17 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 51.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 110).

433. А. Х. Бенкендорфу.

18 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГИМ*, 6. Чертковская библиотека, собрание автографов, № 483/63). Канцелярская помета: „21 января 1830".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1864, стб. 194—195 (во 2-м изд. — стб. 968—970).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 385—386).

434. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

21 января 1830 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому отпуску в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 101). Писано двумя почерками: П. Я. Фон-Фока и Ф. Енниша. Рукою последнего заготовлена подпись Бенкендорфа: „подп.‹исал› покорнейший" и т. д. и скрепа: „верно, помощник экспедитора Ф. Енниш". Беловой подлинник не сохранился.

Письмо упомянуто М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 705. Впервые опубликовано (не полностью, без обращения) М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике", т. XV, 1884, январь, стр. 73—74, и перепечатано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 52; полностью напечатано С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 100.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 112).

435. М. О. Судиенке.

22 января 1830 г. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано по подлиннику, принадлежавшему внучке Судиенки, М. А. Егоровой, урожд. Судиенко, по второму браку Скаржинской, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1898, кн. I, стр. 165.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 327).

436. П. А. Вяземский — Пушкину.

15—25 января 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 29, № 65).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 110.

437. М. Н. Загоскин — Пушкину.

20—25 января 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 30).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина", 1903, стр. 133.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 108—109).

438. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

28 января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою М. Я. Фон-Фока: рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 102).

Изложение письма дано М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 704. Впервые опубликовано полностью: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 53; по канцелярскому отпуску — П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 251. и С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 101.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 113—114).

439. П. А. Вяземскому.

Конец января 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 8—9, № 5, и конверт л. 10).

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 17—18.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 329).

440. П. А. Вяземский и А. А. Дельвиг — Пушкину.

1 февраля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 9, № 50).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским, как письмо П. А. Вяземского и неизвестного, в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 115. Принадлежность приписки А. А. Дельвигу установлена Л. Б. Модзалевским.

441 и 441а. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2373, л. 24). Беловой текст неизвестен. Вероятно, письмо не было ни отправлено, ни перебелено.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIII, 1884, август, стр. 327, как „черновая проза" или, возможно, письмо (с вопросом). В первом издании сочинений Пушкина под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 219) напечатано, как письмо к Н. Н. Гончаровой от марта 1830 г. П. А. Ефремов, в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 467), напечатал его как письмо к неизвестной с датою „июль 1832" и с примечанием „Вернее полагают, что это набросок для романа" (ср. его же статью: „Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях", в „Новом Времени" от 8 августа 1903, № 9851, стр. 3, и отд. оттиск. стр. 41). Вследствие замечаний Ефремова, П. О. Морозов во

втором из редактированных им изданий соч. Пушкина датировал письмо „к неизвестной“ 1832 годом и сделал примечание: „вероятно, черновой набросок повести“. В последующие издания Пушкина — переписку под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908), сочинения под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915), письма под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928) — этот черновик не включен. Вновь напечатан Т. Г. Зенгер по подлиннику в сборнике „Звенья“, II, 1933, стр. 205, с воспроизведением на отдельном листе, как письмо к неизвестной, датированное предположительно началом февраля 1830 г. Вторично в исправленном виде помещен ею же в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 183, где определен и адресат письма.

В собрания сочинений Пушкина входит, как письмо к Собаньской, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 207).

442. К. А. Собаньская — Пушкину.

2 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 102).

Впервые опубликовано по материалам П. Е. Щеголева в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 571; там же и факсимиле, на стр. 569 (ср. стр. 616, где определен автор письма). Перепечатано Т. Г. Зенгер в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 203.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

443 и 443а. К. А. Собаньской.

2 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2382, лл. 86 об., 86, 85 об., 85). Беловой текст неизвестен. Вероятно, письмо не было ни отправлено, ни перебелено.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 368—369, очень неточно и с вопросом „не есть ли это ‹...› письмо ‹...› литературное произведение, набросок для повести?“ Вошло в издания сочинений Пушкина под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 422—423; т. VIII, 1906, стр. 227—228, с примечанием: „Есть предположение, что это не черновик письма, а набросок повести, что вероятнее“) и П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 381—382, с примечанием: „Предполагают вернее, что это набросок для повести“). В последующие издания (под ред. В. И. Саитова, С. А. Венгерова, Б. Л. Модзалевского) не включено. Вновь напечатано по подлиннику Т. Г. Зенгер в сборнике „Звенья“, II, 1933, стр. 201—203, с воспроизведением на четырех листах между стр. 200—201, и вторично ею же — в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 179—181, где определены адресат письма и его дата.

В собрания сочинений Пушкина входит, как письмо к Собаньской, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 206—207).

444 и 444а. К. М. Бороздину.

Около (после) 4 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 84 об.). Было ли письмо перебелено и отправлено — неизвестно.

Впервые опубликовано (неточно и неполно) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 369. В последующих изданиях, до переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова включительно, пропущено. Вошло как письмо „неизвестному сановнику“ от февраля 1830 г. в издание сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 46). Адресат и более точная дата установлены Н. К. Замковым в статье „Архивные мелочи о Пушкине“ („Пушкин и его современники“, вып. XXIX—XXX, 1918, стр. 63—66). Вновь по подлиннику напечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 12—13, и затем (без изменений сравнительно с текстом М. А. Цявловского) Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина (т. II, 1928, стр. 75).

445. М. О. Судиенке.

12 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано, по подлиннику, принадлежавшему М. А. Егоровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1898, кн. I, стр. 166.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 328).

446. Д. Ф. Фикельмон — Пушкину.

8 или 15 февраля 1830 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, № 3536).

Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 57—58.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

447. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

17 февраля 1830 г. Петрозаводск.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396). К письму приложена была книжка Ф. Н. Глинки „Карелия“, СПб. 1830 (см. „Пушкин и его совр.“, в. IX—X, стр. 28, № 94).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 464—465, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 31—32.

Вошло в изд. переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 116).

448. Ф. В. Булгарин — Пушкину.

18 февраля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 462, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 29.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 118—119).

449. П. А. Вяземский, Пушкин и Е. А. Карамзина — В. Ф. Вяземской.

1 марта 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (Центральный Гос. Архив Народного Хозяйства в Ленинграде, фонд Вяземского, д. № 2, л. 285).

Впервые опубликовано М. С. Боровковой-Майковой (без приписки Е. А. Карамзиной и без упоминания о ней) в сборнике „Звенья", VI, 1936, стр. 202, 204—205; факсимильное воспроизведение (с неверным указанием, что подлинник находится в *ПД*) — на стр. 201 и 203.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

450. П. А. Вяземскому.

14 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 63—64, № 34).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 435—437.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 47—48).

451. Пушкин и Ф. И. Толстой — П. А. Вяземскому.

16 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 68, № 38).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 437—439. Принадлежность приписки графу Ф. И. Толстому установлена Б. Л. Модзалевским (см. его издание писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 395): в „Русском Архиве" она была напечатана как приписка „неизвестного лица", в издании переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 121) приписана П. В. Нащокину.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 49).

452. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

17 марта 1830 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому отпуску в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 105). Писано рукою пом. экспедитора Ф. Ениша. Подпись заготовлена по форме: „М. г. Ваш покорнейший слуга подп.‹исал› А. Бенкендорф". Беловой подлинник не сохранился.

Изложение письма дано М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 704. Почти полностью, но без обращения и заключения, впервые опубликовано П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 251; перепечатано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 54; полностью, по тому же отпуску, — С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 104.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 121—122).

453. Е. М. Хитрово — Пушкину.

18, 20 и 21 марта 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 16, № 518, лл. 12—13). Приложенная к письму запись рассказа Филарета не сохранилась.

Впервые опубликовано, в переводе, П. П. Вяземским в газете „Берег“ от 16 июля 1880, № 113 (перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 44—45); в оригинале — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 122—123.

454. А. Х. Бенкендорфу.

21 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 200, № 512). Служебные пометы: „№ 2852“, „№ 998“ и „Апреля 3/1830“; помета Бенкендорфа: „Я его прошу меня в перед уведомлять“.

Краткое изложение дано в статье М. М. Попова в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 704. Впервые опубликовано П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине“, т. XCVIII, 1899, май, стр. 252, затем П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 333—334, и С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 108.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с вышеуказанного издания П. А. Ефремова.

455. А. А. Писарев — Пушкину.

21 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 132). Написано писарскою рукою; рукою Писарева — только подпись.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 124.

456. А. Х. Бенкендорфу.

24 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 200, № 513). На 1-й стр. — помета Бенкендорфа: „lui répondre que jamais Boulgarin ne m'a parlé de lui, par la bonne raison, que je ne le vois que 2 ou 3 fois par an; [d'o‹rdinaire›] et [ordin‹airement›] cela pour le gronder et une fois pour l'envoyer au corps de garde. Que sa position à lui Pouschkin, n'est pas du tout précaire; mais que nommément son dernier départ très précipité pour Moscou a dû éveiller le soupçon“.

Впервые опубликовано в отрывке (от „Mr Boulgarine, qui dit avoir“, кончая „un mal infini“) — М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, март, стр. 482; полностью — П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 336, и затем С. С. Сухони-

ным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 109—110.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с вышеуказанного издания П. А. Ефремова.

457. Н. А. Полевому.

27 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 34, № 76). На 1-й стр. под текстом помета Полевого: „27 марта 1830 г. Москва".

Впервые опубликовано в „Отчете Публичной Библиотеки за 1861 год", СПб. 1862, стр. 63, и вторично А. Ф. Бычковым в „Русской Старине", т. XXVIII, 1880, август, стр. 806.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 269).

458. Н. А. Полевой — Пушкину.

27 марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1880, кн. III, стр. 448, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 15.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 128).

459. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не ранее 18) марта 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 1, № 41).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 439—440.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 50).

460. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

3 апреля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою М. Я. Фон-Фока; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 112).

Краткое изложение дано М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 704 — 705. Впервые опубликовано: в отрывке — М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике", т. XV, 1884, март, стр. 482; полностью: по подлиннику В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 55—56; по канцелярскому отпуску — С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 111.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 129).

461. Н. И. Гончаровой.

5 апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 34, № 77).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым по подлиннику, принадлежавшему Н. О. Эмину и полученному последним от С. Н. Гончарова, в „Русском Архиве“, 1873, кн. I, стб. 736—740; включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 179—182.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 332—333); во французском оригинале — с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 221—222).

462 и 462а. Н. О. и С. Л. Пушкиным.

6—11 апреля 1830 г. Москва.

Печатается по черновому подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 200—201, № 515). Беловой подлинник не сохранился. Описано в сборнике „Пушкин и его современники“, вып. IV, 1906, стр. 34, № 9.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 132.

463. А. Х. Бенкендорфу.

16 апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме“, 1937, стр. 200, № 514).

Впервые опубликовано: в отрывке (третий абзац письма, от „Encore une grâce“, кончая „comme je l'entends“) — М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, январь, стр. 74—75; полностью — П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине“, т. XCVIII, 1899, май, стр. 252—255, затем П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 340—342, и С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 112—113.

Отрывок, напечатанный М. И. Сухомлиновым, входит в собрания сочинений Пушкина: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 422); во французском оригинале — с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 222—223); всё письмо целиком — с четвертого издания Ефремова (см. выше).

463а. Черновик письма 463.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме“, 1937, стр. 50—51, № 121).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 77—78 и 79—81 (в виде двух отрывков); точнее — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 135—137.

464. С. Л. и Н. О. Пушкины — Пушкину.

16 апреля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 66).

Впервые опубликовано в отрывках и без приписки Н. О. Пушкиной П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 278—279.

Полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 137—138.

465. В. Ф. Вяземской.

15—18 апреля (?) 1830 г. Москва.

Печатается по копии, сверенной с подлинником Б. Л. Модзалевским, в наборной рукописи II тома переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 46, л. 107). Местонахождение подлинника, бывшего в Остафьевском архиве, теперь неизвестно.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 144.

466. Е. М. Хитрово.

Середина (15—20) апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме“, 1937, стр. 201—202, № 518). На стр. 4 помета Хитрово: „Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 6. Факсимильное воспроизведение — там же, между стр. 6 и 7 и между стр. 48 и 49.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 80).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 212).

467. М. П. Погодину.

26 апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 223).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его „литературном и политическом сборнике“ „Утро“, М. 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

468. П. А. Вяземский — Пушкину.

26 апреля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 13, № 54).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 484, и кн. П. П. Вяземским в газете „Берег“ от 16 июля 1880, № 113 (пере-

печатано в сборнике П. И. Бартенева „А. С. Пушкин", вып. II, „К биографии А. С. Пушкина", 1885, стр. 45—46).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 138—139).

469. В. Ф. Вяземской.

Конец (не позднее 28) апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. № 3, д. № 132).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 440—441.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 51, где напечатано как „письмо к неизвестной даме").

470. А. X. Бенкендорф — Пушкину.

28 апреля 1830 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому отпуску в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244 оп. 16, № 10, л. 117—118). Писано рукою Ф. Енища; подпись заготовлена: „signé A. Benkendorf"; ниже текста скрепа: „верно, помощник экспедитора Ф. Енищ". Беловой подлинник не сохранился.

Краткое изложение дано М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 705; впервые опубликовано: в отрывке — М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике", т. XV, 1884, январь, стр. 75; полностью — П. А. Ефремовым (?) в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 255—256 (перепечатано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 57—58), и вторично — С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 114.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 140—141).

471. М. П. Погодин, Пушкин и др. — С. П. Шевыреву.

29 апреля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 34, № 78). Почтовые штемпеля: „Russie, Moscou", „Москва <...> мая", „<...> 17 Givo<...>".

Впервые опубликовано (почти полностью, с мелкими выпусками и неточностями) в „Русском Архиве", 1882, кн. III, стр. 147.

В собрания сочинений Пушкина его приписка входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 220). Всё коллективное письмо полностью вводится в собрание переписки Пушкина впервые.

472. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 апреля 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59). На 1-й стр. пометы Плетнева „[16.] 17"; „В Москву". „На это ответ есть под № 1. См. ориг.<инальные> пись.<ма> П.<ушкина>".

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 349—351.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 141—142).

473. П. А. Вяземскому.

2 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 65—67, № 36). Почтовый штемпель: „Москва 1830 мания 3".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 441—443.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 51—53).

474. Н. О. и С. Л. Пушкиным и О. С. Павлищевой.

3 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Институт мировой литературы имени М. Горького, № 3154).

Впервые опубликовано М. А. Цявловским по копии П. И. Бартенева, снятой им с подлинника, находившегося в альбоме А. И. Васильчиковой, рожд. Архаровой, и полученного ею от Н. О. Пушкиной (см. „Летописи Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 504), в „Голосе Минувшего", 1920—1921, стр. 120—121, и затем в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину", 1925, стр. 13—14. Факсимильное воспроизведение — в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 785—786.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 88).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 217).

По подлиннику печатается впервые.

475. А. Н. Гончарову.

3 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив).

Впервые опубликовано по подлиннику, полученному от О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1881, кн. II, стр. 500, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 182. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии", 1901, стр. 4.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 334) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 224—225).

475а. Черновик письма 475.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 34; см. описание В. Е. Якушкина в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 353).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 146.

476. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 5 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 201, № 516). Почтовые штемпеля: „Москва“ и „Москва 1830 май 5“. На 1-й стр. помета Плетнева: „*1. Из Москвы*, в апреле 1830. Это ответ на мое письмо № 16“.

Впервые опубликовано: в отрывке (от „Слушай же, кормилец“, кончая „Как ты думаешь? реши“) — Я. К. Гротом в „Русском Архиве“, 1869, стб. 2068; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 351—352. Отрывок, опубликованный в „Русском Архиве“, перепечатан во втором издании сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 286—287).

Всё письмо полностью входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 164—165) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 225—226).

477. А. Х. Бенкендорфу.

7 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 201, № 517). Оттиск почтового штемпеля, бывшего на утраченном конверте: „Мая 8“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в работе „Пушкин в донесениях агентов тайного надзора“ — „Былое“, 1918, № 1 (29), стр. 56—57; в отд. издании: „Пушкин под тайным надзором“, 1922, стр. 54; изд. 1925 г. — стр. 97—98.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 90).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 218).

478. А. А. Дельвиг — Пушкину.

8 мая 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 507—508.

Вошло в издание переписки Пушкина под. ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 147—148).

479. Е. М. Хитрово — Пушкину.

9 мая 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 16, № 518, л. 11).

Впервые опубликовано, в переводе, П. П. Вяземским в газете „Берег“ от 16 июля 1880, № 113 (перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 46); напечатано в оригинале по подлиннику Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 148—149.

480. Е. М. Хитрово — Пушкину.

Середина мая 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 16, № 518, лл. 9—10).

Впервые опубликовано, в переводе, П. П. Вяземским в газете „Берег“ от 16 июля 1880, № 113 (перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 46—47); напечатано в оригинале по подлиннику Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 152—153.

481. Е. М. Хитрово.

18 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 202, № 519). Почтовые штемпеля: „Москва“ и „Москва 1830 май 19“; помета Хитрово: „Александр Серг. Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 7.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 91).

В собрание сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 219).

482. М. П. Погодину.

15—20 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 220).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 435.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 305 — с неправильным раскрытием: „что четвертое действие [Петра]“, сохраненным последующими изданиями до второго издания под ред. П. О. Морозова включительно).

483. П. А. Плетнев — Пушкину.

21 мая 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59). На 1-й стр. пометы Плетнева „18“ (переделано из „17“); „В Москву“; „Это мой ответ на его письмо под № 1“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 352—353.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 153—155).

484. Е. М. Хитрово.

19—24 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 202, № 520).

Отрывки, касающиеся Гюго и Сент-Бева, приведены (в переводе) в статье Н. К. Козмина „Пушкин и В. Гюго об Андрее Шенье“ — сборник „Язык и литература“, т. I, вып. 1—2, Л. 1926, стр. 351—352. Всё письмо в оригинале впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 8.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 91).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 219).

485. М. П. Погодину.

19—24 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 221).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 435.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

486. И. Ф. Антипину и Ф. И. Абакумову.

27 мая 1830 г. Полотняный Завод.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 34, № 79).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1869, стб. 1064, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 150.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 333), где напечатано в примечании к письму Пушкина П. В. Нащокину от декабря 1833 г. Во втором издании под ред. П. О. Морозова (т. VIII, 1906) пропущено. В качестве самостоятельного письма печатается, начиная с издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 155).

487. А. Х. Бенкендорфу.

29 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 202, № 521). Помета Бенкендорфа: „C'est permis, je signerai la lettre à mon retour“. Пометы канцелярские: „№ 5215“, „№ 1543“,

„Июня 20 1830“; рукою М. Я. Фон-Фока: „возвращено из Варшавы, от 14 июня 1830“ и „Изготовить официальное письмо к подписанию генерала“.

Впервые опубликовано С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 304—305.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 155—156).

487а. Черновик письма 487.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 119—120, № 305).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 156—157.

488. М. П. Погодину.

29 мая 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 215).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 435.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

489. Неизвестному.

Апрель — май 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2392, л. 1). Записка набросана карандашом на заглавном листе писарской копии „Бориса Годунова“, представлявшейся Пушкиным А. Х. Бенкендорфу, почти стерта и с трудом поддается прочтению.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 175, затем (полнее) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, декабрь, стр. 573; более точно — Г. О. Винокуром в Полном собрании сочинений Пушкина, изд. Академии Наук СССР, т. VII, 1936, стр. 408.

В собрания сочинений Пушкина впервые введено в издании под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 602), откуда перепечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 11, и затем Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина (т. II, 1928, стр. 86).

490 и 490а. Н. Н. Гончаровой.

Начало июня 1830 г. Москва.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2372, л. 60 об.). Беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано (неточно и неполно) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, август, стр. 318.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 338—339, в примечании к письму от 30 июля 1830 г.) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 228).

491. М. П. Погодину.

20-е числа мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 217).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

492. М. П. Погодину

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 218).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 435.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

493. М. П. Погодину.

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 222).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

494. М. П. Погодину.

30 мая — 6 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 214).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306).

495. А. Н. Гончарову.

7 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив).

Впервые опубликовано по подлиннику, полученному от О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 500—501, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 182—183. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, 1901, стр. 4—5.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 334) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 228—229).

496. М. П. Погодину.

8—9 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 216).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 306—307).

497. М. П. Погодину.

12 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 219).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 307).

498. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

26 июня 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 8). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 12, л. 6).

Впервые опубликовано по канцелярскому отпуску С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 306.

Вошло (также по канцелярскому отпуску) в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 159—160). По подлиннику печатается впервые.

499. А. Н. Гончарову.

28 июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив). Почтовый штемпель: „Москва 1830 июн. 28“. Помета Гончарова: „*Пушкина*. Получил июля 18-го 1830“.

Впервые опубликовано по подлиннику, полученному от О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 501—502, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 183—184. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, 1901, стр. 5.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 335) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 229).

500. М. П. Погодину.

Вторая половина июня 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 213).

Впервые опубликовано М. П. Погодиным в его сборнике „Утро“, 1868, стр. 436.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 307).

501. М. П. Погодину.

Май — июнь 1830 г. (?) Москва.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым по „старинной копии" в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 19.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 347).

502 и 502а. В. С. Огонь-Догановскому.

Май — июнь (?) 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2372, л. 61 об.).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIII, 1884, август, стр. 317, как письмо к „неизвестному лицу". Адресат установлен П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 348).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 422).

503. А. Х. Бенкендорфу.

4 июля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 202—203, № 522). Канцелярские пометы: „№ 5845", „№ 1722", „Июля 10 1830" и „К сведению".

Впервые опубликовано С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 307.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 161—162).

504. М. Н. Загоскину.

14 июля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Библиотека Гос. Воронежского университета; ранее был в библиотеке Юрьевского (Дерптского) университета).

Впервые опубликовано В. А. Кордтом в „Русской Старине", т. LXVII, 1890, август, стр. 292; вновь по подлиннику, с приложением факсимильного воспроизведения, — Е. Ф. Шмурло в „Ученых Записках Юрьевского Университета", 1899, стр. 63 (отд. оттиск — „Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящиеся в Библиотеке имп. Юрьевского Университета", стр. 29—32).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 350).

505. В. Л. Пушкин — Пушкину.

Середина июня — первая половина июля 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*). На нем помета рукою Н. М. Коншина: „NB. Последнее стихотворение В. Л. Пушкина, писанное его рукою. Подарено от А. С. мне. 8 июня 1831. Ц.‹арское› Село“.

Впервые опубликовано В. И. Саитовым в „Сочинениях В. Л. Пушкина“ под его редакцией, СПб. 1893, стр. 115—116 (стихотворное послание) и 156 (письмо).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 162—163).

506. Н. Н. Гончаровой.

20 июля 1830 г. Петербург.

Печатается по тексту публикации М. Л. Гофмана и С. Лифаря (см. ниже), с исправлением некоторых явных ошибок и с предположительным восстановлением имен, зашифрованных в копии, служившей оригиналом этой публикации, по „Вестнику Европы“. Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 11; во французском оригинале (по копии, сделанной для И. С. Тургенева) — в издании М. Л. Гофмана и С. Лифаря „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание 1837—1937“. Париж, 1935, стр. 29.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 336) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 230); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 224—225).

506а. Черновик письма 506.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2382, л. 33 об.).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, ноябрь, стр. 353.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 602). В издании переписки под ред. В. И. Саитова пропущено. Перепечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 15. Вновь по подлиннику, в более полном чтении, напечатано Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина (т. II, 1928, стр. 99).

507. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Петербург.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „С.-Петербург 1830 ‹и›юль 29“.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 11—12. Некоторые фразы из французского оригинала введены, по выписке П. В. Анненкова, Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 99—100. По подлиннику напечатано в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 34—35; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 34—35.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 336—337) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1837, стр. 230—231); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 225—226).

508. Н. Н. Гончаровой.

30 июля 1830 г. Петербург.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „С.-Петербург 1830 <и>юль 30“.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 12—13. Одна фраза из французского оригинала введена, по выписке П. В. Анненкова, Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 100. По подлиннику напечатано в изд. „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 39—40; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 38 и 39.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 337—338) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1387, стр. 231—232); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 226).

509. П. А. Вяземский и Пушкин — В. Ф. Вяземской.

4 августа 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (Центральный Гос. Архив Народного Хозяйства в Ленинграде, фонд Вяземского, д. № 2, лл. 363—364).

Впервые опубликовано: приписка Пушкина — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 168; всё письмо полностью — М. С. Боровковой-Майковой в сборнике „Звенья“, VI, 1936, стр. 310—311.

В собрание сочинений Пушкина полностью вводится впервые.

510. М. Я. Фон-Фоку.

9 августа 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 203, № 523). Посланную при письме записку о статуе Екатерины II см. в XII томе.

Впервые опубликовано С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 308.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 168).

511. Ф. Н. Глинке.

12—13 августа 1830 г. (?) Тверь (?).

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 584, из собрания б. Общества любителей древней письменности).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. III, 1911, стр. 457, в числе писем неизвестных годов.

512. А. Н. Гончарову.

14 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив).

Впервые опубликовано по подлиннику, принадлежавшему О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 502—503, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 184—185. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, 1901, стр. 6.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 339) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1837, стр. 232—233).

513. В. С. Голицын — Пушкину.

Середина июня — первая половина июля или 14—20 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 22); на письме жандармская помета „11“ (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 350, № 4).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 136.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 205—206).

514. Е. М. Хитрово.

21 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 203, № 525). Почтовые штемпеля: „Москва“ и „Москва 1830 авг. 21“; помета Хитрово: „Poushkin“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 9—10.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1908, стр. 102—103).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 228).

515. В. Д. Карнильев — Пушкину.

Около (не ранее) 20 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 60, № 143).

Впервые опубликовано в посмертном сборнике статей Б. Л. Модзалевского „Пушкин“, 1929, стр. 421.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

516. А. Н. Гончарову.

24 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив).

Впервые опубликовано по подлиннику, принадлежавшему О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1881, кн. II, стр. 503, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 185. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии", 1901, стр. 6.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 339) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 233).

517. Н. Н. Гончаровой.

Последние числа августа 1830 г. Москва.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы", 1878, январь, стр. 13—14; во французском оригинале (по подлиннику) — в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой", Париж, 1935, стр. 43; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 42 и 43.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 340) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 233); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 229).

518. В. Ф. Вяземской.

Последние числа августа 1830 г. Москва.

Печатается по копии, снятой Б. Л. Модзалевским с подлинника, в наборной рукописи II тома переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 46, л. 143). Местонахождение подлинника, бывшего в Остафьевском архиве, в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 171—172).

519. П. А. Плетневу.

31 августа 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 35, № 80). Почтовые штемпеля: „Москва" и „Москва 1830 сент. 1".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1870, стб. 1367—1368, и затем Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 354.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 287).

520. Н. Н. Гончаровой.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 14; во французском оригинале (по подлиннику) — в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 46; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 46—47.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 340—341) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 234 — 235), в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 230).

521. А. Н. Гончарову.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (Московский Областной Архив).

Впервые опубликовано по подлиннику, принадлежавшему О. К. Гончаровой, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 503—504, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 185—186. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, 1901, стр. 7.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 341) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 235).

522. П. А. Плетневу.

9 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 35, № 81). Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 сен. 11“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, стб. 1368—1370, и затем Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 355.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 288—289).

523. П. А. Плетневу.

29 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 203—204, № 526). Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 окт. 1“. Вверху 1-й стр. помета Плетнева: „2. В 1830 из Болд.‹ина› во время холеры в Москве“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 356.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 167—168) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 237).

524. Кистеневские крестьяне — Пушкину.

Вторая половина сентября 1830 г. (?) Кистенево.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 43). Писано неизвестным почерком.

Впервые опубликовано В. С. Нечаевой в „Литературной Газете“ от 5 июня 1931, № 30 (129), с факсимиле; ею же в „Сборнике памяти П. Н. Сакулина“, М. 1931, стр. 156—161, и в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 608, с факсимиле на стр. 609.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

525. Н. Н. Гончаровой.

30 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 окт. 1“.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 14—15. Одна фраза из французского оригинала введена, по выписке П. В. Анненкова, Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 108. По подлиннику напечатано в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 49—50; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 48 и 49.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 341—342) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 238—239), в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 232—233).

526. Н. Н. Гончаровой.

11 октября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 окт. 16“.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 15—16. Одна фраза из французского оригинала введена, по выписке П. В. Анненкова, Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 109. По подлиннику напечатано в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 54—55; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 54 и 55.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 342—343) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 239—240); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 233—234).

527. В. К. Кюхельбекер — Пушкину.

20 октября 1830 г. Динабург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 137—139, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 49—51.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 180—182).

528. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 204, № 528). Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 окт. 30“. Вверху 1-й стр. помета Плетнева: „3. В 1830 из Болдина во время холеры в Москве“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 357.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 168) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 241—242).

529. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 204, № 527). Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 окт. 30“.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 16.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 343—344) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 240—241).

530. Неизвестный — Пушкину.

Вторая половина (после 16) октября 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 130).

Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в издании писем Пушкина, начатом под редакцией Б. Л. Модзалевского (т. III, 1935, стр. 482—483). Выписка из книг Гражданской палаты впервые напечатана им же в „Литературном Архиве“, I, 1937, стр. 65 (с письмом неизвестного). Об ошибке в выписке („Штиглиц“ вместо „Шиллинг“) см. там же, стр. 65—66, и в издании писем Пушкина, т. III, стр. 482.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

531. Н. Н. Гончаровой.

4 ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 ноя. 6 <?>“.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 16—17; во французском оригинале (по подлиннику) — в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 60—61; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 60 и 61.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 344—345) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 242—243); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 236).

532. А. А. Дельвигу.

4 ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 204, № 529).

Впервые опубликовано: с цензурным пропуском фразы: „и кого надлежит душить — Полевого или Булгарина" — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 283—284; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 год" А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 100—101 (перепечатано в брошюре „Материалы для биографии А. С. Пушкина", изд. Л. Каспровича, Лейпциг, 1875, стр. 102—103), и В. П. Гаевским в „Вестнике Европы", 1881, январь, стр. 14—15.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 144).

533. М. П. Погодину.

Начало ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, л. 319); к письму приложен был автограф стихотворения „Герой" (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 12, № 19).

Впервые опубликовано: в отрывке (от „Посылаю вам из моего Патмоса", кончая „и не моей рукою переписанную") — М. П. Погодиным в „Современнике", т. V, 1837, № 1, стр 143 (в примечании к стихотворению „Герой"); всё письмо, кроме последних фраз от „А главного-то и не сказал" и с заменой фамилии Полевого инициалом — в „Москвитянине", 1842, ч. V, № 10, стр. 460—461; частично перепечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 304—305; полностью — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 20.

В собрания сочинений Пушкина входит: по тексту „Москвитянина" — начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 307—308); полностью — с четвертого издания под его же редакцией (т. VII, 1903, стр. 372—373).

534. П. А. Вяземскому.

5 ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 69—70, № 38). Почтовые штемпеля: „Лукоянов" и „1830 ноя. 11".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 443—445.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 53—54).

535. П. А. Осиповой.

5 (?) ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 35, № 82). Почтовые штемпеля: „Лукоянов" и „1830 ноя. 11".

Впервые опубликовано: в русском переводе — М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ от 22 июня 1866, № 168; в подлиннике — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 135—137.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 220—222).

536. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Около (не позднее) 17 ноября 1830 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396). Почтовый штемпель: „С.-Петербург отделение 2 1830 ноя. 17“. В начале письма рукою Пушкина (?) карандашом помета: „NB“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 508.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 189—190).

537. Н. Н. Гончаровой.

18 ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже. Почтовый штемпель: „Арзамазъ 1830 ноя. 20“. На 3-й стр. внизу, у слова „m'apprendra“ помета рукою П. А. Вяземского: „La continuation de cette lettre ne se trouve pas dans le cahier“.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 17—18; во французском оригинале (по подлиннику) — в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 64—65; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 64 и 65.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 345—346) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 245); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1933, стр. 239).

538. Д. Языков — Пушкину.

22 ноября 1830 г. Нижний-Новгород.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 204—205, № 530). На письме, ниже его, с продолжением на обороте первого листа, написано письмо Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 1 (?) декабря 1830 г. из Платавы (см. № 545).

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым, в примечании к указанному письму Пушкина, в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 20, и вторично — В. Б. Бертенсоном в „Новом Времени“ от 16 мая 1899, № 8338.

Приведено в примечаниях к тому же письму Пушкина в собраниях его сочинений: третьем под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 348), первом под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 249) и следующих.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 192).

539. Н. Н. Гончаровой.

26 ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже.

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы", 1878, январь, стр. 18—20; во французском оригинале (по подлиннику) — в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой", Париж, 1935, стр. 68—69; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 68—69.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 346—347) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 248—249); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 239—240).

540. Неизвестный — Пушкину.

Вторая половина (до 27) ноября 1830 г. Лукоянов (?).

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 61, № 146). На этом же листке, нижняя половина которого, с окончанием письма, оторвана, — автограф стих. Пушкина „Для берегов отчизны дальной..." с датой: „27 нояб‹ря› 1830 Болд‹ино›".

Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в сборнике „Звенья", VI, 1936, стр. 790.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

541. А. Н. Верстовскому.

Вторая половина ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 3148/1 — см. „Летописи Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 333—334).

Впервые опубликовано, без нескольких последних слов, — по сообщению М. П. Погодина, в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 1376; полностью по подлиннику, хранившемуся в музее А. А. Бахрушина в Москве, — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 117—118.

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту „Русского Архива"), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 315—316).

542. М. П. Погодину.

Последние числа ноября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3517, лл. 346—347). Почтовый штемпель: „Лукоянов 1830 дек. 2".

Впервые опубликовано в „Москвитянине", 1842, ч. V, № 10, стр. 461—465. Перепечатано с пропусками П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 305—306.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 308—309).

543. Н. Н. Гончаровой.

Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Платава.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 204—205, № 530). Написано ниже и на обороте письма Д. Языкова к Пушкину от 22 ноября 1830 г. (см. выше, письмо № 538).

Впервые опубликовано: в русском переводе — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 20; во французском оригинале — В. Б. Бертенсоном в „Новом Времени“ от 16 мая 1899, № 8338 (по подлиннику, полученному им от дочери Пушкина, гр. Н. А. Меренберг).

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 347—348) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 249—250); в оригинале — с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 196—197).

544. Н. Н. Гончаровой.

2 декабря 1830 г. Платава.

Печатается по факсимильному воспроизведению (см. ниже). Подлинник у С. Лифаря в Париже.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 20—21. Две фразы из французского оригинала введены, по выписке П. В. Анненкова, Б. Л. Модзалевским в его издание писем Пушкина (т. II, 1928, стр. 120). По подлиннику напечатано в издании „Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой“, Париж, 1935, стр. 74—75; фототипическое воспроизведение — там же, между стр. 74 и 75.

В собрания сочинений Пушкина входит: в переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 348—349) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 250—251); в оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 242).

545. М. П. Розберг — Пушкину.

5 декабря 1830 г. Одесса.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 467—469, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 31—35.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 198—200).

546. П. А. Плетневу.

9 декабря 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 205, № 531). Почтовые штемпеля: „Москва 1830 декаб. 11“ и „Москва“. На 1-й странице пометы рукою Плетнева: „4“ и „В конце 1830“.

Впервые опубликовано: в отрывке (от „Скажу тебе“, кончая „пять повестей“) — П. А. Плетневым в „Современнике“, т. X, 1838, № 2, стр. 45, и перепечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 283; полностью — Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 358.

В собрания сочинений Пушкина входит: отрывок, опубликованный Плетневым — начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 289); всё письмо — с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 169) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 251—252).

547. Е. М. Хитрово.

9 декабря 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 205, № 532). На 4-й стр. помета Хитрово: „Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 11.

Вошло в издание писем Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 121—122).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 243—244).

548. Е. М. Хитрово.

11 декабря 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 205, № 533). На 4-й стр. помета Хитрово: „Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 12—13.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 122).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 244).

549. П. А. Вяземский — Пушкину.

19 декабря 1830 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 48, № 77).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 485.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 202).

550. Пушкин и С. Д. Киселев — Н. С. Алексееву.

26 декабря 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 205—206, № 534).

Впервые опубликовано: по копии из бумаг П. В. Анненкова — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 203—205; по подлиннику — Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина под его редакцией, т. II, 1928, стр. 123—124.

551. П. В. Нащокину.

Декабрь (после 5) 1830 г. Москва.

Печатается по копии рукою П. И. Бартенева (*ЛБ*, архив М. П. Погодина). Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 383.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 316).

552. П. А. Вяземскому.

Конец (не ранее 27—28) декабря 1830 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 65, № 35).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 449.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 56).

553. Н. А. Полевому.

1 января 1831 г. Москва.

Печатается по фотоснимку (*ПД*, ф. 244, оп. 11, № 25) и по факсимиле с подлинника, приложенному к журналу „Русский Вестник“, 1842, № 2, февраль, и представляющему собою первую публикацию. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Вторично напечатано гр. Г. А. Милорадовичем без указания на источник в „Новом Времени“ от 1 января 1898, № 7847, стр. 6.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 269).

554. Н. А. Полевой — Пушкину.

1 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 448, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 15.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 206—207).

555. П. А. Вяземский — Пушкину.

1 января 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 33—34, № 63).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 207.

556. П. Я. Чаадаеву.

2 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, Отдел редких книг), написанному на обороте предтитульного листа книги: „Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. 1831“.

Впервые опубликовано М. Н. Лонгиновым в некрологе П. Я. Чаадаева в „Современнике“, т. LVIII, 1856, № VII, июль, отд. V, стр. 8 (перепечатано в „Сочинениях М. Н. Лонгинова“, т. I, М. 1915, стр. 70).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. III, 1887, стр. 85, без указания адресата, при „Борисе Годунове“); в собрания писем Пушкина включено (ошибочно, как письмо С. Д. Полторацкому) в четвертом издании под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 385); отнесено к П. Я. Чаадаеву в изд. переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 208).

557. П. А. Вяземскому.

2 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/153, лл. 38—39, № 60).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 445—447.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 54—55).

558. М. П. Погодину.

3 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3518, стр. 2).

Впервые опубликовано (без даты, без последнего абзаца и адреса) в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 465; полнее — Н. П. Барсуковым в соч. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. III, 1890, стр. 245.

В собрания сочинений Пушкина входит, в редакции „Москвитянина“ и с неверною датою, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 309). Полностью и с более точной датировкой — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 216—217).

559. И. И. Дмитриев — Пушкину.

3 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, общее собрание автографов, буква „Д“).

Впервые опубликовано И. А. Бычковым в „Отчете Публичной Библиотеки за 1884 г.“, СПб. 1887, стр. 123. Перепечатано в „Сочинениях И. И. Дмитриева“ под ред. А. А. Флоридова, 1893, т. II, стр. 300—301.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 210).

560. П. А. Плетневу.

7 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 206, № 535). Пометы рукою Плетнева: „5.“ и „В начале 1831 из Москвы“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 359—360.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 169—171) и с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 254—256).

561. А. X. Бенкендорф — Пушкину.

9 января 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 122). Первоначальная редакция первого абзаца письма в отпуске читалась: „Его величество государь император, прочитав сочинение Ваше Борис Годунов, изволил отозваться, что чтение сего изящного пиитического творения, доставило ему великое удовольствие“. Окончательный текст вписан, вместо зачеркнутого первоначального, карандашом рукою Николая I, что отмечено еще М. И. Сухомлиновым (см. ниже)

Письмо упомянуто М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 706. Впервые опубликовано: по канцелярскому отпуску — М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, январь, стр. 75—76, и затем С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 118; по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 59.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 212).

562. П. А. Вяземскому.

10—13 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 71—72, № 39).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 447—448, без даты. В издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 203) ошибочно датировано второй половиною декабря 1830 г. Более точная дата установлена Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина, начатом под его редакцией (т. III, 1935, стр. 156—157).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 56).

563. П. А. Плетневу.

13 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 206, № 536). Почтовый штемпель: „Москва 1831 генв. 13“. Помета рукою Плетнева: „6“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 360—361.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 256) и с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 171).

564. П. А. Вяземский — Пушкину.

14 января 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 12, № 53).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 485.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 213—214).

565. Н. С. Алексеев — Пушкину.

14 января 1831 г. Бухарест.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 172—173, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 84—85.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 215—216).

566. П. А. Плетнев — Пушкину.

Ночь с 14 на 15 января 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 36—37). Пометы рукою Плетнева: „[18] 19“, „На это есть его ответ под № 7“, „В Москву“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 361—362.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 214—215).

567. П. А. Вяземский — Пушкину.

17 января 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 4, № 46). При письме послано было предисловие Вяземского к его переводу романа Бенжамена Констана „Адольф“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 217.

568. А. Х. Бенкендорфу.

18 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 206, № 537). Оттиск почтового штемпеля, бывшего на конверте: „Москва 1831 генв. 19“. Канцелярские пометы: „Января 29/1831.“, „№ 1036.“, „№ 430.“, „К сведению“.

Впервые опубликовано (без обращения и заключения) в статье М. М. Попова в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 706. Полностью напечатано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 387—388, и затем С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 119.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 387).

568а. Черновик письма 568.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 72—73, № 174).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 219.

569. П. А. Вяземскому.

19 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 74, № 40).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 449, без даты и ошибочно соединенное в одно целое с письмом от второй половины 1835—1836 гг. (см. том XVI настоящего издания). В таком же виде и с неточною датою вошло в последующие издания; отделено от позднейшего письма и напечатано правильно в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 219). Точная дата установлена Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина, начатом под его редакцией (т. III, 1935, стр. 8 и 171).

В собрания сочинений Пушкина входит, в неверной композиции Бартенева, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 57).

570. П. А. Плетневу.

21 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 207, № 538). Почтовые штемпеля: „Москва“ и „Москва 1831 генв. 21“. Помета рукою Плетнева: „7“ и позднейшие пометы продавца-антиквара.

Впервые опубликовано П. А. Плетневым, без адреса и с зашифровкою имен, в „Современнике“, т. IX, 1838, № 1, „Современные записки“, стр. 63, откуда перепечатано В. П. Гаевским в „Современнике“, т. XLVII, 1854, сентябрь, отд. III, стр. 58—59, и П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“

(Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 314. Полнее (но без адреса) напечатано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 362; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 220.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 289—290).

571. Е. М. Хитрово.

21 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 207, № 539).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 14—15.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое под ред. Б. Л. Модзалевского (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 9—10).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 251).

572. П. А. Плетневу.

31 января 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 207, № 540). Почтовый штемпель: „Москва 1831 генв. 31“. Помета рукою Плетнева: „8“.

Впервые опубликовано П. А. Плетневым в „Современнике“, т. X, 1838, № 2, стр. 45 (отрывки, от слов „Я знал его в Лицее — “, кончая „светлым чистым разумом и надеждами“, с пропуском середины и переделкою, вызванною пропуском). Так же, в виде отрывков, перепечатано В. П. Гаевским в „Современнике“, т. XLVII, 1854, сентябрь, отд. III, стр. 59, и П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 315. Полнее (с редакционными исключениями отдельных слов и без адреса) напечатано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, 1885, т. III, стр. 362—364. Полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, 1908, т. II, стр. 221—222.

В собрания сочинений Пушкина входит, в отрывках, по тексту „Современника“, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 290).

573. Е. М. Хитрово.

Около (не позднее) 9 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 207, № 541). Почтовый штемпель: „Москва 1831 февра. 9“; помета рукою Хитрово: „Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 16—17.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое под ред. Б. Л. Модзалевского (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 11).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 252—253).

574. Н. И. Кривцову.

10 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 35, № 83). К дате рукою Кривцова (?) приписано: „1831".

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым, по сообщению П. Н. Батюшкова, в „Русском Архиве", 1864, стб. 1076—1077 первого издания (973—974 второго).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 184—185).

575. Н. И. Хмельницкий — Пушкину.

11 февраля 1831 г. Смоленск.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 90). Написано писарскою рукою; рукою Хмельницкого — только подпись от слов „Ваш покорнейший".

Впервые опубликовано, по материалам П. Е. Щеголева, в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 579.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

576. И. И. Дмитриев — Пушкину.

Январь — первая половина февраля 1831 г. (?) Москва.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, общее собрание автографов, буква „Д"). На четвертой странице, верхом вниз по отношению к тексту письма, рукою Дмитриева начато: „Старик Дмитриев".

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 217.

577. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 16 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 208, № 542). Почт. штемпель: „Москва 1831 февр. 16". Помета рукою Плетнева: „9".

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Русском Архиве", 1869, стб. 2068—2069 (отрывок, от слов „Что же ты мне не отвечал", кончая „разбора его стихов etc.", с датою: „Из Москвы, 1831"). Полнее, но без адреса и с датою „В феврале 1831 г.", напечатано им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 364; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 223—224.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 290, по тексту „Русского Архива").

578. П. А. Плетнев — Пушкину.

22 февраля 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 38—39). Пометы рукою Плетнева: „[19] 20", „Это мой ответ на его письмо под № 9. После его свадьбы в Москву".

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 365—367.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 224—226).

579. Пушкин и Н. Н. Пушкина — А. Н. Гончарову.

24 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (Московский областной архив).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. II, стр. 504, и в его же сборнике „А. С. Пушкин“, выпуск I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 186. Вновь по подлиннику напечатано И. Д. Четыркиным в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, 1901, стр. 7—8.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 349—350) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 261—262).

580. П. А. Плетневу.

24 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 208, № 543). Почтовый штемпель: „Москва 1831 февра. 24“. Помета рукою Плетнева: „10“.

Впервые опубликовано П. А. Плетневым в „Современнике“, т. X, 1838, № 2, стр. 46 (отрывки, от слов „Я женат“, кончая „кажется я переродился“, с пропусками, и от слов „память Дельвига“, кончая „светлого существования“). Перепечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 315; полностью, но неточно, напечатано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 367—368.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 290, отрывки по тексту „Современника“).

581. В. С. Голицын — Пушкину.

25 февраля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 21).

Впервые опубликовано по материалам П. Е. Щеголева в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 568, с датой: 25 июня 1830 г.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

582. Е. А. Карамзина — Пушкину.

3 марта 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 35).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 137—138.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 228—229).

583. Н. И. Хмельницкому.

6 марта 1831 г. Москва.

Печатается по копии, снятой с подлинника В. П. Гаевским (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 34). Местонахождение подлинника неизвестно. Помета на подлиннике рукою Хмельницкого: „13 марта“.

Впервые опубликовано В. П. Гаевским, по сообщению Е. Н. Васильева, в „Отечественных Записках“, 1855, июнь, отд. III, стр. 68.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 340—341).

584. Е. М. Хитрово.

26 марта 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 208, № 545). Почтовый штемпель: „Москва 1831 март. 27“; помета рукою Хитрово: „Пушкин“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 18—19.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 15—16).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 256).

585. П. А. Плетневу.

26 марта 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 208, № 544). Помета рукою Плетнева: „11“.

Впервые опубликовано П. А. Плетневым в „Современнике“, т. X, 1838, № 2, стр. 47 (отрывок, от слов „Мысль благословенная“, кончая „чего лучше?“), откуда перепечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 316, с неверным обозначением Царским Селом; другой отрывок (от начала до слов „друзей своих пугаешь“) — напечатан Я. К. Гротом в „Русском Архиве“, 1869, стб. 2069; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 368—369, не вполне точно.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 290—291, отрывки по тексту „Русского Архива“).

586. С. Д. Киселеву.

Конец (около 28) марта 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7723).

Впервые опубликовано, по подлиннику, в газете „Русские Ведомости“ от 3 июня 1899, № 151, стр. 3.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 390, с неправильною датировкою январем 1831 г.).

587. Л. С. Пушкину.

6 апреля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 1254, лл. 58—59). Почтовый штемпель: „Москва 1831 апреля 8“; приписка неизвестною рукою к адресу: „в Изюм“.

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических записках“, т. I, 1858, № 4, стр. 112 (отдельный оттиск, стр. 64).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 124).

588. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

7 апреля 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано неизвестною рукою; рукою Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 60.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 233).

589. А. Н. Гончаров — Пушкину.

9 апреля 1831 г. Полотняный Завод.

Печатается по копии неизвестною рукою с подлинника, бывшего у П. И. Бартенева, в наборной рукописи издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 47, лл. 41—42). Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 234—235.

590. П. А. Плетневу.

11 апреля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 209, № 546). Почтовый штемпель: „Москва 1831 апр. 13“. Помета рукою Плетнева: „12“.

Впервые опубликовано (в отрывке, от начала до слов „Москва мне слишком надоела“) Я. К. Гротом в „Русском Архиве“, 1869, стб. 2069; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 369—370.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 291, отрывок по тексту „Русского Архива“).

591. В. С. Голицын — Пушкину.

12 апреля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 8393).

Впервые опубликовано В. С. Нечаевой в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 610; здесь же (стр. 611) опубликованы: стихотворение В. С. Голицына „Мера стихов“ и первая строфа русского подстрочного перевода французского

стихотворения того же автора, которые сохранились в бумагах Пушкина вместе с этим письмом, но относятся к позднейшему времени (не ранее конца февраля 1833 г.). Стихотворение же, посланное при настоящем письме, не сохранилось.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

592. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 14 апреля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 209, № 547). Почтовый штемпель: „Москва 1831 апрел. 14“; помета рукою Плетнева: „13“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 370—371.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 177—178) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 266—267).

593. А. Н. Гончарову.

25 апреля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 2772/1 — см. „Летописи Гос. Литературного Музея“, кн. I, „Пушкин“, 1936, стр. 412—413).

Впервые опубликовано А. В. Срединым в журнале „Старые Годы“, 1910, июль—сентябрь, стр. 104 (отд. оттиск, стр. 25), без даты, и перепечатано им же вторично в „Известиях Калужской ученой архивной комиссии“, вып. XXI, 1911, стр. 40—41, с ошибочною датою: „25 октября“ 1831 г.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. III, 1911, дополнения, стр. 469, с датою: „Апрель — первая половина мая 1831 г.“).

594. Е. М. Хитрово.

8 мая 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 209, № 548). Помета рукою Хитрово: „Poushkin“.

Впервые опубликовано, в переводе, в „Новой Вечерней Газете“ от 3 ноября 1925, № 194; во французском оригинале — в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 20.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 20).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 260).

595. П. А. Вяземский — Пушкину.

Сентябрь 1826 г. — первая половина мая 1831 г. (?) Москва (?).

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 17).

Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в сборнике „Звенья“, VI, 1936 стр. 739.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

596. М. Ф. Орлов — Пушкину.

Первая половина мая 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357).

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 126.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1903, стр. 237—238).

597. М. И. Калашников и О. М. Калашникова — Пушкину.

17 мая 1831 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 398/32). Писаны оба письма рукою писаря; рукою М. И. Калашникова — подпись и приписка.

Впервые опубликовано П. С. Поповым в „Летописях Гос. Литературного Музея“, кн. I, „Пушкин“, 1936, стр. 95—96.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

598. П. В. Нащокину.

Вторая половина (около 20) мая 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, кор. 3, д. № 134, лл. 13—14, № 8).

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, часть VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 462, в виде одной отрывочной фразы (от „До сих пор“, кончая „Перешли поскорее“). Так же, в отрывке, приведено П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 316. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 384.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 316—317).

599. Е. М. Хитрово.

Вторая половина (18—25) мая 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 209, № 549).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е.М.Хитрово“, 1927, стр.21.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 20—21).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 260).

600. П. В. Нащокин — Пушкину.

Около (не позднее) 25 мая 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 47). Возможно, что письмо сохранилось не полностью: на оторванном полулисте была, вероятно, какая-то приписка, так как вверху 2-й страницы остался отпечаток одного слова.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 239—240.

601. Пушкин и Н. Н. Пушкина — Е. М. Хитрово.

25 (?) мая 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 209—210, № 550).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 22, с воспроизведением там же, между стр. 22 и 23.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 21).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 261).

602. П. В. Нащокину.

1 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, лл. 19—20, № 11). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 1 июн. 1831“ и „Получен июн. 6“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, часть VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 463 (отрывки, от слов „Теперь, кажется, всё уладил“, кончая „без сплетен“, с пропуском слов „без тещи“; от „Прощай, пиши“, кончая „беру себе другого“; дата и приписка о разборе Вельтмана). Частично, но с некоторыми дополнениями, перепечатано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 316—317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый век“, кн. I, 1872, стр. 384—385.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 317—318).

603. П. А. Вяземскому.

1 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 16—17, № 9). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 2 июн. 1831“ и „Получено июн. 6“.

Впервые опубликовано П. Н. Шеффером в сборнике „Старина и Новизна“, кн. XII, 1907, стр. 322—324.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки его под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 241—243).

604. М. П. Погодин — Пушкину.

3 июня 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 469—470, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 36—37.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 244—246).

605. М. Я. Фон-Фок — Пушкину.

8 июня 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). К письму приложена была записка Пушкина об издании газеты, в неизвестной редакции.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1881, кн. I, стр. 439, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 160—161.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 246—247).

606. Е. М. Хитрово.

9 (?) июня 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 210, № 551).

Небольшая выдержка из письма приведена Н. К. Козминым в сборнике „Язык и Литература", т. I, 1926, стр. 352; полностью впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово", 1927, стр. 23.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 21—22).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 261).

607. П. В. Нащокину.

9 (?) июня 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, л. 28, № 16).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 384.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 317).

608. П. В. Нащокин — Пушкину.

9 июня 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379). Приложенный к письму контракт не сохранился.

Впервые опубликовано в отрывках (несколько фраз) П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 402; полностью — им же в „Русском Архиве", 1904, кн. III, стр. 434—435.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 247—249).

609. П. В. Нащокину.

11 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, лл. 21—22, № 12). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 12 июн. 1831" и „Получено июн. 16".

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, часть VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 463 (несколько отрывков, от слов „Мы здесь живем тихо и весело“ почти до конца письма, с датою). Частично приведено П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 385—386.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 319).

610. П. А. Вяземскому.

11 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 18—19, № 10). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село <...> июн. 1831“ и „Получено июн. 16“.

Впервые опубликовано П. Н. Шеффером в сборнике „Старина и Новизна“, кн. XII, 1907, стр. 324—325.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 251—252).

611. П. А. Вяземский — Пушкину.

11 июня 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 15—16, № 56).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 252.

612. Е. М. Хитрово.

Середина июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 210, № 552).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 24.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 26).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 265).

613. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

17 июня 1831 г. Москва.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве,“ 1881, кн. I, стр. 429—430, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 150—151.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 255).

614. П. А. Вяземский — Пушкину.

17 июня 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 3, № 45).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1879, кн. II, стр. 485—486.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 254).

615. Е. М. Хитрово.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 210, № 553). Приписка к адресу неизвестною рукою: „В С.-Петербург". Почтовый штемпель: „София или Царское Село 20 июн. 1831".

Впервые опубликовано в издании: „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово", 1927, стр. 25.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 26).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 265).

616. П. В. Нащокину.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, лл. 17—18, № 10). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 20 июн. 1831" и „Получено июня 26".

Впервые опубликовано в „Москвитянине", 1851, часть VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 463, в виде отрывка от начала письма до слов „здесь холера, т. е. в П. Б.", и далее: „Жду дороговизны", кончая „во мне тревожится". Последняя фраза приведена П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 386—387.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 319—320).

617. П. В. Нащокин — Пушкину.

20 июня 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379).

Впервые опубликовано: небольшой отрывок — П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 402; полностью — им же в „Русском Архиве", 1904, кн. III, стр. 435—437.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 255—257).

618. Болдинские крестьяне — Пушкину.

24 июня 1831 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 398/18).

Писано рукою писаря; подписи — одной, более малограмотной, чем текст письма, рукою, вероятно, одного из крестьян.

Впервые пересказано П. С. Поповым в его статье „Новый архив Пушкина“ в сборнике „Звенья“, III—IV, 1934, стр. 137. Полностью опубликовано им же в „Летописях Гос. Литературного Музея“, кн. I, „Пушкин“, 1936, стр. 100—101; факсимиле всего письма там же, между стр. 112—113, на 2 листах.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

619. П. В. Нащокину.

26 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, лл. 23—24, № 13). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 27 июн. 1831“ и „Получено июля 4“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, часть VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 463, в виде нескольких отрывков, от слов „Я уже писал тебе“, кончая „деньги всё-таки уходят“, с пропуском сообщений о холерных волнениях и о денежных делах. Частично приведено П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 389—490 (после письма от 29 июля 1831 г.).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1832, стр. 320—321).

620. Н. И. Гончаровой.

26 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по факсимильному воспроизведению в издании: „М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание 1837—1937“, Париж, 1935, между стр. 76 и 77. Подлинник находится у С. Лифаря в Париже.

Впервые опубликовано, в русском переводе, И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 21—22. Некоторые фразы из французского оригинала введены, по выписке П. В. Анненкова, в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. II, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 28—29). Напечатано по подлиннику во французском оригинале в указанном выше издании М. Л. Гофмана и С. Лифаря (стр. 77).

В собрания сочинений Пушкина входит: в русском переводе — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 350—351) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 271—272); во французском оригинале — с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 267—263).

621. Е. Ф. Розен — Пушкину.

27 июня 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Стихотворение написано на отдельном листе.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 97—99.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 260—262).

622. П. А. Осиповой.

29 июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, стр. 210, № 554). Почтовый штемпель: „София или Царское Село <. . .>“.

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“ от 22 июня 1866, № 168, в русском переводе; во французском оригинале напечатано им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 138—139, и перепечатано П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVIII, 1880, май, стр. 71—72.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 222—223).

623. М. П. Погодину.

Конец (27—30) июня 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3518, стр. 185—186). Помета Погодина: „Получено 1831. Июля 4“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 465—466, почти полностью, но без предпоследнего абзаца, с выпусками нескольких мест, касающихся Московского университета, и с зашифровкою фамилии Веневитинова. Пропуски восстановлены Н. Н. Буличем в „Вестнике Европы“, 1887, май, стр. 406 (причем конец этого письма присоединен ошибочно к следующему письму, от конца июля — см. № 649), и Н. П. Барсуковым в соч. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. III, 1890, стр. 308.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 309—310, по тексту „Москвитянина“, но с неверным раскрытием пропусков и зашифрованных слов: „Вяземский“ вместо „Веневитинов“, „Блудов“ вм. „Б.<енкендорф>“, „Полевой“ вм. „Московский университет“); полностью, но с сохранением некоторых ошибок и неверной композиции „Вестника Европы“, напечатано в четвертом издании под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 414—415; конец на стр. 416). Правильно напечатано, с отнесением конца на место, в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 263—264).

624. П. А. Плетневу.

3 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 211, № 556). Почтовый штемпель: „София или Царское

Село. 3 июл. 1831". Пометы Плетнева: „14.", „Первый год после свадьбы. Из Царск. Села".

Впервые опубликовано Я. К. Гротом (не вполне точно и без адреса) в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 372.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 178) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 274).

625. П. А. Вяземскому.

3 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 12—13, № 7). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село. 3 июл. 1831" и „Получено июля 11".

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 19.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 418—419).

626. П. Я. Чаадаеву.

6 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7020). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село. 7 июл. 1831" и „Получено июля 12".

Впервые опубликовано князем И. С. Гагариным (P. J. Gagarin, S. J.) в статье „Tendances catholiques dans la société russe" — в журн. „Le Correspondant". Nouvelle série, t. XIV (Le de la collection), 25 juin 1860, 2e livraison. Paris, pp. 287—288 (с ошибочной датировкой 1830-м годом). Затем перепечатано им же в книге „Œuvres choisies de Pierre Tchaadaief, publiées pour la première fois par le P. Gagarin, de la compagnie de Jésus". Paris—Leipzig, 1862, pp. 166—168, а также А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в „Полярной Звезде" на 1851 г., кн. VI, Лондон, 1861, стр. 102—104 (в переводе); в России напечатано впервые, в оригинале, в „Библиографических Записках", т. III, 1861, № 1, стб. 9—10, также с датою „1830".

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 341—342).

627. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

7 июля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Оттиск почтового штемпеля: „Москва <...>"

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1881, кн. I, стр. 430—431, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 151—152.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 269—270).

628. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 11 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 211, № 555). Почтовый штемпель: „София или Царское Село. 11 июл. 1831“. Пометы Плетнева: „16.“, „Из Царского Села“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 373—374, без адреса. Воспроизведение первой страницы письма — в книге С. Я. Гессена „Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина“, Лгр. 1930, стр. 108—109.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 179—180) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 276—277).

629. П. А. Вяземский и А. И. Тургенев — Пушкину.

14 и 15 июля 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 5—6, № 47).

Впервые в отрывке опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 486—487; полностью — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 270—272.

630. П. В. Нащокин — Пушкину.

15 июля 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379).

Впервые опубликовано: два небольших отрывка — П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 402—403; полностью — им же в „Русском Архиве“, 1904, кн. III, стр. 437—438.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 273—274).

631. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 16 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 211, № 557). Почтовый штемпель: „София или Царское Село. 16 июл. 1831“. Пометы Плетнева: „15.“, „Из Царского Села“, „Это его ответ на мое письмо под № 20.“

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 372.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 178—179) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 275—276).

632. М. Л. Яковлев — Пушкину.

16 июля 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 94).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 139.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 275—276).

633. М. Л. Яковлеву.

19 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 211—212, № 558). Почтовый штемпель: „София или Царское Село. 20 июл. 1831“.

Впервые опубликовано В. П. Гаевским в „Библиографических Записках“, т. III, 1861, № 10, стр. 287—288.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А Ефремова (т. VII, 1882, стр. 344—345).

634. П. А. Плетнев — Пушкину.

19 июля 1831 г. Спасская Мыза.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 40—41). Пометы Плетнева „[20] 21“ „Есть его ответ под № 17. Во время холеры. В [Москву] Царское Село“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 374—376.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 282—283).

635. П. А. Осипова — Пушкину.

19 июля 1831 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 54).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 140—141.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 284—285).

636. П. В. Нащокину.

21 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134 лл. 25—26, № 14. Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 23 июл. 1831“ и „Получено июл. 28“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 463—464, в большей своей части, но со значительными пропусками — опущены

упоминания о Чаадаеве, о холерных волнениях, об отношениях с Николаем I, о Л. С. Пушкине, слово „публика“, также весь постскриптум. Частично и в пересказе приведено П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 211 и 317. Почти полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 387—388.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 322—323, по тексту „Девятнадцатого Века“); полностью — с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 285—286).

637. П. А. Плетневу.

22 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 212, № 559). Почтовый штемпель: „София или Царское Село. 23 июл. 1831“. Помета Плетнева: „17. Из Царского Села“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Русском Архиве“, 1869, стб. 2069 (отрывок, с начала до слов „умрем и мы“); полностью, но без адреса, напечатано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 376—377.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 291, отрывок, по тексту „Русского Архива“); полностью — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 180—181) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 233—284).

638. М. Л. Яковлев — Пушкину.

23 июля 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 94).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 142.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 288).

639. Л. С. Пушкин — Пушкину.

24 июля 1831 г. Действующая армия в Польше.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 62). Место отправления письма точно не известно.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в заметке „Из семейного архива Раевских“ („Пушкин и его современники“, вып. II, 1904, стр. 19—20).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 288—289).

640. П. А. Плетнев — Пушкину.

25 июля 1831 г. Спасская Мыза.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 58).

Впервые опубликовано: Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1903, стр. 289

641. П. А. Вяземский — Пушкину.

27 июля 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 10, № 51).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 289—290.

642. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

28 июля 1831 г. Тверь.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396); приложенные к письму копии с документов — см. в „Приложениях" к настоящему тому, стр. 257—261.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1880, кн. III, стр. 465, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин", вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина", 1881, стр. 32.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 290—291).

643. П. В. Нащокину.

29 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, л. 29, № 17). Почтовый штемпель: „Получено авг‹уста. . .›"

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 388—389.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 323—324).

644. Пушкин и Н. Н. Пушкина — П. А. Осиповой.

29 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 35—36, № 84). Почтовый штемпель: „София или Царское Село 1 авг. 1831".

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях" от 29 июня 1866, № 175, в переводе; во французском оригинале (без приписки Н. Н. Пушкиной) напечатано им же в „Русском Архиве", 1867, стб. 140—142, и перепечатано П. А. Ефремовым в „Русской Старине", т. XXVIII, 1880, май, стр. 73.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 225—226).

645. Ф. Ф. Вигель — Пушкину.

Июнь — июль 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 12).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина", 1903, стр. 146—149.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 264—266).

646. Н. М. Коншину.

Июнь — июль 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 36, № 85). Помета Коншина: „Письмо Александра Сергеевича Пушкина в Царском Селе 1831-го“.

Впервые опубликовано А. Ф. Бычковым в „Русской Старине“, т. XXVIII, 1880, август, стр. 806.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 343).

647. Н. М. Коншину.

Конец июня — июль 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, фонд 212, № 323).

Впервые опубликовано Н. Ф. Бельчиковым в „Красном Архиве“, 1928, т. IV (29), стр. 218, с предположительным, но ошибочным адресованием Д. И. Языкову.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 31).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 269).

648. В. А. Жуковский — Пушкину.

Вторая половина июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, бумаги В. А. Жуковского, отдел „6“, № 4, переплетенный том „Письма к В. А. Жуковскому“, лл. 107—108; см. „Отчет Публичной Библиотеки за 1834 г.“, СПб. 1887, стр. 40).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым, по сообщению Н. А. Елагина, в „Русском Архиве“, 1874, кн. II, стб. 453.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 280—281).

649. М. П. Погодину.

Конец июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3518, л. 249). Помета рукою Погодина: „Получ. авг. 3“.

Впервые опубликовано Н. Н. Буличем, по копии Н. С. Тихонравова, в „Вестнике Европы“, 1887, май, стр. 406, с ошибочным присоединением к нему окончания другого письма, от конца (27—30) июня 1831 г. — см. выше, № 623. Затем, по подлиннику, напечатано Н. П. Барсуковым в соч. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. III, СПб. 1890, стр. 286.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 415—416), по тексту „Вестника Европы“. Правильно напечатано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 293).

650. П. В. Нащокину.

3 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по копии неизвестною рукою (*ЛБ*, архив М. П. Погодина). Местонахождение подлинника теперь неизвестно.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 465, в виде небольшого отрывка, от слов „Что ж не присылаешь ты Есауловского романа“ (вместо „романса“), кончая „Всё здесь обстоит благополучно“, и даты. Тот же отрывок и, кроме того, весь „P. S.“ приведены П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 316 и 372. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 390.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 324).

651. П. А. Вяземскому.

3 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 20—21, № 11). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 4 авг. 1831“ и „Получено авгу. 9“.

Впервые опубликовано П. Н. Шеффером в сборнике „Старина и Новизна“, кн. XII, 1907, стр. 325—326.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 296—297).

652. П. А. Плетневу.

3 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 212, № 561). Почтовый штемпель: „София или Царское Село 4 авг. 1831“. Помета рукою Плетнева: „18. Из Царского Села“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 377—378.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 181) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 286—287).

653. М. П. Погодин — Пушкину.

10 августа 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 470—471, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 37—38.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 299—300).

654. П. А. Вяземскому.

14 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 22—23, № 12). Почтовые штемпеля: „София или Царское Село 17 авг. 1831“ и „Получено авгус. 22“.

Впервые опубликовано П. Н. Шеффером в сборнике „Старина и Новизна“, кн. XII, 1907, стр. 327—328.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 300—302).

655. П. И. Миллеру.

Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в воспоминаниях П. И. Миллера в „Русском Архиве“, 1902, кн. III, стр. 234.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 433, с датою „6 августа“).

656. В. А. Жуковский — Пушкину.

Первая половина августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, стр. 119.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 299).

657. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 15 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 212, № 562).

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 378—379.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 182) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 288—289).

658. Н. В. Гоголь — Пушкину.

16 августа 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 509; включено в „Письма Н. В. Гоголя“ под ред. В. И. Шенрока, т. I, СПб. 1901, стр. 183—184.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 303).

659. В. П. Горчаков и П. В. Нащокин — Пушкину.

18 августа 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 49). Почтовый штемпель: „Москва авгу. 18“.

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 149—150.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 304), где начало письма, писанное В. П. Горчаковым, дано в качестве приписки, в конце.

660. Н. В. Гоголь — Пушкину.

21 августа 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 509—511; включено в „Письма Н. В. Гоголя“ под ред. В. И. Шенрока, т. I, СПб. 1901, стр. 184—187.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 305—307).

661. П. А. Осипова — Пушкину и Н. Н. Пушкиной.

21 августа 1831 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 54).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 143—145.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 307—309).

662. П. А. Вяземский — Пушкину.

24 августа 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 55—56, № 80).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 310—312.

663. Н. В. Гоголю.

25 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 213, № 563).

Впервые опубликовано, по сообщению П. А. Кулиша, в „Библиографических Записках“, т. I, 1858, № 3, стр. 75. Воспроизведено в журнале „Родник“, 1902, кн. 3, март, стр. 247—248.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 351—352).

664. В. А. Жуковский — Пушкину.

24—27 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 13, № 23).

Впервые опубликовано Н. О. Лернером в издании „Пушкин и его современники", вып. II, 1904, стр. 82, с предположительной атрибуцией Жуковскому.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 244).

665. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

29 августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 61.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 312—313).

666. Н. М. Коншин — Пушкину.

Август 1831 г. Старая Русса.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357).

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 105.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 294—295).

667. П. А. Вяземскому.

Конец августа 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, л. 11, № 6). Возможно, что это — не отдельное письмо, а приписка к другому, от 3 сентября (чему, однако, противоречат размеры сгибов листов), или не сохранившемуся.

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 18.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 433, с датою: „после 20 августа").

668. О. М. Сомов — Пушкину.

31 августа 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 81).

Впервые опубликовано, по материалам П. Е. Щеголева, в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 583—589; воспроизведено там же, стр. 591.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

669. П. А. и В. Ф. Вяземские — Пушкину.

31 августа 1831 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, лл. 35—36, № 69).

Впервые опубликовано: письмо одного П. А. Вяземского, в отрывке, — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 437; полностью — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 313—314.

670. П. В. Нащокин — Пушкину.

2 сентября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379).

Впервые опубликовано: в отрывках — П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 403; полностью — им же в „Русском Архиве“, 1904, кн. III, стр. 439.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 315—316).

671. П. В. Нащокину.

3 сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 134, л. 27, № 15).

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 414, частично, от слов „Дома у меня произошла перемена управления“ (вместо: „министерства“), кончая „избавил я его“, и от „мои дела идут“, кончая „перешлю тебе“. Те же отрывки, с некоторыми дополнениями второго, приведены П В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 317. Полностью напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 390—391.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 324—325).

672. П. А. Вяземскому.

3 сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, д. № 131/152, лл. 14—15, № 8).

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна“, кн. V, 1902, стр. 20—21.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, стр. 437—439).

673. П. И. Миллеру.

Около (не ранее) 4 сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в воспоминаниях П. И. Миллера в „Русском Архиве“, 1902, кн. III, стр 234.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 440).

674. П. А. Плетнев — Пушкину.

5 сентября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 74, № 178). Пометы Плетнева: „22“ (переделано из „21“), „В Царское Село“, „Во время холеры“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 379—380.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 319—320).

675. П. А. Осиповой.

11 сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 36, № 86). Почтовый штемпель: „<...> Царск<...> 16 сен<...>“

Впервые опубликовано И. А. Бычковым в „Отчете Публичной Библиотеки за 1897 год“, СПб. 1900, стр. 92—93.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 439—440).

676. П. А. Вяземский — Пушкину.

11 сентября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 11, № 52).

Впервые неполно опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 487. Отрывок — в газете „Берег“ от 17 июля 1880, № 114 (перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 53). Полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 321—322).

677. А. О. Россет.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по тексту, опубликованному М. А. Цявловским в „Голосе Минувшего“, 1917, № 11—12, ноябрь—декабрь, стр. 160, по копии с подлинника, сделанной Я. П. Полонским. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1871, кн. II, стб. 1882, в другой редакции, приведенной А. О. Смирновой, вероятно, по памяти, и потому отличающейся от опубликованной М. А. Цявловским.

В собрания сочинений Пушкина входит (в редакции „Русского Архива“), начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 291, с датою: „в августе“). Текст в редакции „Голоса Минувшего“ вошел в издание писем Пуш-

кина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 48), и в юбилейное издание сочинений Пушкина Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 284).

678. Е. М. Хитрово — Пушкину.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 106, № 270).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 324.

679. Е. М. Хитрово.

Середина (после 10) сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 213, № 564).

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 26—28.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 48—49).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 284—285).

680. П. И. Миллеру.

Первая половина сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в воспоминаниях П. И. Миллера в „Русском Архиве“, 1902, кн. III, стр. 234.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 441).

681. П. Я. Чаадаев — Пушкину.

18 сентября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Почтовый штемпель: „Москва сен. 28“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 431—438, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 152—159.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 324—328).

682. М. Д. Деларю.

28 сентября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ГИМ*, 6. Чертковская библиотека, собрание автографов, № 483/63, из бумаг М. Д. Деларю). Почтовый штемпель: „София или Царское Село 29 сен. 1831“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 329.

683. П. А. Осипова — Пушкину.

29 сентября 1831 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 54).

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 151—152.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 329—330).

684. П. В. Нащокин — Пушкину.

30 сентября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379).

Впервые опубликовано: два отрывка — П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 403; полностью — им же в „Русском Архиве“, 1904, кн. III, стр. 440—441.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 330—331).

685. Е. М. Хитрово.

Конец сентября — начало октября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 213, № 565).

Впервые опубликовано в изд. „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 29.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 51).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 286).

686. А. А. Шишков — Пушкину.

6 октября 1831 г. Останкино.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396) К письму была приложена книга „Избранный немецкий театр. Перевод А. Шишкова 2“, М. 1831, т. I—II (см. „Пушкин и его современники“, вып. IX—X, 1910, стр. 115, № 427).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III., стр. 447, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 14.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 332).

687. П. В. Нащокину.

7 октября 1831 г. Царское Село.

Печатается по копии неизвестною рукою (*ЛБ*, архив М. П. Погодина). Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 391—392.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 326).

688. С. С. Уваров — Пушкину.

8 октября 1831 г. Москва.

Письмо печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357), стихотворение — по тексту публикации П. Е. Щеголева (один стих, явно пропущенный по недосмотру — „Des rives du Niémen...", — по собственноручной копии Уварова в сборнике „Opuscules", хранящемся в *ГИМ*, фонд С. С. Уварова, № 41/182, л. 113; другие разночтения копии не учтены, так как являются, вероятно, позднейшими поправками). Местонахождение рукописи, по которой печатал текст Щеголев, теперь неизвестно.

Письмо впервые опубликовано: по черновику (без стихов) — А. И. Кирпичниковым в „Русской Старине", т. XCVIII, 1899, май, стр. 266; по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 100. Напечатанное Брюсовым стихотворение (стр. 100—102), хранившееся в *ЛБ* вместе с письмом Уварова, является переводом „Клеветникам России", сделанным бар. П. А. Вревским и датированным 16 августа 1832 г., а не 1831 г., как напечатано у Брюсова и в издании переписки под ред. В. И. Саитова. „Подражание" Уварова впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в его книге „Из жизни и творчества Пушкина", 1931, стр. 353—356, по списку, посланному Уваровым Бенкендорфу при письме от 8 октября 1831 г. (письмо Бенкендорфу напечатано Щеголевым в русском переводе; французский оригинал см. в „Письмах Пушкина", т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 429—430).

Письмо Уварова вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, (т. II, 1903, стр. 333), с приложением перевода бар. П. А. Вревского; с приложением перевода Уварова вводится в собрание переписки Пушкина впервые.

689. П. А. Вяземскому.

Середина (около 15) октября 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 213, № 566).

Впервые опубликовано А. А. Фоминым в „Русском Библиофиле", 1911, № 5, „А. С. Пушкин", стр. 19, с датою „Сентябрь" и с ошибочным чтением „Гелекон" вместо „Телескоп". Перепечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину", М. 1925, стр. 16.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 602, с исправлением чтения „Русского Библиофила" и с датою: „15—19 октября").

690. А. Х. Бенкендорфу.

Середина октября 1831 г. Царское Село или Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 213, № 567). Помета рукою А. Н. Мордвинова: „Что ему писано на счет трагедии а на счет прочих хотя госуд.‹арь› и уверен но прошу присылать ко мне". Приложенное к письму Пушкина письмо М. П. Погодина к Бенкендорфу неизвестно.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании собрания сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 442, с датою: „СПб. 19 октября"); затем напечатано С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 123, с неверной датой „23 июля 1831 г.", отсутствующей в подлиннике.

691. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

19 октября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Писано рукою писаря; рукою Бенкендорфа — только подпись; канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 128).

Впервые опубликовано: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 63; по канцелярскому отпуску — С. С. Сухониным в его книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 124.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 336—337).

692. М. И. Калашников — Пушкину.

19 октября 1831 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 398/33); первая часть письма писана писарскою рукою; рукою Калашникова — только подпись; вторая часть письма писана вся рукою Калашникова.

Впервые извлечение из второй части письма опубликовано П. С. Поповым в сборнике „Звенья", III—IV, 1934, стр. 133—134. Полностью напечатано им же в „Летописях Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 102.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

693. С. С. Уварову.

21 октября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПБЛ*, см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 36, № 87).

Впервые опубликовано в „Отчете Публичной Библиотеки за 1881 год", СПб. 1883, стр. 78—79. Воспроизведено в книге П. Н. Полевого „История русской словесности", т. III, 1900, стр. 149.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 291—292, без заключения и подписи).

694. П. В. Нащокину.

22 октября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 3, л. № 134, лл. 15—16, № 9). Почтовые штемпеля: „С.-Петербург 24 окт. 1831“ и „Получено 28 ‹октября› 18‹31›“.

Впервые опубликовано в отрывках, очень неточно и с датою „1831, 24 месяц неизв.)“ в „Москвитянине“, 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 462; несколько полнее — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 321—322. Полностью (с пропуском слова: „свинья“) напечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 392.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 326—327).

695. Д. И. Хвостов — Пушкину.

24 октября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 88). Писано под диктовку; рукой Хвостова — только подпись. Стихотворение Хвостова, посланное при письме и напечатанное впоследствии (в „Стихотворениях гр. Д. И. Хвостова“, ч. VII, 1834) под заглавием „А. С. Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России“, не сохранилось в подлиннике.

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 153.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 339—340).

696. И. В. Киреевский — Пушкину.

Около (не позднее) 25 октября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 37). Почтовые штемпеля: „Москва 25 окт. 1831“, „София или Царское Село 2 ноя. 1831“ и „Получено 1831 ноябр. 3“.

Впервые опубликовано Ю. П. Бартеневым, по сообщению Л. Н. Майкова, в „Русском Архиве“, 1896, кн. II, стр. 574—575.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 341—342).

697. А. И. Тургенев — Пушкину.

29 октября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Приложенное к письму второе стихотворение Н. Д. Иванчина Писарева („ответ Дмитриеву на стихи Хвостова“) неизвестно.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 103—104.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 340—341).

698 и 698а. Д. Н. Блудову (?).

Вторая половина октября 1831 г. (?). Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2387 В, л. 28 об).

Впервые опубликовано С. М. Бонди в его книге „Новые страницы Пушкина“, М. 1931, стр. 145, с предположительным адресованием А. Х. Бенкендорфу и датировкою летом 1831 г. Вновь и точнее напечатано Л. Б. Модзалевским в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 1131.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 700), как письмо к неизвестному.

699. П. И. Миллеру.

После 24 октября — начало ноября (?) 1831 г. Петербург (?).

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в воспоминаниях П. И. Миллера в „Русском Архиве“, 1902, кн. III, стр. 235.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 441).

700. Е. Ф. Розену.

Октябрь — первая половина ноября 1831 г. Царское Село или Петербург.

Печатается по тексту второй публикации М. А. Цявловского (см. ниже). Подлинник, бывший в альбоме Е. А. Драшусовой, в настоящее время у С. Лифаря в Париже.

Впервые упомянуто в воспоминаниях О. М. Бодянского в „Русской Старине“, т. LX, 1888, ноябрь, стр. 412. Опубликовано (по копии П. И. Бартенева) М. А. Цявловским в журнале „Культура театра“, 1921, № 5, стр. 30—31, и вторично им же, по тексту, сверенному с подлинником Н. П. Сидоровым, в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 16, с датою „Июль — первая половина ноября 1831 г.“.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 52).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 289).

701. П. А. Вяземский — Пушкину.

15 ноября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 4, д. № 147, л. 7, № 48).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 342—343.

702. Н. М. Языкову.

18 ноября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 214, № 569). Помета рукою Языкова: „С. П. б. 18 ноября 1831“.

Впервые опубликовано Д. Н. Садовниковым в „Историческом Вестнике“, т. XVI, 1884, май, стр. 326—327.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 251—252) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 293).

703. Ф. Н. Глинке.

21 ноября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ГАФКЭ*, ф. 584, из собрания 6. Общества любителей древней письменности). Помета Глинки: „Письмо Пушкина“.

Впервые опубликовано в „Литературном Вестнике“, т. VII, 1904, кн. I, стр. 3, без даты.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания его переписки под ред. В. И. Сантова, т. II, 1908, стр. 344, где напечатано полностью.

704. А. Х. Бенкендорфу.

24 ноября 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 214, № 570). Помета рукою Николая I: „Vous pouvez dire de ma part à Пушкин, que je suis parfaitement de l'avis de feu son ami Delvig; des injures aussi basses, aussi viles que celles dont on l'a régalé, déshonorent celui qui les prononce, et non celui à qui on les adresse; la seule arme contre est le *mépris*; voilà ce qu'à sa place j'aurais fait. Quant à ces vers, j'y trouve de l'esprit, mais encore plus de fièl qu'autre chose. Il eut mieux fait pour l'honneur de sa plume, et surtout de *sa raison*, de ne pas les faire courir“. К письму приложен был автограф стихотворения „Моя родословная“ (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 58—59, № 139).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании собрания сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 445—447. Воспроизведено полностью, фототипически, в издании „Пушкинская выставка 1924 года в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук. 20 воспроизведений с портретов и рукописей“, Лгр. 1924, № 12.

705. М. В. Безобразова — Пушкину.

25 ноября 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 8393).

Впервые опубликовано В. С. Нечаевой в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 612.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

706. Ф. Н. Глинка — Пушкину.

28 ноября 1831 г. Тверь.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 466, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 33.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 347—348).

707. Е. М. Хитрово.

Вторая половина октября — ноябрь 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 214, № 568). На 4-й странице помета рукою Хитрово: „Pousk<in>“.

Впервые опубликовано в издании „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“, 1927, стр. 30.

Вошло в издание писем Пушкина, начатое Б. Л. Модзалевским (т. III, под ред. Л. Б. Модзалевского, 1935, стр. 54).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с юбилейного издания Academia-Гослитиздат (т. VI, 1938, стр. 291).

708. Неизвестному.

После 5 декабря 1830 г. — ноябрь 1831 г.(?) Москва, или Царское Село, или Петербург.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 212, № 560).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 314.

709. Н. Н. Пушкиной.

6 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику, разрезанному надвое: одна часть (начало, до слов „Завтра буду тебе писать“ включительно) — *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 214, № 571), вторая часть (окончание, от слов „Сегодня мочи нет устал“, с адресом) — *ЛБ*, № 7021. Почтовый штемпель: „Москва 7 дека<бря>“.

Впервые опубликовано: окончание (теперь *ЛБ*) — И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 22; начало (теперь *ПД*) — Н. О. Лернером в „Русском Библиофиле“, 1913, № 2, февраль, стр. 18, с воспроизведением. Полностью перепечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 17.

В собрания сочинений Пушкина входит: по публикации „Вестника Европы“ — начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 351) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 293); полностью — начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 603).

710. Н. Н. Пушкиной.

8 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7021). Почтовый штемпель: „Москва 9 дека<бря>“.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 23—24.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 351—353) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 294—295).

711. Н. Н. Пушкиной.

10 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7021). Почтовые штемпеля: „Москва 11 дека‹бря›“ и „Получ‹ено› дека‹бря›“.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 24.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 353) и первого издания под ред. П. О Морозова (т. VII, 1887, стр. 295).

712. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

10 декабря 1831 г. Петербург.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3357). Текст писан рукой писаря; рукой Бенкендорфа — только подпись. На письме — карандашная, почти стертая помета рукою А. Н. Мордвинова (?): „завтра в 10-ть часов утра чтобы было“. Канцелярский отпуск — в деле III Отделения (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 129).

Впервые опубликовано: по подлиннику — В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 65; по канцелярскому отпуску — С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 125.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 352). Отрывок (цитируемые Бенкендорфом слова Николая I) напечатан П. А. Ефремовым в четвертом из редактированных им изданий сочинений Пушкина (т. VII, 1903, стр. 447).

713. Д. Н. Бантышу-Каменскому.

14 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 215, № 572). Помета рукою Бантыша-Каменского: „1832“.

Впервые опубликовано М. И. Семевским, по сообщению Н. Д. и Е. Д. Бантыш-Каменских, в „Русской Старине“, т. III, 1871, апрель, стр. 526, с неверною датою (на основании пометы на письме): „14 декабря 1832 г.“

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 358), с тою же неверною датою и с пометою: „Петербург“. Дата исправлена (но с сохранением пометы: „Петербург“), в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 354).

714. Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину.

14 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 449, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 16.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 354).

715. Н. Н. Пушкиной.

Около (не позднее) 16 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7021). Почтовый штемпель: „Москва 16 дека‹бря›“.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 24—25.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 353—354) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 295—296).

716. Н. Н. Пушкиной.

16 декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 7021). Почтовый штемпель: „Москва 19 дека‹бря›“.

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1878, январь, стр. 25—26.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 354—355) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 296—297).

717. И. И. Лажечников — Пушкину.

19 декабря 1831 г. Тверь.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 455—456, и включено в его же сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 22—23.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 352—353).

718. П. В. Нащокин — Пушкину.

Конец декабря 1831 г. Москва.

Печатается по подлиннику (*ЛБ*, № 3379).

Впервые опубликовано: два небольших отрывка — П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 403; полностью — им же в „Русском Архиве“, 1904, кн. III, стр. 441—442.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 364—365).

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

6. В Министерство иностранных дел.

Май 1830 г. Москва.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 8393). Написано неизвестною (писарскою ?) рукою. Беловой текст неизвестен.

Впервые опубликовано В. С. Нечаевой в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 615.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

7 и 7а. А. Х. Бенкендорфу.

19 июля — 10 августа 1830 г. Петербург.

Печатается по черновому подлиннику (*ЛБ*, № 2386 Б, лл. 10—12 об. и 27).

Впервые опубликовано (в сводке, с большими выпусками и переделками) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" (Сочинения Пушкина, т. I), 1855, стр. 357—358. Более полно напечатано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIV, 1884, декабрь, стр. 535—537.

В собрания сочинений Пушкина входит, в редакции П. В. Анненкова, начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. V, 1881, стр. 188—189); в собрание писем — начиная со второго издания под его же редакцией (т. VII, 1882, стр. 389—390; вторично в том же издании — т. V, стр. 178—179); с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 425—427) и с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 278—279) печатается с дополнениями по В. Е. Якушкину. Начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова, черновик заменен в основном тексте беловиком (см. его в т. XV). В издание переписки под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908) не вошло, так же как и в сборник „Рукою Пушкина" (1935).

Полностью печатается впервые.

8. В Сергачский уездный суд.

Около (не позднее) 11 сентября 1830 г. Болдино.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 259—260, № 728), в деле Сергачского уездного суда 1830 г., № 561, „по прошению коллежского секретаря Пушкина о вводе его по отдельной записи именнем во владение (началось 11 сентября 1830 года, решено 11 сентября 1830 года, на 14 полулистах)", лл. 1—2. Канцелярские пометы: „№ 794. Подана 11-го сентября 1830. Записана. Доложить". Написано писарскою рукою, кроме подписи.

Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в „Новом Мире", 1927, № 12, стр. 165—166, и в его же книге „Пушкин и мужики", 1928, стр. 75—77; напечатано вновь по подлиннику Л. Б. Модзалевским в сборнике „Рукою Пушкина", 1935, стр. 756—757.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

9. А. Х. Бенкендорфу.

Около (не позднее) 21 июля 1831 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 261, № 733). Помета Бенкендорфа: „Написать г‹ра›фу Нессельроду, что государь велел его принять в Иностранную Коллегию, с позволением рыться в старых архивах, для написания Истории Петра Первого. Не угодно ли будет г‹ра›фу испросить или самому назначить Пушкину жалованье".

Впервые опубликовано, в разбивку, но почти полностью, за исключением вступительных фраз, в статье М. М. Попова в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 707—708 и 710; полностью, по подлиннику, напечатано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 426—427, и С. С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине", 1906, стр. 120—121.

В собрания сочинений Пушкина входит в выдержках, как варианты к черновику (см. ниже), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 388—389).

9а. Черновик письма 9.

Печатается по подлиннику (*ПД*, см. „Рукописи Пушкина. хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 261, № 734).

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в виде двух отдельных отрывков в „Вестнике Европы", 1880, июнь, стр. 618 и 620, и в его же книге „Воспоминания и критические очерки", отд. III, 1881, стр. 247 и 249; вторично, по подлиннику, напечатано И. А. Шляпкиным в его книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина", 1903, стр. 84—85, и еще раз — Л. Б. Модзалевским в книге „Рукою Пушкина", 1935, стр. 839—841.

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту, опубликованному П. В. Анненковым и принятому за основной), начиная с первого издания под ред. П. А. Ефремова (т. V, 1881, стр. 186—188); в собрание писем — начиная со второго издания под его же редакцией (т. VII, 1882, стр. 387—389, и вторично в том же издании — т. V, стр. 177 — 178; во всех случаях — в виде двух отдельных документов). Как черновик к предыдущему, вошло в переписку Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 279—280).

9б. Набросок плана к письму 9.

Конец марта — первая половина мая 1831 г. (?) Москва (?).

Печатается по подлиннику (*ГЛМ*, № 2906/1; на листке, вклеенном в тетрадь копий и записей П. И. Бартенева, стр. 453—454; см. публикацию М. А. Цявловского в „Летописях Гос. Литературного Музея", кн. I, „Пушкин", 1936, стр. 309—310).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в газете И. С. Аксакова „День" от 21 октября 1861, № 2, стр. 49, с датировкою, „около 1832 г.", принятою и позднейшими редакторами сочинений Пушкина, кроме М. А. Цявловского, предлагающего в указанной выше публикации датировать набросок летом 1835 г.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под редакцией П. А. Ефремова (т. V, 1881, стр. 189).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Документы, посланные Ф. Н. Глинкою Пушкину при письме от 28 июля 1831 г. (№ 642).

Печатается по подлиннику (*ПД*, ф. 244, оп. 2, № 110); все документы переписаны подряд писарскою рукою на двух листах, сшитых тетрадкою.

Впервые опубликовано, по материалам П. Е. Щеголева, в издании „Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии“, 2, 1936, стр. 329—334.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

II.

Отрывок из неотправленного письма П. А. Вяземского Пушкину.

14 сентября 1831 г. Остафьево.

Печатается по тексту, вписанному рукою П. А. Вяземского в записную книжку (*ГАФКЭ*, ф. 195, к. 23, д. № 632/582, „Записная книжка 1829, 1830—1837 гг.“, л. 36). Подлинник письма не сохранился. Выписке в записной книжке предшествует дневниковая запись: „14 сентября 1831. Вот, что я было написал в письме к Пушкину сегодня и чего не послал“; к словам: „шинельные стихи“ в текст, в скобках, введено примечание, вероятно, отсутствовавшее в самом письме: „(стихотворцы, которые в Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами)“.

Впервые опубликовано в „Полном собрании сочинений кн. П. А. Вяземского“, т. IX, 1884, стр. 155.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 323).

III.

Прошение в Нижегородскую Гражданскую палату.

Около (не позднее) 25 сентября 1830 г. Нижний-Новгород.

Печатается по подлиннику (Исторический архив Горьковского обл. архивного управления), находящемуся в деле Нижегородской гражданской палаты „По прошению 10 класса Александр Сергеева Пушкина о даче ему на имение, состоящее Сергачской округи в сельце Кистеневе Тимашево тож, свидетельства. Началось 25 сентября 1830. Решено 16 октября 1830 года“. Подлинник, на гербовой бумаге рублевого достоинства, написан рукою чиновника и подписан П. А. Киреевым от имени Пушкина. Канцелярская помета: „№ 3472. 25 сентября 1830. К докладу“.

Публикуется впервые.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.

Стр. 1, строка 4 и сл.

Мне ужасно совестно, сударыня, что я так долго не писал вам: я едва осмеливаюсь взяться за перо; и сейчас мне еще придают смелость лишь воспоминание о вашей дружбе, которое вечно будет для меня сладостным, и уверенность в вашей снисходительной доброте. Дельвиг, который покидает свои Цветы ради дипломатических терниев, расскажет вам о нашей жизни в Петербурге. Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее. Не знаю, приеду ли я еще в <Михайловское>. Однако, мне бы хотелось этого. Признаюсь, сударыня, шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переношу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти. Вы видите, сударыня, что, несмотря на отвратительную прозу нынешнего моего существования, у меня всё же сохранились поэтические вкусы. Правда, мудрено писать вам и не быть поэтом.

Примите, сударыня, уверение в моем уважении и совершенной преданности. От всего сердца приветствую всё ваше милое семейство. Довольна ли м-ль Евпраксия своим пребыванием в Торжке? И много ли она одерживает там побед?

24 января. А. П.

Госпоже Осиповой.

Стр. 1, строка 5 снизу и сл. — стр. 2, строка 1 и сл.

Как это мило с вашей стороны, что вы захотели рассеять скуку моего заточения своим вниманием! Разные заботы, огорчения, неприятности и т. д. более чем когда-либо удерживали меня вдали от света, и я узнал о несчастном случае с графиней, только уже будучи болен сам. Арендт был так добр, что дал мне сведения о ней и сообщил, что ей гораздо лучше. — Как только позволит состояние моего здоровья, я надеюсь, сударыня, иметь счастье немедленно засвидетельствовать вам свое почтение. А покамест я скучаю, лишенный даже такого развлечения, как физическое страдание.

Пушкин.

Понедельник.

Беру на себя смелость, сударыня, послать вам только что вышедшие 4 и 5 части Онегина. От всего сердца желаю, чтобы они вызвали у вас улыбку.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

Стр. 2, строка 13 и сл.

Такой скучный больной, как я, вовсе не заслуживает столь любезной сиделки, как вы, сударыня. Но я весьма признателен вам за это чисто христианское и поистине очаровательное милосердие. Я в восхищении, что вы покровительствуете моему другу Онегину; ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как всё, что вы говорите; я поспешил бы придти и выслушать все остальные, если бы не хромал еще немного и не боялся лестниц. Пока что я разрешаю себе бывать только в нижних этажах.

Благоволите принять, сударыня, выражение моей благодарности и совершенного уважения.

Пушкин.

Пятница.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

Стр. 5, строка 15. — г-же Керн.

Стр. 6, строки 11—12. — но пусть их чорт возьмет и благословит бог!

Стр. 7, строка 20 и сл.

Беру на себя смелость послать вам три последние песни Онегина; надеюсь, что они заслужат ваше одобрение. Прилагаю еще один экземпляр для м-ль Евпраксии, принося ей большую благодарность за лаконический ответ, которым она удостоила мой вопрос. Не знаю, сударыня, буду ли я иметь счастье видеть вас в нынешнем году; говорят, что вы хотели приехать в Петербург. Правда ли это? Между тем я попрежнему рассчитываю на соседство Тригорского и Зуева. — На зло судьбе мы в конце концов всё же соберемся под рябинами Сороти. Примите, сударыня, выражение моего уважения, привязанности, сожалений и совершенной преданности вам и всему вашему семейству.

Стр. 8, строка 11. — если он обидится.

Стр. 9, строка 19 и сл.

С некоторых пор, любезный г-н Пушкин, я пристрастился к одному из бичей писателей, по словам Байрона, — к переводу. Ваш великий талант не мог ускользнуть от меня, — и вот, я посылаю вам небольшой образец того, как я вас коверкаю.

Напишите мне свое мнение о нем, и если вы найдете, что я более верен, чем вы бываете в любви, будьте добры назвать мне ваши сочинения или отрывки из них, которые вы хотели бы видеть переведенными на наш язык. Вы вызовете во мне полнейшее восхищение, если пришлете мне несколько отрывков из „Бориса Годунова", которые я никому не покажу. Княгиня Зинаида послала г-ну Козлову переведенную мною оду Державина. Вы доставили бы мне большое удовольствие, просмотрев ее и высказав о ней свое мнение без любезных фраз. Мой издатель — всё та же княгиня Зинаида — непременно хочет ознакомить вас с двумя моими собственными стихотворениями, которые получит от нее князь Оболенский. Если Онегин-Баян-Пушкин оторвется для меня на минуту от своего dolce far niente [1] (которое не мешает ему делать очень многое) — я буду ему весьма благодарен.

Преданный вам Риччи.[2]

---

[1] сладостного ничегонеделанья.

[2] *К письму приложен перевод на итальянский язык стихотворения Пушкина „Демон".*

Стр. 12, строка 20. — в 8-ю долю.

Стр. 12, строки 22—23. — жену князя Михаила, княгиню Шарантонскую.[1]

Стр. 12, строка 10 снизу. — Ла-Рош-Жаклене.

Стр. 12, строки 9—8 снизу.—Петербург стал Вандеей. Ла-Рош-Жаклен — его герой.

Стр. 12, строка 8 снизу. — Полье.

Стр. 12, строка 5 снизу. — Сен-При.

Стр. 13, строка 8. — Мадам Жарни.

Стр. 13, строка 14. — маркитант.

Стр. 13, строки 25—26. — что вы очень хорошенькая.

Стр. 14, строки 12—13. — У меня нет более песен для его славы, ни слез для его бедствий.

Стр. 14, строка 14. — Я не умею заниматься возвышенной любовью, и особенно с правительством.

Стр. 14, строка 9 снизу. — „Сороку-воровку".

Стр. 14, строки 8—7 снизу. — даже без последнего объятия — это слишком большая жестокость.

Стр. 15, строка 17 и сл. — Во-вторых, благодарю вас за прелестное письмо, которым вы меня удостоили. В эту минуту его нет у моего сердца (т. е. в моем кармане), почему я и откладываю до другого раза удовольствие поболтать с вами и принести вам полную и всестороннюю исповедь, которую вы у меня требуете. Будьте здоровы. А. П.

Стр. 16, строка 3 и сл.

Я должен рассыпаться перед вами в благодарностях, господин Пушкин, за любезное и поистине лестное письмо, которое вы мне прислали. Вы прочли мои стихи неизменно филантропическим оком человека, одаренного великим талантом, который всегда и во всем ищет хорошие стороны, в то время как посредственность выставляет на показ свое педантичное знание, лишь бегло касаясь того, что можно похвалить, и подчеркивая всеми способами то, что подлежит критике. Да, вы не могли высказать иного суждения; но что же касается просьбы, с которой я к вам обратился, то вы совершенно обошли этот вопрос, и за это я вам вовсе не благодарен. Оставим в стороне мою, может быть, несколько нескромную просьбу, хотя я твердо намеревался сохранить полнейшую тайну; но что касается моего ходатайства о том, чтобы вы указали мне *мелкие стихотворения и отрывки* уже опубликованных сочинений, которые вы хотели бы видеть переведенными, — то от этого вам не избавиться, и я повторяю свою просьбу. Боюсь, что, если я стану выбирать сам, то окажусь в положении Альфиери, который трижды принимался делать извлечения из Данте и в конце концов увидел, что он трижды переписал его целиком. Я бы не отказался от того же; но, связав себя в настоящее время обещанием составить сборник стихотворений разных русских поэтов, я не могу всецело отдаться работе, которая завела бы меня слишком далеко; поэтому я буду с вами беспощаден: укажите только; я не прошу вас переписывать их для меня; это излишне. Прилагаю перевод *Державина* и вашего *Пророка*. Сделайте милость, скажите мне свое вполне искреннее о них мнение; клянусь Аполлоном, я приму вашу критику как знак уважения и дружбы.

---

1 *Шарантон — дом умалишенных около Парижа.*

Читали ли вы мою „Весну"? Это воспоминание о моей молодости и о моей прекрасной родине. Поэзия, эта волшебница, своими могучими чарами дает своим поклонникам способность рыться в развалинах времен и находить там тени былых наслаждений. — Так и вы, новый Оссиан, с копьем и лирой в руках, будете воспевать славу и битвы; быть может, как феррарский поэт, вы будете cantar l'armi pietose e il capitano, — che il gran sepolcro liberò di Cristo,[1] и всегда и наверное будете черпать новое вдохновение и увеличивать блеск, которым вы уже украсили русскую поэзию. Вам я могу пожелать славы и развлечений, себе же — вашей благосклонности к чувствам восхищения и преданности, которые я к вам питаю.

Москва. 1 мая 1828. Граф Риччи.

P. S. Только что узнал, что вы изменили свои намерения: радуюсь за себя. Не можем ли мы надеяться повидать вас? Княгиня Волконская поручила мне напомнить вам об обещании прислать ей ваш портрет.[2]

Стр. 17, строка 27 и сл.

Примечание.[3] Прошу вас, милостивый государь, заметить, что это не просто вольное добавление. В итальянском языке нет слова для обозначения пола орла. Aquila говорится как о самце, так и о самке, что и заставило меня для передачи красоты созданного вами образа решиться поставить орла в положение, указывающее на его пол и делающее возможным его испуг, который от природы не присущ гордому и смелому характеру этой благородной птицы. Вот мои основания; однако же чем чистосердечнее вы выскажете мне ваше мнение как по этому поводу, так и обо всем остальном в моем переводе, тем яснее это докажет мне, что вы в какой-то мере цените мой труд и оказываете честь своей дружбой вашему переводчику и, прежде всего, истинному почитателю вашего великого гения, который sovra gli altri qual aquila vola.[4]

Стр. 19, строка 7 снизу. — Младший.
Стр. 20, строка 6. — Младший.
Стр. 22, строка 8 снизу. — день за днем.
Стр. 23, строка 26. — любовника, потерянного ею.
Стр. 23, строка 30. — вроде Ломоносова.
Стр. 23, строка 31. — что он заподозрил лукавство в твоем стихе.
Стр. 23, строка 5 снизу. — Младшего.
Стр. 24, строка 6. — что я в каменистой Саратовии *(непереводимая игра слов).*
Стр. 24, строка 7. — что я завяз *(то же).*
Стр. 25, строка 9. — Ребенок много обещает.
Стр. 25, строки 9—10.

Когда-нибудь она оплачет любовника, обманутого ею,
Сердце, потерянное ею, сердце, терзаемое ею.

---

[1] воспевать благочестивое оружие и вождя, освободившего великую гробницу Христа.

[2] *К письму приложены переводы на итальянский язык стихотворений Пушкина — „Пророк" и Державина — „На смерть кн. Мещерского".*

[3] *К итальянскому переводу стихотворения „Пророк", где 8-й стих переведен:* Как у орла, вспугнутого в его гнезде.

[4] как орел, парит над другими.

Стр. 26, строка 22. — Младший.
Стр. 27, строка 11. — Прощай, кумир мой.
Стр. 27, строка 7 снизу. — Младшего.
Стр. 27, строка 5 снизу. — Младшего.
Стр. 28, строка 25. — В дерзости он достиг совершенства.
Стр. 29, строка 15 и сл. — стр. 31, строка 1 и сл.

Милостивый государь,

Разрешите посвятить первые аккорды рождающейся музы выражение восхищения, которое вызвали во мне ваши сочинения. В весеннюю пору вашей жизни писания ваши обеспечили вам вечную славу; ваше имя уже с восторгом произносится в литературном мире, и Россия гордится тем, что дала вам жизнь; но восхищение не может заменить таланта, и мои стихи, без сомнения, милостивый государь, бессильны достойным образом восхвалить вас; однако же, если вы их примете, достаточно вашего одобрения, чтобы спасти их от забвения.

Имею честь быть.

Послание
г-ну Александру Пушкину.

Кто виновник того, что смолкли твои песни, что не звучат твои аккорды,
Твоя гармоническая лютня, твои вдохновенные порывы?
Тщетно твои смелые пальцы бросают лиру;
Разве Музы не имеют больше власти над твоим сердцем?
Сбрось с себя вялость этого рокового покоя,
Возьми снова твою божественную лютню, и пусть твой благородный пыл
Заставит снова трепетать их гибкие струны,
Снова вызывая эхо на этих мирных берегах.

Некогда в своем взлете твой творческий дух,
Дерзая уноситься в простор, в котором обычно теряется автор,
Каждый день порождал божественные мысли,
И искусно располагал ритмические фразы;
Гармония твоих красноречивых стихов
Звучала мелодично для уха:
Так нежный голос милой возлюбленной
Возвращает надежду нашей увядшей душе.

Правда, чернь воздает должное ученым,
Лишь когда они вычеркнуты из списка живых;
На их могилу тогда возлагают венок;
Гроб, окруженный почестями, становится их троном.
Так певец Ахилла при жизни был презираем;
Так Овидий был похоронен в Томах,
Камоэнс в изгнании разделил участь Гомера,
Он увидел опять свою родину, и умер там в нищете;
Несчастный Тасс, долгое время гонимый,

Приближается к Капитолию и остается неувенчанным;
Мильтон окончил свой жизненный путь среди невзгод
Непризнанный учеными, презираемый чернью.

Увы, что такое достоинства? Что такое они здесь на земле,
Если зависть и судьба следуют за ними по пятам?
Чтобы ослепить мир, необходимо богатство,
Громкие титулы, много дерзости,
Блестящий выезд и наглые лакеи,
Оскорбляющие прохожих у ворот дворцов;
Это заменяет ум при дворе, в городе,
Заставляет восхищаться стилем писаний фата,
Придает благородство мошеннику, вору,
Из проходимца делает самого верного барона.

Поэт на чердаке находит спокойное убежище.
Да, именно там, забытый в этом скромном пристанище,
Его творческий дух, витая над миром,
Вдохновляемый славой, порождает прекрасные стихи;
Именно там сатирический штрих его карандаша
Отмечает все наши дурные поступки справедливой критикой;
Там его мудрая лира в божественных аккордах
Может обессмертить живых и мертвых.

Сколько знаменитых героев, которых восхваляет история,
Не будь прекрасного искусства стихов, погибло бы без славы!
Сколько королей, достойных фимиама, было бы забыто!
А разбитые гробницы, опрокинутые временем, —
И тут лира оживляет их пыльные обломки
И ищет имя, скрытое под горделивым камнем;
Улисс, Ахилл, Гектор, восстаньте из гробниц;
„Илиада“ увековечила Гомера и ваши подвиги.

При Бурбоне навеки бессмертная Франция
Приобрела новую славу благодаря строгому Буало;
Взятие Намюра, переправа через Рейн —
Преданы векам его ученым резцом.
Соперник Софокла, превзойдя Корнеля,
Завещал сцене свою бесподобную „Федру“.
Певец Генриха создал „Сироту“;
„Заира“ и „Магомет“ вышли из его рук;
Но Корнель и Расин, разделившие с ним славу,
Не имеют памятника в храме воспоминаний.*

И всё же поэты — слава королей,
Когда те возвышают их и оказывают им покровительство своими законами.
Приходится еще льстить, чтобы стать полезным человеком;

* В Пантеоне.

Можно встретить не одного Августа, на свете найдется не один Виргилий.
В тысячу раз более счастливый, отбросив заботу о суетных успехах,
Простой земледелец возделывает свои нивы;
Да, здесь, без завистников, здесь, хозяин в своем жилище,
Он мирно живет до своего последнего часа
Без горестей, без тревог, не имея врагов;
Умирая, он может сказать: у меня всё же были друзья.

Подвергаясь завистливой и злобной критике,
Я иду навстречу буре, и моя беспечная рука
Набрасывает на досуге несовершенные стихи,
Не будучи в силах подражать тебе, она тщетно бросает несколько стрел;
Так ястреб в своем быстром полете
Стремится следовать за орлом в пустынных просторах —
Тщетные усилия! Так же и моя свирель,
По части стихотворного искусства, находится еще в колыбели.

Будущее принадлежит тебе, настоящее — черни;
Тебе мало дела до несправедливого или слишком строгого критика;
Твой смелый гений начертал тебе путь;
Попирай ногами этого хулителя, поверженного твоими стихами.
Однако твоя лютня, звучно откликающаяся на победные клики,
Должна добыть тебе славу более возвышенными песнями;
Воспевай своих воинов: победители персов
Опрокинули стены древней Эривани;
Уже дымящиеся развалины ее укреплений
Стонут под тяжестью торжествующих орлов,
И печальная Армения в своих отдаленных пустынях
Взирает на то, как налагаются оковы на Измаильтян.

Пусть твоя лира, охваченная порывом вдохновения,
Воспоет двойное поражение народов Азии,
Возвестит изумленной Европе об этих подвигах,
Прославит героя, который заставляет любить его законы;
Но сердце твое сгорает, и лира твоя молчит,
Ты пылаешь здесь тайным огнем;
Пушкин, эти узы — цепи, оковы;
Разбей гнетущее ярмо, бойся этих лукавых чар;
Если любовь украшает лавровый венок славы,
То одна она не может привести в храм воспоминаний.
Воин, поэт приносят в жертву чести
Мимолетные наслаждения, эти вспышки счастья;
Предоставь простым смертным эти удовольствия и горести,
Гений побеждает светские страсти,
Любимый сын Аполлона, узри бессмертие,
Что такое любовь?... ее сущность — мечта.

Ахилл Лестрелен.

Стр. 32, строка 3 и сл.

Боже мой, сударыня, бросая слова на ветер, я был далек от мысли вкладывать в них какие-нибудь неподобающие намеки. Но все вы таковы, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки! С ними гораздо проще и удобнее. Я не прихожу к вам потому, что очень занят, могу выходить из дому лишь поздно вечером и мне надо повидать тысячу людей, которых я всё же не вижу.

Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно, и наклонности у меня вполне мещанские. Я по горло сыт интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем. Всего этого слишком достаточно для моих забот, а главное — для моего темперамента.

Вы не будете на меня сердиться за откровенность? не правда ли? Простите же мне слова, лишенные смысла, а главное — не имеющие к вам никакого отношения.

Госпоже Хитровой.

Стр. 32, строки 23—26.

Откуда, чорт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог.

Среда.

Госпоже Хитровой.

Стр. 32, строка 9 снизу и сл.

Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагренэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на де Лагренэ для соответственных с ним переговоров.

Пушкин.

Милостивому государю господину Путяте.

Ответьте, пожалуйста.

Стр. 33, строка 25 и сл.

Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостаиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам — но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. Здоровье мое удовлетворительно, насколько это возможно.

Итак, до завтра, сударыня, и благоволите еще раз принять мою нежную благодарность.

3 ноября.

Стр. 35, строка 3. — Будь здоров и благосклонен ко мне.

Стр. 35, строка 24. — эти холодные и гладенькие стишки.

Стр. 37, строка 20. — маленького поощрения *(непереводимая игра слов).*

Стр. 37, строка 21. — как большой сапожник.

Стр. 37, строки 21—22. — немного навеселе.

Стр. 38, строки 9—13. — людям, которых они касаются. Но так как в сущности это честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе, не допускай в себе враждебных чувств и постарайся поговорить с ним откровенно.

Стр. 38, строка 23. — Усатая княгиня.

Стр. 39, строка 9 и сл.

С большой готовностью принимаю ваше очаровательное приглашение. Я получил стороною сведения о князе Вяземском; в настоящее время он должен находиться у княгини.

Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

Госпоже Шимановской.

Стр. 39, строки 18—19. — Конечно, сударыня, тот час, который для вас удобен всегда будет удобен и для меня. Итак, до завтра, и [пусть 7-я песнь Онегина заслужит]

Стр. 40, строка 3. — это у него навязчивые идеи.

Стр. 40, строки 18—24. — Муж сказал мне, что вы, в разговоре или в письме, добавляете относительно меня: ⟨.....⟩. Лучше поднимите руку и ..... пишите мне изредка; если бы вам была известна безмерность этого благодеяния, вы бы доставили его себе, я в том уверена, не для спасения собственной души, но для [спасения] избавления моей хоть на минуту от скуки, которая иногда ею овладевает.

По какому поводу передавали вы мне через Софью Ладомирскую, что я ветренница, право я не заслуживаю больше такого молодого эпитета.

Стр. 40, строки 30—31. — Счастливого пути, господин Пушкин. 10 марта.

Стр. 42, строки 19—20. — по твоим словам.

Стр. 42, строки 21—22. — единственным предметом всей его нежности.

Стр. 42, строка 23 и сл. — стр. 43, строка 1 и сл. — Увы! Значит, всё кончено, и слуха моей пламенно любимой не достигла и 750-миллионная часть того, что я имел сказать ей.

Известно ли ей, что она не только мне предназначена, но действительно предопределена судьбой и что все испытания, через которые меня заставляют пройти, являются бесполезными предосторожностями? (Меня весьма удивляет, что, при всей своей набожности, они воображают, что могут противиться тому, что суждено свыше.)

Перейдем к делу, мой несравненнейший из несравненных, и, если гордость — преступление, — пусть мне как второму Эдипу вырвут глаза, но при условии, что она, она будет моей Антигоной, — чтобы я слышал ее дыхание, чтобы голос ее часто раздавался в моих ушах, чтобы ее изящные и легкие пальцы извлекали из фортепиано звуки, когда она станет сама себе аккомпанировать, чтобы не быть рабой аккомпаниатора. Как она должна петь, она, в звуках голоса которой столько же выражения, как и в манере держать себя и в походке; наконец, и ангельское выражение ее лица. Ей недостает только, чтобы она увидела, узнала и услышала *******.

Пусть она торопится сделать выбор и устроить свою жизнь, — молодость и миловидность улетучиваются, как утренняя роса. Скажите ей, что люби-

щий, нежный, преданный друг, способный руководить ею в свете, стоит любимого друга.

Сладость любить, мой несравненнейший из несравненных, несомненно, больше сладости быть любимым, вот почему, наверно, нам обоим предписали воздержание, так как старшие знают, что болезнь эта заразительна. Увы! вот почему меня отлучают от ее присутствия.

Моя возлюбленная не смеет больше поднять на меня глаз; она даже опускает их при встречах со мною. Как она при этом очаровательна. (В прошлое воскресенье в Подновинском я хотел пройти, не поклонившись ей <.....>). Во всяком случае, что бы она ни делала, невозможно, чтобы она стала мне безразлична.

Как благодарен я был за очаровательный знак [набожности] сочувствия! Да исполнится же воля отца. [Да будет же пример моего кумира сделан] Да будет мне законом пример моего кумира! Я старше, и мне стыдно, что я дал себя превзойти в здравом смысле и в сдержанности семнадцатилетней девушке. Вот и попробуйте после этого сказать, что молодые особы — это не те, на которых можно больше всего полагаться. Какая перспектива спокойствия и блаженства открывается счастливому смертному, которому отец отдаст ее руку.

Русский дворянин отказывает в руке своей дочери другому русскому дворянину! Ушаков отказывает Лаптеву, когда эти два имени <с испокон веку> составляют одно целое, тождественны. Без сомнения я был неправ, что не обратился к родителю <.....>, но всё же я чувствую себя способным оправдаться и клянусь всем самым дорогим для меня на свете, Zoé mou sas agapo,[1] что не только не буду отклонять ее от исполнения обязанностей, но наоборот буду поддерживать ее в этом.

Чем труднее должность, которую я на себя беру, тем она меня достойнее. Я готов сделаться ее чтецом, библиотекарем, ее Всадником, ее оруженосцем, — всем, для того, чтобы ей служить, не ожидая в ответ ни слова благодарности.

Пусть сотрется из памяти всё происшедшее, пусть начнется новая эра, пусть будут уверены, что если мне доверят ее на [долгое] продолжительное путешествие, я буду охранять ее как зеницу ока; для того чтобы лучше защищать ее, я немедленно начну заново обучаться владению оружием, будучи уверен, что она и сама примет в этом деятельное участие и не позволит захватить себя живьем, когда случится, что я отобью удары, которые будут ей предназначены, и что скорее увидят меня пренебрегшим тысячей смертей, чем уступившим ее. Так как здоровье мое настоятельно требует повторения курса висбаденских вод и я должен отправиться туда как можно скорее, то очень было бы желательно, чтобы нас тайно обручили для того, чтобы я мог временно исполнять эти обязанности, в ожидании, когда представится кто-либо достойный любви подобного создания. В этом случае мы могли бы пуститься в путь, и возможно, что во время поездки любовь моя, ближе познакомившись со мною, согласится соединиться со мною по настоящему, тогда мы остановились бы у какого-нибудь доброго священника, чтобы совершить обряд до конца, освятив действительный брак, без всякого изъятия. Прощайте же!

---

[1] Ζωή μοῦ, σᾶς ἀγαπῶ — жизнь моя, люблю тебя.

P. S. Три или четыре дня тому назад я был весел как зяблик и прыгал от радости подобно Архимеду. Я совершенно не владел собой от радости, обдумывая совсем простой способ, созданный, чтобы продвинуть без задержки и отлагательств наши дела. Хорошо, мой прославленный, действовать оружием и вместо того, чтобы силою принуждать невинного, припереть отца к стенке, а дочь к кровати, так как у них обоих совесть слишком нечиста по отношению к обоим нам, особенно по отношению ко мне, чтобы можно было простить им всю их нерешительность, кривлянья, жеманство и проч. — Гражданин, к оружию, довольно гонений, довольно деликатничать, к оружию, гражданин, пора кончить это дело.

Стр. 44, строка 3 и сл.

Мое самое ревностное желание, друг мой, — видеть вас посвященным в тайны века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает мне идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас нехватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой. С некоторых пор русских читают повсюду; вам известно, что был переведен г-н Булгарин и помещен вслед за г-ном де-Жуи; о вас же речь идет в каждом выпуске *Обозрения*; в одной толстой книге почтительно упоминается имя моего приятеля Гульянова, а знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венок; мне, право, кажется, что он поколебал основания пирамид. Представьте же себе, какой славы можете добиться вы. *Обратитесь с призывом к небу,* — оно откликнется.

Как видите, я говорю всё это по случаю посылаемой вам книги. Так как в ней — обо всем понемногу, то, может быть, она наведет вас на удачные мысли. Прощайте, друг мой. Скажу вам, как Магомет говорил своим арабам — ах, если б вы знали!

Господину Пушкину.

Стр. 44, строка 14 снизу. — джентльменскую деликатность.

Стр. 45, строка 3 и сл.

На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я всё еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного ⟨?⟩ [1]

[1] *В копии в этом месте пропуск.*

счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью. — Если у вас есть для меня какие-либо приказания, благоволите обратиться к графу Толстому, он передаст их мне.

Удостойте, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения.

Пушкин.

1 мая 1829.

Стр. 46, строка 14 и сл. — стр. 48, строка 1 и сл.

Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее иметь, но я требую, чтобы прежде, чем читать ее, вы перелистали' последний том Карамзина. Она полна славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, вроде наших киевских и каменских обиняков. Надо понимать их — sine qua non.[1]

По примеру Шекспира я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романическому пафосу и т. п... Стиль трагедии смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых, — что касается грубых непристойностей, не обращайте на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги. Но, не говоря уж о том, что любовь весьма подходит к романическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен. Но, конечно, это была странная[2] красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, [и] всегда готовая отдаться [тому] каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем [как равная] как коронованная особа с равным себе, и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской].

Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и <Плещеев> своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве [среди] в числе семи начальников, защищавших[3] ее в 1612 году, потом в 1616 году, заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую

[1] это непременное условие.
[2] одна из душ
[3] защищавшего

я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно [комиссарам] проконсулам Национального Конвента.

Я намерен также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый [обвиняет его] вступает в заговор и он же, заметьте, первый берет на себя всю тяжесть выполнения его, кричит, обвиняет, из начальника превращается в рядового бойца. Он близок к тому, чтобы лишиться головы. Дмитрий милует его уже на лобном месте, ссылает и с тем необдуманным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова возвращает к своему двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший [на дыбу] под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает в этом, заставляет себя избрать царем и падает — и в своем падении сохраняет больше достоинства и силы духа, нежели в продолжении всей своей жизни.

В Дмитрии много общего с Генрихом 4. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии — оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются [призраками] несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговоров... Но у Генриха 4 не было на совести Ксении — правда, это ужасное обвинение не доказано и я лично считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака.

Создавая моего Годунова [1] я размышлял о трагедии — и если бы вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал — это, может быть, наименее понятый жанр. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках?

2) *Язык*. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: „Увы, я слышу сладкие звуки греческой речи". Не есть ли всё это условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в „Сиде": „А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте". И тут же он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко чувствовал, как смешны речи „в сторону", он их уничтожает, но зато удлиняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас, сохраните его, так как оно мне понадобится, если чорт меня попутает написать предисловие.

А. П.

1829.

[С. Петербург] 30 января *или* июня.

---

[1] мою трагедию

Стр. 50, строки 12, 13 и 20. — Неттн.
Стр. 50, строка 7 снизу — стр. 51, строка 1 и сл.

Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и просвещенная доброта вашего превосходительства и участие, которое вы всегда изволили мне оказывать, внушает мне смелость вновь обратиться к вам и объясниться откровенно.

По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу, и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию, в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением, и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

10 ноября 1829 г. С.П.б. Александр Пушкин.

Стр. 51, строка 8 снизу. — Гостинницу „Англия“.
Стр. 52, строка 12. — стихами.
Стр. 52, строка 24. — Харита.
Стр. 53, строки 8—9.

[Напишите Ольге, не помня зла. Она вас очень любит и будет тронута этим знаком памяти с вашей стороны].

Стр. 54, строка 10 и сл.

Само собой разумеется, графиня, что вы будете настоящим циклопом. Примите этот плоский комплимент как доказательство моей полной покорности вашим приказаниям. Будь у меня сто голов и сто сердец, они все были бы к вашим услугам.

Примите уверение в моем совершенном уважении

1 января. Пушкин.

Ее сиятельству графине Тизенгаузен.

Стр. 56, строка 7. — Андриё.
Стр. 56, строка 16 и сл.

Генерал,

Явившись к Вашему превосходительству и не имев счастья застать вас, я приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться.

Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством.

Осмелюсь ли еще утруждать Вас? В мое отсутствие г-н Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Ввиду отсутствия у меня состояния, мне было бы затруднительно лишиться полутора десятков тысяч рублей, которые может мне доставить моя трагедия, и было бы прискорбно отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен.

Всецело полагаясь на Вашу благосклонность, остаюсь, генерал, Вашего превосходительства нижайший и всепокорнейший слуга

7 января 1830. Александр Пушкин.

Стр. 57, строка 11 снизу и сл.

Вы должны считать меня очень неблагодарным, очень дурным человеком. Но заклинаю вас не судить по внешности. Мне невозможно сегодня предоставить себя в ваше распоряжение — хотя, [несмотря на] не говоря уже о счастье быть у вас, одного любопытства было бы достаточно для того, чтобы привлечь меня. Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! — это право большая удача.

А. П.

Госпоже Хитровой.

Стр. 58, строка 3 и сл.

Милостивый государь.

В ответ на Ваше письмо ко мне от 7-го числа сего месяца спешу уведомить Вас, что его императорское величество не соизволил удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора. Что же касается разрешения на издание вашей новой трагедии, я не премину сообщить Вам на днях окончательный ответ.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам уверение в глубоком моем уважении, с которым имею честь быть вашим покорным слугой.

А. Бенкендорф.

17-го сего января 1830.

Г-ну А. Пушкину.

Стр. 58, строка 19 и сл. — стр. 59, строка 1 и сл.

Генерал,

Я только что получил письмо, которое Ваше превосходительство соблаговолили мне написать. Боже меня сохрани единым словом возразить против воли того, кто осыпал меня столькими благодеяниями. Я бы даже подчинился ей с радостью, будь я только уверен, что не навлек на себя его неудовольствия.

Весьма не во-время приходится мне прибегнуть к благосклонности Вашего превосходительства, но меня обязывает к тому священный долг. Узами дружбы и благодарности связан я с семейством, которое ныне находится в очень несчастном положении: вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбой замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до царского престола. То, что выбор ее пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи. Половина семейства находится в изгнании, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу. Г-жа Раевская ходатайствует о назначении ей пенсии в размере полного жалованья покойного мужа, с тем, чтобы пенсия эта перешла дочерям в случае ее смерти. Этого будет достаточно, чтобы спасти ее от нищеты. Прибегая к Вашему превосходительству, я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года, — великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, — заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго и отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа.

Благоволите принять, Ваше превосходительство, уверение в моем совершенном уважении. Имею честь быть вашим нижайшим и покорнейшим слугою

Александр Пушкин.

1830. 18 января. С.П.Б.

Стр. 59, строки 13—4 снизу.

Милый Суденко, если деньги тебе до сих пор не уплачены, то виноват в этом мой поверенный, который утерял адрес твоего поверенного. Я же совершенно запамятовал его имя, и твои 4000 ожидали тебя в запечатанном конверте более полугода.

Приехав в Петербург, я написал тебе в ‹Чернигов›, чтобы узнать твой точный адрес, поздравить тебя с женитьбой и предложить тебе взять 50 руб. Ты пишешь, что потерял аппетит и не завтракаешь так, как бывало. Это жаль, делай больше физических упражнений, приезжай на почтовых в Петербург, и аппетит вернется к тебе.

Стр. 60, строки 14—15. — „Опасные связи“, „Фоблаз“.
Стр. 62, строка 20. — Люди, которых вы убиваете и т. д.
Стр. 62, строка 4 снизу. — стр. 63, строка 1 и сл.

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни.

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму‹?›. Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...

Стр. 63, строка 12 и сл.

В прошлый раз я забыла, что отложила до воскресенья удовольствие видеть вас. Я упустила из виду, что должна буду начать этот день с мессы, а затем мне придется заняться визитами и деловыми разъездами. Я в отчаянии, так как это задержит до завтрашнего вечера удовольствие вас видеть и послушать вас. Надеюсь, что вы не забудете о вечере в понедельник и не будете слишком досадовать на мою докучливость, во внимание ко всему тому восхищению, которое я к вам чувствую.

К. С.

Господину Александру Пушкину. Воскресенье утром.

Стр. 63, строка 23 и сл. — стр. 64, строка 1 и сл.

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания, итак я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас.

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить — в течение целых 7 лет. Зачем?

Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною. Не говорите же мне больше о нем, ради Христа. — В угрызениях совести, если бы я мог испытать их, — в угрызениях совести было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных <?> лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. — Дорогая Элленора, вы знаете, я испытал на себе всё ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя, — и немного робости, которую я не могу побороть.

Я прекрасно знаю, что̀ вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон самомнения, как его повелитель — Сатана. Неправда ли?

Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе. Эта просьба очень банальная, очень... Это как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость.

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня

в католика. — Но вы увянете; эта красота когда-нибудь<?> покатится вниз как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей — а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее <?> боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности.

Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии — мелодия быть может...

Стр. 65, строка 8 и сл.

Ты написал мне, милый Суденко, до такой степени церемонное письмо, что я совершенно им огорошен. Эти 4000 ждали тебя в запечатанном конверте с июля месяца; но я потерял адрес твоего поверенного, а твоего адреса у меня не было. Месяц тому назад г-н Лерх пришел за этими деньгами и немедленно получил их. Я хотел переслать тебе оставленную им расписку, но не знаю, куда дел ее. Еще раз извини и прими мою благодарность за то, что имел любезность так долго ждать.

На днях я уезжаю из Петербурга; лето, вероятно, проведу в деревне. Быть-может заеду и в ваши края. Ты разрешишь мне, надеюсь, постучаться в твою дверь? Если до тех пор захочешь мне написать, адресуй письма <....>. Addio, a rivederla.[1]

А. Пушкин.

12 февраля 1830 г.

Стр. 65, строка 10 снизу и сл.

Решено: мы устроим наш *маскарадный* выезд завтра вечером — в 9 часов мы соберемся у маменьки. Приезжайте в *черном домино* и в *черной маске* — ваша карета нам не нужна, но слуга может понадобиться — наших слуг могут узнать. Мы расчитываем на ваше остроумие, дорогой Пушкин, чтобы оживить всю эту затею. Затем вы поужинаете у меня, и я еще раз поблагодарю вас.

Д. Фикельмон.

Суббота.

Если хотите, маменька приготовит для вас домино.

Г-ну Пушкину.

Стр. 68, строка 12. — г-ну Роберу и м-ль Юлии.

Стр. 68, строка 21 и сл.

Обнимаю вас от всего сердца, дорогая и милая княгиня Вера, и благодарю вас за то, что вы наконец отправили к нам нашего дорогого путешественника. Благодаря бога, я нашла его в гораздо лучшем состоянии, чем о том извещала меня его записка, помеченная Помераньем: он немного кашляет и утомлен — вот и вся его болезнь, которая, я надеюсь, через несколько дней отдыха исчезнет совсем <....>. Тысяча нежностей всей дорогой и любезной семье. Прощайте, я вся обложена счетами, как и должна быть <хозяйка> к 1-му числу месяца. Будьте здоровы, дорогой друг.

Стр. 69, строки 2—3. — Что касается г-жи Карцовой, то всё, что бы она ни говорила, она словно поет.

Стр. 69, строки 3—4. — Вы могли бы заметить, генерал, что она фальшивит.

Стр. 69, строки 5—7. — Раз уж мы стали откровенничать, позвольте, генерал, повторить вам просьбу графини Потемкиной о восстановлении доброго имени моего мужа.

---

[1] Прощай, до свидания.

Стр. 70, строка 4 снизу и сл. — стр. 71, строка 1 и сл.

18 марта.

Не успела я успокоиться относительно вашего пребывания в Москве, как мне приходится волноваться по поводу вашего здоровья — меня уверяют, что вы заболели в Торжке. Ваше бледное лицо — одно из последних впечатлений, оставшихся у меня в памяти. Я всё время вижу вас, стоящим в дверях. Предполагая увидеть вас на следующий день, я глядела на вас с радостью — но вы, бледный, взволнованный, вероятно, болью, которая, как вы знали, отзовется во мне в тот же вечер, — уже тогда вы заставили меня трепетать за ваше здоровье. Не знаю к кому обратиться, чтобы узнать правду — я пишу вам уже в четвертый раз. Завтра будет две недели с тех пор, как вы уехали, — непостижимо, почему вы не написали ни слова. Вам слишком хорошо известна моя беспокойная, судорожная нежность. При вашем благородном характере вам не следовало бы оставлять меня без известий о себе. Запретите мне говорить вам о себе, но не лишайте меня счастья быть вашим поверенным. Я буду говорить вам о большом свете, об иностранной литературе — о возможности перемены министерства во Франции, — увы, я у самого источника всех сведений, мне нехватает только счастья.

Однако скажу вам, что вчера вечером я испытала истинную радость. Великий князь *Михаил* провел у нас вечер — увидав ваш портрет или ваши портреты, он сказал мне: „Знаете, я никогда не видел Пушкина вблизи. Я был очень предубежден против него, но по всему тому, что о нем слышу, мне очень хочется с ним познакомиться, а еще больше того — побеседовать с ним обстоятельно“. В конце концов он попросил у меня *Полтаву*, — как я люблю, когда вас любят!

Несмотря на мою кротость, безобидность и смирение по отношению к вам (что возбуждает вашу антипатию), — подтверждайте хотя бы изредка получение моих писем. Я буду ликовать при виде одного лишь вашего почерка. Хочу еще узнать от вас самого, мой милый Пушкин, — неужели я осуждена на то, чтобы увидать вас только через несколько месяцев.

Как много жестокого, [даже] раздирающего в одной этой мысли! А всё-таки у меня есть внутреннее убеждение, что если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вас увидеть, вы пожалели бы меня и вернулись бы на несколько дней! Спокойной ночи — я ужасно устала.

20-го. Я сейчас вернулась от Филарета — он рассказал мне о происшествии, недавно случившемся в Москве, о котором ему только что доложили. Он прибавил <. . . . .>. Поэтому я изложила его своим скверным русским языком в том виде, как история была мне рассказана, и посылаю вам, *не смея его ослушаться.* Слава богу, говорят, что вы благополучно прибыли в Москву. — Лечитесь, будьте благоразумны — ну, можно ли швыряться такой прекрасной жизнью?

21-го. — Вчера вечером на репетиции карусели много говорили о вашей седьмой песни — она имела всеобщий успех. Государыня *не ездит больше верхом.*

Так напишите же мне правду, как бы горестна она ни была. — Увижу ли я вас на пасху?

Стр. 72, строки 7—8. — [что] вы вечно на больших дорогах.

Стр. 72, строка 6 снизу и сл. — стр. 73, строка 1 и сл.

Генерал,

Письмо, которое я удостоился получить от Вас, причинило мне истинное огорчение; я покорнейше прошу уделить мне одну минуту снисходительности и внимания. Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти. С горестью вижу, что малейшие мои поступки вызывают подозрения и недоброжелательство. Простите, генерал, вольность моих сетований, но ради бога благоволите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать. Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут. Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва. После той гнусной статьи, которую напечатал он обо мне, я считаю его способным на всё. Я не могу не предупредить вас о моих отношениях с этим человеком, так как он может причинить мне бесконечно много зла.

Я предполагал проехать из Москвы в свою псковскую деревню, однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу Ваше превосходительство разрешить мне съездить туда с ним повидаться.

Примите, генерал, свидетельство моего высокого уважения и совершенной преданности. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

24 марта 1830 г. Москва.

Стр. 74, строки 10—11. — Милостивому государю господину Пушкину.
Стр. 74, строка 6 снизу. — указатель содержания.
Стр. 75, строка 3 и сл.

Милостивый государь,

Спешу ответить на оба письма, которые вы изволили адресовать мне из Москвы; я исполню эту обязанность с обычной моей откровенностью.

Мне не совсем понятно, почему вам угодно находить свое положение неустойчивым; я не считаю его таковым, и мне кажется, что от вашего собственного поведения зависит придать ему еще более устойчивости. Вы также неправы, предполагая, что кто-либо может на меня влиять во вред вам, ибо я вас знаю слишком хорошо. Что касается г-на Булгарина, то он никогда со мной не говорил о вас по той простой причине, что встречаюсь я с ним лишь два или три раза в году, а последнее время виделся с ним лишь для того, чтобы делать ему выговоры. Однако, я должен признаться, что ваш последний, столь поспешный отъезд в Москву не мог не вызвать подозрений.

Что касается Вашей просьбы о том, можете ли Вы поехать в Полтаву для свидания с Николаем Раевским, — должен Вам сообщить, что когда

я представил этот вопрос на рассмотрение государя, его величество соизволил ответить мне, что он запрещает вам именно эту поездку, так как у него есть основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время.

Этот случай должен вас убедить в том, что мои добрые советы способны удержать вас от ложных шагов, какие вы часто делали, не спрашивая моего мнения.

Примите уверения в моем совершенном почтении.

А. Бенкендорф.

3 апреля 1830 г.

Стр. 75, строка 28 и сл. — стр. 76, строка 1 и сл.

После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам, — вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастию, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня нехватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить современем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный,

более блестящий, более достойный ее союз; — может-быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же, не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми. Есть у меня еще одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге...

Благоволите, милостивая государыня, принять уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении.

А. Пушкин.

Суббота.

Стр. 77, строка 4 и сл.

Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

[Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год] — м-ль Натали Гончаровой. [Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери]. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

[Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено] и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для <...>

Стр. 77, строка 19 и сл. — стр. 78, строка 1 и сл.

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положение и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно

достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения, я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь *на дух, в каком задумано всё сочинение,* на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество развязать мне руки и дозволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать вас собой. Но ваша снисходительность избаловала меня, и хотя я ничем не мог заслужить благодеяний государя, я всё же надеюсь на него и не перестаю в него верить.

С величайшим уважением остаюсь Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

16 апреля 1830. Москва.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство сохранить мое обращение к вам в тайне.

Стр. 79, строка 3 и сл.

‹С. Л. Пушкин:›

16 апреля 1830 г.

Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твое счастье. — Я хотел бы написать ей, но покуда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С бо̀льшим чем когда бы то ни было нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька как раз была у нас, когда принесли твое письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее...

Перейдем, мой добрый друг, к поставленному тобою вопросу о том, что̀ я могу дать тебе. Положение моих дел тебе известно. — Правда, у меня есть тысяча душ крестьян, но две трети моих земель заложены в Опекунском совете. — Я выдаю Оленьке около 4000 руб. в год. От доставшейся мне по разделу от покойного брата земли у меня осталось незаложенных 200 душ крестьян, — пока отдаю их в твое полное распоряжение. Они могут доставить 4000 руб. годового дохода, а современем, быть может, дадут и больше.

Милый друг! Я жду твоего ответа с таким же нетерпением, какое мог бы испытывать ты в ожидании подтверждения своего счастья из уст самой м-ль Гончаровой, ибо я счастлив лишь вашим счастьем, горд лишь вашими успехами и спокоен только тогда, когда предполагаю, что вы спокойны. Прощай! Да благословит тебя небо, каждодневно молюсь и буду молиться о том, чтобы оно даровало тебе счастье. Нежно обнимаю тебя и прошу, если ты сочтешь это уместным, засвидетельствовать м-ль Гончаровой мою очень, очень нежную дружбу.

Навеки твой отец и друг

Сергей Пушкин.

‹Н. О. Пушкина:›

Твое письмо, дорогой Александр, преисполнило меня радости, да благословит тебя небо, мой добрый друг, да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к нему, моля о твоем счастье, сердце мое переполнено, я не могу выразить всего того, что чувствую. Мне хотелось бы заключить тебя в свои объятия, благословить, сказать тебе вслух, до какой степени жизнь моя связана с твоим благополучием. Будь уверен, что если всё закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети. С нетерпением жду Льва, чтобы поговорить с ним о тебе. Мы немедленно приехали бы в Москву, если бы это зависело только от нас. Нежно обнимаю тебя.

Стр. 79, строка 4 снизу и сл.

Дорогая княгиня, вот ваши книги, — возвращаю их вам со слезами на глазах. Что за фантазия пришла вам уезжать сегодня ‹.....› Я тотчас приду к вам.

Стр. 80, строка 3 и сл.

Прошу у вас, сударыня, миллион раз прощения за то, что был так бесстыдно ленив. Ничего не поделаешь, это сильнее меня — почта для меня просто пытка. Позвольте мне представить вам моего брата и соблаговолите уделить ему частицу той благосклонности, которой вы меня удостаиваете.

Примите, сударыня, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

Госпоже Хитровой.

Стр. 80, строка 10 снизу. — на своем вьючном животном или Сомове. *(Непереводимая игра слов.)*

Стр. 80, строка 5 снизу. — с классической красотой, ⟨....⟩ с романтической красотой.

Стр. 81, строка 3 и сл.

Вы правы, находя, что „Осел" прелестен. Это одно из самых замечательных сочинений настоящего времени. Его приписывают В. Гюго — по-моему, в нем больше таланта, чем в „Последнем дне", который, однако, талантливо написан. Относительно смутившей вас фразы, я прежде всего скажу, что не надо принимать в серьез всего того, что говорит автор. Все превозносили первую любовь, он счел более занятным рассказать о второй. Может быть, он и прав. Первая любовь всегда является делом чувствительности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите-ли, — дело чувственности. Параллель можно было бы провести гораздо дальше. Но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженной матерью.[1]

У ног ваших, А. П.

Поправка, вариант: после *200 крестьян:*

Я закладываю их в ломбард, а вас, божественная княгиня, прошу быть моей посаженной матерью.

Стр. 81, строка 22 — стр. 82, строка 1 и сл.

Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается вашего личного положения, в которое вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил вам много раз;

[1] *Непереводимая игра слов:* engager *значит* „закладывать" *и* „просить", „приглашать".

я нахожу, что оно всецело соответствует вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только вы сами не сделаете его таким. Его императорское величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостаивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете всё более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным.

Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего вашего счастья, и верьте моим лучшим к вам чувствам.

28 апреля 1830.

Преданный Вам
А. Бенкендорф.

Господину Александру Пушкину.

Стр. 84, строка 10. — Изонцо ‹. . .› Чивидале.

Стр. 84, строка 15 снизу. — итак.

Стр. 86, строка 8 и сл. — Италия. Рим.

Ее сиятельству милостивой государыне княгине Зинаиде Волконской, улица Монте-Брианцо, дворец Феруччи, № 20, в Риме, для доставления г-ну Шевыреву.

Стр. 88, строка 16 и сл.

Дорогие родители, я получил еще два ваших письма. Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что всё улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас.

Его величество всемилостивейше выразил мне свое благосклонное удовлетворение заключаемым мною браком. Он дозволил мне напечатать мою трагедию в том виде, как я сочту нужным. Скажите это моему брату с тем, чтобы он передал о том Плетневу, который, кстати сказать, забыл меня, так же как и Дельвиг.

Я передал ваше письмо г-же Гончаровой; полагаю, что она будет отвечать вам сегодня. Дядя мой Матвей Михайлович был у нее с визитом третьего дня; он и тетушка приняли самое близкое участие *в моем счастье* (я совсем ошеломлен тем, что могу употреблять такое выражение). Я уже несколько дней не видел дядюшку Василия Львовича. Знаю, что он чувствует себя лучше.

Спасибо, милая Ольга, за дружбу и поздравления. Я прочел твое письмо Натали, — она много смеялась, читая его, и обнимает тебя.

Я тоже обнимаю вас, дорогие родители. На днях, быть может, съезжу в Калугу к деду Натали. Мне бы очень хотелось сыграть свадьбу до наступления поста. Еще раз, прощайте.

3 мая.

Стр. 89, строки 20—21. — „Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью“.

Стр. 90, строка 10 и сл.

Генерал,

Лишь предстательству Вашего превосходительства обязан я новой милостью, дарованной мне государем; благоволите принять выражение моей глубокой признательности. В глубине души я всегда в должной мере ценил благожелательность, смею сказать, чисто отеческую, которую проявлял ко мне его величество; я никогда не истолковывал в дурную сторону внимания, которое вам угодно было всегда мне оказывать; моя просьба была высказана с единственной целью успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветой.

Благоволите принять, генерал, выражение моего высокого уважения. Ваш нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

7 мая 1830. Москва.

Стр. 91, строка 14 и сл.

Я считаю обязательным, чтобы вы написали мне о получении этого письма — впредь у вас не будет более причин для отговорок. Я не имею для вас никакого значения. Расскажите мне о своей женитьбе, о планах на будущее. Все разъезжаются, а хорошей погоды всё нет. *Долли* и Катрин просят передать вам, что вы можете рассчитывать на них, чтобы ввести вашу Натали в свет. Г-н Сомов дает уроки посланнику и его жене — а я перевожу „Marriage in high life“ [1] на русский язык и буду продавать его в пользу бедных!

Элиза.

9-го вечером.

Стр. 91, строка 24 и сл. — стр. 92, строка 1 и сл.

Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака! [дорогой<?>] Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы лишь полная независимость, и развитию его способствует ряд несчастий, — что полное счастье, прочное, продолжительное и, в конце концов, немного однообразное, убивает способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта! И может быть именно это — после личной боли — поразило меня больше всего в первый момент...

....Я говорила вам, что бог дал мне сердце, чуждое всякого эгоизма. Я размышляла, боролась с собой, страдала, — и вот, я уже дошла до того, что желаю, чтобы вы скорее женились, — поселились со своей прекрасной и очаровательной женой в деревянном, очень чистеньком домике, по вечерам ходили бы к тетушкам играть с ними в карты, возвращались домой счастливым, спокойным и исполненным благодарности к провидению за дарованное вам *сокровище*, — чтобы вы забыли прошлое, а будущее ваше принадлежало всецело вашей жене и детям!

Судя по тому, что мне известно об образе мыслей государя относительно вас, я уверена, что, если бы вы пожелали получить какую-либо должность

[1] „Брак в высшем свете“.

при нем, она была бы вам предоставлена. Быть может, этим не следует пренебрегать — это поставит вас в более независимое положение и в смысле состояния, и по отношению к правительству.

Государь настолько к вам расположен, что вам тут не нужна ничья помощь, — но ваши *друзья*, конечно, станут разрываться для вас на 46 тысяч частей — родные вашей жены также могут оказаться вам тут полезны. Думаю, что вы уже получили мое совсем коротенькое письмецо. Ничто, в сущности, между нами не изменилось — я буду чаще видеть вас..... (если бог приведет еще раз свидеться). Отныне — мое сердце, мои сокровенные мысли станут для вас непроницаемой тайной, а письма мои будут такими, какими им следует быть — океан ляжет между вами и мною — но *раньше* или *позже* — вы всегда найдете во мне для себя — для вашей жены и ваших детей — друга, подобного скале, о которую всё будет разбиваться. — Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на всё, я драгоценный человек для своих друзей — я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами — не падаю духом, еду опять — время, обстоятельства — ничто меня не пугает. Усталость сердца не отражается на моем теле — я ничего не боюсь — я многое понимаю, и моя готовность услужить другим является в такой же мере даром небес, как и следствием положения в свете моего отца и чувствительного воспитания, в котором всё было основано на необходимости быть полезной другим!

Утопив в слезах мою любовь к вам, я всё же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое готово пойти за вас в огонь и в воду — ибо так я люблю даже тех, кого люблю мало!

Стр. 92, строка 22 и сл.

Не знаю еще, приеду ли я в Петербург — покровительницы, которых вы так любезно мне обещаете, слишком блестящи для моей милой Натали. Припадаю к их стопам и к вашим, сударыня.

18 мая.

Стр. 92, строка 6 снизу. — 10 процентов <.....> 5 процентов.

Стр. 93, строка 3 снизу и сл. — стр. 94, строка 1 и сл.

Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за „Эрнани“. Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв — бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв, — и, к слову сказать, если в Петербурге возможно достать его „Утешения“, — сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне.

Что касается моей женитьбы, то ваши соображения по этому поводу были бы совершенно справедливыми, если бы вы менее поэтически судили обо мне самом. Дело в том, что я человек средней руки, и ничего не имею против того, чтобы прибавлять жиру и быть счастливым, — первое легче второго. (Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет терпения начать сызнова).

С вашей стороны очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу

занять при нем? Не вижу ни одного подходящего. Я питаю отвращение к делам и к *бумагам*, как выражается граф Ланжерон. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее, и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я никогда не изменю их.

Стр. 95, строка 3 и сл.

Генерал,

Покорнейше прошу Ваше превосходительство еще раз простить мне мою докучливость.

Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имении *Полотняный Завод* памятник императрице Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40,000 рублей, но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил, как памятью о благодеяниях великой государыни. Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника. Неожиданно решенный брак его внучки застал его врасплох без всяких средств и, кроме государя, разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня, во-первых, разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых — милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть, — когда он будет в состоянии это сделать, — памятник благодетельнице его семейства.

Примите, генерал, уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

29 мая 1830. Москва.

Стр. 96, строка 3 и сл.

Вот моя трагедия. Я хотел принести ее вам лично, но все эти дни я вел себя как юнец, т. е. спал ‹?› целыми днями ‹?›.

Стр. 96, строка 9 и сл.

Итак, я в Москве, — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня нехватило духу проехать по Никитской, еще менее — пойти узнать новости у Аграфены‹?›. Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие. Я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — все мои страхи возобновляются, еще более сильные и мрачные. Мне хотелось бы надеяться, что это письмо уже не застанет вас в Заводе. — Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас.

Стр. 96, строка 4 снизу. — Приписка и нота-бене.

Стр. 96, строка 3 снизу. — фрисландские кобылки *(военное приспособление).*

Стр. 102, строка 14 и сл. — Шлю тебе мое послание с только что внесенными исправлениями. Скажи мне, дорогой Александр, доволен ли ты им? Я хочу, чтобы это послание было достойно посвящения такому прекрасному поэту, как ты, — на зло дуракам и завистникам.

Стр. 102, строка 20 и сл.

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас чрезвычайно хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно). Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции, — я кое-как починил ее при помощи булавок, — на следующей станции пришлось повторить то же самое — и так далее. Наконец, за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского <?>, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына. Петербург уже кажется мне страшно скучным, и я хочу сократить насколько возможно мое пребывание в нем. — Завтра начну делать визиты вашим родным. Наталья Кирилловна на даче, Катерина Ивановна в Парголове (чухонской деревушке, где живет графиня Полье).— Из очень хорошеньких женщин я видел лишь м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно вчера обедал.

Тороплюсь — целую ручки Наталье Ивановне, которую я не осмеливаюсь еще называть маменькой, и вам также, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас. Поклоны вашим сестрицам.

А. П.

20 июля.

М-ль Наталии Гончаровой.

Стр. 103, строка 3 и сл. — стр. 104, строки 1 — 2.

Передал ли вам брат мое письмо и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь. Надо вам рассказать о моем визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия. — Это вы женитесь на моей внучатной племяннице? — Да, сударыня. — Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили, Наташа ничего мне об этом не писала. (Она имела ввиду не вас, а маменьку). На это я сказал ей, что брак наш решен был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов; Наташа знает, как я ее люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне, — а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня.

Затем она долго расспрашивала о маменьке, о Николае Афанасьевиче, о вас; повторила мне комплименты государя на ваш счет — и мы расстались очень добрыми друзьями. — Неправда ли, Наталья Ивановна ей напишет?

Я еще не видел Ивана Николаевича. Он был на маневрах и только вчера вернулся в Стрельну. Я поеду с ним в Парголово, так как ехать туда одному у меня нет ни желания, ни мужества.

На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но может быть он и сам приедет в Петербург. Что поделывает заводская Бабушка — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне? Что вы поделываете? Кого видите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишете ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них, — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя. — На этих днях я ездил к своей египтянке. Она очень заинтересовалась вами. Заставила меня нарисовать ваш профиль, выразила желание с вами познакомиться, — я беру на себя смелость поручить ее вашему вниманию. <.....> Засим, кланяюсь вам. Мое почтение и поклоны маменьке и вашим сестрицам. До свидания.

Стр. 104, строка 11 и сл. — стр. 105, строка 1 и сл.

Вот письмо от Афанасия Николаевича, которое мне только что переслал Иван Николаевич. Вы не можете себе представить, в какое оно ставит меня затруднительное положение. Он получит разрешение, которого так добивается. Но что касается Завода, то у меня нет ни влияния, которое он мне приписывает, ни желания действовать против воли Натальи Ивановны и без ведома вашего старшего брата. Хуже всего то, что я предвижу новые отсрочки, это поистине может вывести из терпения. Я еще не видел Катерины Ивановны, она в Парголове у графини Полье, которая почти сумасшедшая — спит до 6 часов вечера и никого не принимает. Вчера г-жа Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтобы намылить мне голову за то, что я не выполнил еще формальностей, — но право у меня почти нет на это сил. Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. Афанасию Николаевичу следовало бы выменять на нее негодную Бабушку, раз до сих пор ему не удалось ее перелить. Серьезно, я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, пóстарайтесь, пожалуйста.

Я ветреник, мой ангел: перечитывая письмо Афанасия Николаевича, вижу, что он не собирается больше закладывать свое Заводское имение, а хочет, по моему совету, просить о единовременном пособии. Это другое дело. В таком случае я сейчас же отправлюсь к своему кузену Канкрину просить у него приема. — Я еще не видался с Бенкендорфом, и это к лучшему. постараюсь устроить всё во время одного приема.

Прощайте, <мой ангел>. Поклоны всему вашему семейству, которое я осмеливаюсь считать своим.

30 июля.

Пришлете ли вы мне расписку?

Стр. 105, строка 25. — м-ль Зонтаг.

Стр. 105, строки 27—29. — м-ль Зонтаг. Очень благодарю г-на Робера за его письмо, на которое надеюсь скоро отвечать словесно.

Стр. 106, строка 10 и сл. — мне так много надо было сказать вам. К стыду своему признаюсь, что мне весело в Петербурге и я совершенно не знаю, как и когда вернусь. <......> во всяком случае до свиданья.

А. П.

Стр. 107, строка 6 снизу и сл. — Вот моя беседа с вашим камердинером, я продолжил бы ее в стихах, если бы не так стремился сказать вам прозой, как бесконечно я раздосадован, что не застал вас дома. Всего лучшего.

Вл. Г.

Тысяча приветов верхнему соседу.

Стр. 108, строка 3 и сл.

Как я должен благодарить вас, сударыня, за любезность, с которой вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордоннанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то оранг-утанов я осужден жить в самое интересное время нашего века! В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург.

„Парижанка“ не стоит „Марсельезы“. Это водевильные куплеты. Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав герцога Бордосского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае теперь он снова попал в оппозицию. В чем сущность оппозиции газеты „Время“? Стремится ли она к республике? Те, кто еще недавно хотели ее, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии. Брак г-жи де-Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен; а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция.

Покорнейше прошу вас, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей. Благоволите принять уверение в моей преданности и высоком уважении.

Пушкин.

21 августа. Москва.

Стр. 109, строка 12 снизу и сл.

Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь.

А. П.

М-ль Наталии Гончаровой.

Стр. 110, строка 3 и сл.

Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем, скажите ему сами, и оба сохраните это втайне. Ах, что за проклятая штука счастье! Addio,[1] милая княгиня. Напишите мне словечко в ‹. . . .›.

Стр. 111, строка 3 и сл.

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаюсь я карантинов, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях — Cholera morbus[2] (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. Сейчас же напишу Афанасию Николаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения. Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин за их любезную память; еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе.

9 сент. Болдино.

Стр. 112, строка 23. — с боевым кличем на устах!

Стр. 114, строка 12 и сл. — стр. 115, строка 1 и сл.

Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородске лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантинов, и в каждом из них мне придется провести две недели, — подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы: представьте себе насыпи с обеих сторон, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, — за то пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим.

А вы что сейчас поделываете? Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что̀ он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило подымать

[1] Прощайте
[2] Холера

столько шума! Не смейтесь надо мной; я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? ‹Мой ангел›, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантинов. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел. — Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных?

30 сент.

Стр. 115, строка 15 и сл. — стр. 116, строка 1 и сл.

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно. Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустошений и число жертв; одна молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что от чумы умирает только простонародье — всё это прекрасно, но всё же порядочные люди тоже должны принимать меры предосторожности, так как именно это спасает их, а не их изящество и хороший тон. Итак, вы в деревне, в безопасности от холеры, неправда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк. Напишите мне о нем, потому что здесь я газет не читаю. Я так глупею, что это просто прелесть. ‹....›. Вот поистине плохие шутки. Я смеюсь „желтым смехом“, как говорят рыночные торговки. Прощайте. Повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны всему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили.

11 октября.

Стр. 117, строка 5. — примерно.

Стр. 117, строки 15—16. — хотя от них у нас зависит хорошая и дурная погода.

Стр. 117, строка 14 снизу. — о мертвых — ничего, кроме хорошего.

Стр. 117, строка 12 снизу. — Твой навеки Вильям.

Стр. 117, строки 11—9 снизу. — Я не рекомендую тебе подателя сего письма, так как уверен, что ты и без этого полюбишь его за дружбу, которую он выказал мне во время своего пребывания в Динабурге.

Стр. 120, строка 3 и сл.

9-го вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься? Добавлю еще, что от Лукоянова до Москвы 14 карантинов.

Приятно? Теперь расскажу вам одну историю. Один из моих друзей ухаживал за хорошенькой женщиной. Однажды, придя к ней, он видит на столе незнакомый ему альбом — хочет посмотреть его — дама бросается к альбому и вырывает его. Но мы иногда бываем так же любопытны, как и вы, прекрасные дамы. Друг мой пускает в ход всё свое красноречие, всю изобретательность своего ума, чтобы заставить ее отдать альбом. Дама твердо стоит на своем; он принужден уступить. Немного времени спустя бедняжка умирает. Друг присутствует на похоронах и приходит утешать несчастного мужа. Они вместе роются в ящиках покойной. Друг мой видит таинственный альбом — хватает его, раскрывает; альбом оказывается весь чистый за исключением одного листа, на котором написаны следующие 4 плохих стиха из Кавказского пленника:

<.....>

и т. д... Теперь поговорим о другом. Этим я хочу сказать: вернемся к делу. Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриян, который обделывает выгодные дела. Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю. Не знаю, как добраться до вас. Мне кажется, что Вятка еще свободна. В таком случае поеду на Вятку. Между тем пишите мне в <.....> — ваши письма всегда дойдут до меня.

Прощайте, да хранит вас бог. Повергните меня к стопам вашей матушки.

4 ноября.

Поклон всему семейству.

Стр. 122, строки 5 и 4 снизу. — „Время" <и> „Земной шар".
Стр. 123, строка 9 и сл. — стр. 124, строка 1 и сл.

В Болдинском уединении получил я сразу, сударыня, оба ваших письма. Надо было, подобно мне, познать совершенное одиночество, чтобы вполне оценить дружеский голос и несколько строк, начертанных дорогим нам существом. Очень рад, что благодаря вам отец мой легко перенес известие о смерти Василия Львовича. Я очень, признаться, боялся за его здоровье и ослабевшие нервы. Он прислал мне несколько писем, из которых видно, что страх перед холерой заслонил в нем скорбь. Проклятая холера! Ну, как не сказать, что это злая шутка судьбы? Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружен целою цепью карантинов, и притом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы. Тем не менее, после завтра я выезжаю, и бог знает, сколько [дней] месяцев мне потребуется, чтобы проехать эти 500 верст, на которые обыкновенно я трачу двое суток.

Вы спрашиваете меня, сударыня, что значит слово „всегда", употребленное в одной из фраз моего письма. Я не припомню этой фразы, сударыня. Во всяком случае это слово может быть лишь выражением и девизом моих чувств к вам и ко всему вашему семейству. Меня огорчает, если фраза эта может быть истолкована в каком-нибудь недружелюбном смысле — и я умоляю вас исправить ее. Сказанное вами о симпатии

совершенно справедливо и очень тонко. Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать счастью может только весьма благородная и бескорыстная душа. Но счастье... это великое „быть может“, как говорил Рабле о рае или о вечности. В вопросе счастья я атеист; я не верю в него, и лишь в обществе старых друзей становлюсь немного скептиком.

Немедленно по приезде в Петербург пришлю вам, сударыня, всё, что я напечатал. Отсюда же я не имею возможности ничего вам послать. От всего сердца приветствую вас, сударыня, и всё ваше семейство. Прощайте, до свидания. Верьте моей совершенной преданности.

А. Пушкин.

Стр. 124, строка 8 снизу и сл. — стр. 125, строка 1 и сл.

Болдино 18 ноября.

В Болдине, всё еще в Болдине! Узнав, что вы не уехали из Москвы, я нанял почтовых лошадей и отправился в путь. Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинов являются только аванпостами — а настоящих карантинов всего три. — Я храбро явился в первый (в Сиваслейке, Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что меня задержат лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. ‹.....› Вот каким образом проездил я 400 верст, не двинувшись из своей берлоги.

Это еще не всё: вернувшись сюда, я надеялся, по крайней мере, найти письма от вас. Но надо же было пьянице-почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани, Нижний — Лукоянова, а ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где и придет ко мне, когда богу будет угодно. Я совершенно пал духом и, так как наступил пост — (скажите маменьке, что этого поста я долго не забуду), я не стану больше торопиться; пусть всё идет своим чередом, я буду сидеть, сложа руки. Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж... Есть от чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, который наконец известил меня, что холера затихает. Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца. Прощайте, ‹мой ангел,› будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение. Повергните меня к стопам маменьки, всего хорошего всем. Прощайте.

Стр. 126, строка 3 и сл.

Милостивый государь!

Спешу отослать вам свидетельство на выезд, которое я получил для вас. Я сочувствую вашему положению, так как сам имею родственников в Москве и мне понятно ваше желание туда вернуться. Очень рад, что мог быть вам полезен при этом обстоятельстве и, желая вам счастливого пути, остаюсь, милостивый государь, с совершенным уважением

Ваш нижайший слуга

22 ноября 1830 г. Нижний. Дмитрий Языков.

Стр. 126, строка 16 и сл. — стр. 127, строка 1 и сл.

Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинов, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно.

На следующий день, 1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что государь там, а *все жители покинули ее*. Это последнее известие меня несколько успокаивает. Узнав между тем, что выдают свидетельства на свободный проезд или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, пишу на этот предмет в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (поскольку Болдино не заражено), в то же время меня извещают, что *въезд и выезд из Москвы запрещены*. Эта последняя новость, особенно же неизвестность вашего местопребывания (я не получал писем ни от кого, даже от брата, который думает обо мне, как о прошлогоднем снеге), задерживают меня в Болдине. Я боялся или, вернее, надеялся по прибытии в Москву *вас там не застать* и был уверен, что если даже меня туда и впустят, *то уж наверное не выпустят*. Между тем слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня.

Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде. — Беру почтовых лошадей; приезжаю в Лукоянов, где мне отказывают в выдаче свидетельства на проезд под предлогом, что меня выбрали для надзора за карантинами моего округа. Послав жалобу в Нижний, решаю продолжать путь. Переехав во Владимирскую губернию, узнаю, что проезд по большой дороге запрещен — и никто об этом не уведомлен, такой здесь во всем порядок. Я вернулся в Болдино, где останусь до получения паспорта и свидетельства, другими словами, до тех пор, пока будет угодно богу.

Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды; что брат мой старается оправдать себя, уверяя, что писал мне с самого начала холеры, и что вы несправедливо смеетесь надо мной.

Засим кланяюсь вам.

26 ноября.

Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах.

Так как вы, повидимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа [1] о своем вынужденном заточении.

Я не перечислил вам и половины всех неприятностей, которые мне пришлось вытерпеть. Но я не даром забрался сюда. Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заразы.

---

[1] документ

Стр. 128, строка 14. — задний проход.

Стр. 129, строка 11 снизу и сл. — стр. 130, строка 1 и сл.

Вот еще один документ — извольте перевернуть страницу.

Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на *перекладной*, ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моем печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить всё свое влияние для разрешения мне въезда в Москву. От всего сердца приветствую вас, также маменьку и всё ваше семейство. На днях я написал вам немного резкое письмо, — но это потому, что я потерял голову. Простите мне его, ибо я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас, и бог знает, увижу ли я вас через 75 дней.

P. S. Или же пришлите мне карету или коляску в Платавский карантин на мое имя.

Стр. 130, строка 17 и сл. — стр. 131, строка 1 и сл.

Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену две недели — после чего надеюсь быть у ваших ног.

Напишите мне, умоляю вас, в Платавский карантин. Я боюсь, что рассердил вас. Вы бы простили меня, если бы знали все неприятности, которые мне пришлось испытать из-за этой эпидемии. В ту минуту, когда я хотел выехать, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем, — должность, которую я обязательно принял бы, если бы не узнал в то же время, что холера в Москве. Мне стоило великих трудов избавиться от этого назначения. Затем приходит известие, что Москва оцеплена и въезд в нее запрещен. Затем следуют мои несчастные попытки вырваться, затем — известие, что вы не уезжали из Москвы — наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как всё ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей. Но вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. ‹.....›

Нижний больше не оцеплен — во Владимире карантины были сняты накануне моего отъезда. Это не помешало тому, что меня задержали в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать смотрителю о снятии карантина. Если бы вы могли себе представить хотя бы четвертую часть беспорядков, которые произвели эти карантины, — вы не могли бы понять, как можно через них прорваться. Прощайте. Мой почтительный поклон маменьке. Приветствую от всего сердца ваших сестер и Сергея.

Платава. 2 [окт.] дек.

Стр. 133, строка 6 снизу и сл. — стр. 134, строка 1 и сл.

Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас, — французские газеты и трагедию Дюма, — всё это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом

ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. ... Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. ‹Встаньте›, сказал он им, ‹помните, что вы русские›. Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. — Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. Великодушное посещение государя воодушевило Москву, но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду.

9 декабря.

Госпоже Хитровой в С. Петербург.

Стр. 134, строка 24 и сл. — стр. 135, строка 1 и сл.

Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям. Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении, — что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно, и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, неустрашенное эксцессами распубликанской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не переживало. Я еще не читал газет, так как не имел времени оглядеться. Что же касается русских газет, то, признаюсь, меня очень удивило запрещение „Литературной Газеты". Издатель, без сомнения, сделал ошибку, напечатав конфектный билетец Казимира Ла-Виня, — но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда даже намеков на политику. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, весьма достойного отца семейства, которому, тем не менее, минутная глупость или оплошность могут повредить в глазах правительства, — и как раз в тот момент, когда он ходатайствует перед его величеством о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига.

Будьте добры, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей, благосклонность которых я высоко ценю, и разрешите мне сделать то же по отношению к вам.

11 дек.

Стр. 135, строка 20. — у нас лучше.

Стр. 139, строка 10 и сл.

Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною — и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом.

2 января.

Стр. 140, строка 4. — смело приступить к этому вопросу.
Стр. 140, строки 5—6. — есть основание надеяться, что всё обойдется без войны.
Стр. 140, строка 7. — V. C. P. *то есть* Veuve Cliquot Ponsardin — Вдова Клико Понсарден *(марка шампанского).*
Стр. 140, строка 8. — похвальное слово.
Стр. 140, строка 21. — Прощай.
Стр. 142, строка 17. — Прощай.
Стр. 143, строки 2—3. — *В разговоре это был второй Бомарше.*
Стр. 143, строка 4. — острот.
Стр. 145, строка 12. — Ждите меня под вязом и т. д.
Стр. 146, строка 13. — как явление, вовсе не бывшее.
Стр. 147, строка 23 и сл. — стр. 148, строка 1 и сл.

Вы совершенно правы, сударыня, упрекая меня за то, что я задержался в Москве. Не поглупеть в ней невозможно. Вы знаете эпиграмму на общество скучного человека:

Я не один, и нас не двое.

Это эпиграф к моему существованию. Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы.

Помните ли вы то хорошее время, когда газеты были скучны? Мы жаловались на это. Право же, если мы и теперь недовольны, то на нас трудно угодить.

Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чудес не бывает. Ее спасение в отчаянии, *una salus nullam sperare salutem*,[1] а это бессмыслица. Только судорожный и всеобщий подъем мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, неприличествующий могуществу. Всё хорошее в них, то-есть чистосердечие, исходит от государя; всё плохое, то-есть самохвальство и вызывающий тон — от его секретаря. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад.

Французы почти перестали меня интересовать. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена. Их король с зонтиком подмышкой чересчур уж мещанин. Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут они Наполеона?

---

[1] Единственное спасение — в том, чтобы перестать надеяться на спасение.

Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. [Мон] Наши ряды начинают редеть.

Грустно кланяюсь вам, сударыня.

21 января.

Стр. 148, строки 12—11 снизу. — Довольно, господи, довольно.

Стр. 149, строка 15. — Сен-Флорану.

Стр. 149, строка 25 и сл. — стр. 150, строка 1 и сл.

Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной всё понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта в то время, как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства. Будь вдова моего друга в бедственном положении, поверьте, сударыня, я обратился бы за помощью только к вам. Но Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?..

Мы ждем решения судьбы — последний манифест государя превосходен. Повидимому, Европа предоставит нам свободу действий. Из недр революций 1830 г. возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого. Не такова была система Каннинга.

Итак, г-н Мортемар в Петербурге, и в вашем обществе одним приятным и историческим лицом стало больше. Как мне не терпится очутиться среди Вас — я по горло сыт Москвой и ее татарским убожеством!

Вы говорите об успехе Бориса Годунова: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, — чтобы моя трагедия могла увидеть свет. Впрочем, всё хорошее в ней до такой степени мало пригодно для того, чтобы поразить почтенную публику (то-есть ту чернь, которая нас судит), и так легко осмысленно критиковать [ее] меня, что я думал доставить удовольствие лишь дуракам, которые могли бы поострить на мой счет. Но на этом свете всё зависит от случая и *delenda est Varsovia.*[1]

Стр. 151, строки 1—2. — Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах.

Стр. 151, строка 8. — тоска.

Стр. 152, строка 8. — по-мещански.

Стр. 155, строка 8. — Прощай.

Стр. 155, строка 9. — февраля.

Стр. 155, строки 11—8 снизу. — Милостивому государю господину Пушкину и пр. и пр. и пр. *князь Владимир Голицын.*

Стр. 155, строка 5 снизу и сл. — стр. 156, строка 1 и сл.

3 марта 1831 г. С. Петербург.

Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим счастьем и выразить вам мои пожела-

[1] Варшава должна быть разрушена.

ния, чтобы оно оказалось столь прочным и полным, насколько это вообще возможно в нашем мире. Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы. Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги, словом, чтобы вас осенила и всегда охраняла милость господня. Мне не терпится увидеть собственными глазами ваше сладостное и добродетельное счастье. Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее юную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно, если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои, как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали.

Стр. 157, строка 8 и сл.

Суматоха и хлопоты этого месяца, который отнюдь не мог бы быть назван у нас медовым, до сих пор мешали мне вам написать. Мои письма к вам должны были бы быть полны извинений и выражения благодарности, но вы настолько выше того и другого, что я себе этого не позволю. Итак, брат мой будет обязан вам всей своей будущей карьерой; он уехал, исполненный признательности. Я с минуты на минуту жду решения Бенкендорфа, чтобы сообщить о нем брату.

Надеюсь, сударыня, через месяц, самое большее через два, быть у ваших ног. Я живу этой надеждой. Москва — город ничтожества. На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о вы, входящие сюда. Политические новости доходят до нас с запозданием или в искаженном виде. Вот уже около двух недель, как мы ничего не знаем о Польше, — и никто не проявляет тревоги и нетерпения! Если бы еще мы были очень беспечны, легкомысленны, сумасбродны, — ничуть не бывало. Обнищавшие и унылые, мы тупо подсчитываем сокращение наших доходов.

Вы говорите о г-не де Ламене, я знаю, что это Боссюэт журналистики. Но его газета до нас не доходит. Пусть пророчествует вволю; не знаю, является ли для него Ниневией Париж, но мы-то уж несомненно тыквы.

Скарятин только что сообщил мне, что видел вас перед отъездом, и вы были так добры, что вновь вспомнили обо мне, хотели даже послать мне книги — я вынужден непременно благодарить вас, хотя бы должен был вас этим рассердить.

Благоволите принять уверение в моем почтительном уважении и засвидетельствовать его графиням, вашим дочерям.

26 марта.

Мой адрес: <....>

Стр. 158, строки 21—22. — *Крабба, Вордсворта, Соути ‹и› Шекспира.*
Стр. 159, строка 12 снизу. — неблагоприятный отзыв.
Стр. 161, строка 10. — я предпочитаю скучать иным образом.
Стр. 161, строка 7 снизу. — „Физиология брака“.
Стр. 164, строка 13 и сл.

Посылаю вам, сударыня, „Странника“, которого вы у меня просили. В этой немного вычурной болтовне чувствуется настоящий талант. Самое замечательное то, что автору уже 35 лет, а это его первое произведение. Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где шла речь о поляках 1812 г. С поляками 1831 г. куда больше хлопот, и их роман еще не окончен. Здесь распространяют слухи о сражении, якобы имевшем место 20 апреля. Они должно быть ложны, по крайней мере что касается числа.

Переезд мой задерживается на несколько дней из-за дел, которые меня мало касаются. Надеюсь справиться с ними к концу месяца.

Брат мой ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие. Я уже написал ему отеческое письмо, в котором, не знаю собственно за что, намылил ему голову. В настоящее время он должен быть в Грузии. Не знаю, следует ли переслать ему ваше письмо; я предпочел бы оставить его у себя.

Не прощаюсь с вами, сударыня, и не приписываю учтивых фраз.

8 мая.

Стр. 164, строка 7 снизу. — Я вас люблю.
Стр. 165, строка 3 и сл.

Посылаю тебе, милый Пушкин, письмо к моему брату и два ящика с цветным стеклом. Передай брату и то, и другое, и третье.

Обманщик! Неужели ты способен уехать из Москвы, не простившись со своими лучшими друзьями?

Весь твой М. Орлов.

Стр. 166, строка 9 снизу и сл.

Возвращаю вам, сударыня, ваши книги, и покорнейше прошу прислать мне второй том „Красного и черного“. Я от него в восторге. „Плок и Плик“ — дрянь. Это нагромождение нелепостей и чепухи, не имеющее даже достоинства оригинальности. Можно ли уже получить „Богоматерь“? До свиданья, сударыня.

А. Пушкин.

Госпоже Хитровой.

Стр. 167, строка 8 снизу — стр. 168, строка 1 и сл.

Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренне сожалею, что не могу провести у вас вечер. Будь что будет с самолюбием Селливана. Вы так находчивы — придумайте что-нибудь такое, что могло бы его успокоить. Всего лучшего, сударыня, и главное — до свиданья.

‹Н. Н. Пушкина:›

Я в отчаянии, сударыня, что не могу воспользоваться вашим любезным приглашением, мой муж увозит меня в Царское Село. Примите уверения в моем сожалении и совершенном уважении.

Наталья Пушкина.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

Стр. 169, строка 24. — невмешательства.

Стр. 171, строка 15 и сл.

Милостивый государь.

Будучи бесконечно польщен доверием, которым вы изволили меня почтить, я прошу вас принять выражение моей столь же искренней, как и чувствительной благодарности.

Позвольте однако, милостивый государь, возвращая вам черновик прошения, который вы имели любезность мне сообщить, — заверить вас с присущей мне откровенностью, что я далек от того, чтобы покровительствовать одному какому-нибудь литератору, кто бы он ни был, за счет его собратьев. К сожалению, встречаются люди, до чрезвычайности склонные к тому, чтобы изображать в дурном свете самые невинные обстоятельства. Вот почему мне приписали влияние, которым я никогда не пользовался и которое было бы совершенно противоположно моим принципам. Я знаю издателей „Северной Пчелы" лучше других по прежним, чисто светским отношениям; это единственные литераторы, которые изредка навещают меня и с которыми я иногда обмениваюсь литературными мнениями, не всегда, впрочем, становясь на их сторону. Таким образом, пристрастие к этим господам мне приписывают совершенно безосновательно и даже не без зложелательства. Что касается политических статей, которые я им изредка посылаю для напечатания в их газете, то я делаю это ex officio,[1] по поручению генерала Бенкендорфа, который обычно скрепляет их своей подписью. По этой самой причине осмеливаюсь думать, что вы, быть может, хорошо бы сделали, обратившись с вашим проектом к генералу Бенкендорфу, который неоднократно давал явные доказательства своей особой к вам благосклонности.

Ради добросовестности, в ответ на ваше любезное доверие, я счел своим долгом изложить вам эти подробности.

Желая вам самого блестящего успеха в вашем предприятии, я несомненно одним из первых буду радоваться и поздравлю публику с тем, что замечательный талант, подобный вашему, в такой же мере будет доставлять ей удовольствие, как и способствовать ее просвещению.

В заключение прошу принять выражение моего совершенного уважения.

М. Г. Фон-Фок.

8 июня 1831 г.

Стр. 172, строка 3 и сл.

Мне очень досадно, что я не могу провести вечер у вас. Вещь очень скучная, то-есть обязанность, заставляет меня идти зевать, сам не знаю, куда. Вот, сударыня, книги, которые вы были так добры одолжить мне. Легко понять ваше восхищение „Богоматерью". Во всем этом вымысле очень много изящества. Но, но... я не смею высказать всего, что о ней думаю. Во всяком случае, падение священника со всех точек зрения великолепно, от него дух захватывает. „Красное и черное" хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса.

Вторник.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

[1] по обязанностям службы

Стр. 175, строка 2. — портфель.
Стр. 175, строка 17. — Коня! коня! Престол мой за коня!
Стр. 176, строка 3 и сл.

Свистунов сказал мне, что увидит вас сегодня вечером; пользуюсь случаем, сударыня, чтобы просить вас об одном одолжении; я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены. У меня здесь есть только „*Мемуары, относящиеся к революции*". На днях я расчитываю на несколько часов приехать в Петербург. Я воспользуюсь этим, чтобы явиться на Черную речку.

Милостивой государыне госпоже Хитровой.

Стр 176, строка 14 и сл.

Ну что же, друг мой, куда девалась моя рукопись? Я не имею от вас известий со дня вашего отъезда. Сначала я не хотел писать вам о ней, решив, согласно моим правилам, предоставить всё течению времени; но, поразмыслив, рассудил, что на этот раз дело обстоит иначе. Я, друг мой, завершил всё, что обязан был сделать, сказал всё, что имел сказать: мне не терпится иметь всё это под рукой. Постарайтесь, пожалуйста, чтобы мне не пришлось долго ждать моего сочинения и напишите мне поскорее, что вы с ним сделали. Вы знаете, к чему я стремлюсь. Мною руководит не честолюбие, а желание принести пользу. Это не значит, что мне не хотелось бы выйти немного из неизвестности; ведь это — средство дать распространение мысли, которую, я думаю, мне предопределено открыть миру; но главная забота моей жизни, это выносить эту мысль в глубине души и сделать ее своим наследием.

Очень жаль, друг мой, что нам не удалось соединить наши жизненные пути. Я продолжаю думать, что мы должны были итти об руку и из этого получилось бы нечто полезное и для нас и для других. Мне опять приходит это в голову с тех пор, как я стал иногда ходить, угадайте куда? — в Английский клуб. Вы говорили мне, что бывали там, я мог встретиться с вами в этом прекрасном помещении, среди колонная, так похожих на греческие, в тени прекрасных деревьев; это обязательно повлекло бы за собой мощный обмен мыслей. Я часто испытывал нечто подобное.

Будьте здоровы, друг мой. Пишите мне по-русски; вы должны говорить только на языке своего призвания. Я жду от вас хорошего длинного письма; пишите мне обо всем, о чем пожелаете; всё, что исходит от вас, будет мне интересно. Надо только начать; я уверен, что у нас найдется тысяча вещей, чтобы рассказать друг другу.

Ваш, весь ваш, от всего сердца.

Чаадаев.

17 июня.

Стр. 177, строка 21 и сл.

Спасибо, сударыня, за „Революцию" Минье, я получил ее через Новосильцева. — Правда ли, что Тургенев покидает нас и притом так внезапно?

Итак, у вас появилась холера; впрочем, не бойтесь. Это та же история, что и с чумой; порядочные люди от нее не умирают, как говорила малень-

кая гречанка. Надо надеяться, что эпидемия окажется не слишком сильной, даже среди простого народа. В Петербурге много воздуха, да притом и море...

Я исполнил ваше поручение, — вернее, не исполнил его — ибо что за мысль явилась у вас заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, не знающего даже орфографии? Кроме того, и стихи посредственные. Я написал на ту же тему другие, не лучше этих, и перешлю их вам, как только представится случай.

Будьте здоровы, сударыня, это сейчас самое неотложное, что я имею сказать вам.

Стр. 178, строки 17—18. — с глазу на глаз.
Стр. 178, строки 3—2 снизу. — отсутствующие всегда правы.
Стр. 182, строка 3 и сл.

Милостивая государыня,

Я вижу из письма, написанного вами Натали, что вы очень недовольны мною вследствие того, что я сообщил Афанасию Николаевичу о намерениях г-на Поливанова. Мне кажется, я сперва говорил об этом с вами. Не мое дело выдавать девиц замуж, и мне совершенно безразлично, будет ли предложение г-на Поливанова принято или нет, но вы добавили, что мое поведение делает мне мало чести. Это выражение оскорбительно и, осмеливаюсь сказать, я никоим образом его не заслужил.

Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость но, повидимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем, мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною взаймы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать.

С глубочайшим уважением остаюсь, милостивая государыня, вашим покорнейшим и послушным слугой

Александр Пушкин.

26 июня 1831 г. Царское Село.

Стр. 184, строка 13 и сл. — стр. 185, строка 1 и сл.

Я всё откладывал письмо к вам, с минуты на минуту ожидая вашего приезда; но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. Поэтому, сударыня, я поздравляю вас письменно и желаю м-ль Евпраксии всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо.

Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты рассвирепевшей чернью. Государь явился среди бунтовщиков. Мне пишут: ‹. . . .›. Нельзя отказать ему ни в мужестве, ни в умении говорить, на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи. Мы ожидаем двор в Царское Село, куда зараза еще не проникла; но думаю, что это не замедлит случиться. Да сохранит бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, уверение в моем высоком уважении и совершенной преданности. Кланяюсь всему вашему семейству; примите также поклон от моей жены, в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам.

Царское Село. 29 июня 183‹1›.

Стр. 186, строка 11. — Ответьте, пожалуйста.

Стр. 187, строка 17 и сл. — стр. 188, строка 1 и сл.

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что̀ у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощряются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Велизара. Ваша рукопись всё еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них

извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме — изумительно по силе, истинности или красноречию. Всё, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то-есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца.

6 июля. Царское Село.

Стр. 188, строка 24 и сл.

Милый друг, я просил вас вернуть мою рукопись; жду ответа. Признаюсь, мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, как можно скорее. У меня есть основание полагать, что я могу немедленно использовать ее и выпустить в свет вместе с остальными моими писаниями.

Неужели вы не получили моего письма? Это вполне возможно, вследствие великого бедствия, которое на нас обрушилось. Я слышал, что оно не коснулось Царского Села. Излишне говорить вам о том, как я был счастлив это узнать. Простите, друг мой, что я занимаю вас своей особой в то время, как ангел смерти так грозно витает над местами, где вы живете. Я не сделал бы этого, живи вы в самом Петербурге, но уверенность, что вы не подвергаетесь опасности там, где находитесь, придала мне смелость написать вам.

Как мне было бы радостно, друг мой, если бы в ответ на это письмо вы сообщили [много] побольше о себе и продолжали сообщать всё время, пока длится эпидемия. Могу ли я на это рассчитывать? Будьте здоровы. Без конца желаю вам благополучия и нежно обнимаю вас. Пишите мне, пожалуйста. Преданный вам Чаадаев.

7 июля 1831.

Стр. 191, строка 19. — свое любезное „я“.

Стр. 191, строки 25—26. — Нельзя ни от кого требовать невозможного. Бывший служитель культов.

Стр. 195, строка 24 и сл. — стр. 196, строка 1 и сл.

19 июля.

Спасибо за ваше любезное письмо, только что мною полученное, дорогой Александр, спасибо за его дружеский характер. Мы надеемся, что Евпраксия будет счастлива со своим избранником, который, повидимому, обладает

всеми качествами, создающими семейное счастье. Венчание состоялось 7-го сего месяца, и так как я провела три дня во *Вреве*, то ваше письмо пришло в мое отсутствие; вдобавок, будучи адресовано в Опочку, оно пролежало там еще некоторое время. Несмотря на сведения Петербургской литературной газеты, холера побывала в Острове только в воображении лекарей, а до прошлого понедельника она щадила и Псков. — С тех пор я ничего нового о ней не слышала. Наш маленький кружок, слава богу, пока еще не пострадал, — однако в Островском уезде она, по слухам, обнаружилась, но, кажется, не приняла угрожающих размеров. Вообще, повидимому, большую смертность следует приписать неумению лечить эту болезнь и ее быстрому течению, а не ее заразительности. <.....> Мы живем потихоньку и благодарим господа за его доброту, которая охраняет нас, однако мы не б дем счастливы и спокойны до тех пор, пока не получим уверенности, что наши петербургские, царскосельские и павловские друзья вне опасности. — Нравится ли мне ваш воздушный замок? Если я найду малейшую к тому возможность, я не успокоюсь, пока это не осуществится, — но если это окажется несбыточным, то у границы моих владений, на берегу *реки Великой*, находится маленькая усадьба: местоположение прелестно, домик окружен прекрасной березовой рощей. Продается одна лишь земля, без крестьян. Не пожелаете ли вы приобрести ее, если владельцы Савкина не захотели бы с ним расстаться? — Во всяком случае, я постараюсь сделать всё возможное. Прошу вас отрекомендовать меня вашей прекрасной супруге как особу, которая нежно любит вас, а ею восхищается по наслышке и готова полюбить от всего сердца. Да спасет и охранит вас бог — вот главное желание, наполняющее сейчас мой ум и сердце.

Стр. 198, строки 8—9. — Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни *(буквально:* заправить его кастрюлю*)*.

Стр. 199, строка 3 и сл.

Пишу тебе только два слова, да и то лишь для того, чтобы снова докучать тебе относительно денег. — Я занял у генерала Раевского 300 рублей, которые прошу тебя уплатить ему или подателю сего.

1831. Сего 24 июля. Лев Пушкин.

Милостивому государю господину Пушкину, в Петербурге.

Стр. 201, строка 3 и сл.

Ваше молчание начало уже меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше, пришедшее очень кстати, меня успокоило. Еще раз поздравляю вас и от глубины души желаю всем благополучия, спокойствия и здоровья. Я сам доставил ваши письма в Павловск, умирая от желания знать их содержание; но матери моей не оказалось дома. Вы знаете о том, что̀ у них произошло, о выходке Ольги, о карантине и т. д. Теперь, слава богу, всё кончено. Родители мои уже не под арестом. Холеры больше бояться нечего — она кончится в Петербурге. Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? Солдаты взбунтовались всё под тем же бессмысленным предлогом, что их отравляют. Генералы, офицеры и лекаря были все перебиты с утонченной жестокостью.

Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием. Но нельзя допускать, чтобы народ привыкал к бунтам, а бунтовщики — к появлению государя. Кажется, теперь всё кончено. Вы судите о болезни гораздо вернее, чем врачи и правительство. <......> Если бы эту истину знали раньше, мы избежали бы множества бед. Теперь лечат холеру как всякое отравление — *постным маслом и горячим молоком,* не пренебрегая и паровыми банями. Дай бог, чтобы вам не пришлось воспользоваться этим рецептом в Тригорском.

Отдаю в ваши руки свои интересы и планы. Не важно, будет ли это *Савкино* или какое нибудь другое место; я только хочу быть вашим соседом и владельцем красивого уголка. Благоволите сообщить мне стоимость такого или иного имения. Обстоятельства, повидимому, задержат меня в Петербурге дольше, чем я того желал бы, но это нисколько не меняет моих намерений и надежд.

Примите уверение в моей преданности и совершенном уважении. Кланяюсь всему вашему семейству.

29 июля. Царское село.

<Н. Н. Пушкина:>

Разрешите мне, милостивая государыня, поблагодарить вас за те любезности, которые вы высказываете мне в письме к моему мужу; заранее поручаю себя вашему расположению и расположению ваших дочерей. Примите, милостивая государыня, выражение моего почтения.

Наталья Пушкина.

Стр. 202, строка 3 и сл.

Мне надо рассказать вам о тысяче вещей, но так как нас разделяют двадцать две версты, я вынужден написать вам всего десять слов. Проект политической и литературной газеты — прелесть, я много о нем думаю: я искал и, кажется, нашел для его выполнения путь верный и вместе с тем благородный. Вы знакомы с г-ном Уваровым, бывшим арзамасцем: мне кажется, он хорошо ко мне относится, хотя и не очень ладит с моим начальством, но зато он очень хорош с генералом Бенкендорфом; ему сообщили о вашем проекте, он его одобряет, приветствует, он от него в восторге и поговорит о нем с генералом, когда вам это будет угодно. Я повторяю, вы знакомы с г. Уваровым: следовательно, вы знаете, что это царедворец, раздраженный неудачами, но который никогда не зайдет так далеко в своем злопамятстве, чтобы отказаться от значительной должности, если ему предложат ее; это умный человек, пресыщенный наслаждениями, которые может доставить разум, но всегда готовый вернуться к литературной и ученой деятельности; в конечном итоге, это добрый малый, но тщеславный, обиженный и раздосадованный тем, что он не достиг той степени почета и власти, к которым стремился двумя путями, испробованными им один за другим; он избрал третий путь — путь богатства, и встретил здесь еще больше препятствий. Думаю, что он исправился, по крайней мере, я нахожу, что он стал гораздо любезнее, чем был раньше. Вся беда в том, что сначала он следовал путем славы, затем путем почестей, приняв одно за другое и смешал их. Это была ошибка, но всё же надо заметить, что его прежние друзья оказались слишком требовательными, скажу даже — неспра-

ведливыми; они вообразили, не знаю право почему, что он обладает стоической твердостью и душою римлянина, а когда убедились в своем заблуждении, — отвернулись от него, словно он изменник и клятвопреступник. Несмотря на всё мое уважение и почтение к ним, я не считаю его столь виновным; я его ценю, я расположен к нему, и мне кажется, он мне платит тем же. Он с жаром, я сказал бы даже — с детской непосредственностью ухватился за идею вашего проекта. Он обещает, клянется помочь его осуществлению; с того момента, как он уверился в ваших благих намерениях, он готов преклоняться перед вашим талантом, которым до сих пор только восхищался. Ему не терпится увидеть вас почетным членом своей Академии Наук; первое свободное академическое кресло у Шишкова должно быть предназначено вам, оставлено за вами; вы — поэт, и не обязаны служить, но почему бы вам не быть при дворе? Если лавровый венок украшает чело сына Аполлона, почему бы ключу не украсить зада потомка древнего и благородного рода? Словом, одно только счастье и слава ждет того, кто не довольствуется тем, чтобы быть украшением своего отечества, но и хочет послужить ему своим пером.

В общем, вы видите, что только от вас зависит приобрести себе горячих и ревностных сторонников. — Он очень хочет, чтобы вы пришли к нему, но желал бы, для большей верности, чтобы вы написали ему и попросили принять вас и назначить час и день, вы получите быстрый и удовлетворительный ответ. В вашей записке вы можете сослаться на меня, но не упоминайте о содержании настоящего письма. Оно должно было заключать в себе десять слов, как я заметил в начале, но, как видно, я принадлежу к тем людям, которым требуется два часа для того, чтобы их высказать, и три страницы, чтобы их написать. Прощайте, до свидания. А когда будет это свидание?

Вигель.

Стр. 205, строки 11—9 снизу. — то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении своей народности.

Стр. 207, строка 14. — несущественное, мелочи.

Стр. 208, строка 17. — Quarterly ‹Review› — „Трехмесячное обозрение“.

Стр. 208, строки 19—20. — верьте нежности той, которая будет любить вас и за гробом.

Стр. 208, строка 22. — Морнея.

Стр. 208, строка 23. — О женщина, женщина! созданье слабое и обманчивое...

Стр. 212, строка 13 снизу и сл. — стр. 213, строка 1 и сл.

У нас, в окрестностях Тригорского, холера проявляется только в одном неудобстве, — из-за нее опаздывает почта; и этому, я думаю, надо приписать позднее получение вашего письма от 29 июля, дорогой Александр; я получила его 11 августа, а так как всё это время я чувствовала себя неважно, то не могла вам ответить раньше. Кроме того, меня навещали архиерей и г-н Пещуров, затем надо было съездить к Борису и Евпраксии, затем еще тысяча разных мелочей помешали мне написать вам — вплоть до нынешнего дня. Благодарю вас за доверие ко мне, но чем более оно глубоко, тем более и я обязана показать себя достойной его, — и совесть не даст

мне покоя. Вот почему, рискуя вам наскучить, я спрашиваю вас, мой молодой друг, какую сумму вы намереваетесь затратить на приобретение того, что вы называете хижиной, — думаю, что не более 4 или 5 тысяч. Обитатели *Савкина* имеют около 42 десятин, разделенных между тремя владельцами. Двое из них почти уже согласились на продажу, но самый старший не решается и поэтому заламывает цену. Но если только вы мне сообщите сумму, какую вы хотите употребить на покупку, то у нас есть средство согласить пожелания старика с нашими. На что, в самом деле, вам земля, которая удалит вас от Михайловского — (а по вашему любезному выражению осмелюсь добавить) и от Тригорского, привлекающего меня теперь лишь надеждой на ваше соседство. Вот почему я, пока не утрачу всякую надежду, буду стоять за Савкино. — Мы узнали, увы, о беспорядках в военных поселениях. Вы правы, говоря о том, чего не следует делать. Но до тех пор, пока храбрый Николай будет придерживаться военных приемов управления, дела будут идти всё хуже и хуже. Должно быть, он читал невнимательно или вовсе не читал „Историю восточной римской империи“ Сегюра.* — Что думают у вас об этой нелепой польской войне? Когда же она кончится? Я забываю о времени, беседуя с вами, любезный сын моего сердца. Будь у меня лист бумаги величиной с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого всё же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к вам; и однако можно так же хорошо высказать ее в двух словах: любите меня хотя бы в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно. Анета и Александрина вам кланяются.

Прасковья Осипова.

Передайте от меня тысячу приветствий вашим родителям.

‹Н. Н. Пушкиной:›

Поистине, сударыня, те три строчки, которые вы прибавили для меня в письме, только что полученном мною от вашего мужа, доставили мне больше удовольствия, чем в другое время доставили бы три страницы, и я благодарю вас за них от всего сердца. Радуюсь надежде когда-нибудь увидеть вас, ибо я готова восхищаться вами и любить вас, как это делают все, имеющие удовольствие быть знакомыми с вами. Благодаря вам, счастливы люди, которых я люблю, и тем самым вы уже имеете право на мою благодарность. Прошу вас верить очень дружеским чувствам покорной слуги вашей

Прасковьи Осиповой.

Если моя милая Ольга с вами, благоволите передать ей от меня наилучшие пожелания.

---

* И многих других авторов, писавших о причинах падений империй.

Стр. 214, строка 23. — Донья Соль.

Стр. 214, строка 30. — „Красное и черное“.

Стр. 214, строка 10 снизу. — Морнее.

Стр. 214, строка 9 снизу. — Донья Соль.

Стр. 214, строка 8 снизу. — Донью Соль.

Стр. 214, строки 2—1 снизу. — куда бы я ни обернулся, всюду вижу порт Ливорно.

Стр. 219, строки 12—13. — les absents ont toujours tort — отсутствующие всегда неправы.

Стр. 220, строка 7. — ни время, ни разлука, ни дальность расстояния.

Стр. 220, строка 10. — инкогнито, анонимно.

Стр. 221, строка 6. — Соль.

Стр. 221, строка 7. — и обвиняет тебя в фатовстве.

Стр. 222, строка 17 и сл.

Благодарю вас, сударыня, за труд, который вы взяли на себя, вести перегозоры с владетелями Савкина. Если один из них упорствует, то нельзя ли уладить дело с двумя остальными, махнув на него рукой? Впрочем, спешить некуда: новые занятия удержат меня в Петербурге по крайней мере еще на 2 или на 3 года. Я огорчен этим: я надеялся провести их вблизи Тригорского.

Моя жена очень благодарна вам за несколько строк, с которыми вы изволили к ней обратиться. Она предобрая и готова всем сердцем полюбить вас.

Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? вот вопрос, который нас занимает.

Холера перестала свирепствовать в Петербурге, но теперь она пойдет гулять по провинции. Берегите себя, сударыня. Ваши желудочные боли меня пугают. Не забывайте, что холеру лечат, как обычное отравление: молоком и постным маслом — и еще: остерегайтесь холодного.

Прощайте, сударыня, прошу верить моему уважению и искренней привязанности. Приветствую всё ваше семейство.

11 сент. Царское Село.

Стр. 223, строка 23 и сл.

Хотя вам уже знакомы эти стихи, но, ввиду того, что сейчас я послал экземпляр их графине Ламберт, справедливо, чтобы и у вас был такой же.

<. . . . .>

Вы получите второй стих, как только я подберу его для вас.

Стр. 223, строка 3 снизу и сл.

Я только что [прочла] прочла ваши прекрасные стихи — и заявляю, что, если вы не пришлете мне экземпляра (говорят, что их невозможно достать), я никогда вам этого не прощу.

Стр. 225, строка 1 и сл.

Стихи эти были написаны в такую минуту, когда позволительно было пасть духом — слава богу, это время миновало. Мы опять заняли положение, которое не должны были терять. Это, правда, не то положение, каким мы были обязаны руке князя, вашего батюшки, но всё же оно достаточно хорошо. У нас нет слова для выражения понятия *безропотной покорности*, хотя это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель, чрезвычайно свойственна русским. Слово <*столбняк*>, пожалуй, передает его с наибольшей точностью.

Хотя я и не докучал вам своими письмами в эти бедственные дни, я всё же не упускал случая получать о вас известия, я знал, что вы здоровы и развлекаетесь, это, конечно, вполне достойно „Декамерона". Вы читали во время чумы вместо того, чтобы слушать рассказы, это тоже очень философично.

Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы; я не имею от него известий. Однако, насколько пора было взять Варшаву! Вы, полагаю, читали стихи Жуковского и мои: ради бога, исправьте стих

<...........>

Поставьте: <гробов>. Речь идет о могилах Ярослава и печерских угодников; это поучительно и имеет [какой-то] смысл. <Градов> ничего не означает.

Надеюсь явиться к вам в конце этого месяца. Царское Село может свести с ума; в Петербурге гораздо легче уединиться.

Госпоже Хитровой.

Стр. 225, строка 6 снизу и сл. — стр. 228, строка 1 и сл.

Ну, друг мой, что же вы сделали с моей рукописью? Не заболела ли она холерой? Но, говорят, холера у вас не появлялась. Не сбежала ли она случайно? Но в таком случае, дайте мне какое-нибудь указание. Для меня было большим удовольствием снова увидеть ваш почерк. Он напомнил мне время, которое, правда, немногого стоило, но всё же было не лишено надежд; пора великих разочарований тогда еще не наступила. Поймите, я говорю о себе; но и для вас, мне кажется, было преимуществом то, что вы еще не исчерпали всех жизненных возможностей. Действительность для вас оказалась сладостной и блестящей, друг мой: и всё же, бывает ли такая действительность, которая стоила бы обманчивых чаяний, неоправдавшихся предчувствий, лживых видений счастливого возраста неведения? Вы сказали, что хотите побеседовать: поговорим же. Но предупреждаю вас: я не весел; а вы — вы раздражительны. И притом, о чем нам говорить? Я полон одной мыслью, вы знаете это. Если случайно у меня в голове и появятся какие-нибудь другие мысли, они наверное будут связаны в конце концов всё с той же, одной: подумайте, устроит ли это вас. Если бы еще вы передали мне какие-либо мысли из вашего умственного мира, если бы вы вызвали меня как-нибудь. Но вы хотите, чтобы я заговорил первый; будь по вашему, но еще раз: берегите нервы! Итак, вот что я скажу вам. Заметили ли вы, что в недрах мира нравственного происходит нечто необыкновенное, нечто подобное тому, что происходит, как говорят, в недрах мира физического? Скажите мне, пожалуйста, как это на вас действует? С моей точки зрения этот великий переворот вещей в высшей степени поэтичен; вряд ли вы можете оставаться к нему равнодушны, тем более, что поэтический эгоизм может найти себе в этом, как мне представляется, обильную пищу: разве можно оказаться незатронутым в самых сокровенных своих чувствах во время этого всеобщего столкновения всех элементов человеческой природы? Я видел недавно письмо вашего друга, великого поэта: его живость, веселость наводят страх. Не можете ли вы мне объяснить, почему теперь в этом человеке, который прежде мог грустить о всякой мелочи, гибель целого мира не вызывает ни малейшей

скорби? Посмотрите, друг мой: разве воистину не гибнет мир? разве для того, кто не в состоянии предчувствовать новый, грядущий на его место мир, [заметьте, что] это не является ужасным крушением? [Вы] Неужели вы также можете не останавливаться на этом мыслью и чувством? Я уверен, что и чувство и мысль вынашиваются, неведомые вам, где-то в глубине вашей души, только они не могут проявиться, будучи, вероятно, погребены в куче старых идей, привычек, условностей, которыми, что бы вы ни говорили, неизбежно проникнут всякий поэт, во всем, что он делает, вследствие того, друг мой, что, со времен индуса Вальмики, певца „Рамаяны", и грека Орфея до шотландца Байрона, всякий поэт и посейчас должен повторять одно и то же, в какой бы части земного шара он ни пел.

Ах, как хотелось бы мне пробудить одновременно все силы вашей поэтической личности! Как хотел бы я сейчас же вскрыть всё, что, как я знаю, таится в ней, чтобы когда-нибудь услышать от вас одну из тех песен, которых требует наш век! Как тогда всё, что сегодня проходит мимо, не оставляя следа в вашем уме, сразу же поразит вас! Как всё примет в ваших глазах новое обличье! До тех пор, продолжим нашу беседу. Еще недавно, год тому назад, мир жил в спокойной уверенности в своем настоящем и будущем и молчаливо рассматривал свое прошлое и поучался им. Дух возрождался в спокойствии, человеческая память пробуждалась, убеждения приводились в согласие, страсть подавлялась, не было пищи для раздражения, тщеславные находили удовлетворение в прекрасных трудах; все человеческие потребности постепенно сосредоточивались в познании и все человеческие интересы постепенно сводились к единому интересу — к участию в развитии всемирного разума. Во мне была безграничная вера, безграничное к этому доверие. В блаженном согласии мира, в этом будущем, я находил свой душевный покой, свою будущность. И вдруг неожиданно ворвалась тупость одного человека, одного из тех людей, которые, без их на то согласия, призваны руководить человеческими делами. И вот, сразу же спокойствие, мир, будущность — всё исчезло. Подумайте только: это явилось следствием не одного из тех великих событий, которые созданы для того, чтобы потрясать империи и губить народы: глупость одного человека! В водовороте вашей жизни вы не могли почувствовать этого так, как я: это ясно; но неужели изумительное, не имеющее себе подобных происшествие, отмеченное печатью провидения, представляется вам обыкновеннейшей прозой или, в лучшем случае, дидактической поэмой, вроде Лиссабонского землетрясения, до которого вам нет никакого дела? Не может быть! У меня слезы выступают на глазах, когда я всматриваюсь в великий распад старого [общ‹ества›], моего старого общества; это мировое страдание, обрушившееся на Европу так неожиданно, удвоило мое собственное страдание. Однако же, всё закончится хорошо, я вполне в этом уверен и имею утешение видеть, что не я один не теряю надежды на возврат разума к здравому смыслу. Но как произойдет перемена, когда? При посредстве ли могущественного ума, нарочитым образом посланного нам провидением для совершения этого деяния, или же оно явится следствием ряда событий, порожденных им для просвещения рода человеческого? Не знаю. Но смутное предчувствие говорит мне, что скоро появится человек, который принесет нам истину веков. Может быть, вначале это будет некоторым подобием

политической религии, проповедуемой в настоящее время Сен-Симоном в Париже, или же нового рода католицизма, которым несколько смелых священников, как говорят, хотят заменить тот, который утвердила святость веков. Почему нет? Не всё ли равно, как произойдет первый толчок того движения, которое должно завершить судьбы человечества? Многое, предшествовавшее великой минуте, когда *благая весть* была провозглашена божественным посланцем, было предназначено для приготовления к ней мира; и в наши дни, без сомнения, также произойдет многое для подобной же цели; перед тем, как мы получим от неба *новую благую весть*. Будем ждать.

Не поговаривают ли о всеобщей войне? Я утверждаю, что ее не будет. Нет, друг мой, путь крови уже не есть путь провидения. Как бы ни были глупы люди, они не будут больше терзать друг друга как звери:[1] последняя река крови пролилась, и сейчас, когда я вам пишу, источник ее, слава богу, иссяк. Без сомнения, нам угрожают еще грозы и общественные бедствия; но уже не народная ярость принесет людям блага, которые им суждено получить: отныне не будет больше войн, кроме случайных — нескольких бессмысленных и смешных войн, чтобы вернее отвратить людей от привычки к убийствам и разрушениям. Наблюдали ли вы за тем, что творилось во Франции? Не казалось ли, что она подожжет мир с четырех сторон? И что же? Ничего подобного. Что происходит? В глаза посмеялись любителям славы, захвата; мирные и разумные люди восторжествовали, старые фразы, которые так хорошо звучали еще недавно в ушах французов, не находят в них больше отклика.

Отклик! Вот о чем я мечтаю. Очень, конечно, хорошо, что господа Ламарк и его присные не находят во Франции отклика, но я, друг мой, найду ли его в вашей душе? Увидим. Однако из-за этого сомнения перо выпадает у меня из рук. От вас будет зависеть, чтобы я опять взялся за него; выразите мне немного симпатии [пожалуйста] в вашем следующем письме. Нащокин говорит, что вы поразительно ленивы. Поройтесь немного в своей голове, особенно же в своем сердце, которое так горячо бьется, когда хочет: вы найдете больше чем нужно, чтобы мы могли писать друг другу до конца наших дней. Прощайте, милый старый друг. А моя рукопись? Чуть было не забыл про нее. Вы-то не забудьте о ней, пожалуйста. Чаадаев.

18 сентября.

Я узнал, что вы получили назначение, или как это назвать? что вам поручено написать историю Петра Великого. В добрый час! Поздравляю вас от всей души. Перед тем как высказываться дальше, я подожду, пока вы сами заговорите со мной об этом. Прощайте же.

Я только что прочел ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. Не могу достаточно выразить свое удовлетворение. Мы побеседуем об этом в другой раз, обстоятельно. Не знаю, хорошо ли вы понимаете меня. Стихотворение

---

[1] *Непереводимая игра слов:* bête *значит* „глупый“ *и* „зверь“.

к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. Да, друг мой, пишите историю Петра Великого. Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят — а мы пойдем вперед; когда найдена ‹...›[1] одна частица подталкивающей нас силы, то второй раз ее наверное найдешь целиком. Мне хочется сказать себе: вот, наконец, явился наш Данте ‹...›[1] это было бы, может быть, слишком поспешно. Подождем.

Стр. 229, строка 3 и сл.

29 сентября. Тригорское.

В прошлую субботу я с невыразимым удовольствием прочитала ‹..›: они до такой степени заняли мое воображение, что всю ночь я видела вас во сне. Помню, поцеловала вас в глаза — судите же о неожиданном моем удовольствии, когда в то же утро почтальон принес мне ваше письмо от 11-го. Мне хотелось бы поцеловать оба ваших милых глаза, дорогой Александр, за проявленное ко мне внимание, — но будьте покойны. Холера обошла губернию по всем правилам — города и деревни, но с меньшими опустошениями, чем в других местах. Но вот что действительно замечательно: в Великих Луках и Новоржеве она не появлялась до проследования тела великого князя Константина — и была там жестока. Никто из свиты великого князя не заболел, однако же сразу после отбытия их из дома Д. Н. Философова за одни сутки захворало не менее 70 человек. Так всюду на его пути. Это наблюдение подтверждается полученным мною от моей племянницы Бегичевой письмом, в котором она сообщает, что с некоторых пор болезнь в Петербурге опять усилилась, что ежедневно заболевает по 26 или более человек, — и я подозреваю, что одна и та же причина производит одно и то же действие, — а так как Петербург обширнее всех мест, по которым следовало тело великого князя, то болезнь в нем и удержится дольше. Повторяю, она не поднимается на наши высоты. Умным людям приходят в голову сходные мысли, и у нас с вами явилась общая мысль о *Савкине*. Акулина Герасимовна, которой принадлежит половина земли, может быть и продаст ее. А так как вы говорите, что это не к спеху, то есть надежда; но то, что вы пишете о пребывании вашем в Петербурге, заронило во мне мысль: разве не навсегда вы там обосновались? — Савкино может служить приютом лишь на два летних месяца, и если вы приобретете его, то потребуется целое лето, чтобы сделать его обитаемым. — Прошу вас приветствовать свою красавицу-жену, дочери мои вам кланяются. Напомните об мне моей милой Надежде Осиповне. Я всё это время была очень больна лихорадкой, следствием желудочных болей, теперь я поправилась. Прощайте, будьте здоровы и уверены в постоянной нежной преданности вашей П. О.

Стр. 230, строка 12 снизу и сл. — стр. 231, строка 1 и сл.

Спасибо, сударыня, за изящный перевод оды — я заметил в нем две неточности[2] и одну описку переписчика. ‹*Иссякнуть*›, означает *tarir;*

[1] *Вырвано.*

[2] одну неточность

‹скрижали› — tables, chroniques. ‹*Измаилской штык*› — la bayonette d'Ismaël, а не d'Ismailof.[1]

В Петербурге есть для вас письмо; это ответ на первое полученное мною от вас. Велите его вам доставить — я приложил к нему оду, посвященную покойному князю, вашему батюшке.

Г-н Опочинин оказал мне честь зайти ко мне — это очень достойный молодой человек — благодарю вас за это знакомство.

На этих днях буду у ваших ног.

Госпоже Хитровой.

Стр. 223, строка 12 и сл. — стр. 233, строка 1 и сл.

Клеветникам России.

Вольное подражание Пушкину.

Смелые трибуны, народные ораторы,
Северный великан возбуждает вашу ярость;
Послушайтесь меня, прекратите ваши бессмысленные вопли,
Славяне, восставшие на своих же братьев-славян,
Не просят вас обострять их страдания;
Это древний спор у родного очага.
Происходящие от одного племени, враги с давних пор,
Враждующие народы, поочередно одолевающие друг друга,
Борются по врожденному чувству, а не из политических видов.
Видели ли их когда-нибудь объединенными под одним знаменем?
Беспокойный сармат и верный русский
Должны порешить между собой свою кровавую распрю;
Если одному суждено пасть, то нам ли быть теми, кто погибнет?
Утратит ли один из них свое имя, или другой свое могущество?
Для торжества одного нужна смерть другого,
И потрясенный мир не может их сдержать.
Вот в чем спор! — Храните же молчание,
Вы, чуждые нашим нравам, чуждые нашим законам!
В этой величественной драме ваш бессильный голос —
Только оскорбление этой великой борьбе;
Вы не знаете наших обид, наших несчастий,
Наших летописей, орошенных и кровью и слезами,
Наших однодневных побед, нашей вековой ненависти;
Прага и Москва, безмолвные и пустынные,
Не наполняют вас мрачным и священным ужасом...
Чего достигнете вы, осыпав этого царя-великана
Своими устарелыми нападками?
Разве он, презирая позорную участь,
Среди пламени Москвы не отверг закона
Тирана, попиравшего ваших скованных орлов?
За то ли, что в былое время в ваших владениях
Он пощадил ваши труды, ваши памятники, ваше искусство,
Блестящие чудеса ума и вкуса?

[1] Штык Измаила, а не Измайлова.

Разве мы, пришедшие победителями с края света
И поставившие свои палатки у подножия Колонны,
Ценою нашей крови не разбили ваших оков?
Яростные витии, выходите на арену;
Посмотрим, истощились ли силы старого великана.
Иль сломан железный меч Измаила?
Иль голос царя стал едва слышен
В цивилизованном мире?
Иль мы потеряли право на победу?
Иль у нас мало рук? На призыв славы —
Знаете ли вы, что, от склонов бурного Кавказа
До ледяных побережий, где замирает природа,
От берегов Немана до Небесной империи,
Двадцать смелых народов, как один воин,
Ринутся в бой?
Если б, преодолев вечную преграду климатов,
Пришли ваши воины, — о, честолюбивые риторы, —
Если бы они пришли на эти поля, где покоятся их братья,
То около их могильных курганов
Скоро уснули бы также и они.

Стр. 233, строка 4 снизу. — „Мармион".
Стр. 240, строка 4. — рассчитанной на эффект.
Стр. 240, строки 18—19. — Доньи Соль.
Стр. 241, строка 6 снизу и сл. — стр. 242, строка 1 и сл.

Генерал,

Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи еще окончательно зачислен на службу, принужден отлучиться на две — три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартального. Считаю своим долгом поставить о том в известность Ваше превосходительство.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к вам по одному чисто личному делу. Внимание, которое вы всегда изволили мне оказывать, дает мне смелость говорить с вами обстоятельно и с полным доверием.

Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время, как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто. Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подоб-

ного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако, ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь.

Примите, генерал, уверение в моем высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

24 ноября. Ст. П. б.

Стр. 244, строка 22 и сл.

Очень вам благодарен за „Мясника“. В этой вещи чувствуется подлинный талант — но „Барнав“... „Барнав“; вот и Мандзони, принадлежащий графу Литте — прошу вас отослать ему и не обращайте внимания на мои пророчества.

Стр. 244, строки 28—29.

Я буквально без гроша. Прошу вас подождать день или два.

Весь ваш А. П.

Стр. 245, строка 5. — маршрут, дневник путешествия.
Стр. 245, строки 15—16. — Иван Выжигин (совершенно очаровательно!).
Стр. 247, строка 3 и сл.

Милостивый государь,

Лучшим ответом на ваше почтенное письмо от 24-го ноября будет дословное воспроизведение отзыва его императорского величества:

„Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их произносит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — *презрение*. Вот как я поступил бы на его месте. — Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно *его ума* будет лучше, если он не станет распространять их“.

Прошу вас, милостивый государь, принять выражение моего совершенного уважения.

А. Бенкендорф.

С. Петербург. 10 декабря 1831.
№ 6041.

Стр. 248, строка 15. — для того, чтобы сменить всю прислугу (*буквально:* очистить дом).

Стр. 249, строка 4. — головокружение.

Стр. 250, строка 9 снизу. — с двойным зрением, проницательный.

Стр. 266, строка 12. — Когда-нибудь — <.....> Сергей.

Стр. 266, строка 13. — Младший

Стр. 266, строка 24. — Ты мне льстишь, но я тебя люблю —

Стр. 267, строка 3 и сл.

[весьма] разумеется, сударыня, час, удобный для вас, будет всегда удобен и для меня — Итак до завтра и пусть 7-я песнь Онегина заслу<жит>[1]

Стр. 268, строка 9 и сл.

По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в [Нижегородском] полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет.[2] Я подумал, что имею право[3] съездить в Тифлис.[4] Приехав, я уже не застал там армию. Я написал Раевскому (другу детства) с просьбой выхлопотать для меня у графа Паскевича разрешение на приезд в лагерь. — [Раз] Я прибыл в день перехода через Саган-Лу. Раз оказавшись там, [мое положение] я почувствовал, насколько мое положение ложно — мне показалось неудобным уклониться от [войны], на которую я так неожиданно попал.

Мысль о том, что

Стр. 268, строка 21 и сл. — стр. 269, строка 1 и сл.

Явившись к Вашему превосходительству и не имев счастья застать вас, я приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы изволили разрешить[5] к вам обратиться.

Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, а положение моих дел позволяет мне предпринять это,[6] — я бы хотел совершить путешествие во Францию или в Италию[7] — а если мне не дозволено будет поехать [в] Европу,[8] я бы просил [позволения] соизволения посетить Китай с посольством, [готовящимся] отправляющимся туда.

Осмелюсь ли, генерал, еще утруждать вас? В мое отсутствие г-н Жуковский хотел[9] напечатать мою трагедию о Годунове, но он не получил на то формального разрешения. Так как я не имею состояния, мне было бы затруднительно лишиться[10] [десятка] полутора десятков тысяч рублей, которые

---

1 *а.* и пусть мой *б.* и пусть я

2 увидеться с братом, которого я не видал в течение 3 лет

3 Я подумал, что могу

4 тем более, что у меня был открытый <?> лист

5 *а.* с которой вы были так добры *б.* с которой вы разрешили мне

6 предпринимать путешествия

7 *а.* Если однако его величество не *б.* Если однако не могут

8 *а.* дозволено будет посетить *б.* дозволено будет поехать в *в.* дозволено будет отправиться посетить <?> Европу

9 просил <?>

10 *а.* мне было бы [тяжело] себя *б.* мне было бы неприятно лишить себя

может[1] мне принести мой труд.[2] [Эта трагедия написана в духе чистейшей нравственности и монархизма] и мне было бы тяжело отказаться от напечатания того сочинения, которое я больше всего обдумывал, и единственного, которым я удовлетворен.

Однако, если такова [будет] воля государя, я с радостью[3] [готов немедля принести ее в жертву] как единственное доказательство, которое я могу дать, моей [совершенной преданности и]

А что касается политических идей, то они совершенно монархические — [поручаю ее снисхождению] и если

Стр. 269, строка 16 и сл.

[Сегодня 9 лет как] [Сегодня исполнилось ровно] Сегодня [день святого Валентина], это 9-я годовщина[4] дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни — [для] Эго

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; [всякое иное] я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — — [всё] всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство;[5] вдали от вас меня лишь грызет мысль[6] о счастье, которым я [никогда не мог бы достаточно насладиться] не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и придти [бродить около вас] пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет лишь только мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму ‹?›.[7] Там[8] смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас,[9] мельком вас видеть —

Стр. 270, строка 3 и сл. — стр. 272, строка 1 и сл.

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания [надежда на свидание с вами сегодня разбудила меня] итак я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас.[10]

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье,[11] я предпочитаю не говорить, а писать вам.[12] В вас есть ирония, лукавство, которые раздра-

---

[1] которые должен

[2] *а.* мое сочинение *б.* мое творение

[3] я с удовольствием

[4] это годовщина

[5] безрассудство, заблуждение, или ‹. . . . .› *а.* ваше присутствие оживляет меня *б.* одно только ваше присутствие оживляет меня *в.* одно только ваше присутствие способно меня оживить —

[6] *а.* угрызения *б.* угрызения *в.* сожаления *г.* мрачные сожаления

[7] *а.* Молдавии ‹?› *б.* Волыни ‹?› *в.* Одессе ‹?›

[8] Оттуда

[9] *а.* встречать вас *б.* опьяняться

[10] *а.* Между тем мне необходимо поговорить с вами — я не могу быть *б.* Мне необходимо думать *в.* Между тем я не

[11] наслаждение

[12] *а.* Вы *б.* Вдали от вас *в.* Ваше присутствие печалит меня и приводит в отчаяние. Мои речи стеснены, мои ощущения мучительны —

жают и повергают в отчаяние.[1] Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки.[2]

Вы — демон,[3] то-есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в писании.

[Вы] В последний раз вы[4] говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался[5] не верить — [было ли это] в течение целых 7 лет. Зачем. [Хотели ли вы отомстить. Имели]

[Вы не] Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною — Не говорите же мне больше о нем, ради Христа, [Вы заставляете меня испытывать ярость] — В угрызениях совести, если бы я мог испытать их — в угрызениях совести [есть] было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь[6] яростные и богохульные мысли.[7]

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим[8] мне и [мои] жгучие чтения моих юных <?> лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда[9] и ваше собственное существование,[10] такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. Дорогая Элленора,[11] вы знаете, [что всегда] я испытал на себе всё ваше могущество.[12] Вам обязан я тем, что познал[13] всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, так же как и всё, что в нем есть самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась[14] лишь

---

[1] которая огорчает меня и которую

[2] *а.* Ощущения мои мучительны, а слова застывают *б.* Ощущения мои мучительны и превращаются в шутки

[3] Несомненно вы демон

[4] вы мне

[5] *а.* говорили о прошлом и о том, чему я старался *б.* говорили о прошлом. Вы сказали мне вслух то, чему я старался

[6] *а.* вызывает лишь ярость *б.* порождает лишь слезы *в.* вызывает лишь мысли

[7] и богохульства

[8] *а.* [и ваши] ваше очарование <?> *б.* и идеальное очарование и призрак прошлого *в.* и ваши прелести <?> *г.* и одну из идеальных женщин

[9] *а.* который прельщал *б.* который их прельщал

[10] *а.* столь потрясенное страстями, столь далекое от вашего предназначения <?> *б.* столь бурное, столь отдаленное от того, что *в.* столь бурное, [столь далекое <?>] столь отдаленное <?>

[11] было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня

[12] *а.* Если я познал опьянение *б.* если я познал всё уныние, всё ошеломляющее опьянение несчастьем — я обязан этим вам *в.* если я познал всё уныние горестей <?>

[13] *а.* всё ошеломляющее опьянение любви — вы были посланы мне как *б.* всё, что есть в опьянении любви самого судорожного и мучительного *в.* всё, что есть в любви самого судорожного и мучительного, как и всё самое

[14] *а.* у меня не *б.* от всех судорожных ощущений, *в.* от всех этих судорожных ощущений, таких мучительных, у меня осталось для утешения лишь *г.* от всех этих судорожных ощущений и от

слабость выздоравливающего, одна привязанность,[1] очень нежная, очень искренняя и немного робости,[2] которую я не могу побороть.[3]

[Я знаю] Я прекрасно знаю, что вы подумаете,[4] если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё.[5] Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним — (он[6] полон самомнения, как его повелитель — Сатана).[7] Неправда ли.

Однако [я хотел] взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе — [то есть о близости — о доверии] Это просьба очень [пошлая] банальная, очень — как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость [мне кажется, это впервые]

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же как и в день переправы, или же на крестинах, когда ваши [влажные] пальцы коснулись моего лба — Это прикосновение чувствуется мною до сих пор — прохладное, влажное.[8] Оно обратило меня в католика — Но вы увянете;[9] эта красота когда-нибудь <?>[10] покатится вниз как лавина — [Когда ее не станет, мир потеряет] Ваша душа некоторое время еще продержится среди[11] стольких опавших прелестей — а затем исчезнет,[12] и никогда, быть может, моя душа, ее <?> боязливая рабыня,[13] не встретит ее в <?> беспредельной вечности[14] —

[Но ваша душа] но что такое душа [без вашего взгляда]. У нее нет ни взора ни мелодии — мелодия быть может —

Стр. 272, строка 23 — стр. 273, строка 1 и сл.

Мои горячо любимые родители. Обращаюсь к вам в минуту, от которой зависит[15] вся остальная моя жизнь — Обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь —

---

[1] у меня осталась лишь привязанность

[2] той робости

[3] которую я не могу не испытывать в присутствии существа [столь] выдающегося и злотворного

[4] Посмотрите, скажете вы, как он из кожи лезет вон, чтобы заставить меня поверить, что он не то, чем кажется

[5] *а.* Он стыдится прошлого *б.* как он неловок, он стыдится прошлого

[6] так как он

[7] *а.* не имея его *б.* Я *в.* Ну так вот, клянусь вам, я нахожу вас

[8] влажное и прохладное

[9] вы поблекнете

[10] *а.* опадет как *б.* опадет и станет *в.* опадет когда-нибудь

[11] *а.* развалины *б.* развалин

[12] *а.* она соединится *б.* она, одинокая, исчезнет с земли

[13] моя душа не *б.* моя душа, бедная боязливая рабыня

[14] *а.* в толпе *б.* среди <*нрзб.*>

[15] *а.* которая решит *б.* которая определит

[Год тому назад] [Тому назад] [Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год] м-ль Натали Гончаровой.[1] [Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери] — Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия [2] — [надеюсь] и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость —

[Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено] и находится отчасти в зависимости [3] от состояния ее свекра — Это является единственным препятствием [4] моему счастью. [если бы я любил без взаимности я был бы очень несчастлив. Но если, получив ее согласие] У меня нет сил [5] даже и помыслить от него отказаться. — Мне гораздо легче [6] надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для

Стр. 273, строка 17 — стр. 275, строка 1 и сл.

[Вы разрешили мне всегда обращаться к вам, я делаю это с]

[В 1826 г. я] Мне чрезвычайно [совестно] неудобно обращаться к начальству [7] по совершенно личному обстоятельству.[8] Но мое положение [9] и внимание, которое [10] вы до сего времени изволили мне оказывать, [дают мне] меня к тому обязывают.

[Тем не менее я покорнейше прошу вас сохранить это втайне].

Я женюсь [11] на м-ль — которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери, — два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и положение мое относительно правительства. Что касается первого, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне к тому

---

1 *а.* Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год — м-ль Гончаровой, о которой вы имеете *б.* ⟨.....⟩ это м-ль Гончарова.

2 *а.* для моего счастья, то-есть *б.* для нашего счастья, то-есть *в.* для моего счастья, для счастья *г.* для нашего благополучия

3 *а.* Я получил согласие *б.* Так как состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено *в.* Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено, что касается моего *г.* Так как состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено, она принуждена была мне *д.* Состояние — единственное возражение *е.* Я получил согласие м-ль Гончаровой [я имею] и

4 единственным возражением

5 У меня не хватает духу

6 Для меня гораздо утешительнее ⟨?⟩

7 к вам

8 *а.* обстоятельству, которое только *б.* обстоятельству, которое важно для меня одного; *в.* обстоятельству, которое касается меня одного, но вы о нем *г.* обстоятельству, которое касается меня одного; и его

9 Но простите

10 и доверие, которое

11 я собираюсь жениться

возможность.[1] Я могу достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения в свете, я не мог скрыть, что оно двусмысленно и неопределенно. Я исключен из службы покойным императором [на мне лежит еще это пятно] [на мне лежит еще] это клеймо [еще] на мне остается.

[Государь] Мне было бы трудно, несмотря на всё доброе желание, опять вернуться на службу. — Вышедши из Лицея в 1817 г. с чином 10 класса, я так и не получил двух следующих чинов, следуемых мне по праву (я числился на службе [до][2] 1824 г., времени моего исключения), так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Подчиненная должность, которую я могу занять по своему настоящему чину, не может более соответствовать [ни] моему возрасту, [ни] такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, доставила бы мне [без возможности] лишь бесцельные и бесполезные неприятности — итак мне нечего об этом и думать.

[Я покорнейше прошу ваше превосходительство]

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать вас [всем] собой, но счастье мое[3] зависит в некоторой степени от одного благосклонного слова. Г-жа Гончарова боится отдать [семью] свою дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя,[4] между тем преданность моя ему искреннее[5] и сильнее, чем я могу это выразить.

Еще [одна] одно слово и я кончаю. В 1826 г. я привез в Москву написанную в ссылке[6] трагедию о Годунове. Я отнюдь не хотел ее печатать [такою, какой вы ее видели] — Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя и показать в каком духе эта трагедия и т. д. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о [критиках] местах слишком вольных, слишком шуточных, и я должен признать, что его величество[7] был совершенно прав — [другие] две или три сцены привлекли, вероятно, его внимание потому, что они, казалось, представляли намеки на события, в то время еще недавние,[8] но все смуты похожи одна на другую. Перечитывая[9] теперь отмеченные места, я сомневаюсь, чтобы их можно было найти [столь] предосудительными. Драматический писатель не может нести ответственности за слова,[10]

---

[1] *а.* что, благодаря е. в., который дал мне возможность жить плодами ума моего, оно почтенно и независимо. Мое положение *б.* что, благодаря е. в., который дал мне возможность жить плодами ума моего — оно достаточно и независимо. *в.* что, благодаря е. в., который дал мне возможность жить достойно своим трудом, приносящим мне

[2] *а.* так как я служил до *б.* (я служил до

[3] *а.* счастье ‹?› *б.* судьба моей жизни

[4] И он осыпал меня уже столькими благодеяниями

[5] к которому, однако, моя преданность искреннее

[6] *а.* написанную в 1824 г. *б.* написанную в 1825 г. *в.* написанную в деревне

[7] *а.* я должен признаться *б.* я должен признаться Вашему превосходительству

[8] и тут я предпочел пожертвовать трагедией и тем дать слабое

[9] *а.* Перечитывая их *б.* Перечитывая места ‹?›

[10] *а.* за чувства *б.* за мысли

которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен[1] заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано всё сочинение. Без этого условия нет трагедии. [Его величество мог бы <?>] — Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений, но трагедия моя написана искренно[2] [и если я вполне согласен <?> выбросить то, что мне указывают,[3] когда это действительно требует поправок, то я по совести] не могу вычеркнуть того, что[4] мне представляется существенным[5] для смысла всего сочинения. — Я прекрасно понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным, но клянусь, что я говорю это от всей души [и я предпочитаю] — Впрочем, отмеченные места имеют характер чисто исторический, и их можно отыскать в подражаниях, напечатанных после того.

Нынешние обстоятельства вынуждают меня [это сделать]

Я не хотел до сего времени печатать свою трагедию, несмотря на все предложения[6] издателей. Я почитал за счастье [делать] приносить эту жертву высочайшей воле.

Итак я умоляю его величество развязать мне руки и дозволить напечатать мою трагедию [такою, как] в том виде, как я считаю нужным. Я даю ему слово быть цензором [гораздо более строгим чем тот] столь же строгим сколь и добросовестным <?>

Стр. 276, строка 16 — стр. 277, строка 1 и сл.

Я [покорнейше прошу вас] ваше превосходительство[7] еще раз простить мне мою докучливость.

Прадед[8] моей невесты[9] некогда получил разрешение поставить в своем имении Полотняный Завод памятник[10] императрице Екатерине Второй. Ее

---

1 Он не может

2 *а.* и я по совести не могу *б.* и если

3 готов признать то, что не может

4 что он

5 *а.* мне представляется необходимым *б.* мне представляется совершенно необходимым *в.* мне представляется точкой *г.* мне представляется существенным — и что

6 всё, что мне предлагали

7 *а.* Покорнейше прошу вас, ваше превосходительство, не сердиться на мою докучливость, на частые *б.* Покорнейше прошу вас, ваше превосходительство, не сердиться на мою докучливость, на частые просьбы *в.* Покорнейше прошу вас, ваше превосходительство, не сердиться и не возмущаться <?> *г.* Прошу прощения у вашего превосходительства за мою докучливость

8 *а.* Г *б.* Г-н Гончаров дед *в.* Г-н Гончаров прадед <?>

9 *а.* у которого дела сильно расстроены *б.* находится в очень расстроенных обстоятельствах *в.* очень расстроен в своих обстоятельствах

10 поставить памятник

колоссальная[1] статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине,[2] оказалась совершенно не удавшейся и уродливой[3] и так и не могла быть воздвигнута[4] — и [теперь] уже более 35 лет погребена в подвале дома. — Торговцы медью предлагали за нее 50 тысяч рублей. Но нынешний ее владелец, г-н Гончаров-отец, ни за что на это не соглашался.[5] Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил как памятью о благодеяниях великой государыни. — Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника, [что он собирался сделать[6] как только его обстоятельства, в настоящее время очень расстроенные, ему это позволят —]

Неожиданно решенный[7] брак его внучки застал его врасплох без всяких средств и кроме государя[8] разве только его покойная августейшая бабка[9] могла бы вывести нас из затруднения. [Он] Г-н Гончаров, хотя и неохотно, соглашается на продажу статуи,[10] но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня во-первых разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть — когда он того пожелает — памятник благодетельнице его семейства.

Стр. 277, строка 20 и сл.

Мне хотелось бы надеяться,[11] что это письмо уже не застанет вас в Заводе, [но я с наслаждением подчиняюсь вашим приказаниям] — итак я в Москве, — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня не хватило духу проехать по Никитской, еще менее — пойти узнать новости у Аграфены <?>. Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие, я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — [и] все мои страхи возобновляются[12] еще более сильные и мрачные. [Почем

---

[1] *а.* Этот памятник *б.* Он заказал отлить статую из бронзы — Но *в.* Он заказал отлить статую из бронзы — и *г.* Ее колоссальная статуя находится

[2] *а.* которую он выписал из Берлина *б.* которую он заказал в Берлине *в.* которую он заказал отлить в Берлине

[3] *а.* никогда не была *б.* совершенно не удалась и никакой

[4] она никогда не была воздвигнута

[5] *а.* Торговцы медью предлагали за нее нынешнему владельцу, г-ну Гончарову-отцу *б.* Торговцы медью предлагали за нее 50 тысяч рублей нынешнему владельцу, г-ну Гончарову-отцу, но он не хотел никогда на это согласиться из деликатности.

[6] на сооружение памятника, который он собирался поставить

[7] Довольно неожиданно решившийся

[8] кроме его величества

[9] его покойная бабка

[10] *а.* уступить статую *б.* продать статую

[11] *а.* Я надеялся *б.* Я хотел бы надеяться

[12] *а.* мои страхи и мои *б.* мои страхи становятся

я знаю? Мне] Я хотел бы надеяться и т. д. — я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас —

Стр. 278, строки 13—14.

Имею честь представить вам моего брата, который нашел вас [слишком хорошенькой женщиной] прелестной в своих собственных интересах.

Стр. 285, строки 9 и 10. — Фельетон. Театр.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПУШКИНА.

(Цифры обозначают номера писем).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ПУШКИНУ.

(Цифры обозначают номера писем).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Переписка 1828—1831

1829

СОДЕРЖАНИЕ

1830

Деловые бумаги

Приложения

Другие редакции и варианты

1828

1829

1830

1831

Деловые бумаги

Примечания

А.С.Пушкин
Полное собрание сочинений в 17 т.
Том 14

XIV том напечатан в 1941 году.
Текст воспроизведен по этому изданию.
Переиздание XIV тома осуществлено
газетно-журнальным объединением «Воскресенье» при участии ТОО «Евразия+».

Ответственные за переиздание тома:
В.Н.Бакланов, А.В.Белова, А.В.Быстров, С.В.Богачев,
П.О.Иванов, М.И.Никитин, Н.И.Мастерова, В.В.Милюков,
Г.В.Пряхин, Д.К.Соколова, Л.М.Ульянова, В.И.Филимонов,
Е.В.Шпикалова.
Переплет, факсимильные оригиналы рукописей
А.С.Пушкина подготовлены художником Н.Стольниковым.

Подписано к печати 04.07.1996.
Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная № 1.
36,125 п.л. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1844.
Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805 ГСП-47 г. Москва, ул.«Правды», 24.
ЛР №010193 от 19.02.1992.
Телефон для справок (095) 257-39-46
Факс (095) 257-33-12

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

ПРЕДЛАГАЕТ “ВОСКРЕСЕНЬЕ”

А.С.Пушкин. Полное академическое собрание сочинений в 24 томах. Вышло 17 книг. Издание завершается в 1997 году.

В.Дуров. “Ордена России”. Ордена и наградное оружие Российской империи с XVII века до 1917 г. Подарочный альбом на русском и английском языках.

С.Есенин. “Москва кабацкая”. Основные поэтические произведения великого русского поэта, архивные фотографии, часть которых публикуется впервые.

“На острове Буяне”. Прекрасно иллюстрированный сборник сказок и невероятных историй русских писателей XVIII-XX веков. Многие произведения предусмотрены школьной программой и рекомендованы для внеклассного чтения.

В.Максимов. “Ковчег для незваных”. Два романа известного русского писателя.

“Белый пароход”. Четыре повести о детстве классиков отечественной литературы Чингиза Айтматова и Веры Пановой, а также известных современных писателей Георгия Пряхина и Вацлава Михальского.

“Уноси мое сердце в звенящую даль...” 240 популярных русских и цыганских романсов с нотами и фотографиями известных исполнителей и композиторов.

М.Фомина. “Детство Ивана Грозного”. Повествование о первых годах жизни “предтечи Петра Великого”, построенное на основе русских летописей и других материалов отечественной историографии.

И.Жуков. “Рука судьбы”. Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве.

С.Чибиряев. “Сперанский”. Историческое повествование о русском реформаторе начала XIX в. Современные выводы о судьбе реформ в России.

Х.-К.Андерсен. “Русалочка”. Сборник сказок великого датского писателя.

“Кулинария”. Воспроизведение уникального издания 1955 г. 3000 рецептов, кухня народов бывшего СССР.

“Заздравная чаша”. Энциклопедическое издание о винах, водках, пиве, производимых в России и импортируемых из-за рубежа, изготовление вин в домашних условиях. Правила приема гостей, сервировки стола.

“Детское питание”. Иллюстрированная книга о том, как правильно кормить ребенка, чтобы вырастить его здоровым и крепким. Питание при аллергии и других заболеваниях.

Адрес газетно-журнального объединения “Воскресенье”:

125805, ГСП-47, Москва, ул. “Правды”, 24 (м.Савеловская)
Тел. 257-32-53, 257-30-53.
Факс (095) 257-33-12, 257-31-06.

Наш филиал:

ул.Селезневская, 13, стр. 3 (м.Новослободская)
Тел. 978-47-88.

Москвичи и гости столицы могут приобрести книги непосредственно в издательстве или его филиале, что обойдется значительно дешевле оформления заказа по почте.